«Политика США в отношении Югославии в 1943-1980 годах». Елена Космач. Минск. 2006 год, Издательство «Университетское».

ВВЕДЕНИЕ

Неоспоримым фактом последних десятилетий XX – начала XXI века является коренная трансформация мирового политического процесса и, в частности, системы международных отношений как совокупности политических, дипломатических, правовых, социально-экономических и иных взаимоотношений между основными субъектами данной системы. Падение Берлинской стены, дезинтеграция Советского Союза послужили отправными точками изменения биполярной системы международных отношений, сложившейся после окончания Второй мировой войны и построенной на противостоянии социалистического и капиталистического полюсов влияния. Несмотря на многочисленные явно позитивные последствия произошедших изменений (уход в прошлое идеологических и иных антагонизмов, выражавшихся, прежде всего, в военно-политическом противостоянии США и СССР, политические и, прежде всего, экономические интеграционные тенденции в Европе, Азии и Америке и др.), в силу несомненной сложности происходящего, нельзя придать подобным изменениям априорно положительный смысл. Внезапное изменение военно-политического паритета между США и СССР на рубеже 1980–1990-х годов привело к событиям и прогрессирующим тенденциям, которые вряд ли можно отнести к положительным последствиям происходящей трансформации.

С крушением восточного, союзного бывшему СССР, блока окончился полувековой период баланса сил на мировой арене. У оставшейся в «одиночестве» главной победительницы в «холодной войне» Америки появились беспрецедентные инструменты воздействия на мир, в котором ей уже не противостоял коммунистический блок. В настоящее время, в отсутствие какого бы то ни было цивилизованного международного консенсуса перед США открываются невероятные, немыслимые прежде фантастические материальные, политические и культурные возможности. Более того, у США имеется инструмент построения такого мира, в котором американское преобладание приобретает надежный фундамент. Речь идёт о демократических институтах, создающих достаточно прочную основу для продолжительного доминирования единственной сверхдержавы. Новый гегемон, знающий, что его доминирование, в конечном счете, преходяще, стремится замкнуть другие страны в систему ориентации на предсказуемую политику, которая понижает вероятность того, что несогласные с существующим порядком бросят вызов, не устраивающему их состоянию международных дел. В этих условиях искомым механизмом для США является распространение демократических институтов. Прозрачность демократических государств, вечная борьба системы «сдержек и противовесов» делают практически невероятным посягательство этих стран на статус-кво, вне зависимости от того, удобен, выгоден он ушедшим с капитанского мостика мирового развития или нет. Важно то, что эти идеи имеют глубокие корни в американском опыте, в американском понимании истории, экономики, источников порядка, которые носили и носят мессианский характер. Без ложного самоуничижения американские теоретики создают «неразделимую взаимосвязь» между демократической формой правления и стабильным порядком, основанным на гегемонии. Вот почему Соединенные Штаты были таким яростным экспортё-

ром демократии на протяжении прошедшего столетия – и особенно после окончания «холодной войны».

Отношение Америки к внешнему миру приобрело основную характеристику: Соединенным Штатам не следует отказываться от бремени всемирного могущества, им следует твердо и надолго взять на себя руководство хаотически развивающимся миром, навести имперский порядок, заставить отступить все силы, руководствующиеся иными ценностями. 21 сентября 1993 года советник по национальной безопасности президента Клинтона А. Лейк объявил, что наследницей стратегии сдерживания «должна стать в качестве главенствующей для США стратегия создания мирового сообщества рыночных демократий»[1]. Получил новое рождение силовой фактор, пользующийся рычагом демократических преобразований. Как формулирует английский политолог А. Ливен «комбинация экспансии американского геополитического влияния, поддержка военных интервенций и в высшей степени селективное продвижение демократических ценностей сделало Соединенные Штаты исключительно грозным противником любого государства, в котором они готовы увидеть соперника»[2]. На современном этапе, ведущие американские теоретики международных отношений признают, что «американские действия на внешней арене мотивируются не моральными ценностями, а материальными интересами, американская поддержка демократии является не «идеалистическим крестовым походом, а имеет материалистические цели»[3]. Таким образом, побудительным мотивом внешней политики США является и являлся в прошлом не моральный импульс распространения представительного правления, а «экономические императивы капиталистической элиты, которая желает консолидировать свою гегемонию над мировой экономикой. Не желая подвергать опасности неолиберальную экономическую глобализацию, американцы распространяют в менее развитых странах демократию низкой «интенсивности» (или «полиархию») посредством защиты сотрудничающих с Западом элит, формирование общественных институтов, которые обеспечивают молчание подчиненных классов и создают преграду на пути реформ, имеющих целью большую степень равенства[4]. В свое время Г. Киссинджер теоретически низвел все возможные миросистемы до трех: хаос, баланс сил и пирамида главенства одной державы. Таким образом, на современном этапе наступил этот «пирамидальный мир».

Возможно, один из лучших исследователей современной дипломатической истории Дж. Л. Геддис писал в этой связи, что «не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после Второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста»[5]. Консультант исследовательского центра «Рэнд Корпорэйшн» К. Лейн отмечал, что «Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после Второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый

---

[1] Brinkly D. The Clinton Doctrine // Foreign Policy. – 1996. – № 106. – P. 111–127.

[2] Lieven A. The Secret Policeman's Ball: the United States, Russia and International Order after 11 September // International Affairs. – 2002. – V. 78. – № 2. – P. 247.

[3] Cox M., Ikenberry J., Inogouchi T. American Democracy Promotion: Impulses, Strategies and Impacts. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 35.

[4] Patrick S. More Power to You: Strategic Restraint, Democracy Promotion and American Primacy // International Studies Review. – 2002. – Spring. – P. 122.

[5] Gaddis Y. L. The Tragedy of the Cold War History // Diplomatic History – 1993. – Winter. – P. 3–4.

Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях»[1].

Двумя самыми важными странами для Соединенных Штатов в XX веке были Германия и Япония. Именно останавливая их движение к мировому господству, Америка участвовала в двух мировых войнах. Соединенные Штаты использовали твердое основание – массовый страх перед Германией в Европе и перед Японией в Азии. Размышляя в здании американского посольства на Манежной площади, Дж. Кеннан, ведущий американский дипломат, пришел в конце 1945 года к выводу, «что нельзя допустить попадания в руки русских трех регионов Земли: Соединенного Королевства, долины Рейна и Японских островов»[2].

По существу, идеи Дж. Кеннана не являлись абсолютно новыми. Еще сразу после окончания Первой мировой войны английский геополитик Х. Маккиндер подчеркивал, что «тот, кто управляет Восточной Европой – командует и Россией, и Китаем, а также Ираном и Афганистаном: кто командует вышеуказанными территориями, тот управляет Евразией и Африкой, кто командует Евразией и Африкой, тот управляет миром»[3]. В гармонии с Маккиндером звучали слова американского геополитика Н. Спайкмана о том, что «тот, кто управляет Евразией – контролирует и судьбы всего мира»[4]. Как известно, после окончания Второй мировой войны, Центрально-Восточная Европа оказалась в значительной своей части в сфере влияния Советского Союза, после 1948 года, то есть после разрыва отношений с СССР, Югославия, занимавшая чрезвычайно важное геополитическое и стратегическое положение, была «использована» США для ослабления «зоны влияния» СССР.

Таким образом, установив контроль над важными для себя регионами, американцы методично довели дело до 1991 года. Главными вехами на этом пути были создание в 1944 году Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, «план Маршалла» и создание НАТО.

Безусловно, на наш взгляд, политика США являлась далеко не единственным фактором разрушения, социалистического лагеря, дезинтеграции СССР и Югославии; внутренние проблемы экономического, политического, социального, национального планов сыграли основную роль в изменении геополитической ситуации в Европе и мире в целом. Но, тем не менее, внешняя политика Соединенных Штатов в отношении стран Восточной Европы после окончания Второй мировой войны всегда имела одну определяющую цель: освобождение региона от влияния СССР и возвращение его на путь экономического, политического, идеологического плюрализма. Югославии же, как стране проводившей независимую внутреннюю и внешнюю политику после разрыва отношений с СССР, отводилась роль «клина», направленного на ослабление советского блока во главе с СССР[5].

Стратегия «вбивания клиньев» в коммунистический блок определялась как решающий и сравнительно новый аспект внешнеполитических подходов президентских администраций Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра, которые опирались на национализм, на

---

[1] Layne Ch. Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty–First Century? // World Policy Journal. – 1998. – Summer. – P. 9.

[2] Diebel T., Gaddis Y. Containing the Soviet Union. – Washington D.C., 1987. – P. 1.

[3] Spanier J. W. American Foreign Policy Since World War II. – New York: Frederick A. Praeger Publisher, 1961. – P. 1.

[4] Там же. – С. 1.

[5] Gaddis J. The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. – New York: Oxford University Press, 1987. – P. 152–194.

комбинацию давления со стороны США, а также на помощь с целью создания как можно больших разногласий между Советским Союзом и другими коммунистическими государствами.

В современных условиях политическая элита США зачастую использует весьма сходные методы для реализации своих внешнеполитических и геополитических целей, действуя, правда, уже в иных условиях: а именно – находясь в положении мирового лидера, чьи претензии на гегемонию уже, практически, никем не подвергается сомнению.

Учитывая все вышеуказанные обстоятельства, опираясь на сравнительно новую источниковую базу, охватывающую документы, целый ряд из которых вводится в научный оборот впервые, мы постарались исследовать основные направления внешней политики США в отношении Югославии в 1943–1980 годах.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации. В современных условиях обращение к теме внешней политики Соединенных Штатов Америки в отношении Югославии в 1943 – 1980 гг. представляется чрезвычайно актуальным, что объясняется целым рядом причин. И прежде всего тем, что в отечественной исторической науке отсутствуют исследования, посвященные вышеуказанной проблеме и основанные на документальном материале, который позволял бы в полной мере воссоздать картину принятия внешнеполитических решений США в отношении Югославии.

Изучение американо-югославских отношений дает возможность проанализировать факторы, оказывавшие влияние на формирование тех или иных шагов американских администраций в данном регионе и последствия определенных действий США и других стран Запада на Балканах. Внешняя политика любой страны, в том числе и Соединенных Штатов, представляет собой конкретное, практическое воплощение министерством иностранных дел (или соответствующим ему внешнеполитическим ведомством) основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках более широких структур и призванных отражать его национальные и геополитические интересы.

Вышеобозначенная мотивировка действий США на международной арене сыграла огромную роль в отношении стран Восточной Европы, и особенно Югославии в период «холодной войны». Подобные акценты используются и в настоящее время администрацией США в ее стремлении проводить империалистическую политику в различных регионах мира, обосновывая ее национальными интересами и укреплением безопасности США уже в новых условиях, а именно, ведя борьбу с международным терроризмом.

В рассматриваемый в диссертации период были заложены основы политических, экономических, национальных проблем в Югославии, которые в конечном итоге и привели к распаду этого балканского государства. Отношение правительственных кругов США к зарождавшимся дезинтеграционным тенденциям позволяет понять проводившуюся Америкой политику в ходе кризиса на Балканах в начале 1990-х гг., приведшего к изменению геополитической ситуации в Европе и в мире в целом.

Связь работы с крупными научными программами, темами. Тема диссертационного исследования утверждена Советом Белорусского государственного университета имени М.Танка 27 июня 2002 г, протокол № 11. Хронологическая корректировка темы утверждена Советом УО «БГПУ имени М.Танка» (Протокол № 2 от 30 сентября 2004 г.). Проблематика исследования тесно связана с научной деятельностью кафедры новой и новейшей истории БГПУ имени М. Танка и кафедрой истории нового и новейшего времени БГУ, а также плановой научно-исследовательской работой кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ. Тема исследования выполнялась в рамках Государственной программы комплексных научных исследований «История и культура».

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является системный анализ внешней политики США в отношении Югославии в 1943 – 1980 гг., включая движущие силы и механизм этой политики, ее специфику и общие закономерности. Для достижения поставленной цели автором определены следующие задачи:

– исследовать роль и место Центрально-Восточной Европы во внешнеполитической стратегии Вашингтона на заключительном этапе и в первые годы после окончания Второй мировой войны;

– проследить эволюцию внешнеполитических подходов американских администраций к странам Центрально-Восточной Европы в 50 – 70-х годах XX в. и проанализировать основные причины их изменений;

– рассмотреть особенности геополитического и стратегического положения Югославии, что в значительной мере определило «особое» отношение Соединенных Штатов Америки к этой балканской стране;

– охарактеризовать последствия советско-югославского конфликта 1948 г., а также влияния разрыва отношений между Югославией и СССР и союзными с ним государствами на выработку основных внешнеполитических подходов США к югославскому государству;

– показать внутреннюю борьбу в правящих кругах США по проблемам формирования основных направлений американской политики в отношении Югославии, а также рассмотреть зависимость американо-югославских отношений от состояния связей СССР и Югославии;

– осуществить периодизацию внешней политики США в отношении Югославии на протяжении 50 – 70-х годов XX в.

Хронологические рамки исследования. Выбор хронологических рамок предлагаемой диссертационной работы определялся следующими доводами.

Прежде всего тем, что с 1943 г. США начинают проявлять интерес к Балканам и к Югославии, что во многом было обусловлено развитием событий в ходе Второй мировой войны, а именно решением союзников открыть второй фронт в Северо-Восточной Франции.

В 1980 г. умер глава югославского государства И. Б. Тито, олицетворявший для внешнеполитической элиты США независимый курс Югославии, который в полной мере отвечал стратегическим интересам Америки в данном регионе мира. После смерти Тито в истории Югославии открылась новая страница. Дезинтеграционные тенденции, зародившиеся еще при жизни югославского лидера, стали проявляться отчетливей, что и привело в конечном итоге к краху единого государства в начале 90-х годов XX в. В нашей работе мы рассматривали политику США в отношении единой, независимой Югославии, которая являлась, по мнению американской внешнеполитической элиты, фактором стабильности и сохранения геополитического и стратегического баланса сил на Балканах.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является политика Соединенных Штатов Америки в Европе в новейшее время. Предметом исследования – специфика внешнеполитического курса США по отношению к Югославии в 1943 – 1980 гг.

Гипотеза. Политика США в отношении Югославии в 1943 – 1980 гг.осуществлялась в рамках более широкого противостояния по линии Восток – Запад. Основной целью внешнеполитических подходов элиты США в отношении стран Центрально-Восточной Европы являлось «избавление» региона от доминирования СССР и вовлечение его в орбиту влияния западной цивилизации. Югославия, занимавшая особое положение в системе международных отношений рассматриваемого периода, «использовалась» американской администрацией для достижения поставленной цели. Важное геополитическое и стратегическое положение Югославии на

Балканах определило особый интерес США к политическому курсу данного государства. Независимое, целостное, экономически сильное югославское государство выступало, с точки зрения американской внешнеполитической элиты, главным фактором стабильности на Балканах, и способствовало сохранению баланса сил между двумя военно-политическими блоками государств в этом стратегически важном регионе мира.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертации являются научные принципы объективности и историзма, системного и всестороннего подхода к рассматриваемым вопросам. Объективность данного исследования основывается на анализе широкого круга архивных материалов и других документальных источников; всестороннем изучении предмета исследования с целью выявления его сущности и разнообразных связей с другими объектами; сопоставлении полученных результатов с данными других исследователей в рассматриваемой области исторической науки.

Исходя из принципа историзма, исследование проблемы внешней политики США диссертантом осуществлялось в реконструктивном и ретроспективном планах. Основные аспекты проблемы изучались от их генезиса до определенного завершения, что иногда заставляло исследователя выходить за рамки заявленной хронологии. При этом внешняя политика США в отношении Югославии исследовалось во взаимодействии и взаимообусловленности с другими процессами, имевшими место в мировом сообществе в рассматриваемый период.

Практическим инструментарием при проведении исследования явились как общенаучные методы (синтеза и анализа, индукции и дедукции, моделирования, перехода от конкретного к абстрактному и наоборот, системно-структурного анализа и др.), так и традиционные конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный).

Вышеуказанные методы использовались комплексно, с учетом их специфики. Историко-генетический метод позволил показать основные направления изменений в концептуальных подходах администраций США в отношении стран Центрально-Восточной Европы в целом и Югославии, в частности, на протяжении рассматриваемого периода.

Историко-сравнительный метод реализовывался через сопоставление различных точек зрения на основные подходы к осуществлению внешней политики США в отношении Югославии в 1943 – 1980 гг. Историко-системный метод позволил диссертанту исследовать политику США в отношении Югославии как один из элементов системы международных отношений, сложившейся после окончания Второй мировой войны.

Кроме того, в исследовании использовались историко-описательный и политико-описательный методы, которые нельзя недооценивать при изучении истории дипломатии, международных отношений и внешней политики отдельных государств, разнообразных явлений и процессов текущей международной жизни. Оба описательных метода позволяют выявить первичную фактологическую информацию, лишь на основании которой возможны все последующие теоретические построения. Полнота и качество такой информации имеют решающее значение для всестороннего анализа и интерпретаций.

Научная новизна и значимость полученных результатов. Анализ оригинальных источников и обширного материала белорусской, российской и англо-

американской историографии позволил осуществить системное и комплексное исследование проблемы, практически не изученной ранее и представленной в историографии лишь отдельными фрагментами.

В соответствии с целевой установкой и поставленными задачами в диссертационной работе определены этапы становления и развития внешнеполитических подходов США к Югославии как части системы международных отношений, сложившейся после окончания Второй мировой войны; изучены основные факторы, оказавшие влияние на формирование балканской политики США; проанализирован механизм принятия политических решений как американскими президентами, так и Конгрессом США в отношении Югославии; исследованы изменения в подходах республиканских и демократических администраций. Автором сделан вывод о преемственности в проведении особого внешнеполитического курса в отношении Югославии администрациями США, который во многом был обусловлен независимой позицией балканского государства на международной арене.

Диссертант всесторонне проанализировал концептуальные основы внешнеполитических действий США в целом, а также место и роль различных видов помощи в этом процессе другим государствам со стороны США, что представляется чрезвычайно актуальным в современных международных условиях.

В научный оборот введен уникальный документальный материал, почерпнутый из Национального архива США и именных президентских библиотек, что позволило всесторонне проанализировать механизм принятия внешнеполитических решений элитой североамериканского государства. Впервые в отечественной исторической науке использовались документы Центрального разведывательного управления США, которое, как известно, оказывало большое влияние на принятие и осуществление тех или иных внешнеполитических решений президентских администраций.

Практическая значимость полученных результатов. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при разработке курсов по новейшей истории стран Европы и Америки, южных и западных славян, истории международных отношений, специальных исторических дисциплин, спецкурсов для студентов исторических факультетов, при подготовке учебников и учебных пособий по названным дисциплинам, а также монографий и справочно-информационных изданий. Результаты исследования будут способствовать выработке подходов к изучению англо-американского сообщества как особого историко-культурного феномена. Материалы исследования могут быть использованы внешнеполитическими ведомствами Республики Беларусь.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Как и в первые годы после окончания Второй мировой войны, так и на протяжении 60 – 70-х годов XX в. три основных фактора определяли внешнеполитические подходы США к странам Центрально-Восточной Европы, а именно: важное геополитическое и стратегическое значение этих государств в глобальной конфронтации двух сверхдержав; влияние эмиграции из Восточной Европы в США на процесс принятия политических решений; традиционная приверженность идеям национального самоопределения и индивидуальных прав и свобод, которые, по мнению американской политической элиты, грубо нарушались в странах советского блока.

2. В результате окончания Второй мировой войны руководство США отошло от политики «изоляционизма», и Соединенные Штаты превратились в мощный субъект международных отношений, чьи интересы сталкивались с интересами другой сверх-

державы – СССР. Две сверхдержавы были заинтересованы в богатых природных ресурсах и выгодном стратегическом положении балканских государств, в том числе и Югославии, являвшихся мостом в страны Ближнего и Среднего Востока. При этом обе стороны стремились использовать ослабление традиционного влияния Великобритании в этом регионе. Данные обстоятельства сыграли не последнюю роль в зарождавшейся уже в конце войны конфронтации между СССР и США и вовлекавшей в свою орбиту балканские государства, и прежде всего Югославию, на чьей территории традиционно скрещивались различные цивилизационные влияния, представлявшие Восток и Запад.

3. В первые годы после окончания Второй мировой войны, а именно до советско-югославского конфликта 1948 г., США основывали свою политику в отношении Югославии на императиве сопротивления коммунистической «экспансии» стран советского блока. Сомнения правительства США по поводу эффективности сотрудничества с коммунистическими государствами усугублялись претензиями Югославии в отношении Триеста, ее помощью греческим партизанам, что, в конечном итоге, привело администрацию Трумэна и режим Тито к открытой конфронтации и конфликту.

4. Конфликт между СССР и Югославией, имевший место в 1948 г., предоставил администрации Трумэна первую возможность нарушить единство советского блока. К 1949 г. США расширили поддержку И. Б. Тито и даже обсуждали вопрос об оказании ему военной помощи, несмотря на коммунистический характер социально-политического строя в Югославии. Администрация Трумэна взяла на вооружение «стратегию вбивания клиньев», которая была обусловлена осознанием того, что конфликт Тито – Сталин означал уменьшение влияния СССР и давал американцам определенные надежды на то, что государства, принадлежавшие к советскому блоку, способны сопротивляться доминированию СССР при оказании им соответствующей западной помощи. Такое развитие вполне отвечало геополитическим интересам США.

5. «Стратегия вбивания клиньев», впервые использованная Г. Трумэном в отношении Югославии для ослабления советского блока, оказалась эффективной в процессе двусторонних американо-югославских связей. И. Б. Тито умело лавировал между Востоком и Западом, не давая себя втянуть ни в один из военно-политических блоков, что было обусловлено его независимой позицией и лидерством в Движении Неприсоединения. Уже само существование широкого диалога между Югославией и США в разгар «холодной войны» и конфликта в Корее демонстрировало способность обеих стран основывать свою внешнюю политику на соображениях «национальной безопасности» гораздо в большей степени, чем на идеологических императивах.

6. Преемственность в отношении поддержки «независимого» курса югославского государства была характерной чертой как республиканских, так и демократических президентских администраций США на протяжении всего рассматриваемого периода. Что же касается позиции Конгресса США, то, как правило, его члены чрезвычайно негативно относились к проблеме оказания экономической и военной помощи югославскому государству, которое являлось коммунистическим по своей природе. Президентам США стоило немалых трудов убедить их в необходимости выделения средств для поддержки режима И. Б. Тито с целью ослабления советского блока и продвижения интересов США.

7. Советский Союз после урегулирования конфликта 1948 г. с Югославией, бесспорно, влиял на состояние американо-югославских отношений, которые с 1955 г. стали носить волнообразный характер. Улучшение отношений между Югославией и

СССР незамедлительно вело к «охлаждению» отношений между Югославией и США, что отражалось на американских программах помощи югославской стороне.

8. Выделяя экономическую помощь Югославии, США действовали по трем направлениям:

– влияние на так называемые «западные» международные организации с целью принятия Югославии в их члены (МВФ, МБРР, ГАТТ);

– стимулирование проведения экономических реформ в Югославии, направленных как на экономическую, так и на политическую либерализацию;

– ориентация американских бизнес-кругов на ознакомление югославов с передовыми технологиями в области промышленности.

9. Поддержка США Югославии на протяжении 60 – 70-х годов XX в. определялась по-прежнему важным геополитическим положением этого балканского государства, независимый внешнеполитический курс которого содействовал в определенной степени сохранению баланс сил и равновесия между двумя блоками государств в Средиземноморье, Адриатике и на Ближнем Востоке. С началом периода разрядки по линии отношений Восток – Запад США продолжали свою политику поддержки целостной, независимой, «неприсоединившейся», экономически сильной Югославии, которая, по мнению политических элит США, выступала гарантом мира, стабильности и баланса сил в важном со стратегической точки зрения регионе мира.

10. Политика США в отношении Югославии в 1943 – 1980 гг. характеризуется следующими основными этапами: 1945 – 1948 гг. – нахождение Югославии целиком в орбите советского влияния, что обусловило формирование напряженных и временами враждебных отношений между США и этой балканской страной; 1948–1951 гг. – «изоляция» Югославии на международной арене в результате советско-югославского конфликта 1948 г.; 1951 – 1954 гг. – формирование «особых» отношений между США и Югославией, обусловленных геополитическими интересами Америки; 1955 – 1971 гг. – период нормализации контактов Югославии с СССР, на протяжении которого югославо-американские отношения носили «волнообразный» характер приливов и отливов, причем США стремились «не допустить» полного возвращения балканской страны в советский блок; 1971 – 1980 гг.– расширение политических, экономических, культурных связей США и Югославии, обусловленных «особым отношением» Америки к Югославии, базировавшимся на желании США сохранить баланс между Востоком и Западом в важном со стратегической точки зрения регионе мира.

Личный вклад соискателя. Диссертация представляет собой самостоятельную научную работу и является итогом исследований, проведенных лично соискателем в период пребывания в докторантуре БГПУ имени М.Танка. Диссертант проанализировал широкий круг источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Апробация результатов диссертации. Материалы диссертации были доведены до сведения научного сообщества и прошли апробацию в ходе Республиканской конференции «Исторические корни конфликта на Балканах (Минск, Белорусский государственный экономический университет, март, 2000 г.); Конференции Американской ассоциации историков-славистов в г. Питтсбург (США) (ноябрь 2002 г.); Республиканской конференции «Славянский мир: прошлое и настоящее» (Минск, БГПУ имени М. Танка, 2004 г.). Материалы диссертации были использованы для чтения курсов

лекций по новейшей истории южных и западных славян на историческом факультете БГПУ имени М. Танка.

Опубликованность результатов. По теме исследования имеется 24 научные работы, в том числе 1 монография и 18 статей в рецензируемых журналах, включенных в список научных изданий ВАК. Общий объем публикаций составляет 340 страниц.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, общей характеристики, основной части, которая включает 5 глав, заключения, списка использованных источников, приложений. Полный объем диссертации составляет 237 страниц. Список использованных источников включает 568 наименований.

ГЛАВА 1.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Историографический анализ проблемы

В настоящее время, ни в отечественной, ни в англо-американской исторической науке нет исследования, которое бы комплексно и системно освещало различные аспекты внешней политики США в отношении Югославии в 1943–1980 гг.

Историографический обзор литературы по теме диссертационного исследования включает в себя несколько блоков, позволяющих всесторонне представить развитие исторической мысли, а также основные методологические подходы к рассмотрению внешней политики США в отношении Югославии в 40–80-е годы XX века.

Первый историографический блок включает в себя литературу по проблеме возникновения «холодной войны», а также месте и роли Центрально-Восточной Европы в развитии противостояния двух сверхдержав после окончания Второй мировой войны.

Следует подчеркнуть, что политика США в отношении Югославии в значительной мере определялась борьбой по линии Восток – Запад, и, таким образом, обращение к литературе по теме возникновения и формирования основных подходов «холодной войны» представляется вполне оправданным.

Ни в коей мере не умаляя заслуг отечественных историков, следует отметить значительные достижения англо-американской историографии в рассмотрении проблем генезиса «холодной войны». Характерно, что «холодная война» породила своего рода «борьбу концепций» историков, прежде всего по вопросу: чья же вина более значительна – США или Советского Союза – в развитии глобального противостояния двух держав, а также, был ли этот процесс неизбежным?

Интересно, но наиболее известные государственные деятели Запада, такие как: У. Черчилль, Г. Трумэн, Дж. Бирнс, К. Галл, Д. Ачесон и ряд других, положили начало так называемому «традиционному» или «ортодоксальному» направлению в историографии генезиса «холодной войны», главная идея которого состояла в том, что Советский Союз виновен больше, чем какая-либо другая страна в ее возникновении[1]. «Традиционная» интерпретация была дана Дж. Кеннаном в его знаменитой «Длинной телеграмме» от 22 февраля 1946 года, а также в статье «Источники советского поведения», опубликованной в июле 1947 года в журнале «Foreign Affairs»[2]. «Ортодоксальная» точка зрения получила дальнейшее развитие в академических работах, под-

[1] Churchill W. The Second World War. – Boston: Houghton Mifflin, 1948–1953, 6 vols.; Truman H. Memoirs. – Garden City, New York: Doubleday, 1955–1956, 2 vols.; Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. 2. – New York: Macmillan, 1948; Stettinius Ed. Jr. Roosevelt and the Russians. – Garden City, New York: Doubleday, 1949; Byrnes J. Speaking Frankly. – New York: Harper, 1947; Acheson D. Present at the Creation. – New York: Norton, 1969; Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. – New York: Norton, 1969; Kennan G. Memoirs. 1925–1950. – Boston: Little, Brown, 1965; Eden Ant. The Memoirs of Anthony Eden. – Boston: Houghton Mifflin, 1965.

[2] Mr. X. «The Sources of Soviet Conduct» // Foreign Affairs. – 1947. – № 4. – P. 580–581.

готовленных такими авторами, как: Г. Фейс и У. Макнейл[1]. Согласно оценкам вышеуказанных авторов, источники «холодной войны» коренились в самом марксизме-ленинизме с его идеями классовой борьбы и мировой революции, что привело к «экспансии» Советского Союза в Центрально-Восточную Европу и, таким образом, «деление» континента на блоки становилось неизбежным, поскольку СССР отвергал все формы сотрудничества. В этих условиях единственным «выходом» для США явилась политика «сдерживания» экспансии коммунизма, а также экономического возрождения стран Европы, получившая название «плана Маршалла».

Впоследствии, «традиционная» или «ортодоксальная» точка зрения на возникновение «холодной войны» перестала быть доминирующей и стала «сосуществовать» с так называемой «ревизионистской», основная идея которой состояла в том, что на США лежит главное бремя за развязывание глобального противостояния двух сверхдержав. «Ревизионистские» взгляды стали развиваться достаточно быстро в 60–70-х годах XX века как проявление реакции на войну во Вьетнаме и как усиление критики внешнеполитических подходов администраций Л. Джонсона и Р. Никсона. Наиболее известными и значимыми представителями вышеуказанного направления являлись Г. Колко, Г. Альперович, Л. Гарднер, Т. Паттерсон, У. Лафебер, Д. Горовиц, Д. Флеминг, Б. Бернштейн[2].

На взгляд «ревизионистов», причины конфронтации двух сверхдержав коренились в политической и экономической системе США, которая изначально была ориентирована на экономическую и, как результат, политическую экспансию.

Так называемая политика «открытых дверей» требовала предоставления Америке «равных возможностей» на мировых рынках, ликвидации таможенных барьеров и торговых преференций. Таким образом, целью «американского мира» являлось расширение мощи США в масштабах земного шара. Согласно взглядам ревизионистов, решающим фактором, приведшим Америку к войне с Германией и Японией, было желание поддерживать и расширять, где только возможно, долю США в мировой экономике, поскольку Германия и Япония были заняты созданием собственных империй-автаркий. Та же самая политика велась американскими политическими кругами в отношении Великобритании, которая в результате переговоров по ленд-лизу, созданию Всемирного банка и Международного валютного фонда, предоставлению ей займа Америкой в ноябре 1945 года, должна была «открыть» свои традиционные рынки для конкуренции с США. Что же касалось американо-советских связей и соперничества с СССР по поводу судеб Восточной и Юго-Восточной Европы, то эти территории, согласно взглядам ревизионистов, стали значимы для США лишь в течение и после 1945 года, поскольку сохранялась возможность проводить там экономи-

---

[1] Feis H. The Atomic Bomb and the End of World War. – Princeton: Princeton University Press, 1966; Between War and Peace: The Potsdam Conference. – Princeton: Princeton University Press, 1960; Churchill, Roosevelt, Stalin. – Princeton: Princeton University Press, 1957; From Trust to Terror: The Onset of the Cold War. – New York: Norton, 1970. Mc. Neil, W. America, Britain and Russia: Their Cooperation and Conflict, 1941–1946. – New York: Oxford University Press, 1953.

[2] Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam: The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. – New York: Vintage Books, 1965; Bernstein B. Politics and Policies of the Truman Administration. – Chicago: Quadrangle Books, 1970; Fleming D. The Cold War and its Origins, 1917–1960, 2 vols. – Garden City, New York: Doubleday, 1961; Gardner L. Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941–1949. – Chicago: Quadrangle Books, 1970; Horowitz D. The Free World Colossus. – New York: Hill and Wang, 1965; Kolko J. and G. The Limits of Power. – New York: Harper and Row, 1972: Lafeber W. America – Russia and The Cold War. 1945–2002. – New York: Mc. Graw–Hill, 2002; Paterson Th. Cold War Critics: Alternatives to American Foreign Policy in the Truman Administration. – Chicago: Quadrangle Books, 1970.

ческую политику «открытых дверей» и как результат расширять политическое влияние Америки в данном регионе. Советское руководство, таким образом, не могло терпеть угрозы своей национальной безопасности в Восточной и Юго-Восточной Европе, поскольку очень часто расширение американского торгового влияния и инвестиций сопровождалось воинствующим антикоммунизмом, что нашло свое выражение в «доктрине Трумэна» и «плане Маршалла».

В последние десятилетия XX века две вышеуказанные исторические школы были дополнены третьей, так называемой «постревизионистской», представители которой были, как правило, моложе по возрасту и не являлись эмоционально вовлеченными в события периода «холодной войны».

«Постревизионисты» заимствовали в своих работах лучшее из обоих подходов и, таким образом, в результате их произведения представляют собой синтез «традиционной» и «ревизионистской» школ, подкрепленный новыми документами и интересными выводами[1]. Представители постревизионистской школы, с одной стороны, стараются избежать крайностей и излишней «идеологизации» ревизионистского подхода; с другой – стремятся критиковать стереотипы традиционалистов. На их взгляд, традиционалисты придерживаются слишком правых взглядов, ревизионисты – слишком левых и, таким образом, истина находится посередине. «Слабости» ревизионистского и ортодоксального подходов очевидны: первый абсолютно игнорирует «поведение» Советского Союза, которое дало толчок определенным проявлениям американского экспансионизма; второй не принимает в расчет законные интересы «национальной безопасности» СССР. Характерно, что ни представители ревизионистского, ни традиционного подходов не имели доступа к советским документам по данной проблеме.

Таким образом, «постревизионистские» работы предлагают более всесторонний критический анализ событий начала «холодной войны».

Что же касается работ русскоязычных историков по проблеме возникновения «холодной войны» и роли Восточной Европы в данном процессе, то, прежде всего хотелось бы отметить исследования, подготовленные сотрудниками Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук, такие как «Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории» Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носковой, Т. А. Покиваловой,[2] в которых даются подробные характеристики политических процессов, приведших в конечном итоге к установлению режимов советского образца в вышеуказанных странах; двухтомный сборник «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953», который позволил по-новому рассмотреть события заключительного этапа Второй мировой войны в данном регионе с привлечением документальных материа-

---

[1] Gaddis J. The United States and the Origins of the Cold War. – New York: Columbia University Press, 1972; Etheridge D.L. The Cold War Begins: Soviet–American Conflict over Eastern Europe. – Princeton: Princeton University Press, 1974; Sherwin M. J. A World Destroyed: The Atomic Bomb and The Grand Alliance. – New York: Knopf, 1975; Lundestad G. The American Non-Policy towards Eastern Europe, 1943–1947: Universalism in an Area Not of Essential Interest to the United States. – Tromso, Norway: Universitetsforlaget, 1978; Yergin D. Shattered Peace: the Origins of the Cold War and the National Security State. – Boston: Houghton Mifflin, 1977; Mastny V. Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare and the Politics of Communism, 1941–1945. – New York: Columbia University Press, 1978; Herring G. Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. – New York: Columbia University Press, 1973; Leffler M.A. Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration and the Cold War. – Stanford: Stanford University Press, 1992.

[2] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивалова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. – М.: Росспэн, 2002.

лов, впервые введенных в научный оборот[1]; двухтомное собрание документов «Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 », при помощи которого можно было проследить основные направления влияния руководства СССР и лично Сталина на политические преобразования в странах Центрально-Восточной Европы[2].

Чрезвычайно полезными для автора являлись работа «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.»[3], а также сборник статей «Советская внешняя политика в годы «холодной войны». 1945–1995 гг. Новое прочтение»[4], в которых на основе нового документального материала освещаются события кануна Второй мировой войны в Восточной Европе, а также, используя иные методологические подходы, рассматриваются ключевые события «холодной войны».

Совершенно новой и чрезвычайно интересной работой по проблеме роли Восточной Европы в возникновении «холодной войны» можно назвать исследование А. И. Уткина «Мировая «холодная война», в которой на основе отечественных и американских источников прослеживается возникновение противостояния бывших союзников по антигитлеровской коалиции, анализируются цели сторон и подчеркивается, что «холодная война» явилась величайшей трагедией XX века[5].

Следующим важнейшим историографическим блоком по теме диссертационного исследования являются работы российских и англо-американских историков по общим проблемам внешней политики США.

Определенную ценность для исследователя представляет работа «Американская историография внешней политики США. 1945–1970»[6],вышедшая в 1972 году в издательстве «Наука» под общей редакцией Г. Н. Севостьянова, в которой дается характеристика основных направлений внешнеполитических теорий США, в частности, идей «политического реализма», которые, на наш взгляд, сыграли очень важную роль в выработке теоретических подходов американской политики в отношении Восточной Европы, в целом, и Югославии, в частности, на рассматриваемом этапе.

Кроме того, необходимо остановиться на работах, посвященных общим вопросам, проблемам и теории современных международных отношений, которые можно использовать в виде теоретической основы для анализа внешней политики США. В этой связи стоит выделить работы следующих авторов: В. Ананичука и Б. Путилина[7], В. Гантман[8], Н. Косолапова[9], И. Жинкиной[1], А. Касаткина[2], М. Лебедевой[3], А. Макарычева[4].

---

[1] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Ред. кол. Т. В. Волокитина, Т. М. Исламов, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Л. А. Роговая. – Москва – Новосибирск: Сибирский хронограф, Российская АН, Ин-т славяноведения, 1998.

[2] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953.: В 2 т. / Ред. кол. Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. В. Царевская: В 2 т. – М.: Росспэн, 1999.

[3] Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 / Ответственные редакторы В. К. Волков, Л. Я. Гибианский – М.: Индрик, 1999.

[4] Советская внешняя политика в годы «холодной войны». 1945–1995 гг. Новое прочтение / Ответственный редактор Л. Н. Нежинский— М.: Международные отношения, 1995.

[5] Уткин А.И. Мировая «холодная война». – М.: Изд-во ЭКСМО, Изд-во Алгоритм, 2005.

[6] Американская историография внешней политики США. 1945–1970 / Под общей ред. Р. Н. Севостьянова. – М.: Наука, 1972.

[7] Ананичук В.Я., Путилин Б.Г. Система обеспечения национальной безопасности (на примере США). – М., 1998.

[8] Гантман В.И. Международные конфликты современности. – М., 1983.

[9] Косолапов Н. Международная безопасность и глобальный политический процесс // Мировая экономика и международные отношения. – 1992. – № 3.

Вышеуказанные авторы обращают внимание на теоретические слагаемые политического курса государств и, в особенности, к категориям национальной безопасности и национального интереса, как краеугольного камня внешней политики любого члена международного сообщества (И. Ю. Жинкина). Проблемы формирования внешней политики и ее возможное осмысление нашли отражение в работе «Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств»[5], вышедшей в начале 80-х годов XX века и являющейся до сих пор одним из фундаментальных трудов в области анализа внешней политики.

Однако только по прошествии времени, избавившись от идеологических стереотипов, отечественные исследователи более плодотворно смогли подойти к теоретическому осмыслению такого сложного феномена, как внешняя политика. Наиболее интересную работу в этом направлении ведет Н. Косолапов, предложивший рассматривать феномен внешней политики через три качественно разных уровня осмысления: внешней политики как явления; внешней политики конкретного государства в определенных условиях в заданный промежуток времени; внешней политики как процесса ее формирования и осуществления.

Что же касается англо-американской историографии общих проблем внешней политики США, то хотелось бы остановиться на школе так называемого «политического реализма», основными представителями которой являлись уже упомянутый в данном исследовании Дж. Кеннан, а также Р. Нибур, Г. Моргентау, У. Липпман. «Реалисты» вынуждены были признать, что рано или поздно американская империя, такая, какой она сложилась после Второй мировой войны, придет в упадок и погибнет. «Реалисты» особенно опасались окончательного краха империи в условиях, когда американский народ и его правительство глубоко прониклись принципами Вудро Вильсона: верой в исключительное место и роль американцев в истории, якобы воплощающих тот тип демократии, которому должны следовать все другие народы, и уверенностью в том, что насаждение этой демократии для их собственного блага не может ограничиваться какими-либо территориальными рамками или же оспариваться в идеологическом плане. Р. Нибур, Дж. Кеннан, У. Липпман, Г. Моргентау и их последователи не прибегали к какой-либо претендующей на универсальность политической идеологии, будь то идеология вильсоновская или марксистская. В то же время они верили, что применение США военной и экономической силы имеет благотворные последствия, если эта сила применяется избирательно, в особенности в Европе и в Японии, – остальной мир, главным образом, выходящие на политическую арену народы Африки, Азии и Латинской Америки, еще не достигли той стадии промышленного развития, чтобы обратить на себя внимание «реалистов». Книги Дж. Кеннана «Американская дипломатия, 1900–1950»[6], которая до сих пор рекомендуется во мно-

---

[1] Жинкина И.Ю. Стабильность международных отношений как фактор национальной безопасности // США: экономика, политика, идеология. – 1994. – № 3; Жинкина И. Ю. О понятии «безопасность государства» // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 9.

[2] Касаткин А.В. Приоритеты и другие слагаемые политического курса // Международная жизнь. – 1994. – № 10.

[3] Лебедева М. Международные процессы // Международные отношения: социологические подходы / Рук. авт. колл. проф. П. А. Цыганков. – М., 1998.

[4] Макарычев А.С. Система внешнеполитического планирования и анализа: опыт США 70–90 гг. // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – №. 12.

[5] Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств / Под ред. В. И. Гантмана. – М., 1981.

[6] Kennan G. American Diplomacy, 1900–1950. – Chicago, 1951.

гих колледжах США для обязательного чтения, и Г. Моргентау «В защиту национального интереса» (1952 г.)[1] – наиболее известные и важные работы «реалистической школы».

Согласно идеям Г. Моргентау, самым главным «решением» для успешной внешней политики США должно быть «соблюдение национального интереса», причем обоснованного рационально, а не базирующегося на моральных соображениях. В 1951 году Г. Моргентау определил главный национальный интерес США как восстановление и поддержание баланса сил в мире, который включал бы «стабильные линии демаркации», разделяющие две сверхдержавы. Военная мощь США была чрезвычайно важным аргументом, согласно идеям Г. Моргентау, в соперничестве Америки и СССР. По его мнению, ничего, кроме потенциала силы, не могло бы остановить Советский Союз. В этих условиях одной из главных забот внешней политики США было наращивание военной мощи[2].

В промежутке между 1959 и серединой 60-х годов начался новый период в развитии историографии внешней политики США. Постепенно вместе с работами «реалистов» стали появляться «ревизионистские» исследования, среди которых одной из наиболее значительных являлась «Трагедия американской дипломатии» У. Уильямса[3].

Как и в «ревизионистских» произведениях по проблематике «холодной войны», «ревизионисты» внешней политики США оспаривали основные идеологические постулаты «реалистической школы». Монография У. Уильямса, как отметил известный и явно неревизионистский историк Брэдфорд Перкинс, настолько изменила подход к написанию дипломатической истории США, что в дальнейшем все наиболее значительные работы в данной области во многом строились по принципу диалога с публикацией Уильямса. Она положила начало новым работам в области внешней политики США, проводимым такими авторами, как Т. Маккормик, Р. Рэдош, а также уже упоминавшимися в данном исследовании Б. Бернштейн, Г. Колко[4].

В целом, для «ревизионистских» исследований в области внешней политики США характерны некоторые общие черты. В них вновь, в отличие от более ранних работ, в особенности «реалистов», существенное значение придавалось экономическим факторам («реалисты» же вообще сбрасывали их со счетов). Однако, как отмечал Т. Маккормик, «ревизионизм никогда не претендовал на то, чтобы быть однопричинным материализмом… В центре его концепции всегда был конфликт между общественным долгом и извлечением прибыли… Меньший акцент делался на нужды капиталистической системы, нежели на сами личности, ключевые фигуры капиталистического общества, их сложное мировоззрение и свободу действовать в соответствии со своими взглядами на мир». Маккормик добавил, что «меньшее внимание к структурализму и переоценка идеализма являются слабыми местами ревизионизма», и, как указывалось выше, он и другие исследователи начали исправлять эти недостатки[5].

---

[1] Morgenthau H. In Defense of the National Interest. – New York: Alfred A. Knopf, 1952.

[2] Smith M. Realist Thought from Weber to Kissinger. – London: Louisiana State University Press, 1986. – P. 154.

[3] Williams W. The Tragedy of American Diplomacy. – New York: A Delta Book, 1962.

[4] Mc. Cormick. T. J. China Market. – New York, 1967; Radosh R. American Labour and the Anti – Imperialism Movement. – New York: Science and Society, 1964; Bernstein B. Towards a New Past: Dissenting Essays in American History. – London, 1968; Kolko G. The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. – New York, 1968.

[5] Mc. Cormick. T. Y. Something Old, Something New // Diplomatic History. – 1990. – Summer. – P. 425.

Однако «ревизионизм» и в дальнейшем разновидности этого течения всегда стремились найти источники силы и показать ее воздействие на общество как внутри США, так и за их пределами. «Ревизионисты» же часто оспаривали необходимость применения силы, будь то в форме военного вмешательства или неравноправного экономического взаимодействия. В то же время «ревизионисты», как и «реалисты», основное внимание сосредоточивали на одной нации – одном государстве. «Ревизионисты» в области внешней политики США, каждый по-своему, не то, чтобы не допускали, а скорее подвергали сомнению источники и назначение могущества государства, в особенности такой державы, как Соединенные Штаты; в конечном счете, именно мощь этой страны после Первой, а затем и Второй мировой войны находилась в центре внимания всего мирового сообщества[1].

Отмеченные характерные особенности «ревизионизма» – то, что «ревизионисты» при изучении американской идеологии обращались к экономическим проблемам и подвергали сомнению необходимость применения силы, – эти черты стали очевидны задолго до войны во Вьетнаме, внесшей раскол в американское сообщество, и до того, как уотергейтский скандал подорвал имперскую власть президента. «Ревизионизм» подвел к анализу политических просчетов США как внутри страны, так и за ее пределами; кроме того «ревизионисты» подчеркивали, что скорее исторические, нежели журналистские изыскания помогут понять проблемы конца 60–70-х годов XX века, ведь для их решения надо обратиться к исследованию истоков современной внешней политики США, уходящей своими корнями в XIX–начало XX века, если не ранее. В частности, в книге «Трагедия американской дипломатии» Уильямс приступил к анализу данных проблем, начиная с 1890-х годов.

В 1962 году У. Уильямс опубликовал книгу «Контуры американской истории», в которой анализ истоков внешней политики США начал уже с XVI–XVII веков.

Согласно идеям У. Уильямса, изложенным в работе «Трагедия американской дипломатии», внешняя политика Соединенных Штатов на протяжении всего XX века диктовалась тремя основными концептуальным положениями:

- во-первых, щедрым, очень гуманитарным импульсом помогать другим народам решать их проблемы;
- во-вторых, принципом самоопределения, примененным на международном уровне, который предполагал право каждого общества устанавливать свои собственные цели и задачи, которые реализовались внутренними способами и средствами.

Интересно отметить, что обе вышеуказанные идеи в определенном смысле дополняли друг друга.

Но, в-третьих, американская дипломатия исходила еще из одной важной посылки, а именно: что другие страны и народы «не способны» решить свои собственные проблемы и улучшить свою жизнь до тех пор, пока они не следуют примеру США во всех возможных аспектах[2].

Интересно, что наиболее полно и отчетливо данная точка зрения была выражена в замечании бывшего Государственного секретаря Д. Ачесона по поводу оказания зарубежной экономической помощи после окончания Второй мировой войны: «Мы хотим помогать тем народам, которые верят в те же самые идеалы, что и США, чтобы продолжать жить так, как они хотят жить, согласно собственным представлениям»[3].

---

[1] Lafeber W. America, Russia and the Cold War. 1945–2002. – New York: Mc. Graw–Hill, 2002.
[2] Williams W. The Tragedy of American Diplomacy. – New York: A Delta Book, 1962. – P. 9.
[3] Там же. – P. 10.

Но, по мнению Уильямса, не всегда опыт США оказывается приемлем для других народов, которые могли бы достичь также отличных результатов, идя своим путем. Но, если пример США оказывается единственно верным, то, в таком случае, навязывание силой или оказывая экономическое и политическое давление на иные страны, – все это вместе нарушает принцип самоопределения и независимости других народов.

В этом, по мнению Уильямса, и коренится основная проблема экономических взаимоотношений США с остальным миром, а именно, распространяя свою экономическую систему по всему земному шару, США создают значительные трудности для других стран в деле поддержки собственной экономической независимости. Кроме того, согласно оценкам Уильямса, существует твердое мнение внутри политической элиты США, что внутреннее благосостояние Америки зависит от постоянно возрастающей экономической экспансии, что в свою очередь создает опасную иллюзию необходимости распространения и политического влияния[1]. Таким образом, народы других стран могут в большей степени чувствовать, что им был нанесен вред, чем оказана помощь.

Следуя хронологическому порядку чрезвычайно важную роль в анализе внешнеполитических подходов США во второй половине XX века сыграли работы Г. Киссинджера, являвшегося советником президента Р. Никсона по вопросам национальной безопасности[2].

Идеи Г. Киссинджера в отношении внешней политики США продолжают традиции школы «политического реализма». По мнению Г. Киссинджера, конечная цель всей внешней политики США заключалась в установлении «нового мирового порядка», по возможности который старался на практике воплотить в жизнь он сам, находясь на дипломатической и государственной службе. Как известно, основополагающей идеей представителей школы политического реализма была идея национального интереса как краеугольного камня внешней политики любого государства. Политический реализм требовал отказа от всяческих утопий и четкое провозглашение ясной, разумной, просвещенной политики, основывающейся на четком анализе исторической реальности. Именно идейное обоснование такой политики предложил Г. Киссинджер. Согласно его подходу, «баланс сил» был характерной чертой международных отношений на протяжении всего XIX века; и на современном этапе также вышеуказанный принцип должен быть применим для защиты государствами своих национальных интересов. Для Г. Киссинджера большое значение имел принцип легитимизма, что четко прослеживается на примере анализа системы международных отношений, утвержденной на Венском Конгрессе в начале XIX века после продолжительных наполеоновских войн. Г. Киссинджер «толковал легитимизм как политику, основанную не на морали и справедливости, не на идеологических постулатах, а на международных соглашениях, базирующихся на балансе сил. Легитимизм не требовал одинаковости режимов, допускал существование разных идеологий[3]. Главной целью внешнеполитических подходов Г. Киссинджера являлось создание «глобального баланса сил», который мог бы обеспечить, по его мнению, стабильность в отношени-

---

[1] Williams W. The Tragedy of American Diplomacy. – New York: A Delta Book, 1962. – P. 11.

[2] Kissinger H. A World Restored. – New York, 1957; Kissinger H. The Necessity for Choice: Prospects of American Foreign Policy. – New York, 1961; Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. – New York, 1957; Kissinger H. Years of Upheaval. – Boston, 1982.

[3] Smith M. Realist Thought from Weber to Kissinger. – P. 203.

ях крупнейших держав, а также возможность сотрудничества между ними, что и имело место в период так называемой «разрядки» на протяжении 70-х годов.

Безусловно, Г. Киссинджер исходил из необходимости поддержания привилегированного положения США в современном мире, как «главного менеджера» процесса сохранения «баланса сил» между крупнейшими державами, прежде всего, между СССР и США[1]. Интересно, что после того, как Г. Киссинджер покинул активную государственную деятельность, американская внешняя политика стала носить несколько иной характер, весьма далекий от «политического реализма» и «баланса сил». Дж. Форд запретил даже упоминать слово «разрядка» во время выборов 1976 года, а, как известно, Дж. Картер был избран президентом на идеологической платформе «прав человека», взамен «геополитических» подходов Г. Киссинджера. Конец 70-х годов, таким образом, ознаменовался новой стадией утверждения американского национализма, что свидетельствовало о слишком большой «мягкости» Г. Киссинджера в отношении Советского Союза.

Следующим значительным историографическим блоком диссертационного исследования является литература, как отечественная, так и англо-американская, по проблеме непосредственно политики США в Восточной Европе в целом, а также в отношении Югославии.

Следует отметить, что отечественная, прежде всего, российская историческая наука достигла значительных результатов в плане изучения и осмысления проблем внешней политики США, в том числе в регионе Восточной Европы и, гораздо в меньшей степени, в отношении Югославии. Характерно, что в отечественной, в том числе в российской исторической науке нет ни одного исследования, охватывающего целиком рассмотрение политики США в отношении балканской страны в 1943–1980 гг.

Определенную историографическую ценность сохранили фундаментальные исследования, подготовленные Институтом всеобщей истории АН СССР и Институтом США и Канады, коллективами ведущих ученых международников[2].

Узловые проблемы внешней политики США, внутренние источники ее формирования освещаются в работах ученых-американистов Г. А. Арбатова, В. В. Журкина, Н. Н. Иноземцева, С. А. Караганова, А. А. Кокошина, А. И. Уткина. Некоторую ценность сохранили работы, посвященные раскрытию функционирования механизма внешнеполитического ведомства США, его взаимодействию с другими структурными элементами администрации[3].

Ни в коей мере нельзя игнорировать вклад историка И. И. Орлика в рассмотрение проблемы политики США в Восточной Европе после окончания Второй мировой войны[4].

---

[1] Smith M. Realist Thought from Weber to Kissinger. – С. 206.

[2] История США. – Т. III. – М.: Наука, 1985; История США. – Т. IV. – М.: Наука, 1987; Современная внешняя политика США. – Т. I–II. – М.: Наука, 1984; История дипломатии. – Т. V. – Кн. 1. – М.: Политиздат, 1974; Американский экспансионизм: новейшее время. – М.: Наука, 1986; Советско-американские отношения в современном мире. – М.: Наука, 1987.

[3] США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление. – М.: Наука, 1972; Механизм формирования внешней политики США. – М.: Наука, 1986.

[4] Орлик И.И. Империалистические державы и Восточная Европа: 1945–1965. – М.: Наука, 1968; Орлик И.И. Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств. – М.: Наука, 1979; Орлик И.И. Политика США в отношении восточноевропейских социалистических государств // Американский экспансионизм. – М.: Наука, 1986. – С. 230–237.

Ему принадлежит безусловный приоритет не только в выделении восточноевропейской политики западных держав в качестве ее самостоятельного регионального направления, но и в применении комплексного подхода при исследовании внешнеполитической стратегии Запада. Предложенная И. И. Орликом методика подхода к изучению политики США в отношении Восточной Европы, его выводы об основных тенденциях этой политики выдержали испытание временем, не утратили своей актуальности по сей день. Вместе с тем, на наш взгляд, И. И. Орлик склонен несколько преувеличивать масштабы вовлеченности Вашингтона в дела восточноевропейских государств и действенность американской политики в регионе во второй половине 40-х годов. Тем не менее работы И. И. Орлика, а также статьи А. А. Языковой и А. С. Аникеева оказали влияние на точку зрения автора диссертации на всех этапах работы по изучению процесса формирования восточноевропейской политики США после Второй мировой войны[1].

Эволюцию американской политики в отношении Восточной Европы в 50–80-е годы XX века проследили в своих работах М. М. Белоусов, Е. Д. Волкова, А. В. Потехин, Ю. П. Давыдов. Их статьи и книги помогают выявить содержащиеся в этой политике основные черты и закономерности[2].

Определенную ценность в плане изучения политики США в отношении Югославии после окончания Второй мировой войны представляет коллективная монография военного историка, специалиста по новейшей истории балканских стран Н. В. Васильевой и специалиста по проблемам международной безопасности В. А. Гаврилова «Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке»[3].

Из наиболее важных работ отечественных историков, изданных в последние годы, можно выделить исследование «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века», которое содержит богатую информацию о политике США и других государств в отношении стран Запада, находившихся в орбите советского влияния после окончания Второй мировой войны[4].

Что же касается непосредственно Югославии, то, безусловно, приоритет в исследовании послевоенной истории балканской страны принадлежит российским историкам Ю. С. Гиренко и Л. Я. Гибианскому. В своих работах они так или иначе затрагивали вопросы реакции западных государств и, в частности, Америки, на важные события, происходившие между СССР и Югославией, в частности, конфликт 1948 года, который коренным образом изменил «поведение» США в отношении балканской страны[5].

---

[1] Языкова А.А. Политика США в отношении стран Юго-Восточной Европы в послевоенные годы (основные аспекты проблемы) // Балканские исследования. – Вып. 9. – М.: Наука, 1984. – С. 284–291; Языкова А.А. США и Румыния в первые послевоенные годы (о некоторых аспектах американской политики 40-х годов) // Американский ежегодник. 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 9–35.

[2] Давыдов Ю.П., Кожокин М.М. Политика США в Восточной Европе // США: экономика, политика, идеология. – 1990. – № 2; Волкова Е.Д. Вашингтон и Восточная Европа. – М.: Наука, 1984; Белоусов М.М., Довгополый Д.Г. Эволюция подхода США к социалистическим странам Восточной Европы // Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. – 1985. – № 21. – С. 12–19; Потехин А.В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950. – Киев: Навукова Думка, 1991.

[3] Васильева Н.В., Гаврилов В.А. Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. – М.: Наука, 2000.

[4] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3 т. – М.: Наука, 2002.

[5] Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. – М.: Наука, 1991; Гибианский Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. – М.: Наука, 1987; Гибианский Л.Я. Положение Югославии в 1945 г. в документах американских дипломатических публикаций // Советское славяноведение. – 1970. – № 1. – С. 105–113.

Новой и чрезвычайно интересной работой по проблеме взаимоотношений СССР, США и Югославии на начальном периоде «холодной войны» явилась книга А. С. Аникеева «Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны». 1945–1957»[1]. Автор подробно рассматривает влияние советско-югославского конфликта 1948 года на политику США в Восточной Европе, в целом, и в отношении Югославии, в частности. Автор опирается на широкую документальную базу, содержащуюся в российских архивах, основные материалы Государственного Департамента США, но в работе практически не использованы документы, содержащиеся в Национальном архиве США, который позволил бы проследить все нюансы изменений политического курса Америки в отношении балканской страны.

Говоря об американской историографии, освещающей политику Соединенных Штатов в отношении стран Восточной Европы, то частично о ней уже было сказано в блоке, посвященном причинам возникновения «холодной войны». Что же касается более позднего периода и непосредственно 60–80-х годов, то хотелось бы выделить работы З. Бжезинского, чьи идеи легли непосредственно в основу внешнеполитических подходов Вашингтона в отношении стран Восточной Европы. К наиболее значимым исследованиям З. Бжезинского следует отнести знаменитую статью З. Бжезинского и У. Гриффитса «Мирное вовлечение в Восточной Европе», опубликованную в журнале «Foreign Affairs» в июле 1961 года, которая оказала серьезное воздействие на изменение тактических подходов США к странам Восточной Европы, а именно: обозначила переход от «освобождения» к «мирному вовлечению» и «наведению мостов» со странами-союзниками СССР[2].

Интересной и также значимой работой для рассматриваемого периода является книга З. Бжезинского «Советский блок: единство и конфликт», которая была опубликована в издательстве Гарвардского университета в 1960 году[3]. Данное исследование посвящено рассмотрению дезинтеграционных тенденций, а также проявлений национализма в странах Восточной Европы, прежде всего, Югославии. Идеи З. Бжезинского оказали значительное воздействие на формирование так называемого «дифференцированного подхода» Вашингтона к странам Восточной Европы, имевшего место на протяжении 60–70-х годов и особенно проявлявшегося в отношении Югославии. Общим проблемам внешней политики США на протяжении 60–70-х годов посвящено еще одно значимое исследование З. Бжезинского под названием «Между двумя столетиями: роль США в технотронную эру»[4], в которой З. Бжезинский обосновывает лидирующее положение США в международных отношениях, а также пути его сохранения.

Проблемы политики США в отношении стран Восточной Европы также затрагиваются в фундаментальной работе Р. Гартофа «Разрядка и конфронтация»[5], где дается чрезвычайно подробное рассмотрение термина «разрядка», а также причины возникновения так называемой «новой холодной войны» во второй половине 70-х годов и достигшей своего апогея с приходом к власти Р. Рейгана.

---

[1] Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны». 1945–1957. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002.

[2] Brzezinski Zb. and Griffith W. Peaceful Engagement in Eastern Europe // Foreign Affairs. – 1961. – № 4.

[3] Brzezinski Zb. The Soviet Bloc: Unity and Conflict. – Cambridge: Harvard University Press, 1960.

[4] Brzezinski Zb. Between Two Ages. American's Role in the Technetronic Era. – New York: The Viking Press, 1970.

[5] Garthoff R. Détente and Confrontation. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1985.

Важными монографическими исследованиями по теме политики США в отношении стран Восточной Европы являются работа Р. Кребса «Дуэль концепций. Стратегия США в отношении Восточной Европы администрации Д. Эйзенхауэра», а также исследование Л. Гордона «Разлагающаяся империя. Связи Запада с Восточной Европой»[1], в которых дается освещение истории связей США и стран Восточной Европы, а также борьба различных подходов во внешнеполитической администрации Америки по вопросу отношения к государствам-союзникам СССР.

Значительный вклад в рассмотрение проблем политики США в отношении стран Восточной Европы, а также Югославии внесли американские историки Р. Бирнс и Дж. Кэмпбелл. Хотелось бы отметить две работы Р. Бирнса, книгу «США и Восточная Европа» (1967), а также статью «Политика США в отношении Восточной Европы: до и после Хельсинки» (1975)[2], в которых анализируется положение в странах советского блока после 1956 года, рост полицентризма, националистических настроений, что, по мнению автора, вселяло уверенность в «отсутствии монолитности» в советской империи, и, следовательно, политика США должна была строиться, исходя из реального положения дел.

В вышеупомянутой статье Р. Бирнс отмечал необходимость использования Западом своей культурной, экономической, технической мощи, искусства дипломатии для того, чтобы «положить конец советской империи в Восточной Европе»[3].

Что касается работ Дж. Кэмпбелла, то хотелось бы отметить два исследования вышеуказанного автора: во-первых, «Американская политика в отношении коммунистической Восточной Европы. Альтернативы», а также книгу «Отдельная дорога Тито. Америка и Югославия в мировой политике»[4]. Первая работа содержит достаточно полный обзор развития всех восточноевропейских стран до 1965 года, варианты политики США с учетом их национальных особенностей, а также положения в советском блоке. Второе исследование непосредственно посвящено Югославии, в том числе основным этапам послевоенной истории, таким как конфликт 1948 года с Советским Союзом, примирение с СССР, роль балканской страны в Движении Неприсоединения, влияние «титоизма» на другие государства советского блока, а также внутри Югославии. По мнению автора, США должны были очень внимательно относиться к изменениям во внутренней и внешней политике балканской страны, следить, как они влияли на национальные интересы США, безопасность американского государства и соответственно корректировать внешнеполитические подходы.

Полезными для диссертанта оказались статья американского историка А. Рэчвальда «Политика США в Восточной Европе», которая представляет собой обзор основных концептуальных подходов Америки к странам Восточной Европы с 1968 по 1977 год, а также фундаментальная работа Б. Хейзер «Западная политика

---

[1] Krebs R. Dueling Visions. U.S. Strategy toward Eastern Europe under Eisenhower. – College Station: Texas A and M. University Press, 2001; Gordon L. Eroding Empire. Western Relations with Eastern Europe. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1987.

[2] Byrnes R. The United States and Eastern Europe. – New York: Englewood, Prentice Hall, Inc., 1967; Byrnes R. The United States Policy toward Eastern Europe: Before and After Helsinki // Review of Politics. – 1975. – № 4. – P. 435–463.

[3] Byrnes R. The United States Policy toward Eastern Europe: Before and After Helsinki // Review of Politics. – 1975. – № 4. – P. 436.

[4] Campbell J. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. – New York: Harper and Row, Publishers, 1967; Campbell J. American Policy toward Eastern Europe: The Choices Ahead. – Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1965.

«сдерживания» в «холодной войне». Югославский случай. 1948–1953 гг.»[1]. Б. Хейзер в своем исследовании дает очень полный анализ воздействия событий в Югославии, прежде всего, конфликта 1948 года на осуществление западными государствами политики «сдерживания» в Европе, а также на войну в Корее. Автор подробно останавливается на развитии экономического и военного сотрудничества западных государств с Югославией, анализирует его сильные и слабые стороны. В заключении автор подчеркивает, что в выигрыше от западной помощи, в конечном итоге, оказались сами югославы. Что же касалось временных выгод для самого Запада, то они не были очень важными, но, тем не менее, мысль о возможном военном союзе Югославии и Запада в потенциальном военном столкновении, вполне возможно, удерживала Сталина от превентивного военного конфликта с НАТО[2]. На наш взгляд, с этим выводом трудно согласиться. Тем не менее, вышеуказанное исследование основано на богатейшем архивном материале и явилось чрезвычайно полезным для диссертанта.

Следует отметить еще одну работу американского историка Д. Ларсона под названием: «Политика США в отношении Югославии. 1943–1963», которая дает определенное представление об основных подходах Америки к Югославии, но, тем не менее, ее отличает достаточно узкая источниковая база, и работу можно использовать лишь как введение к рассматриваемой теме[3].

Интересной является статья Ст. Марковича «Американская помощь и внутренняя политика Югославии», которая анализирует взаимосвязь между экономическими дотациями США и внутренним развитием Югославии. Согласно основному выводу автора, поддержка США, безусловно, значительно ускорила экономическое развитие балканской страны и внесла свой вклад в «вестернизацию» государства[4].

Что касается проблем оказания помощи США другим государствам, и, как известно, Югославии после Второй мировой войны, то следует отметить очень важную работу профессора Гарвардского университета Э. Банфилда «Доктрины зарубежной помощи США», опубликованной еще в 1963 году, но сохранившей значительную ценность и сегодня[5].

Вышеуказанное исследование дает четкое представление о доктринальных основах зарубежной помощи США, как одной из важнейших составляющих обеспечения национальных интересов и безопасности США в современном мире.

Как известно, оказание помощи югославскому государству после советско-югославского конфликта 1948 года было далеко неоднозначно встречено общественным мнением и правительственными кругами США. В этой связи необходимо отметить основные направления теоретических подходов и аргументацию сторон, которые нашли свое отражение в ряде публикаций американских историков.

Так называемая «антикоммунистическая» школа делает акцент на том, что все коммунистические режимы одинаковы по своей природе, и, следовательно, не было никаких оснований для США относиться к Югославии по-иному, чем к другим государствам-членам советского блока. Экономическая и военная помощь США, таким

---

[1] Rachwald A. United States Policy in East Europe. Current History. – 1978. – April. – P. 150–153; Heuser B. Western «Containment» Policies in the Cold War. – London and New York: Routledge, 1989.

[2] Heuser B. Western «Containment» Policies in the Cold War. – P. 214.

[3] Larson D. United States Policy toward Yugoslavia. 1943–1963. – Washington D.C.: University Press of America, 1979.

[4] Markovich St. American Foreign Aid and Yugoslav Internal Policies // East Europe an Quarterly. – 1975. – № 2 – P. 185–195.

[5] Banfield E. American Foreign Aid Doctrines. – Washington D.C.: American Enterprise Institute, 1963.

образом, не должна была иметь место, поскольку она лишь укрепляла международное коммунистическое движение. В этих условиях И. Б. Тито выступал как «троянский конь» Москвы, передающий западную помощь Советскому Союзу. Кроме того, так называемый «национальный коммунизм», по мнению данной школы, был ничем иным, кроме как уловкой, чтобы усыпить бдительность американских либералов, не желавших конфликта с Советским Союзом[1].

Вышерассмотренная точка зрения «вписывается» в каноны «традиционной» историографии «холодной войны», о которой уже шла речь выше.

Следующее направление так называемых «демократических интервенционистов» разделяют полностью взгляды «традиционалистов» на «природу» коммунистических режимов, отсутствие свободы и возможностей в странах-союзниках СССР, но, тем не менее, они поддерживают существование так называемого феномена «национального коммунизма» в лице Тито и Югославии, которые стремились сохранить свою независимость и право на собственный путь развития.

Безусловно, несмотря на враждебность коммунистических, в том числе и придерживавшихся собственного «национального» пути развития государств к Западу, тем не менее, США получали новые возможности взаимодействия с этими режимами. Представители данного направления настаивали на оказании экономической, но ни в коей мере не военной помощи Югославии. Экономическая помощь, таким образом, помогала бы Югославии сопротивляться советскому давлению, оказание же военной помощи означало «передачу оружия» в руки врагов. Характерно, что взгляды «демократических интервенционистов» подвергались жесткой критике в Конгрессе США во время дебатов по поводу оказания помощи Югославии в 1951 году[2].

Следующее направление получило название «эмпатическое сотрудничество», сторонники которого исходили из теории конфликта, а также оптимизма по поводу потенциала международных связей. На их взгляд, идеологическая враждебность и, как результат, трения между странами были обусловлены невежеством, а также недостаточным уровнем общения. В ситуации возникновения «независимой» Югославии для Запада открывались новые возможности гибкого и отрытого сотрудничества, механизмами которого являлись: развитие торговли, туризма, образовательных и культурных обменов. Это, безусловно, служило американским идеалам и национальным интересам США, поскольку «знакомило» югославов с иными ценностями; и, таким образом, «смягчало» наиболее репрессивные стороны югославской политической системы, а также способствовало развитию тенденций свободы личности, что не было присуще коммунистическим системам изначально[3]. Сторонники вышеуказанного направления сходились в одном: ради практической выгоды и морали, акцент в политике в отношении Югославии должен быть сделан на «прянике», а не на «кнуте».

Вышеуказанная концепция была выражена Дж. Кеннаном в его сравнении с путешественником, который носит «пальто агрессивности», и, таким образом, существовало два пути заставить его избавиться от него: порывы холодного ветра или мяг-

---

[1] Drashkovich Sl. Tito, Moscow's Trojan Horse. – Chicago:Regery, 1957; Strauez–Hupe R. Protracted Conflict. – New York: Harper and Row, 1959. – P. 16.

[2] U.S. Congress. House of Represantatives, Committee on Foreign Affairs, Yugoslav Emergency Relief Assistance Act of 1950, Hearings before the Committee on Foreign affairs of the House of Represantatives, 81st Congress, second sess. – Washington D.C.: Government Printing office, 1950; Dragnich A. Tito's Promised Land. – New–Brunswick, New York: Rutgers University Press, 1954. – P. 310.

[3] Hamilton F.A. Tito and Goliath. – New York: Macmillan, 1951. – P. 298; Kennan G. Realities of American Foreign Policy. – Princeton: Princeton University Press, 1954. – P. 38.

кий эффект лучей солнца. Первый способ, безусловно, контрпродуктивен, но с помощью второго, т.е. такта, терпения и сотрудничества со стороны США, эффект может быть достигнут с наибольшими выгодами для обеих сторон[1].

Четвертая школа историков исходила из так называемого «стратегического прагматизма», сторонники которого рассматривали политику США в отношении Югославии и независимость балканской страны как средство сохранения регионального и мирового баланса сил. «Независимость» Югославии от СССР рассматривалась, прежде всего, в качестве стратегического выигрыша для Запада. Следовательно, необходимо было оказывать помощь И. Б. Тито, так как это давало возможность сопротивляться советскому давлению, причем речь шла как об экономической, так и военной помощи. Поддержка «национального коммунизма», таким образом, достигла двух целей: ослабляла агрессивность советского блока, а также «поощряла» «полицентризм» среди стран-союзников СССР, что, безусловно, отвечало национальным интересам США[2].

Таким образом, в политике США в отношении Югославии находили свое отражение все четыре вышерассмотренные подхода[3]. Что же касается развития экономических отношений между Югославией и США, то следует отметить исследование Дж. Лампе, Р. Прикетта: «Югославо-американские экономические отношения после Второй мировой войны», в котором нашли свое выражение основные подходы администрации США на протяжении 40 – 70-х годов XX века к поддержанию независимости Югославии экономическими средствами, в которых находили свое выражение основные политические тенденции, продиктованные национальными интересами США в данном регионе мира[4].

Ценный материал по теме исследования был почерпнут диссертантом из периодических изданий США, таких как: «Foreign Affairs», «National Interest», «Foreign Policy», «Current History», а также из «Department of State Bulletin», который в полной мере отражает точку зрения Государственного Департамента США.

Что же касается югославской литературы, то в ней также практически отсутствуют фундаментальные исследования по рассматриваемой теме. В литературе Югославии социалистического периода, в том числе и мемуарной, заметна четкая пропагандистская направленность, стремление к героизации КПЮ и ее лидера, инструментальный и в значительной мере усеченный анализ югославо-западных отношений 1950-х годов в контексте официальных лозунгов борьбы на два фронта, а затем утверждения политики неприсоединения[5].

С конца 1980-х годов появляются работы, авторы которых начинают широко привлекать материалы югославских и западных архивов. Критический настрой по отношению к югославскому партийному руководству (но в меньшей степени к послево-

---

[1] Kennan G. Realities of American Foreign Policy. – Princeton: Princeton University Press, 1954. – P. 38.

[2] Kennan G. On Dealing with Communist World. – New York: Harper and Row, 1964.

[3] Garrett St. On Dealing with National Communism. The Lessons of Yugoslavia // Western Political Quarterly. – 1973. – № 3. – P. 529–549.

[4] Lampe J. Prickett R., Adamovič L. Yugoslav–American Economic Relations since World War II. – Durham and London: Duke University Press, 1990. – P. 235.

[5] Dedujep B. Yocuп Броз Тито. Прилози за биографију. – Београд, 1953; Idem. Изгублена битка У. В. Сталина-Сарајево, 1960 – 445 с.; Idem. Novi prilozi za biografiju Yosipa Broza Tita. – Rijeka; Zagreb, 1980–1981. – Т. 1–2. – 550 с.; Београд, 1984. – Т.3. – 445 с.; Petranovič B., Štrbac Č., Stoijanovič S. Yugoslavija u međunarodnom radničkom pokretu. – Beograd, 1973.– 730 с.; Mates L. Međunarodni odnosi socijalističke Yugoslavije. – Beograd, 1976. – 800 с.; Petranovič B., Štrbac Č. Nesvrstanost. Osnovi jedne doctrine međunarodne politike. – Beograd, 1973. – 430 с.

енной истории Югославии) всегда был характерен для произведения М. Джиласа[1]. В 1990-е, кризисные для Югославии годы, увеличивается число исследований, критически переоценивающих всю послевоенную историю страны и роль Тито[2].

Таким образом, несмотря на значительное число публикаций по проблеме внешней политики США в отношении стран Восточной Европы, и в том числе Югославии, ни одна из них не охватывает целиком проблемы основных внешнеполитических подходов Америки к балканской стране на протяжении 40–70-х годов XX века.

[1] Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М., 1992. – 544 с.; Dilas M. Vlast i pobuna. – Beograd, 1984. – 823 с.; Bekič D. Yugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikita silama. – Zagreb, 1988. – 463 с.

[2] Obradovič M. «Narodna demokratija» u Yugoslaviji (1945–1952). – Beograd, 1952. – 456 с.; Chronology of the Yugoslav crisis (1942–1993). – Beograd, 1994; Петрановић Б. Југославија на размеђу (1945–1950). – Подгорица, 1998. – 430 с.

1.2. Характеристика источников

Изучение внешней политики американского государства предполагает обязательную проработку целого ряда документов, официальных речей и статей, позволяющих более или менее профессионально произвести соответствующий анализ, так как единого и авторитетного документа, отражающего все нюансы стратегии национальной безопасности США, просто не существует.

В этой связи источниковая база диссертационного исследования представлена несколькими группами документов, теоретических сочинений и мемуаров. Значительная часть источников, представленных в диссертации, была собрана в Национальном архива США (г. Вашингтон), библиотеках Г. Трумэна (Индепенденс, Миссури, США), Д. Эйзенхауэра (Эбилин, Канзас, США), Л. Джонсона (Остин, Техас, США), в библиотеке С. Мад Принстонского университета в Нью-Джерси (США), а также в архиве американо-югославского экономического Совета в г. Вашингтон (США). Чрезвычайно ценный документальный материал был почерпнут в библиотеке Р. Никсона, находящейся в Национальном архиве США (г. Вашингтон), как его отдельное структурное подразделение. Что же касается непосредственно фондов Национального архива США в г. Вашингтон, то особый интерес и ценность представляют собой материалы, находящиеся в фонде № 59, где собраны документы Государственного Департамента США, сообщения посольства США в Белграде, дипломатическая переписка.

Следует заметить, что важную помощь при подготовке диссертационного исследования оказали недавно открытые к доступу документальные материалы Центрального разведывательного управления США, содержащиеся также в Национальном архиве в Вашингтоне. Информация разведки, бесспорно, оказывала значительное влияние на принятие внешнеполитических решений, в том числе и в отношении Югославии.

Условно собранные документы можно разделить следующим образом:

- *во-первых,* это внешнеполитические документы президентских администраций Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона, Р. Никсона, Дж. Картера, определяющие как концептуальные положения проводимой ими внешней политики, так и степень их вовлеченности в дела Восточной Европы и, в частности, Югославии;
- *во-вторых,* это государственно-правовые документы, регламентирующие процесс формирования и осуществления внешней политики американского государства. Как известно, в 1946 году была проведена реформа внешнеполитической службы США, в результате которой был создан так называемый Центр планирования политики, который сыграл очень важную роль в разработке внешнеполитических решений, в том числе и в отношении стран Восточной Европы и, конечно, Югославии[1]. Документы, принятые вышеуказанной структурой, дают очень четкое представление о механизме принятия внешнеполитических решений.

Чрезвычайно важной частью внешнеполитического механизма США является Совет Национальной Безопасности, образованный в 1947 году специальным решением Конгресса. И, таким образом, документы Совета Национальной Безопасности поз-

[1] The State Department Policy Planning Staff Papers. 1947–1949. – New York; London: Garland Publishing, Inc., 1983. – Vol. III.

воляют в полной мере воссоздать картину осуществления внешней политики американским государством.

- *В-третьих,* это теоретические труды ведущих идеологов современной внешней политики США.
- *В-четвертых,* это комплекс международно-правовых документов, принятых субъектами международных отношений с целью формирования новой системы отношений, сложившейся после окончания Второй мировой войны.
- *В-пятых,* это официальные документы (заявления правительства, тексты конституций и др.), выступления руководителей, интервью политических деятелей, донесения разведслужб.
- *В-шестых,* это мемуарная литература и, наконец, *в-седьмых,* отечественная и зарубежная общественно-политическая периодика.

Американская политическая традиция предписывает рассматривать внешнюю политику собственно государства посредством анализа ее внешнеполитических целей, формирующихся через призму национального интереса, которые в свою очередь являются движущим фактором внешнеполитической деятельности государства. Национальные интересы и безопасность США находили и находят свое выражение в директивах Совета Национальной Безопасности, которые признаются авторами и исследователями своеобразным внешнеполитическим манифестом американской администрации, в независимости от того, кто именно, республиканцы или демократы, занимают Белый Дом. Директивы Совета Национальной Безопасности содержат развернутую систему целей, задач, приоритетов, угроз и механизмов осуществляемой внешней политики. Ключевой в этой цепочке основополагающих внешнеполитических категорий является цель национальной безопасности, под которой понимают в первую очередь гарантирование национальных интересов, которые должны в обязательном порядке быть четко сформулированы, так как возникающие ситуации в системе международных отношений всегда требуют от Америки тех или иных действий. Именно проведенное исследование документов и директив Совета Национальной Безопасности позволило воссоздать цели США в Восточной Европе, а также особое отношение и политику к югославскому государству.

Документы Совета Национальной Безопасности конкретизируются и дополняются официальными документами ведомств, вовлеченных в процесс формирования внешней политики или официальными заявлениями и выступлениями ответственных чиновников, таких как: президент, вице-президент, госсекретарь и др. Как правило, подобного рода выступления крайне редко носят исключительно теоретическое наполнение и дополняются разъяснением внешнеполитической позиции администрации по той или иной международной проблеме. Использование данных документов позволило всесторонне рассмотреть проводимую США политику в балканском регионе[1], а затем дать ей оценку.

Как было отмечено выше, вторую группу источников образуют государственно-правовые документы, регламентирующие процедуру формирования и осуществления внешней политики американского государства. В силу сложившихся традиций ключевую позицию в соответствующем процессе формирования и осуществления внешней политики играет президент Соединенных Штатов. Соответствующие президент-

[1] Kennan G. «The Soviet Internal Political System», National War College, 14 October 1948, George F. Kennan Papers, Seeley G. Mudd Manuscript Library, Princeton University, Princeton, New Jersey.

ские полномочия, во-первых, отражены в американской конституции; во-вторых, в документах, конкретизирующих конституционные полномочия президента и, в-третьих, прямо не предусмотренных в тексте конституции, но вытекающие из ее духа и реальных потребностей американского государства[1].

Однако, отдавая преимущество в формировании внешней политики президенту как главе исполнительной власти, мы все же, основываясь на принципе разделения властей и его дополняющем принципе сдержек и противовесов, должны рассматривать внешнеполитический процесс, как определенное единство действий как исполнительной, так и законодательной власти, представленной американским Конгрессом. По этой причине, проводя анализ действий американских администраций в отношении Восточной Европы и Югославии, в частности, мы непременно учитывали позицию американского парламента[2].

Кроме того, важную роль при исследовании внешней политики играл бюллетень Государственного Департамента, который издавался с целью ознакомления широкой общественности с информацией по главным аспектам внешней политики, содержанием работы Государственного Департамента[3].

К особой группе использованных источников относятся теоретические труды ведущих идеологов внешней политики США, таких как: Г. Моргентау, Г. Киссинджера, З. Бжезинского, чьи подходы оказали чрезвычайно важное влияние на формирование внешнеполитических императивов Соединенных Штатов Америки.

Чрезвычайно важную роль при написании диссертации сыграли документы, собранные в многотомном издании «Foreign Relations of the United States», которые представляют собой дипломатическую переписку, протоколы заседаний, заявления по различным внешнеполитическим проблемам[4].

Следующая группа источников представлена мемуарной литературой. Мемуары политических и общественных деятелей являются носителями ценнейших фактических данных как по глобальным проблемам, так и по конкретным исследуемым вопросам политики США в отношении Восточной Европы и Югославии, в частности. К ним можно отнести мемуары Д. Ачесона[5], Дж. Кеннеди[6], Дж. Кеннана[7], Г. Трумэна[8], Ч. Болена[9], Вл. Дедиера[10], М. Джиласа[11] и др. Безусловно, мемуарную литературу характеризует определенная доля субъективизма, но тем не менее, без учета взглядов очевидцев невозможно представить полную картину происходивших событий.

---

[1] Конституция Соединенных Штатов Америки: Конституция и законодательные акты: Пер. с англ. / Сост. В. И. Лафитский; под ред. и со вступл. О. А. Жидкова. – М., 1993; Резолюция о военных полномочиях (1973) // Там же. – С. 189–194.

[2] Congressional Record (1969–1980). – Washington D.C.: U. S. Government Printing Office, 1969–1980; Eastern Europe: An Overview. Department of State. Based on a Statement by William H. Luers, Deputy Assistant Secretary European Affairs, Before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Home of Representatives, International Relations Committee, Sept. 7, 1978. – Washington D.C.: U. S. Government Printing Office, 1978.

[3] Pearcy G. Geopolitics and Foreign Relations // Department of State Bulletin. – 1964. – № 1288. – P. 318–330.

[4] U. S. Department of State, Foreign Relations of the United States, 1949. – Washington D.C.: U. S. Government Printing Office, 1976.

[5] Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. – New York: W. W. Norton, 1969.

[6] Kennedy J. The Burden and the Glory. – New York: Harper and Row Publishers, 1964.

[7] Kennan G. The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy. – Boston: An Atlantic Monthly Press Book, 1977.

[8] Truman H. The Man from Independence. – New York: Greenwood Press, 1986.

[9] Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969. – New York: W. W. Norton and Company, 1973.

[10] Dedijer Vl. Tito. – New York: Simson and Schuster, 1953.

[11] Djilas M. Conversations with Stalin. – New York: Harcourt, 1962.

Последней группой источников является общественно-политическая периодика, выступавшая порой в качестве важнейшего источника получения необходимой информации. К ней можно отнести такие издания, как: «Ю. С. Ньюс энд Уолд Рипорт», «Нью-Йорк Таймс», «Тайм», югославскую газету, орган ЦК СКЮ «Борба», в которых отражались важнейшие точки зрения политиков на происходившие события, а также показаны взгляды различных сил, что дало возможность проанализировать ход политической борьбы по тем или иным внешнеполитическим проблемам.

Таким образом, рассмотрение вышеуказанных источников позволило проанализировать выработку основных внешнеполитических подходов американских администраций в отношении региона Восточной Европы, в целом, и Югославии, в частности.

ГЛАВА 2.
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США (1943–1948)

2.1. Советско-американское противостояние в Центрально-Восточной Европе в период зарождения «холодной войны»: основные направления внешней политики США в 1943–1946 гг.

В глобальной внешнеполитической стратегии двух держав – США и СССР – долгое время особое место отводилось региональной политике. Именно Центрально-Восточная Европа стала тем регионом, где впервые после окончания Второй мировой войны столкнулись интересы двух крупнейших и наиболее влиятельных государств мира. Почему именно здесь? Кто и в какой степени несет ответственность за обострение отношений недавних союзников по антигитлеровской коалиции?

Что же касается терминологии, то в современной литературе, как отечественной, так и зарубежной, в том числе и на страницах предлагаемого исследования используются два термина: «Восточная Европа» и «Центрально-Восточная Европа». Первый термин является дефиницией сугубо политической, особенно применительно к сорокалетию после окончания Второй мировой войны. Сейчас же на смену этому определению приходит дефиниция «Центрально-Восточная Европа», которая более точна в географическом аспекте.

С Центрально-Восточной Европой многие исследователи – как отечественные, так и западные, – связывали начало и развитие «холодной войны». Но, на наш взгляд, вышеуказанное замечание верно лишь отчасти.

Следует заметить, что Центрально-Восточная Европа была и объектом, и субъектом «холодной войны». Но сама «холодная война» – международно-исторический феномен настолько сложный и многоплановый, что объяснить его происхождение лишь столкновением региональных политик, интересов США и СССР в этой части Европы было бы неверно.

При анализе истории «холодной войны» необходимо использовать многофакторный подход, а именно – анализ политических, экономических, идеологических и геополитических факторов, вызвавших «холодную войну». На наш взгляд, «холодная война» – это система международных отношений конкретного периода, результат Второй мировой войны, новой расстановки сил на международной арене. Именно новая расстановка сил и породила новую систему отношений – «холодную войну», определила формирование двух военно-политических блоков, противостоявших друг другу более четырех десятилетий.

Интерес, проявлявшийся в различных слоях американского общества к восточноевропейским государствам, в известной мере связан с историческими особенностями развития этого района, оказавшими глубокое влияние на судьбы других стран, в том числе и самих Соединенных Штатов. Обе мировые войны начались в Восточной Европе. Не последнюю роль играл и тот факт, что в прошлом у США всегда были довольно тесные (хотя в экономической области не очень значительные) связи с восточноевро-

пейскими странами. Даже в период относительной изоляции США от международных дел после Первой мировой войны американская внешняя политика придавала большое значение положению дел в этом районе. Как известно, 6 из «14 пунктов» В. Вильсона были посвящены Восточной Европе. С точки зрения президента США, мир должен был быть навсегда избавлен от угрозы взаиморазрушения. Предпосылки для установления мира включали, по мнению В. Вильсона: реализацию принципов национального самоопределения для всех народов, лишенных собственной государственности; создание правительств, основанных на народном представительстве; политические шаги, включавшие постепенные конституционные изменения, а не использование революционных методов; просвещение народа.

Кроме того, В. Вильсон придавал очень большое значение деятельности наднациональной, международной организации, а именно, Лиге Наций, которая своим авторитетом должна была решать возникавшие международные проблемы.

Значительное внимание В. Вильсон уделял развитию и воплощению принципов открытой международной экономики, свободной от таможенных барьеров, торговых преференций и других препятствий на пути свободного передвижения капиталов и товаров.

Таким образом, взгляды В. Вильсона представляли собой концентрированное выражение либеральных представлений об основных направлениях развития экономики; политические же идеи базировались на гражданских свободах и правах каждого человека на индивидуальную самореализацию не только в США, но и по всему миру. Идеи В. Вильсона являлись выражением основных ценностей сильной американской нации, которые должны были, по его мнению, в будущем стать универсальными приоритетами.

Революция октября 1917 года в России была отрицанием принципов В. Вильсона. Идеи, воплощенные в деятельности Советской России, представляли собой совершенно противоположный полюс политического мышления, основанного: на власти одной партии, принципе централизма, ликвидации рыночной экономики, приоритете интересов государства над правами и свободами личности или группы, ликвидации капиталистической системы в международном масштабе.

Следует заметить, что правительство США достаточно долго не признавало Советский Союз де-юре, несмотря на довольно активные экономические связи между двумя странами в межвоенный период. В частности, торговый оборот между СССР и США в 1925–1930 годах составил 100 млн. долларов[1]. Объем американо-советской торговли значительно сократился в годы депрессии, и представители бизнес-элиты США оказывали давление на президента Ф. Д. Рузвельта, требуя дипломатического признания СССР. Отношения, как известно, были установлены в ноябре 1933 года, но только лишь после преодоления или просто игнорирования антисоветских позиций в Государственном Департаменте, ряде американских организаций, таких как: Американский Легион, католическая церковь, «Дочери Американской революции», профсоюзы.

Перед началом Второй мировой войны советско-американские отношения находились на самом низком уровне развития. Советско-финская война стала доказательством для США, как Советский Союз способен относиться к «малым государствам», исходя из своих стратегических целей.

---

[1] La Feber W. America, Russia and the Cold War. 1945–1990. – New York: Mc. Graw – Hile, Inc., 1991. – P. 4.

После 22 июня 1941 года, нападения фашистской Германии на СССР, Государственный Департамент США вел дискуссии в течение 24 часов, прежде чем осудил в своем заявлении позиции СССР в отношении вопросов религии, провозгласив, что «коммунистическая диктатура» так же невыносима, как и «фашистская». Тем не менее, Государственный Департамент выразил желание США помочь СССР, поскольку Гитлер представлял большую угрозу для всего мира.

Г. Трумэн, в то время сенатор-демократ из Миссури, выразил свою точку зрения следующим образом: «Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, то мы должны помогать России; если же мы увидим, что Россия выигрывает, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга, однако, я не хотел бы видеть Гитлера в выигрыше при любых обстоятельствах»[1].

Безусловно, подобные взгляды не содействовали созданию атмосферы партнерства в сложнейших международных условиях и являлись выражением враждебности, существовавшей в советско-американских отношениях на протяжении длительного времени. Тем не менее, СССР и США стали в конечном итоге партнерами и союзниками, имея, правда, разногласия самого разного плана. Но, несмотря на обмен военной информацией и примерно 11 млрд. долларов помощи США по ленд-лизу, конфликты между двумя странами стали возникать как по вопросам военной стратегии, так и по принципам послевоенного устройства мира.

И. В. Сталин интересовался позицией Рузвельта и Черчилля по проблеме включения после окончания военных действий Прибалтийских государств, частей Польши, Финляндии и Румынии в состав СССР. Вышеуказанные территории принадлежали царской России и были предоставлены Советскому Союзу по условиям советско-германского договора о ненападении 1939 года.

Ф. Д. Рузвельт в 1943 году не высказал возражений по поводу Литвы, Латвии и Эстонии, кроме того, он надеялся, что все вопросы, связанные с территориальным урегулированием, будут отложены до окончания войны.

Как известно, к 1944 году советская армия стояла у границ Центрально-Восточной Европы, и Рузвельт, и Черчилль должны были обсуждать территориальные вопросы с СССР в совершенно иных условиях.

Интересно заметить, что политика внешнеполитических кругов США в отношении стран Восточной Европы носила на рассматриваемом этапе довольно противоречивый характер. Характерно, что ни Ф. Д. Рузвельт, ни его преемник на посту президента США Г. Трумэн, так и не смогли преодолеть возникавших противоречий, которые содержали как экономические, так и политические факторы. Официальные лица в Вашингтоне были убеждены в том, что избежать следующего экономического кризиса можно было бы только в том случае, если бы мировые рынки и сырьевые ресурсы были бы открыты для всех стран на основе равных возможностей и доступности. Более того, внутренние условия США диктовали необходимость проведения подобной политики. По мнению американских экономистов, ни в коей мере нельзя было разрешить миру вернуться к условиям 30-х годов, когда страны пытались избежать явлений экономической депрессии, воздвигая таможенные барьеры и региональные торговые блоки, которые тормозили свободное развитие международного обмена. В случае возникновения подобной ситуации в мире США могли бы «выжить», только лишь используя сильное «вмешательство» государства в жизнь общества.

---

[1] The New York Times. – 1941. – June 24. – P. 7.

Интересно заметить, что подобная позиция была изложена в словах вице-президента США Генри Уоллеса, который предупреждал, что «в случае существования долговременной безработицы в Америке единственной проблемой являлась бы следующая: какая из концепций: прусская или марксистская возьмет верх в стране[1]. Подобная перспектива могла бы исчезнуть только в том случае, если бы, говоря словами помощника государственного секретаря Д. Ачесона: «американцы понимали, что невозможно ожидать внутреннего процветания в стране в условиях нашей экономической системы без постоянно расширявшейся торговли с другими государствами»[2]. Как известно, по мнению Государственного Департамента США, «капиталистическая система по своему существу являлась интернациональной, и в случае, если она теряет возможность функционировать на международном уровне, ей приходит конец. Следовательно, по этим причинам, США нуждались в открытых мировых рынках после окончания Второй мировой войны»[3].

В августе 1941 года на конференции в Ньюфаундленде во время встречи с У. Черчиллем Ф. Д. Рузвельт начал осуществлять шаги для воплощения в будущем вышеупомянутой политики. Как известно, в ст. 3 Атлантической Хартии было заявлено двумя лидерами, «что после войны все народы должны иметь право свободно выбирать форму правительства для своей страны». Статья 4 Атлантической Хартии несколько расширяла вышеобозначенное положение, отмечая, «что все государства должны иметь доступ на абсолютно равных условиях к торговле и мировым запасам сырья, которые им необходимы для экономического процветания»[4]. Характерно, что «необходимость» в ресурсах для США необыкновенно возросла в последующие четыре года.

Таким образом, боязнь экономического кризиса и депрессии в определенной степени «формулировали» послевоенные цели внешней политики США, в том числе, и в отношении стран Восточной Европы. Кроме экономических, существовали еще и политические соображения. Согласно подходам, имевшим место во внешнеполитических кругах США, экономические союзы зачастую превращались в политические блоки и, как известно, подобные коалиции не являлись залогом международной стабильности. По этому поводу интересное замечание прозвучало из уст советника по экономическим вопросам Государственного Департамента США Б. Клейтона о том, что «страны, которые действуют как враги в экономических отношениях, не могут быть долгое время друзьями за столом политических переговоров»[5].

Характерно, что в 1944 году США также сделали все возможное, чтобы приобрести как можно больше «друзей» на мировых экономических рынках. На международной конференции в Бреттон–Вудс (Нью–Гемпшир, США) был создан Мировой банк (Международный банк реконструкции и развития), а также Международный валютный фонд, задачами которых являлось предоставление займов для разоренной войной Европы, а также для стран с невысоким потенциалом промышленного развития. По мнению внешнеполитического ведомства США, вышеупомянутые организации должны были содействовать восстановлению, стабилизации и расширению мировой торговли. Интересно, но США имели еще одно, очень важное политическое соображение: голо-

---

[1] Wallace H., Hoover H. Prefaces to Peace. – New York, 1943. – P. 413.

[2] Gardner L. Economic Aspects of New Deal Diplomacy. – Madison, Wisconsin, 1964. – P. 344.

[3] Testimony of Secretary of the Treasury Fred Vinson // The New York Times. – 1946. – March 6. – P. 8.

[4] U.S. Department of State, Foreign. Relations of the United States (FRUS). – Washington D.C., 1948 – Vol. I. – P. 366–368.

[5] Gardner L. Architects of Illusion. – Chicago, 1970. – P. 123.

сование в этих экономических организациях зависело от количества вложенных денежных средств. И поскольку США вложили наибольшее количество финансовых ресурсов, то, таким образом, они и получали возможность контролировать Мировой банк и Международный валютный фонд.

Советник президента США, а также конгрессмен Б. Барух в 1945 году писал о том, что «если мы сможем остановить субсидии рабочей силы, острую конкуренцию на экспортных рынках, а также предотвратить рост военного потенциала государств, то, Боже, какую же долговременную перспективу процветания мы приобретаем!»[1]. Но, как известно, США приходилось иметь дело с возраставшим влиянием СССР и, в этой связи, противоречивость политики США в годы Второй мировой войны продолжала нарастать.

С одной стороны, Вашингтон был максимально заинтересован в создании «открытой» Европы после окончания Второй мировой войны. Как впоследствии выразился один из представителей внешнеполитической элиты США: «Государственный Департамент хотел бы видеть всю Европу к западу от границы России как объединенную континентальную систему, экономически единую в самых главных частях»[2].

С другой стороны, И. В. Сталин постоянно выражал позицию СССР о том, чтобы Ф. Рузвельт и У. Черчилль признали право СССР контролировать значительные части Восточной Европы.

В понимании Сталина «сфера влияния» СССР должна была являться стратегическим «буфером» против Запада, а также служить интересам быстрейшего восстановления экономики СССР после окончания военных действий. Как известно, Сталин отказывался подписывать Атлантическую хартию до того, пока в нее не были внесены необходимые изменения, удовлетворявшие СССР[3].

Таким образом, уже в 1942 году Ф. Д. Рузвельт стоял перед выбором: либо сражаться «за» открытый послевоенный мир (по крайней мере, до границы с СССР), либо согласиться с претензиями СССР на влияние в Восточной Европе. Выбор первой альтернативы, на наш взгляд, подорвал бы сотрудничество СССР и США в годы военных действий: по крайней мере, Советский Союз и Америка вступили бы в послевоенный мир как враги. Выбор второй альтернативы подрывал бы надежды США на триумф принципов Атлантической Хартии и, таким образом, разрушал послевоенное видение мира и процветание США.

Безусловно, США не так уж нуждались в восточноевропейских рынках. Но, по мнению внешнеполитических кругов Америки, стабильный процветающий мир требовал «здоровой Европы», что означало «объединенную» Европу с восточной частью, обеспечивающей продовольствие, и западной – с ее мощным промышленным потенциалом. Столкнувшись с вышерассмотренной дилеммой, Ф. Рузвельт вначале предложил СССР идею контроля послевоенного мира «четырьмя полицейскими» – США, Советским Союзом, Великобританией и Китаем. Но к концу 1943 года, однако, Государственный Департамент США склонял Ф. Рузвельта к изменению предложенного подхода. Концепция «четырех полицейских» не могла быть совмещена с объединенным, открытым миром, по мнению внешнеполитических кругов США. Сферы, контролируемые так называемым «одним полицейским» могли очень быстро стать абсолютно за-

---

[1] Baruch to E. Coblenz, March 23, 1945, Papers of Bernard Baruch, Princeton University Library, Princeton, New Jersey.

[2] Johnson E. A. Dimensions of Diplomacy. – Baltimore, 1964. – P. 93–95.

[3] Herz M. The Beginnings of the Cold War. – Bloomington, Indiana, 1966. – P. VII–VIII.

крытыми «зонами» под полным контролем одного государства. Колебания Ф. Рузвельта продолжались, а тем временем к 1944 году Красная Армия вступила в Восточную Европу, и позиция И. Сталина, как известно, состояла в следующем: «Тот, кто занимает территорию, также устанавливает и свою собственную социальную систему настолько далеко, насколько его армия сможет достичь»[1].

Характерно, что позиция США, Государственного Департамента, еще до вступления Красной Армии на территорию Восточной Европы состояла в неприятии какого-либо разделения Европы на «сферы влияния».

Еще в ноябре 1943 года в своем обращении к Конгрессу США, информируя законодателей о результатах переговоров союзников в Москве, государственный секретарь США К. Галл провозгласил, «что одним из величайших достижений встречи было полное отрицание деления Европы на «сферы влияния», отказ от каких-либо союзов, баланса сил, других специальных договоренностей, посредством которых в «несчастном прошлом» государства стремились обеспечить свою безопасность или защищать свои интересы»[2]. Интересно заметить, однако, что подобная позиция диктовалась рядом соображений самого разного плана.

С точки зрения внутренних факторов, США вынуждены были считаться с этническим аспектом американской внешней политики. Это означало, что нахождение какой-либо страны Восточной Европы в зоне влияния либо СССР, либо Великобритании могло иметь серьезные последствия для администрации президента США. Чем большее количество голосующих в США имело тесные этнические связи с государством Восточной Европы, тем большее давление они могли оказать на принятие того или иного политического решения. Вышеуказанное положение объясняет, в частности, почему Вашингтон придавал такое большое значение Польше среди других стран Восточной Европы. В США проживало около 6 млн. поляков, и их влияние на принятие того или иного решения было достаточно велико. Кроме того, польская диаспора в США пользовалась поддержкой католических кругов Америки. Типичной иллюстрацией вышеуказанного положения могут служить президентские выборы 1944 года в США, перед которыми Ф. Д. Рузвельт, представляя цели Америки в отношении Польши перед польско-американскими организациями, заявлял, что «задача США не только способствовать воссозданию Польши как сильной нации, но также и как государства с народным представительством и миролюбивой внешней политикой»[3].

Характерно, что во время вышеуказанной встречи на стене висела карта, на которой была обозначена Польша в границах 1921 года.

Следует заметить, однако, что преданность демократическим идеалам в политических кругах США не была, безусловно, абсолютной. Как известно, США поддерживали не только всенародно избранные режимы. Сотрудничество в годы войны с СССР, а также отношение со многими латиноамериканскими диктатурами иллюстрирует, что демократические убеждения не играли такой уж большой роли в американской практической политике. Забегая вперед, можно заметить, что факт получения помощи Грецией и Турцией от США согласно «доктрине Трумэна» является также иллюстрацией вышеобозначенного положения. Но, тем не менее, нельзя, безусловно, отрицать тот факт, что США предпочитали бы наличие как можно большего числа демократических правительств в мире.

---

[1] Djilas M. Conversations with Stalin. – New York, 1961. – P. 114.
[2] The Memoirs of Cordell Hull. – New York, 1948. – Vol. II – P. 1314–1315.
[3] Lundestad G. The American Non–Policy Towards Eastern Europe 1943–1947. – Oslo, 1978. – P. 57.

Характерно, что США делали большую ставку на роль Организации Объединенных Наций в обеспечении послевоенного мира и преодолении стремлений к созданию «сфер влияния» и «политических блоков». С точки зрения администрации Ф. Рузвельта и впоследствии Г. Трумэна, создание наднациональной международной организации служило защите интересов США в послевоенном мире по ряду причин.

Во-первых, они видели влияние западных государств и, прежде всего, Америки доминирующим в этой организации.

Во-вторых, США рассчитывали получить дополнительную «поддержку» при голосовании от большой группы стран, предоставлявших Латинскую Америку, а также Китая.

В-третьих, по мнению дипломатов в Вашингтоне, США имели возможность действовать как посредник между главными антагонистами в послевоенном мире, а именно Великобританией и СССР.

В-четвертых, как известно, «идеологической» базой ООН являлись принципы либерализма, последовательно проводившиеся странами Запада и, прежде всего, США.

Таким образом, все вышеобозначенные аргументы, по мнению дипломатов в Вашингтоне, давали возможность США играть решающую роль в мировых делах после окончания Второй мировой войны. Американские внешнеполитические круги считали, что ни Великобритания, ни Советский Союз не были способны проводить свою политику, имея в виду всемирный масштаб принятия тех или иных решений, прежде всего, по причине того, что их внешнеполитические интересы были сосредоточены главным образом на отдельных территориях, а именно: Западной Европе и Британском содружестве – для Великобритании; Восточной Европе – для СССР[1]. Характерно, что политические подходы США к организации послевоенного мира дополнялись, как отмечалось выше, экономическими интересами, а именно желаниями соблюдения экономической свободы во всемирном масштабе.

Следует заметить, что США имели еще одну очень важную группу мотивов, которая заставляла американскую администрацию противодействовать возможному разделению мира на «сферы влияния», а именно: стратегические интересы государства. США стремились создать как можно более благоприятную ситуацию в стратегическом плане для обеспечения своих интересов и в то же самое время всемерно ограничить потенциалы существующих или возможных будущих противников.

Восточная Европа сама по себе являлась второстепенным по важности регионом для интересов США. В течение достаточно длительного времени американская военная элита не выражала особого желания быть вовлеченной в дела этого региона, особенно это касалось Балкан. Западная Европа для США представляла гораздо большую важность и интерес. Стратегическая взаимозависимость Западной Европы и США являлась аксиомой для военных и политических кругов в Вашингтоне. В 1944 году в меморандуме, подготовленном и одобренном объединенным комитетом начальников штабов, подчеркивалось, что «защита США и Канады в Северной Америке, а также Великобритании и Франции в Западной Европе неотделима от объединенной защиты всех вышеперечисленных государств»[2].

Другими территориями, которые, однако, были менее важны для США, являлись Средний Восток, где стратегические соображения, безусловно, играли значительную

[1] FRUS. – 1946. – Vol. VII. – P. 126, 131–132; 200–201.
[2] FRUS. – 1947. – Vol. I. – P. 739–740.

роль в увеличивающейся роли США в Греции и Турции, а также Япония и Тихоокеанский регион, где США стремились поддерживать исключительно американский контроль.

Безусловно, Латинская Америка была самым значительным регионом для США, но американская гегемония здесь не подвергалась ни малейшему сомнению.

После освобождения СССР и продвижения советских войск на территорию Восточной Европы американское внешнеполитическое ведомство стало испытывать понятное беспокойство, поскольку расширение влияния СССР становилось угрозой для американского доминирования в Западной Европе и на Среднем Востоке. По мнению американских дипломатов, советское влияние в Восточной Европе могло быть первым шагом к военному, политическому и экономическому доминированию в регионах, гораздо более важных для национальных интересов США.

В своей телеграмме из Москвы 20 сентября 1944 года посол США в СССР А. Гарриман, говоря об «экспансии» СССР в пограничные страны, подчеркивал, «что пугает меня тот факт, что когда страна начинает распространять свое влияние военными методами за пределы границ под предлогом безопасности, то возникает вопрос, где граница подобного поведения»[1].

Таким образом, исходя из политических, экономических и стратегических соображений, США стремились играть определенную роль и оказывать влияние в большинстве регионов мира после завершения Второй мировой войны. В данном случае мощь Америки выступала определяющим фактором универсальной роли США в мире. В этой связи, конфликт космополитических концепций «американского мира» и «советской модели социализма» произошел на рассматриваемом этапе на территории Восточной Европы.

Несмотря на вышеобозначенную линию США в отношении деления послевоенного мира на сферы влияния, события Второй мировой войны вносили свои коррективы. Значительную роль сыграла и позиция Великобритании, которая не во всем совпадала с внешнеполитическими инициативами Вашингтона.

Принимая во внимание и в расчет желание СССР закрепиться в Восточной Европе, Великобритания стремилась добиться защиты своих интересов в Средиземноморье и на Востоке.

Вопрос стал особенно актуальным в связи с вступлением советский войск на территорию Румынии в апреле 1944 года, и в мае Британское правительство предложило сначала Москве, а затем Вашингтону предоставить Советскому Союзу доминирующую роль в Румынии, а Британии – в Греции. Вскоре У. Черчилль предложил также установить контроль СССР над Болгарией, а британский контроль – над Югославией. Следует заметить, что Ф. Рузвельт неохотно уступил давлению Черчилля и согласился, что предлагаемое разделение ответственности должно быть подвергнуто рассмотрению и изучению в течение трех месяцев, после чего вновь одобрено правительствами союзников[2]. Четыре месяца спустя, в октябре 1944 года, еще одно англо-советское соглашение было заключено У. Черчиллем и А. Иденом в Москве. Согласно ему Советский Союз и Великобритания делили сферы влияния в Румынии в соотношении 90 % к 10 %, т.е. Советский Союз обладал доминирующим влиянием; в Болгарии 75 % на 25 % – в пользу СССР; в Греции 90 % к 10 %, имея в виду доминирующее влияние Ве-

[1] FRUS. – 1944. – Vol. IV. – P. 993.
[2] The Memoirs of Cordell Hull. – New York, 1948. – Vol. II – P. 1451–1459.

ликобритании. Что же касается Югославии и Венгрии, то эти государства были разделены между Великобританией и СССР – в соотношении 50 % на 50 %[1].

Характерно, что У. Черчилль предупредил И. Сталина о том, что «лучше было бы представить заключенную «сделку» в дипломатической терминологии и не использовать фразу «деление на сферы влияния», поскольку американцы могут быть шокированы»[2]. Следует заметить, что Ф. Рузвельт был действительно шокирован заключенным соглашением. В феврале 1945 года У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И. Сталин встретились в Ялте для обсуждения вопросов послевоенного устройства. Как известно, наибольшие дебаты вызвало будущее Польского государства. Интересно, что на протяжении 1943–1944 годов Ф. Рузвельт неоднократно подчеркивал, что будущее польское правительство должно быть дружественно настроено по отношению к СССР. Но хорошо известно, что Советский Союз сделал ставку на так называемый Польский комитет национального освобождения, который еще в конце 1944 года с ведома СССР был преобразован во Временное правительство Республики Польша, целиком контролировавшийся просоветски настроенным руководством.

В этой связи хотелось бы отметить, что организационные контакты компартий восточноевропейских стран с Советским Союзом как мировым коммунистическим центром сложились еще со времени существования Коминтерна. Выросшая из доктринально-политических основ коммунистического движения, эта связь на завершающем этапе Второй мировой войны приобрела особое значение применительно к компартиям Восточной Европы ввиду той важнейшей роли, которую играл СССР в установлении и поддержке их господствующего положения.

В большинстве стран региона советское военное присутствие и включение этих государств в орбиту политического контроля Москвы имело решающее значение для прихода коммунистов к власти. Ф. Рузвельт и У. Черчилль настаивали на включении в состав нового польского руководства представителей польского правительства в эмиграции. В конечном итоге в Ялте было принято решение «о реорганизации польского режима на более широкой демократической основе». Адмирал В. Лехи, главный помощник Ф. Рузвельта по военным вопросам, на конференции подчеркивал, что «соглашение по Польше являлось настолько эластичным, что русские имели полную возможность растянуть его от Ялты до Вашингтона, технически никак не нарушая»[3].

Поскольку советская армия в то время находилась на территории Польши, то большого выбора у Рузвельта не было. Правда, на конференции была принята «Декларация об освобожденной Европе», в которой фиксировался принцип полного самоопределения вновь освобожденных народов, что в целом отвечало американским интересам.

Тем не менее, несмотря на все усилия США и, персонально Ф. Д. Рузвельта, советский контроль над странами Восточной Европы продолжал усиливаться. И. Сталин, как и коммунистические лидеры восточноевропейских государств, говорил о необходимости противостоять натиску империализма. Это относилось не только и даже не столько к конкретной обстановке 1944–1945 годов, сколько к будущему военному столкновению с капиталистическим миром, которое он считал неизбежным. Об этом Сталин говорил 28 января 1945 года на ужине с руководящими деятелями Югославии и

---

[1] Churchill W. Triumph and Tragedy – Boston, 1953. – P. 227.
[2] Kolko G. The Politics of War, 1943–1945. – New York, 1968. – P. 37–39.
[3] FRUS: The Conference at Malta and Yalta, 1945. – Washington, 1955. – P. 234–235, 677–678.

Болгарии, о котором известно из дневника Г. Димитрова, возглавлявшего тогда Отдел международной информации ЦК ВКП(б)[1].

Хотя советский руководитель связывал перспективу будущего столкновения и с возможным возрождением угрозы со стороны Германии, когда последняя оправится от поражения и вновь встанет на ноги, однако, в своих высказываниях 28 января 1945 года он сделал особый упор на неизбежность конфликта с западными союзниками.

«Кризис капитализма, – записал Димитров слова Сталина, – проявился в разделении капиталистов на две фракции – одна фашистская, другая – демократическая. Получился союз между нами и демократической фракцией капиталистов, потому что последняя была заинтересована не допустить господства Гитлера, так как это брутальное господство привело бы рабочий класс до крайности и до свержения самого капитализма. Мы теперь с одной фракцией против другой, а в будущем и против этой фракции капиталистов»[2].

По свидетельству М. Джиласа, в апреле 1945 года Сталин считал, что новая война может разразиться через 15–20 лет. Год с лишним спустя, во время беседы с болгарскими руководителями в начале июня 1946 года, он подтвердил, что передышка до новой войны продлится примерно 10 – 15 лет[3].

Но независимо от того, какие конкретные сроки Сталин называл в том или ином случае, неизменным было главное – нацеленность на неизбежность такого военного столкновения и стремление к образованию блока как важного фактора в предстоявшей конфронтации.

Кризис и противостояние между США и СССР стали нарастать еще в большей степени после того, как Советский Союз включил только трех представителей польского правительства в эмиграции в состав нового руководства Польши, состоявшего из 18 членов.

1 апреля 1945 года Ф. Рузвельт предупредил И. В. Сталина о неприемлемости советских планов в отношении стран Восточной Европы. Спустя несколько дней А. Гарриман, посол США в Советском Союзе, убеждал Рузвельта, что ни в коей мере нельзя разрешать Сталину устанавливать «тоталитаризм», «если мы не собираемся жить в мире, в котором доминирует Советский Союз. Кроме того, мы должны оказывать помощь странам, которые дружественно настроены по отношению к нам»[4].

Как известно, через неделю Ф. Д. Рузвельт умер. Новый президент, Г. Трумэн, «унаследовал» антигитлеровский союз, который, к сожалению, испытывал огромные сложности. Рузвельт, будучи президентом, практически никогда не обсуждал вопросы внешней политики со своим вице-президентом. В свою очередь, Трумэн, говоря о Рузвельте заочно, называл его не иначе, как «политическим евнухом»[5].

Что же касается общей характеристики политики Ф. Д. Рузвельта в отношении региона Восточной Европы, то она носила достаточно противоречивый характер. С одной стороны, президент Рузвельт никогда не «отказывался» от принципов внешней политики США, изложенных в Атлантической Хартии и Ялтинской Декларации «Об освобожденной Европе», с другой стороны, он был далеко не единственным политиком, ко-

---

[1] Димитров Г. Дневник. – София, 1997. – С. 463–464.

[2] Димитров Г. Дневник. – С. 464.

[3] Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. – М.: Наука, 2002. – С. 19.

[4] Record, Vol. III, IV, 11–17 March 1945. Papers of Edward Stettinius, University of Virginia. «Special Information for the President» from Stettinius, April 5, 1945. Lot File 53D444, RG59 in NA Washington D.C., USA.

[5] Truman H. Harry S. Truman. – New York, 1973. – P. 220–222.

торый фактически признал, что Советский Союз должен получить определенную «свободу рук» в странах Восточной Европы.

Выступая в целом «против» деления послевоенного мира на «сферы влияния», США, тем не менее, признавали, что Вашингтон, Лондон и Москва не могли иметь «равное право голоса» во всех частях послевоенного мира. С точки зрения Америки, великие державы имели собственные «поля политического притяжения», и вышеуказанный принцип существовал как один из основополагающих в американской внешней политике и при Ф. Д. Рузвельте и при Г. Трумэне. Наличие «полей политического притяжения» означало, что государство с существенными национальными интересами в определенной части мира обладало большим влиянием, чем другие великие державы.

Таким образом, принципы «сфер интересов» великих держав были вполне совместимы с идеями послевоенного устройства мира, провозглашенными в Атлантической Хартии и Декларации «Об освобожденной Европе». И следует заметить, что большинство политиков США совмещали этих два вышеобозначенных постулата.

Государственный секретарь США Дж. Бирнс подчеркивал в этой связи, «что США, политически не возражали бы против доминирующего влияния СССР на Балканах, но, в то же время, это совсем не означает, что воздействие США должно совсем отсутствовать»[1].

Тем не менее, несмотря на понимание наличия национальных интересов СССР в восточноевропейском регионе, США продолжали настаивать на проведении свободных выборов и формировании органов власти, полностью отражавших народное волеизъявление.

Совершенно очевидно, что американская внешняя политика на Балканах подвергалась существенным изменениям по мере расширения советского влияния в Восточной Европе. Забегая вперед, можно отметить, что вышеуказанное положение было продемонстрировано впервые в Триестском конфликте в самом конце войны, но, вполне очевидно, что данный кризис в большей степени относился к американскому участию в итальянских проблемах, чем в балканских. Тем не менее, увеличивавшаяся поддержка Греции и Турции на протяжении 1946 года, которая логично завершилась принятием «доктрины Трумэна», демонстрирует, насколько легко США использовали возможность играть ведущую роль в Балканском регионе.

Американские дипломаты вынуждены были пойти на определенные уступки превосходству Советского Союза в Восточной Европе, что было выражено в июньском соглашении 1945 года по поводу формирования правительства Польши и в декабрьском соглашении 1945 года по вопросу о новом руководстве Румынии и Болгарии. США сделали все, что могли, признав необходимость включения определенной части оппозиционных, некоммунистических членов во вновь сформированные правительства Польши, Румынии и Болгарии.

Г. Трумэн, став президентом США, испытывал значительные личностные комплексы, что в определенной степени отражалось на его внешнеполитических подходах. Однажды в разговоре с журналистами он охарактеризовал свои первые ощущения на посту президента следующим образом: «Я чувствовал, как Луна, звезды, и все планеты одновременно падают на меня»[2]. Г. Трумэн пытался преодолеть свои комплексы и огромное чувство ответственности несколькими способами.

---

[1] Lundestad G. The American Non–Policy Towards Eastern Europe 1943–1947. – Oslo, 1978. – P. 93.
[2] Truman H. Harry S. Truman. – New York, 1973. – P. 220–222.

Во-первых, он чрезвычайно ревниво относился к своим президентским полномочиям и был необыкновенно подозрителен ко всем, кто каким-либо образом, по его мнению, посягал на эти полномочия.

Во-вторых, Г. Трумэн намерен был быть как можно более жестким в отношении Советского Союза. Он считал, что «США были чрезвычайно снисходительны к русским, что совершенно недопустимо с точки зрения интересов Америки»[1]. Трумэн чрезвычайно внимательно относился к советам таких политиков, как А. Гарриман, которые предупреждали его о «завоевании Европы варварами». Трумэн также пытался оказывать давление на Сталина и Молотова, требуя выполнения ялтинских договоренностей о свободных выборах и в демократически созданных правительствах. Как и следовало ожидать, Советский Союз полностью отверг подобные претензии и требования. И. В. Сталин заявил в отношении Польши, «что ее территория граничит с Советским Союзом, чего нельзя сказать о Великобритании и США», и что Советский Союз не выражал никакого желания вмешиваться в дела Бельгии и Греции, где американцы и англичане принимают решения без всякого согласования с СССР»[2]. В июне 1945 года Трумэн неохотно согласился на компромисс, когда Сталин включил несколько представителей польского правительства в эмиграции в состав вновь созданного руководства Польши. Американская сторона надеялась, что политическое признание нового руководства Польши разрешит им использовать экономическую власть для открытия Польши «политике равных возможностей в торговле, инвестициях и доступа к источникам информации»[3].

Следует заметить, однако, что жесткий подход Г. Трумэна лишь усугубил желание СССР контролировать страны Восточной Европы. В этой связи чрезвычайно показательны слова бывшего вице-президента США Г. Уоллеса, сказанные им 12 сентября 1946 года, о том, что «манипуляции Великобритании и США с позиций баланса сил, а также антирусское давление могут привести к войне, поскольку жесткость со стороны англо-американцев вызывает еще большее ожесточение со стороны СССР». По мнению Г. Уоллеса, США не имели оснований «совать свой нос» в дела Восточной Европы, точно так же, как Россия не должна была вмешиваться в политические процессы Латинской Америки, Западной Европы и самих США»[4].

Характерно, что во взаимодействии с коммунистическими партиями на завершающем этапе Второй мировой войны Сталин не стремился много говорить о реализации «мировой социалистической революции». Основное внимание в его выступлениях и намерениях отводилось обеспечению безопасности СССР и укреплению его личной власти во взаимоотношениях с лидерами коммунистических партий стран Восточной Европы. Как известно, в 1943 году был распущен Коминтерн, но, интересно заметить, что Сталин продолжал оказывать сильнейшее воздействие на поведение лидеров коммунистических партий уже иными методами. В 1944–1945 годах по его приказу, в частности французские коммунисты, начали сотрудничать с союзниками по антигитлеровской коалиции вместо того, чтобы стремиться к захвату политической власти в стране.

---

[1] «Private Calendar Notes, 4/13/45», Box 224, Stettinius Papers, University of Virginia Library, Charlottesville, USA.

[2] Truman H.S. Memoirs. – Garden City. – New York, 1955. – Vol. I. – P. 82.

[3] FRUS: The Conference of Berlin. – Washington D.C., 1950. – Vol. I. – P. 262–264.

[4] New York Times. – 1946. – September 13. – P. 3.

На конференции в Потсдаме, состоявшейся в июле 1945 года, Г. Трумэн и государственный секретарь США Дж. Бирнс в ходе переговоров с И. В. Сталиным пришли к заключению о фактическом признании новой западной границы Польши по линии рек Одра (Одер) и Ныса (Нейсе). К Польше должна была также отойти часть Восточной Пруссии. В качестве восточной границы участники конференции высказались за линию Керзона с некоторыми отступлениями в пользу Польши.

Таким образом, достигнутые договоренности означали, что Польша становилась одним из ключевых звеньев советской системы безопасности в Европе, к формированию которой Москва приступила на заключительном этапе войны.

После возвращения из Потсдама Г. Трумэн получил известие о создании в США атомной бомбы. И, как известно, 6 августа 1945 года атомная бомба была сброшена на г. Хиросиму. Таков был результат Ф. Д. Рузвельта, инициировавшего развитие и разработку атомного проекта с 1941 года. Политические деятели США ни на минуту не сомневались, что используют атомное оружие, если оно будет быстро разработано. Кроме того, Рузвельт к концу 1944 года принял решение не делиться информацией об атомном оружии со Сталиным. К лету 1945 года вышеуказанный подход, а также растущая конфронтация США и СССР в Восточной Европе заставляли американских политиков думать об обеспечении безопасности своих интересов в других регионах мира, прежде чем Советский Союз сумеет овладеть секретом атомного оружия[1].

В военном плане, использование атомного оружия против Японии, по мнению американской стороны, помогло завершить войну как можно скорее и избежать около 1 млн. жертв, которые могли быть при осуществлении вторжения в Японию.

Дипломатически же, получив обещание Сталина об участии Советского Союза в сражении против Японии примерно через три месяца после окончания войны с Германией, американские официальные лица испытали облегчение. Правда в середине лета 1945 года Г. Трумэн и Дж. Бирнс все еще не были уверены в том, что хотели бы, чтобы СССР принимал такое активное участие в войне против Японии.

По мнению Г. Трумэна, «бомба являлась величайшей ценностью в истории», и он никогда не испытывал ни малейшего сожаления, что США использовали ее. Американский президент заключил в этой связи, что «когда вы имеете дело со зверем, вы должны относиться к нему как к зверю»[2].

19 августа 1945 года по американскому радио было объявлено, что «США обладали самым мощным флотом, самыми лучшими сухопутными силами и самым большим и наиболее эффективным воздушным флотом и, таким образом, вместе с британскими союзниками секретом самого страшного оружия в мире»[3].

В этом же месяце государственный секретарь Дж. Бирнс публично заявил о целях американской внешней политики. По его мнению, международная политика США находилась в тесном взаимодействии с внутренним политическим курсом. «Наши внешние отношения неизбежно воздействуют на занятость в США. Процветание и депрессия в США также неизбежно воздействуют на наши отношения с другими странами мира». По мнению Бирнса, «длительный и прочный мир не может быть построен на

---

[1] Sherwin J. Martin. The Atomic Bomb and the Origins of the Cold War // American Historical Review. – 1973. – October LXXVIII. – P. 945–968.

[2] Rose A. Lisle, Dubios Victory: The United States and the End of World War. – Kentucky: Kentucky State University Press, 1973. – P. 363.

[3] Dennet R., Turner R. Documents on American Foreign Relations. – Princeton, 1948. – Vol. VIII (1945–1946). – P. 601–602.

экономическом основании блоков и экономической войне». Кроме того, Дж. Бирнс отметил, «что во многих странах наша политическая и экономическая вера находится в конфликте с идеологией, которая отвергает оба этих принципа». В заключение Бирнс подчеркнул, что, «поскольку мы способны хорошо управлять нашими внутренними делами, мы должны «обращать» в нашу веру людей в каждом государстве»[1].

Как известно, Советский Союз придерживался иных принципов, и конфронтация продолжала нарастать.

Таким образом, в самом начале «холодной войны» проблема Г. Трумэна состояла ни в коей мере не в угрозе советского вторжения в Азию или Европу, ни в определенных настроениях общественного мнения США, а в Восточной Европе, где, по мнению американской стороны, были подвергнуты вызову принципы Атлантической хартии, а также растущая уверенность в Вашингтоне, что американская система может работать только глобально, в масштабах всего земного шара. Тем не менее, «фактическое разделение» Германии произошло, а значительная часть Восточной Европы оказалась под полным контролем Советского Союза. Кроме того, СССР «подорвал» монополию США на обладание атомной бомбой в октябре 1945 года[2].

Возник закономерный вопрос: как же США отреагируют на разрушение их мечты об установлении «американского мира» после окончания войны?

В этой связи необходимо заметить, что укрепление советских позиций в Восточной Европе заставило дипломатов США и общественное мнение страны заметно изменить свой взгляд на недавнего союзника. Эти изменения могут быть проанализированы на четырех уровнях.

Во-первых, значительное число американских граждан, начиная от обычных солдат и заканчивая политиками самого высокого ранга, фактически пришли в непосредственный контакт с гражданами СССР и их совершенно отличными от западных принципами и образом жизни. Многие стали приписывать эти различия воздействию Азии на русскую и советскую культуру. Характерно, что А. Гарриман говорил в апреле 1945 года о «возможности завоевания Европы варварами» и отмечал, что величайшее преступление Гитлера состояло «в открытии ворот Европы для азиатской орды». Генерал Дж. Паттон подчеркивал, что «советские солдаты иногда вели себя, как древние татаро-монгольские разбойники»[3].

Во-вторых, неприятие поведения СССР укрепило влияние в Конгрессе США тех членов, которые подвергали критике политику Ф. Д. Рузвельта и требовали, чтобы СССР выполнял договоренности Ялты только так, как США их понимали. Сенатор Артур Ванденберг, в частности, смотрел на поведение Советского Союза через призму польского вопроса и ни в коей мере не принимал его. В своем дневнике он записал: «Я не знаю, что это такое. Возможно, Мюнхен. Мы должны стоять возле наших орудий, – это та точка, где мы должны «выиграть и прекратить» умиротворение красных до того, когда это будет уже слишком поздно»[4].

В-третьих, американские дипломаты все в большей степени обвиняли Ф. Д. Рузвельта в недостатке политической мудрости при взаимодействии с Советским

---

[1] Dennet R., Turner R. Documents on American Foreign Relations. – Princeton, 1948. – Vol. VIII (1945–1946). – P. 601–602.

[2] Department of State Bulletin. – 1945. – October 28. – Vol. XIII. – P. 7–8.

[3] US Department of State, FRUS. – 1967. – Vol. V. – P. 234.

[4] Wilfred L. Die Teilung der Welt: Geschichte des Kalten Krieges 1941–1955. – Deutscher Taschenbuch Verlag: Munich, 1980. – P.100.

Союзом. Они верили и надеялись, что миром можно будет управлять посредством наднациональных организаций, но вынуждены были испытать разочарование и в то же самое время при взаимодействии с СССР оказались неспособны обеспечить некоммунистическое будущее для стран Восточной Европы. Следует заметить, что американская внешнеполитическая элита недооценила нужды безопасности СССР в Восточной и Юго-Восточной Европе и в то же время переоценила желание Советского Союза расширять свое влияние. Появилась так называемая «теория домино», в соответствии с которой предполагалось, что если одна страна оказалась под влиянием СССР, то скоро наступит очередь другой. В этой связи, А. Гарриман в апреле 1945 года заявлял перед членами Государственного Департамента, «что советские планы установления стран-сателлитов представляли значительную угрозу»[1].

По мнению Государственного Департамента, то, что происходило в Восточной и Юго-Восточной Европе являлось показателем того, что могло произойти в масштабе всего мира, если США не будут действовать, чтобы предотвратить подобное развитие событий. Г. Стимсон, министр обороны США, предупреждал Г. Трумэна о том, что нарастающий хаос в Западной и Центральной Европе может привести к политической революции и проникновению коммунистических идей.

Таким образом, к лету 1945 года голоса, призывавшие к выполнению Ялтинских соглашений и недопустимости уступок СССР, а также стабилизации всех стран, в которых не было советских войск, доминировали во внешнеполитической элите США. В-четвертых, смерть Ф. Д. Рузвельта и приход к власти Г. Трумэна нарушили баланс между внешним и внутренним компонентами внешней политики США. К сожалению, последний не смог продолжать политику Ф. Д. Рузвельта, поскольку только сам Ф. Рузвельт мог ее осуществлять. Г. Трумэн пришел к выводу, что СССР нуждался в США больше, чем наоборот, и, следовательно, он ожидал практически 85 % выгоды для американской стороны при переговорах с СССР[2]. Его жесткость вызывала ответную реакцию СССР, и, следовательно, компромисс оказался невозможным.

События 1945 года заложили фундаментальные основы для развития «холодной войны» впоследствии:

Во-первых, в 1945 году внешняя политика США претерпела значительные изменения. В целом, Америка стремилась разрешать возникавшие конфликты с СССР в основном в свою пользу. Это заставляло Советский Союз концентрировать усилия на укреплении своих позиций в Восточной и Юго-Восточной Европе. Тем не менее, до осени 1947 года Москва стремилась к поиску компромисса с США.

Во-вторых, основной причиной изменений в политике США было утверждение позиций СССР в Восточной Европе. Американская сторона недооценила нужды безопасности Советского Союза и, следовательно, только преуспела в поощрении «советизации» региона. Советская сторона опасалась «марша» капитализма, который в свою очередь обязательно сопровождался бы ростом «американского империализма».

В-третьих, несовместимость американских и советских принципов проявилась бы рано или поздно, но совсем необязательно, что это должно было привести к делению мира на враждебные блоки. Экономическая экспансия США была неизбежна, но это не означало, что экспорт капитала или продукции должен был сопровождаться ростом империализма США. Поскольку войска США были выведены из Западной и Южной

[1] FRUS. – 1967. – Vol. V. – P. 234.
[2] Truman H.S. Memoirs: Years of Decisions. – New York; Doubleday, 1955. – P. 81–82.

Европы и не было боязни, что эта территория вновь окажется под коммунистическим контролем, следовательно, не было никакой необходимости для США играть доминирующую роль в регионе. Интересно, что перспективы социал-демократической, но некоммунистической Европы хорошо просматривались в 1945 и 1946 годах.

В-четвертых, если бы США признали советскую сферу влияния в Восточной Европе и, одновременно, привлекали бы Советский Союз к контролю над атомным оружием, а также вложили бы определенные средства в восстановление экономики СССР, – это могло бы несколько сократить и сгладить растущие противоречия. Американская внешнеполитическая элита недооценила интересы безопасности СССР в Восточной Европе и видела лишь «советскую экспансию» и, следовательно, отказывалась от всякого сотрудничества. Это в свою очередь заставляло СССР рассматривать политику США «как агрессивную капиталистическую экспансию» и усугубляло желание «обезопасить» свою сферу влияния. Круг замыкался, и образование враждебных военных блоков становилось неизбежным.

Таким образом, изменения, произошедшие в американской внешней политике к концу 1945 года, имели место в то время, когда большинство наиболее важных послевоенных проблем в мире еще не были разрешены: будущее Германии не было определено, мирные договоры с бывшими союзниками Германии не стали еще предметом переговоров, положение европейской экономики было критическим. Соотношение сил на международной арене претерпело серьезные изменения. США превратились в ведущую мировую державу, а СССР, как известно, расширял свое влияние в Восточной Европе. В Западной и Южной Европе образовался вакуум влияния. Все эти проблемы сопровождались усилением советско-американского противостояния или, иначе говоря, обеспечили базу для расширения конфликта.

«Доктрина сдерживания» сыграла решающую роль в мышлении американской капиталистической элиты в отношении конфликта между Востоком и Западом. Ее наиболее активным проводником в американской внешней политике являлся Дж. Кеннан, занимавший в рассматриваемый период пост советника посольства США в Москве. Еще до начала Ялтинской конференции он выступал за разделение мира на сферы влияния и пропагандировал войну против Советского Союза. Государственный Департамента выбрал Дж. Кеннана для написания аналитической записки по поводу политики Советского Союза. Знаменитая «Длинная телеграмма» Кеннана от 22 февраля 1946 года представляла собой один из наиболее важных документов послевоенного времени. По его мнению, подозрительность и агрессивность советского руководства исходила из «основных внутренних потребностей Советского Союза», а не из объективного анализа ситуации за пределами российских границ». Согласно взглядам Кеннана, одной из основных проблем для России было традиционное и инстинктивное чувство отсутствия внешней безопасности. Это, по мнению Кеннана, заставляло советских лидеров постоянно обороняться «в борьбе за полное уничтожение вражеской державы и никогда не идти ни на какие компромиссы»[1]. Американские уступки, согласно его взглядам, никак не повлияли бы на советскую агрессивность. Согласно взглядам Дж. Кеннана, Советский Союз и его руководство представляли собой фанатиков, которые считали, что «с США не может быть «modus vivendi», и что совершенно понятно, что Советский Союз будет стремиться к разрушению внутренней гармонии американского общества, привычного уклада жизни, и что международное положение

[1] Kennan G.F. Memoirs 1925–1950. – New York: Bantam, 1969. – P. 300.

США также будет подвергаться опасности, в случае если советская власть не будет испытывать никаких беспокойств по поводу своего положения»[1].

Исходя из подхода Дж. Кеннана Советский Союз был намерен делать все, что в его силах, для укрепления мощи стран, находившихся под его влиянием, и для ослабления капиталистических государств. В этом случае, по мнению Кеннана, особая роль должна была принадлежать коммунистическим партиям, руководимым из Москвы, которые в результате искали любые возможности для подрыва положения западных государств и тех стран, которые будут сопротивляться их доминированию. Таким образом, исходя из складывавшейся международной обстановки западные государства должны были стремиться к объединению в тесный блок, руководимый США.

Следует заметить, что анализ Кеннана придавал огромное значение роли идеологии в формировании целей советской внешней политики. Интересно также, что Кеннан был чрезвычайно пессимистично настроен по поводу перспектив либеральной капиталистической системы в Восточной Европе.

Характерно, что год спустя, в 1947 году, Кеннан начал использовать термин «сдерживание» для описания своего хода мыслей, но, опять-таки, в 1946 еще не просматривалось, что в результате практической реализации его идей состоится разделение Германии и Европы в целом на противостоящие блоки государств.

Совершенно понятно, что вышерассмотренная «Длинная телеграмма» Кеннана наносила сокрушающий удар по надеждам, которые имели место во время заключения ялтинских договоренностей.

Взгляды Кеннана были чрезвычайно высоко оценены в среде американской внешнеполитической элиты. Дж. Бирнс считал, что «Длинная телеграмма» представляла собой «потрясающий политический анализ». Дж. Форрестал, представитель военной элиты США, настолько высоко оценил идеи Кеннана, что немедленно изготовил сотни копий и начал их распространять. Сам Дж. Кеннан был отозван из посольства США в Москве в апреле 1946 года для личного участия в популяризации его идей по всей стране.

Кроме того, после публикации статьи Дж. Кеннан началась кампания в средствах массовой информации США. Сенатор Ванденберг говорил о подозрительности в отношении намерений СССР в Сенате США; Дж. Бирнс всемерно давал понять, что Америка ни в коей мере не потерпит каких-либо изменений в статус-кво, в результате чего будет нанесен урон интересам США.

У. Черчилль в присутствии президента Г. Трумэна произнес свою знаменитую речь в Фултоне, Миссури, 5 марта 1946 года, где призвал к американо-британскому союзу для предотвращения экспансии СССР. Интересно заметить, что речь У. Черчилля была достаточно холодно встречена американской аудиторией, которая пока еще не была готова к «установлению особых контактов с Великобританией».

Целый ряд статей появился также в американских изданиях, таких как «Time», в номере от 1 апреля 1946 года, в журнале «Life» – от 3 и 10 июня 1946 года, в которых Дж. Даллес предупреждал о возможности установления «советского мира» или Pax Sovetica, призывал американцев к демонстрации военной силы, а также к обеспечению экономической помощи режимам, находящимся под угрозой советского доминирования[2].

---

[1] Yergin D. Shattered Peace: the Origins of the Cold War and the National Security State. – New York: Penguin, 1980. – P. 169.

[2] McCauley M. The Origins of the Cold War. 1941–1949. – London, New York: Longman, 1995. – P. 73.

Таким образом, «Длинная телеграмма» Дж. Кеннана являлась еще одним решающим фактором изменения курса администрации Г. Трумэна в направлении формирования жесткой политики в отношении СССР.

Когда же Г. Трумэн попросил своих помощников К. Клиффорда и Дж. Элси подготовить детальный анализ советско-американских отношений, то все ответы, полученные им, представляли собой различные интерпретации «Длинной телеграммы» Дж. Кеннана. По мнению советников американского президента, само существование Советского Союза угрожало интересам США. Следовательно, Америка должна была говорить на языке военной мощи и проводить политику «сдерживания» советской угрозы как свою основную цель. США должны были защитить американские интересы по всему миру, а также стремиться к покровительству над «малыми государствами», которые находились под угрозой советского доминирования. Странам, которые находились за пределами советской сферы влияния, должна была быть оказана экономическая и политическая поддержка в борьбе против возможного проникновения СССР.

Таким образом, «доктрина сдерживания», принятая на вооружение администрацией Г. Трумэна, к 1947 году включала следующие основные компоненты:

Во-первых, США и их союзники должны были постоянно наращивать свою военную мощь и уверенность в том, что они обязаны «сдерживать» советские тенденции экспансии «в любой части мира, где влияние и присутствие СССР будет угрожать интересам мирных и свободных государств». Использование нарастающей военной мощи западных стран будет способствовать увеличению напряжения советского государства, а также наложению определенных ограничений на сферу потребления населения и, таким образом, будут способствовать разрушению и постепенному ослаблению советской власти»[1].

Во-вторых, США должны были всемерно содействовать экономическому восстановлению государств Западной Европы, с тем, чтобы они имели возможность возобновить свое участие в мировых процессах и, таким образом, послевоенные проблемы, на которых могли сыграть коммунисты, были снижены или полностью ликвидированы. Следовательно, свобода, сила и процветание Западной Европы снизят власть коммунистов внутри самих западноевропейских стран, а также повлияют на советскую империю в наиболее благоприятном для западных интересов варианте.

В-третьих, некоммунистические государства, особенно находившиеся в Североатлантической и Средиземноморской частях мира, должны тесно координировать свою политику и объединять все возможные усилия.

В-четвертых, западноевропейские государства должны были работать в направлении создания экономического и политического единства с целью завершения конфликтов, разрушавших Европу, сопротивления влияния коммунизму, а также создания политической системы и национальной идеологии, которая могла быть привлекательной для народов Центрально-Восточной Европы, а также для оказания дезинтегрирующего влияния на советскую империю.

В-пятых, поведение самих США, в особенности, а также некоммунистических государств, в целом, должно было способствовать утверждению базовых, духовных ценностей цивилизованного общества, восстановлению уверенности народов в демо-

[1] X. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. – July, XXV. – P. 581–582.

кратических правительствах, разоблачению коммунистических мифов о «привлекательности» советской системы, «которая сама в себе несла зерна своего упадка»[1].

Все вышеизложенные положения «доктрины сдерживания» нашли свое выражение в последующих инициативах США, таких как «доктрина Трумэна», «план Маршалла», создание Североатлантического альянса. Г. Трумэн предложил помощь США Греции и Турции с целью успешного сопротивления коммунистам. Он отмечал в этой связи, «что политикой США должна быть поддержка свободных народов, которые сопротивляются попыткам подчинения или внешнему давлению»[2].

Позже, в 1947 году, Государственный секретарь США Дж. Маршалл предложил план экономического восстановления Европы, причем, несмотря на «доктрину Трумэна», Маршалл верил в то, что от плана могут выиграть и страны, находившиеся под советским контролем. Как известно, Советский Союз отверг план и, таким образом, к этому времени журналист В. Липпман все чаще стал употреблять термин «холодная война». В правительственных органах Великобритании и США были созданы специальные комитеты, занимавшиеся разработкой основных направлений противодействия угрозе советского блока. В начале 1947 года в правительства США были образованы Центр планирования политики (PPS – Policy Planning Staff), а также Совет Национальной Безопасности, которые сыграли огромную роль в выработке основных внешнеполитических решений. Дж. Кеннан занимал пост директора Центра планирования политики до конца 1949 года. Характерно, что Дж. Кеннан не был согласен с принятой «доктриной Трумэна», поскольку, по его мнению, она излишне расширяла американские обязательства.

Таким образом, в результате противостояния СССР и США на заключительном этапе и сразу после окончания Второй мировой войны страны Восточной Европы оказались в сфере доминирующего влияния СССР со всеми вытекающими политическими, идеологическими, экономическими и культурными последствиями. Они в конечном итоге превратились как в объект, так и в субъект противостояния между Востоком и Западом. «Доктрина сдерживания», взятая на вооружение администрацией США, на рассматриваемом этапе получила практическое воплощение и на территории стран Восточной Европы.

Однако возникает вопрос, почему «доктрина сдерживания» так быстро распространилась и оказала судьбоносное влияние на послевоенное мировое развитие? На наш взгляд, тому есть следующие основания.

Во-первых, мнение У. Черчилля, что политика «умиротворения» расчистила дорогу Гитлеру и разрешила ему развязать мировую войну, было в значительной мере принято и одобрено политической элитой США. Практически, Советский Союз рассматривался как тоталитарное и экспансионистское государство, очень сходное с нацистской Германией. Оба режима нуждались в экспансии и, таким образом, представляли собой угрозу национальной безопасности для других государств. По мнению американской политической элиты, Запад позволил себя обмануть Германии, но не мог допустить такой же ошибки в отношении Советского Союза.

Во-вторых, парадоксально, но увеличение американской мощи после окончания войны не сопровождалось ростом чувства безопасности, а скорее наоборот. США прекрасно осознавали все возможные угрозы для своей безопасности. Огромное увеличе-

---

[1] Там же.

[2] Цит. по: May Er. American Cold War Strategy: Interpreting NSC 68. – New York, Boston: Bedford Books of St. Martin's Press, 1993. – P. 2.

ние мощи Америки после Второй мировой войны по всему миру означало также и рост возможностей потенциального конфликта, усугубленного наличием оружия массового уничтожения.

В-третьих, чувство неуверенности в США усугублялось исторической памятью депрессии 1930-х годов. Менеджмент, рабочая сила изыскивали возможности избежать возможной депрессии в будущем, положение западных государств на рассматриваемом этапе не оставляло оснований для оптимизма. Возможным решением, по-прежнему, оставалось развитие всемирного свободного рынка капиталов, товаров, ликвидация таможенных барьеров.

В-четвертых, рост военного потенциала и мобилизация в годы Второй мировой войны способствовали и колоссальному увеличению производства и обогащению США. По мнению Дж. Кеннана, мировая война могла быть вполне заменена «холодной войной», и, таким образом, экономика США вновь оказывалась в выигрыше.

В-пятых, Вторая мировая война способствовала колоссальному росту военной бюрократической машины в США. Окончание войны наносило удар по ее интересам, и, таким образом, требовалась новая мощная причина для возрождения. В данном случае советская военная угроза являлась чрезвычайно удобным выходом из положения. Интересно, что стремление после окончания войны объединить управление армией, авиацией, флотом в одном министерстве привело к тому, что все части вооруженных сил начали вести борьбу за свое собственное «независимое существование».

В свою очередь, Советский Союз также был настроен агрессивно в отношении западных государств и, прежде всего, США. В своем так называемом «предвыборном» выступлении 9 февраля 1946 года И. В. Сталин провозгласил незыблемую ценность теории марксизма-ленинизма и ее вывода, в частности, о том, что, пока существует капитализм, остается вероятность и опасность раскола капиталистического мира на враждебные группировки и войны между ними. В этой связи, по мнению Сталина, советские люди должны были приготовить себя к атмосфере 1930-х годов, стремиться развивать базовые отрасли промышленности в ущерб производству потребительских товаров. В ближайшие годы нельзя было ожидать ни внешнего, ни внутреннего мира[1]. Следует заметить, что вышеуказанные слова глубоко воздействовали на атмосферу в Вашингтоне[2].

17 марта 1948 года Государственный секретарь Дж. Маршалл проинформировал некоторых из послов США в странах Европы, что «основными целями США в отношении советских союзников на Балканах, а именно Югославии, Албании, Болгарии, Румынии и Венгрии, является вовлечение этих государств как демократических независимых членов в семью свободных наций на условиях, гарантирующим людям пользование всеми правами и свободами, без дискриминации в отношении США и других свободных наций[3].

На наш взгляд, на завершающем этапе Второй мировой войны и сразу после ее окончания столкнулись две космополитические концепции международных отношений: идея «господства» под лозунгом «защиты национальных интересов США» и идея «пролетарского интернационализма». Это, безусловно, вело к тотальной вовлеченности

---

[1] Stalin I.V. Speech Delivered at a Meeting of Voters of the Stalin Electoral Area of Moscow, February 9, 1946. – Washington D.S., Embassy of the USSR, March 1946.

[2] Forrestal J. The Forrestal Diaries. –New York, 1951. – P. 134–135.

[3] Foreign Relations of the United States. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1974. – Vol. IV. – P. 312.

малых национальных государств, Югославии в том числе, в дела двух сверхдержав – СССР и США, к формированию биполярной структуры мира и жесткой конфронтации между двумя полюсами.

2.2. Место Югославии в европейской геополитике

Территория бывшей Югославии является чрезвычайно важной в стратегическом отношении для современного мирового развития – в географическом, политическом и идеологическом планах. Эти земли представляли собой на протяжении более чем четырнадцати столетий арену борьбы между различными цивилизационными влияниями. Конфликт фактически начался со столкновения южных славян с валахами, греками и арабами по мере их продвижения вглубь Балканского полуострова. Это противостояние приобрело впоследствии форму политической и религиозной борьбы между Римом и Константинополем за гегемонию на Балканах, что продолжилось в противоборстве Австро-Венгрии и Османской империи в последующие столетия. По мере упадка Османской империи, обусловленного внутренними и внешними причинами, такие державы, как Австрия, Россия, Великобритания, Франция и позднее Германия, начали использовать экономические, политические, военные средства для распространения своего влияния на территории, где проживали южные славяне.

Конфликт, столкновения и борьба на Балканах множества политических сил были главным образом результатом перекрещивающегося влияния различных цивилизаций. Этнонациональные, этноконфессиональные, территориальные противоречия и споры между народами, населяющими Балканы, смешивались здесь с долговременными геополитическими, геостратегическими, национальными интересами более крупных соседних государств, а также великих держав XX века.

Бывшие республики федеративной Югославии, а ныне независимые государства, своими экономическими, религиозными, культурными, политическими отличиями очень ярко отражают предшествующую историю.

Хорваты и словенцы оказались под воздействием превалирующего западного цивилизационного влияния, приняв католичество и латинский алфавит после 1054 года, и находились в зависимости и под контролем Венеции, Венгрии и Австрии. Хорваты, являясь этнически и лингвистически южными славянами, приняли в большей степени вектор западного развития после крушения Сербской империи на протяжении 1356–1459 годов.

Сербы и черногорцы, являясь православными и используя кириллицу, превратились в культурный и политический центр югославского национализма, а также панславизма в течение XIX–XX столетий.

Босния-Герцеговина и Македония попали под влияние Османской империи, и большинство населения на этих территориях приняло ислам и мусульманские традиции. Воеводина являлась формально частью Венгрии, а Косово-Метохия имело значительное албанское население.

Тенденции югославянского национализма стали проявляться к концу XVIII столетия, и после длительной борьбы и при помощи России Сербия завоевала политическую независимость, что и было зафиксировано в решениях Берлинского конгресса 1878 года.

Постепенно Сербия стала ядром формирующегося югославского национализма и панславизма, что впоследствии приобрело черты великодержавного сербского гегемонизма под лозунгами создания Великой Сербии.

Сербия также сыграла ведущую роль в процессе образования первого независимого государства южных славян – Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918

году, что и явилось, по существу, реализацией идеи «Великой Сербии». В межвоенный период развитие Королевства сербов, хорватов и словенцев с 1929 г. – Королевство Югославия в экономическом, политическом и национальном планах характеризовалось острейшими противоречиями, главным из которых был «хорватский вопрос», а именно стремление хорватов к равенству и автономии, избавление их от доминирующего сербского влияния в новом государстве. В условиях отсутствия демократических традиций, низкой политической культуры населения, правящих элит эта борьба приобретала формы острейшего противостояния, приводившего к изменению политического режима, существующего в стране.

В целом, в то время как правящие круги Югославии занимали двойственную позицию, а Франция и Англия все отчетливее теряли интерес к Юго-Восточной Европе, политика Германии на Балканах после прихода Гитлера к власти может быть охарактеризована, как «тихая экспансия», осуществляемая главным образом экономическими средствами.

Экономические средства дополнялись политическими, и своего апогея прогерманская политика Югославии достигла 25 марта 1941 года, в день, когда югославский премьер-министр Д. Цветкович и министр иностранных дел А. Цинцар-Маркович в Вене подписали протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту.

Это вызвало волну массовых антиправительственных выступлений. В день подписания пакта патриарх сербской православной церкви Гаврило Дожич выразил протест князю Павлу, а затем выступил по белградскому радио с призывом ко всем сербам теснее сплотиться вокруг веры. В ночь на 27 марта группа офицеров, возглавляемая командующим военно-воздушными силами югославской армии генералом Д. Симовичем, совершила в Белграде государственный переворот, сместила князя Павла и возвела на престол юного короля Петра II. В новое югославское правительство «народного согласия» во главе с Д. Симовичем вошли представители оппозиционных партий, а также некоторые члены бывшего правительственного кабинета.

В день югославского государственного переворота Адольф Гитлер приказал германскому командованию «разрушить Югославию как государственное образование со всей возможной жестокостью»[1].

В ходе быстротечной военной кампании – так называемой «апрельской войны», продолжавшейся 11 дней, югославская армия была разгромлена. 17 апреля 1941 года югославское командование было вынуждено капитулировать, и король Петр вместе со своим новым правительством покинул страну, уехав через Грецию в Иерусалим. 17 апреля 1941 года бывший министр иностранных дел А. Цинцар-Маркович и бригадный генерал Р. Янкович подписали акт о капитуляции югославской армии, по которому более 6 тыс. офицеров и около 340 тыс. младших командиров и солдат были объявлены военнопленными[2].

Весьма примечательно, что еще 9 июня 1940 года представители британских политических кругов инструктировали своего посла в Советском Союзе С. Криппса о необходимости выступить со следующим заявлением, о том, что: «британское правительство придерживается мнения, что объединение и руководство Балканскими государствами с целью поддержания статус-кво является задачей Советского Союза. В сложившихся обстоятельствах эта важная миссия может быть выполнена только им»[3].

---

[1] Das Deutsche Reich und dez Zweite Weltkrieg. – Stuttgart, 1984. Bd. – S. 448, 458.
[2] Plenča D. Medunarodni odnosi Yugoslaivije u toku drugog svetskog rata. – Beograd, 1962. – S. 9.
[3] Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe. – New–York: Henry Regnery Co., 1953. – P. 369.

Эти слова сыграли чрезвычайно важную роль в развитии событий Второй мировой войны и стали одним из решающих шагов в направлении «холодной войны» впоследствии. Принцип советской гегемонии на Балканах будет подтвержден совместно США, Великобританией и Советским Союзом. Но в апреле 1941 года все эти договоренности и мнения не имели значения для растерзанной Югославии.

Одним из первых шагов Германии после капитуляции югославской армии было расчленение страны и установление марионеточных режимов с целью удовлетворения интересов Германии и сил, поддерживающих ее, внутри страны. Берлин еще до 6 апреля 1941 года обещал хорватским националистическим силам создание собственного государства. 10 апреля, сразу же после вступления первых частей германских войск в Загреб, один из главарей усташей Славко Кватерник от имени Анте Павелича провозгласил Независимое хорватское государство (НХГ).

Создание коллаборационистского Независимого государства Хорватия явилось нарушением Гаагской конвенции о законах и правилах ведения сухопутной войны и было квалифицировано на Нюрнбергском процессе в решении от 1 октября 1946 года как военное преступление государств «оси»[1].

Эмигрантское королевское правительство, местом пребывания которого с лета 1941 года стал Лондон, получило поддержку правительства Великобритании, которое осудило создание НХГ и заявило о признании единого Королевства Югославии как оккупированного государства. 25 апреля 1941 года Конгресс США принял решение и впредь признавать законным только югославское эмигрантское правительство и осудил создание НХГ. Таким образом, югославское королевское правительство сохранило статус правительства союзного государства, находящегося в состоянии войны со странами «оси»[2].

3 июля 1941 года народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов направил телеграмму послу СССР в Великобритании И. М. Майскому, в которой была изложена советская позиция по вопросу восстановления национальных государств Польши, Чехословакии и Югославии. В ней указывалось: «Мы стоим также за восстановление Чехословацкого и Югославского государств с тем, чтобы и в этих государствах вопрос о характере государственного режима являлся их внутренним делом»[3].

Таким образом, эмигрантское правительство и король официально представляли Королевство Югославию как члена антигитлеровской коалиции. Однако они не стали той силой, которая была способна противостоять политике оккупантов по уничтожению единого Югославского государства. Королевское правительство не имело ни армии за рубежом, ни реальной политической партии или движения в стране, способного на организацию сопротивления оккупационным режимом, установленным Германией, Италией и их сателлитами Венгрией и Болгарией. Эмигрантское правительство связывало надежды на освобождение страны и свое возвращение в нее с победой западных союзников и их военной помощью. Хорошо известно, что этим планам не суждено было осуществиться[4].

---

[1] Джолангич А. Югославия во Второй мировой войне. – Белград, 1967. – С. 40.

[2] Там же. – С. 41.

[3] Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М., 1998. – С. 47.

[4] Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. – М.: Политиздат, 2000. – С. 160.

Все вышесказанное дает представление о положении Югославии к маю 1941 года, а также тех условиях, в которых начало разворачиваться Движение Сопротивления политике оккупантов. Развитие Движения Сопротивления, условия оккупации страны, отношения с правительством в эмиграции, а также политика держав антигитлеровской коалиции – все эти факторы в значительной мере определили судьбу и будущее Югославии после окончания войны.

Среди влияний, которые воздействовали на развитие Югославии после окончания Второй мировой войны, Движение Сопротивления – его размах программы, движущие силы – явилось решающим.

Национально-освободительное движение было представлено в основном двумя главными участниками: партизанскими вооруженными силами под руководством Коммунистической партии Югославии и сторонниками королевского эмигрантского правительства во главе с бывшим полковником югославской королевской армии Драголюбом (Драже) Михайловичем.

Национально-освободительная борьба в Югославии имела чрезвычайно сложный и многослойный характер. В ней переплетались: борьба против фашистских оккупантов; имели место элементы гражданской войны между различными национальными группами страны, а также социально-классовый конфликт.

На сегодняшний день, каким бы ни было отношение современного общества к коммунистической идеологии и социалистической общественной альтернативе с точки зрения их исторической перспективы, надо признать исторический факт: Коммунистическая партия Югославии стала единственной силой, которой удалось объединить югославских патриотов в рамках общенационального движения на принципах «братства и единства» всех народов страны или так называемого «нового югославизма» и поднять их на вооруженную борьбу. Компартия Югославии выступила политическим и военным руководителем народно-освободительного движения и с самого начала сумела придать ему организованный характер. После нападения гитлеровской Германии на СССР под руководством Центрального Комитета КПЮ были созданы военные органы для руководства антифашистской борьбой – Главный (Верховный) штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии во главе с Иосипом Броз Тито и главные штабы во всех национальных землях. Партизанский способ ведения борьбы был принят в качестве главной формы боевых действий против оккупантов и их пособников.

Руководство народно-освободительного движения во главе с И. Броз Тито поддерживало постоянные контакты с Москвой, получало через Коминтерн указания и директивы[1].

Политика коммунистов по широкому вовлечению в антифашистскую борьбу представителей всех народов Югославии противостояла другому течению в югославском Сопротивлении, которое было представлено сторонниками королевского эмигрантского правительства во главе с бывшим полковником югославской королевской армии Драголюбом (Драже) Михайловичем.

Характеристики Драже Михайловича в исторической литературе чрезвычайно противоречивы. Для одних он блестящий офицер, для других – типичный армейский служака без всякого творческого воображения[2]. Трудно, безусловно, сказать, каким

[1] Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. – М.: Политиздат. 1991. – С. 103–104

[2] Fotich C. The War We Lost. – New York: The Viking Press, 1948. – P. 144.

человеком являлся Михайлович с точки зрения личностных характеристик, но некоторые моменты его политической позиции очевидны. Основные цели Михайловича состояли в следующем: «Борьба за свободу нашего (сербского) народа под скипетром его величества Петра II». Создание великой Югославии и в ней Великой Сербии, этнически чистой, в границах Сербии, Черногории, Срема, Баната и Бачки. Очищение государственной территории от всех национальных элементов. Создание непосредственной общей границы между Сербией и Черногорией, а также между Сербией и Словенией путем очищения Санджака от мусульман и Боснии – от мусульман и хорватов[1].

В военном отношении цель Михайловича и его сторонников состояла в создании сильной военной организации, которая после разгрома Германии и победы западных союзников будет служить опорой для восстановления королевской великосербской династии во главе с Петром II. С января 1942 года Михайлович был назначен военным министром эмигрантского королевского правительства. Военная концепция движения сводилась к тактике «выжидания» благоприятного момента для начала борьбы в условиях наступления западных союзников и была аналогичной действиям Армии Крайовой в Польше.

Таким образом, в политическом плане концепция четников не давала альтернативы межэтническому столкновению между сербами и хорватами.

Можно отметить также, что по мере развития событий во Второй мировой войне в Югославии борьба за влияние между четниками и партизанами переместилась на дипломатические каналы и каналы радиовещания. Британская радиовещательная корпорация (Би-Би-Си) и Радио «Свободная Югославия» были главными внешними источниками информации для Югославии[2]. Радиостанция в Загребе использовалась партизанами для контактов с Москвой в течение войны, в то время как радиостанция четников в Равна Горе служила средством коммуникации с Каиром и позднее Вашингтоном. В начале Движения Сопротивления и Би-Би-Си, и Радио «Свободная Югославия» поддерживали чётническое движение[3].

Впоследствии, в начале 1943 года, Би-Би-Си постепенно начала снижать накал антипартизанской риторики в своих передачах, а с сентября 1943 года она из орудия пропагандистской борьбы четников против партизан превратилась в оружие партизан против четников[4].

Характерно, что в годы Второй мировой войны дипломатические каналы и политическая борьба за пределами Югославии оказывали чрезвычайно большое воздействие на исход военных действий внутри Югославии.

Первым шагом в этих маневрах явилось создание нового Югославского правительства в эмиграции, премьером которого стал Слободан Джованович, а Дража Михайлович – военным министром. Это назначение на том этапе способствовало некоторому повышению его авторитета в конкуренции с И. Б. Тито[5]. Но военные успехи партизан во главе с И. Б. Тито коренным образом изменили ситуацию. Командование вермахта, а также итальянское военно-политическое руководство предпринимало по-

---

[1] Документи о издајству Драже Михајловића. – Београд, 1945. – Кн. 1. – С. 12.
[2] Fotich C. The War We Lost. – P. 185.
[3] Dedijer V. Tito speaks. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1955. – P. 131.
[4] Martin D. Ally Betrayed. – New York: Prentice Hall, 1946. – P. 208–209, 218.
[5] U.S. Congress, Senate Committee on the Judiciary, Yugoslav Communism: A Critical Study, 87th Congress, 1st Session, Serial Number 68503. – Washington, 1961. – P. 82, 86.

пытки путем массовых репрессий и специальных военных операций разгромить Народно-освободительную армию Югославии (НОАЮ) и партизан. На специальном совещании верховного главнокомандования Германии и Италии 19 декабря 1942 года было принято решение уничтожить НОАЮ и «государство Тито». В соответствии с этим был разработан специальный план наступления против НОАЮ, предусматривавший проведение в 1943 году серии операций «Вейхс I, II, III»[1]. Но, несмотря на численное и техническое превосходство противника, главные силы НОАЮ вышли из тяжелых и кровопролитных боев на реках Наретва и Сутьеска в первой половине 1943 года с военной победой. К концу 1943 года в рядах НОАЮ насчитывалось до 300 тыс. человек. Упрочились политические позиции Тито и его сторонников. 26–27 ноября 1942 года в боснийском городе Бихач на освобожденной территории было провозглашено создание общеюгославского политического представительного органа – Антифашистского Веча Народного Освобождения Югославии (АВНОЮ), а 29–30 ноября 1943 года в боснийском городе Яйце АВНОЮ было провозглашено верховным законодательным и исполнительным представительным органом Югославии. Тогда же был учрежден Национальный комитет освобождения Югославии во главе с председателем – маршалом И. Б. Тито.

Его программные положения гласили:

1. Освобождение страны от захватчиков и достижение независимости и подлинно демократических прав для всех народов Югославии.
2. Неприкосновенность частной собственности и обеспечение возможностей для проявления личной инициативы в промышленности, торговле, сельском хозяйстве.
3. Никаких радикальных перемен в общественной жизни и деятельности людей, кроме как замена реакционных местных властей демократически избранными народными представителями. Все наиболее важные вопросы общественной жизни и государственной организации будут решаться самим народом через представителей, избранных демократическим путем после окончания войны.
4. Целью национально-освободительного движения является борьба за свободу людей и за их демократические и социальные права, против всякого беззакония и принуждения.
5. Офицерам, которые присоединились к Национально-освободительной армии, гарантированы их звания и должности в соответствии с их способностями.
6. Национально-освободительное движение полностью признает национальные права Хорватии, Словении, Сербии, Македонии и всех других регионов Югославии. Оно основано на равенстве всех народов Югославии. Оно гарантирует сохранение национальных прав всем народам Югославии[2].

Программные положения, провозглашенные Антифашистским Вече Народного Освобождения Югославии имели чрезвычайный отклик в стране. Программа новой власти значительно снизила популярность и признание четников и Дражи Михайловича и способствовала объединению людей разных национальностей и религий вокруг партизан и И. Б. Тито. Народы Югославии и всего мира стали свидетелями провозглашения И. Б. Тито «наиболее просвещенных и либеральных принципов нового демократического курса страны»[3]. Однако Милован Джилас впоследствии подчеркивал, «что демагогия и неверные интерпретации неизбежны среди коммунистических

[1] Джолангич А. Югославия во Второй мировой войне. – Белград, 1967. – С. 40.
[2] Clissold St. Whirlwind. – New York: Philosophical Library, 1949. – P. 57.
[3] Clissold, Whirlwind. – P. 113–114.

лидеров, поскольку они вынуждены обещать создание наиболее идеального общества…»[1].

Сочетание разных факторов: растущее признание усилий партизан, программа новой власти, роспуск Коминтерна в мае 1943 года начали производить определенный эффект на Западе[2]. Первые сомнения относительно целесообразности поддержки Михайловича и четников исходили от капитана Ф. Дикина, преподавателя Оксфордского университета, который помогал Уинстону Черчиллю в его литературных занятиях, а затем находился в Средиземноморском штабе в Каире, который отвечал за ситуацию в Югославии[3]. Он основывал свои оценки на информации, полученной от капитана Гудзона и других представителей Великобритании, находящихся в контакте с Д. Михайловичем. Было принято решение о посылке британской миссии в штаб И. Б. Тито. Майор Джонс был послан в Словению, а Дикин и капитан Стюарт отправлены в Черногорию в мае 1943 года[4].

Ситуация несколько осложнялась тем, что в марте 1942 года британская подводная лодка высадила чрезвычайно антикоммунистически настроенного майора Т. Атертона, в задачу которого входил контроль за Генеральным штабом И. Б. Тито[5].

8 апреля 1943 года Тито издал секретную директиву политическим комиссарам, предупреждая о наличии британских «агентов» и инструктируя «найти способ предотвратить их прямые контакты с людьми и держать их под собственным контролем»[6].

Вторжение союзников в Италию в июле 1943 года значительно усилило интерес к Балканам. Великобритания в связи с этим повысила уровень своих миссий, как в связях с четниками, так и с партизанами. Так, в сентябре 1943 года бригадный генерал Р. Армстронг вошел в контакт с четниками, а Фитцрой Маклин стал налаживать отношения с партизанами[7]. Ф. Маклин был членом парламента, очень опытным специалистом в области внешней политики и, кроме того, являлся другом премьер-министра. Несколько позже майор Рэндольф Черчилль присоединился к британской миссии, нацеленной на сотрудничество с партизанами, что придало ей значительное влияние и оказало поддержку позиции Маклина.

Представители американских дипломатических кругов также стремились к установлению контактов с деятелями Движения Сопротивления Югославии, хотя, по правде сказать, США не имели на рассматриваемом этапе четко сформулированной политики на Балканах и, зачастую, следовали в фарватере действий Великобритании.

Интересно, что Соединенные Штаты Америки были первой страной, которая признала Королевство сербов, хорватов и словенцев в 1919 году, но, несмотря на это, славянское государство оставалось на периферии внешнеполитических интересов США.

В течение 20–30-х годов США обеспечивали присутствие иностранного капитала в Югославии, но из-за различных торговых и займовых ограничений со стороны американского правительства Германия и Италия, а впоследствии только Германия, были самыми значимыми торговыми партнерами Югославии. Когда началась вторая

---

[1] Djilas Mil. The New Class. – New York: Frederick A. Roger, 1957. – P. 31.
[2] Dedijer V. Tito Speaks. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1955. – P. 197–198.
[3] Churchill W. Closing the Ring. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1951. – P. 463.
[4] Maclean F. Heretic. – New York: Harper and Brothers, 1957. – P. 193.
[5] White L. Balkan Caesar. – New York, 1954. – P. 68.
[6] Clissold L. Whirlwind. – P. 86–87.
[7] Maclean F. Heretic. – P. 193. Martin D. Ally Betrayed. – P. 41.

мировая война в 1939 году, Югославия сделала попытку покупать оружие у США, но, поскольку Югославия не могла платить по долгам Первой мировой войны, правительство США не имело возможности увеличить необходимый кредит.

Ф. Д. Рузвельт стал более активно интересоваться Югославией только из-за его решимости помочь Великобритании держать Балканы свободными от нацистского контроля. В январе 1941 года Ф. Д. Рузвельт начал свои полностью бесплодные попытки убедить югославского регента принца Павла сопротивляться требованиям Адольфа Гитлера присоединиться к Тройственному пакту и разрешить гитлеровским войскам транзитный проход через территорию Югославии. Как известно, принц Павел подписал пакт в конце марта, но был чрезвычайно быстро свергнут в результате государственного переворота, о котором говорилось выше. Был провозглашен нейтралитет Югославии, но расчленение и оккупация страны гитлеровцами в корне изменили ситуацию. США отказались признать расчленение страны и установили контакты с королем Петром и югославским королевским правительством в изгнании как единственным законным правительством Югославии[1].

В мае 1943 года американский полковник Альберт Сейтц и капитан Уолтер Мансфельд ознакомились с операциями, проводимыми четниками, а впоследствии майор Линн Фэриш присоединился к партизанам под руководством И. Б. Тито[2].

Еще раньше югославское правительство в эмиграции поддержало Атлантическую Хартию, а также создание Организации Объединенных Наций.

В июле 1942 года король Петр II и некоторые члены его кабинета посетили США с официальным визитом. Король был чрезвычайно тепло принят президентом Рузвельтом и выступил в Конгрессе с речью[3], а по завершении визита обе стороны пришли к договоренности о необходимости поддержки движения четников под руководством Михайловича, снабжая их оружием и тренируя югославских летчиков.

Вскоре, после того, как король Петр II покинул Вашингтон, Белый Дом опубликовал следующее заявление:

«Мы находимся в полном согласии по поводу основополагающего принципа, что все ресурсы двух наций должны быть направлены на победоносное завершение войны. Генерал Михайлович и его отряды являют собой пример самоотверженной воли к победе; мы должны изыскивать и использовать любые средства для того, чтобы нанести решительный удар и победить врагов всех свободных наций. Согласно этому министр иностранных дел Югославии и государственный секретарь подписали сегодня от имени своих правительств соглашение о принципах взаимной помощи в борьбе за победу всех Объединенных Наций»[4].

Развитие интереса США к Балканскому региону и, в частности, к Югославии, было связано и с деятельностью югославского посла Константина Фотича в Вашингтоне, а также генерала В. Донована, директора Центра стратегической службы, который еще ранее совершил ряд поездок в Грецию, Болгарию, Югославию с целью содействия росту Движения Сопротивления в этих странах. В то время США чрезвычайно беспокоились по поводу поражения балканских стран в военных действиях с

---

[1] Killen L. Testing the Periphery: US – Yugoslav Economic Relations in the Inter War Years. – Columbia.: Eastern European Monographs, Columbia University Press, 1994. – P. 13, 150–151, 173, 182, 209; Arthur Bliss Lane to Cordell Hull, 25 January 1941 // FRUS. – 1941. – Vol. 2. – P. 939.

[2] U.S. Congress, Senate Committee on the Judiciary, Yugoslav Communism: A Critical Study, 87th Congress, 1st Session. Oct. 18, 1961. – Washington: U.S. Government Printing office, 1961. – P. 173–177.

[3] Roberts W. Tito. Mihailovič and the Allies. 1941–1945. – New Jersey: Rutgers University Press, 1973. – P. 59.

[4] Roberts W. Tito. Mihailovič and the Allies. 1941–1945. – New Jersey: Rutgers University Press, 1973. – P. 560.

нацистами, которое имело бы своим главным результатом проникновение гитлеровцев на Средний Восток. Позже интерес и действия американской внешней политики в этом регионе стали сводиться к разведывательным операциям и спасению сбитых американских летчиков. Интересно отметить в этой связи, что отношение Великобритании к Югославии было несколько иным. У. Черчилль был заинтересован в возможностях, связанных с открытием второго фронта на Балканах. Интерес же Соединенных Штатов был в основном сосредоточен на операции «Оверлорд» в Западной Франции, что и было подтверждено на конференции министров иностранных дел в Москве в октябре 1943 года[1].

Характерно, что И. Б. Тито, окрыленный военными успехами Народно-освободительной армии Югославии, направил в Москву телеграмму, которая звучала как декларация суверенного правительства. В ней говорилось:

«В связи с подготовкой конференции представителей СССР, Великобритании, США желательно, чтобы был поднят вопрос относительно Югославии. В этой связи я хочу проинформировать советское правительство о следующем:

– во-первых, мы признаем, что ни югославское правительство в эмиграции, ни король не могут представлять народ Югославии, поскольку в течение двух с половиной лет они поддерживали коллаборационистов под руководством Драже Михайловича;

– во-вторых, мы не разрешили им возвратиться в Югославию, поскольку это будет означать гражданскую войну;

– в-третьих, мы говорим от имени подавляющего большинства югославского народа, который желает демократическое республиканское правление, основанное на национально-освободительных комитетах;

– в-четвертых, единственным законным правительством в настоящее время в Югославии является Антифашистское Вече Народного Освобождения Югославии.

Британская миссия при нашем генеральном штабе проинформировала нас, что Британское правительство не будет безоговорочно настаивать на поддержке короля и эмигрантского правительства»[2].

Московская конференция министров иностранных дел происходила с 19 октября по 3 ноября 1943 года. Одной из основных задач конференции была подготовка последующей встречи глав государств, но, строго говоря, значительное внимание на ней было уделено анализу англо-американской военной стратегии на Западе.

23 октября Черчилль проинформировал Рузвельта, что «различия между партизанскими силами Тито и четниками чрезвычайно глубоки»[3]. Всякая надежда на примирение этих противоречий полностью исчезла после того, как Тито созвал вторую сессию Антифашистского Вече Народного Освобождения Югославии в ноябре 1943 года, в день открытия Тегеранской конференции. Решения АВНОЮ полностью подтверждали положения декларации, адресованные Москве, и фактически провозглашали создание нового правительства Югославии.

Интересно, что в Тегеране были приняты три судьбоносных и далеко идущих решения. Во-первых, намерение начать главное англо-американское вторжение в Ев-

---

[1] Lukacs J. The Great Powers. – P. 556.

[2] Dedijer Vl. Tito Speaks. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1955. – P. 202–203. Maclean F. Heretic. – P. 205. Маклин признает, что «он проинформировал Тито, что Британское правительство не имело намерений навязать югославскому народу какое-либо правительство против его воли».

[3] Churchill W. Closing the Ring. – P. 467.

ропу на северо-западе Франции в мае-июне 1944 года, которое должно было быть поддержано высадкой союзнических сил на юго-востоке Франции.[1] Второе решение касалось оказания безоговорочной поддержки и помощи югославским партизанам со стороны союзников. Третье же решение заключалось в необходимости посылки советской военной миссии к партизанам Югославии по рекомендации А. Идена[2].

События в Югославии в ноябре 1943 года и решения Тегеранской конференции поставили США и Великобританию перед чрезвычайно серьезной дилеммой: с одной стороны, они имели соглашение с королем Петром и эмигрантским правительством; с другой – поставлены перед реальным фактом влияния коммунистов в Югославии. Главным препятствием на пути поиска компромисса в этом вопросе был статус Д. Михайловича и его пост военного министра в эмигрантском правительстве. По возвращении из Тегерана Черчилль проинформировал короля Петра в Каире, что ему, возможно, придется сместить Михайловича с поста военного министра[3]. Совершенно очевидно, что принятие подобного решения не было легким делом для Черчилля, но ему необходимо было предпринимать что-то для спасения своей балканской политики.

В декабре 1943 года Великобритания лишила поддержки Д. Михайловича, США вскоре последовали ее примеру. Английская и американская военные миссии были отозваны из представительства четников в мае 1944 года.

Британская и американская пропагандистские машины стали работать в пользу И. Б. Тито и партизан. К концу 1943 года в США прозвучал призыв ко всем югославским гражданам, находившимся в стране, оказать посильную поддержку и помощь партизанам[4].

Представители дипломатических кругов США и Великобритании хорошо понимали, что признание, престиж коммунистических сил и вновь созданного правительства являются фактическими, но не юридическими, поскольку югославское правительство в эмиграции было по-прежнему единственным по-настоящему легитимным правительством. И. Б. Тито, конечно, обладал всеми преимуществами и был абсолютно уверен в установлении и признании своей власти как единственной легальной власти в Югославии в ближайшем будущем. Под давлением Великобритании в июне 1944 г. было заключено соглашение между И. Б. Тито и Иваном Шубашичем, бывшим баном Хорватии, который представлял интересы короля. Соглашение «Тито-Шубашич» признавало Антифашистское Вече Народного Освобождения Югославии как единственную легитимную политическую власть внутри Югославии, но призывало к созданию объединенного правительства и к проведению после окончания войны плебисцита по поводу судьбы монархии в стране[5].

Ф. Д. Рузвельт поддержал соглашение[6], в то время как государственный секретарь США К. Галл гораздо менее склонный, чем президент, к компромиссам с комму-

---

[1] Lukacs J. The Great Powers. – P. 556.

[2] U.S. Department of State. Foreign Relations of the United States. The Congress at Cairo and Teheran, 1943. – Washington D.C.: U.S. Government Printing office, 1961. – P. 309 – 310, 330 – 334, 345, 556, 574 – 575, 606 – 615, 652.

[3] Churchill W. Closing the Ring. – P. 467–468.

[4] Fotich C. The War We Lost. – P. 227–229. Seton-Watson H. The East European Revolution. – London: Metheum and Company, Ltd., 1952. – P. 126.

[5] Roberts Walter R. Tito, Mihailovič and the Allies. 1941–1945. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1973. – P. 152, 167, 231.

[6] Roosevelt F.D. to Churchill W, 18 May, 1944. Цит. по: Kimball W.F. Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – Vol. III. – P. 131–133.

нистами, назвал соглашение «Тито-Шубашич» «почти безусловным принятием всех требований партизан»[1]. Однако, как отмечал в январе 1945 года глава отдела Восточной Европы и позднее посол в Югославии К. Кеннон, Соединенные Штаты Америки имели чрезвычайно мало возможностей влиять на ситуацию в Югославии. Он добавлял также, что СССР не выражал особого интереса к мнению США по поводу Югославии; Великобритания, по существу, была единственной силой, которая как-то пыталась взаимодействовать с Советами.[2]

Вступление войск Красной Армии в Югославию и совместно с НОАЮ освобождение восточных районов страны способствовало укреплению позиций высших органов новой политической власти во главе с КПЮ.

В обстановке успешных действий советских войск на территории Венгрии и Австрии югославские войска завершили в 1945 году освобождение всей территории страны. К 15 мая 1945 года была окружена последняя группировка армий «Е» в Северной Словении.

Можно согласиться в определенной степени с мнением, существующим в литературе, что Тито являлся скорее национальным лидером, а уж потом – коммунистическим. Он не стремился иметь на территории своей страны ни советские, ни английские войска. Можно предположить, что это объяснялось его чрезвычайно чувствительным отношением к разделению Югославии на сферы влияния между Советским Союзом и Великобританией, 50 % на 50 %, имевшем место также в октябре 1944 году. Вполне возможно, что Черчилль был прав, когда говорил, что «коммунистический элемент был чрезвычайно силен в начале развития Движения Сопротивления в Югославии, но по мере его роста и укрепления концепции общенационального единства взяли верх»[3]. Что же касается разделения сфер влияния на Балканах между союзниками, то встреча У. Черчилля, А. Идена, А. Гарримана, И. В. Сталина и В. И. Молотова, имевшая место 9 октября 1944 года, сыграла колоссальную роль в послевоенном урегулировании в Югославии и полностью подтвердила подозрения Тито, высказанные им Черчиллю двумя месяцами раньше, о том, что «взаимоотношения между малыми нациями часто зависят от взаимоотношений между крупными»[4].

По мере развития событий во Второй мировой войне и прихода Красной Армии в Восточную Европу, США все в большей степени были обеспокоены масштабами идеологического, а также силового воздействия коммунистов на развитие событий в странах, освобождаемых Красной Армией. В информации, которая была подготовлена к предстоящей Ялтинской конференции в феврале 1945 года, Государственный Департамент США признавал, что «общее настроение людей в Европе – левое, и в сторону далеко идущих экономических реформ, но нигде не наблюдается аргументов в пользу тоталитарного развития» и «что режимы, которые будут установлены в освобожденной Европе, должны быть достаточно левыми, чтобы удовлетворять преобладающим настроениям в Европе и успокаивать советские подозрения, но они не должны быть прелюдией к коммунистической диктатуре. Хотя Советский Союз и будет стремиться оказывать решающее воздействие на такие территории, как Балканы,

[1] Hull to Selden Chapin for Robert Murphy, 8 July 1944 // FRUS. – Vol. IV. – P. 1386–1388.
[2] Cavendish Cannon, memorandum. 29 Jan. 1945 // FRUS. – 1945. – Vol. V. – P. 1192–1194.
[3] Churchill W. Closing the Ring. – P. 475.
[4] Clissold St. Whirlwind. – P. 198.

Соединенные Штаты будут требовать равных возможностей в торговле, вложениях и доступа к источникам информации»[1].

К весне 1945 года Рузвельт умер, и сотрудничество между союзниками, имевшее место в годы войны, постепенно начало угасать, уступая место борьбе за национальные интересы. Одной из важнейших точек разногласий между США и СССР являлся конфликт между желанием США строго соблюдать принцип самоопределения в Восточной Европе и нуждами СССР в этом регионе, обусловленными интересами национальной безопасности страны. Соединенные Штаты были твердо уверены в том, что установление сателлитных Советскому Союзу режимов в Восточной Европе будет, безусловно, угрожать как стабильности в мире, так и безопасности США. По их мнению, Советы навряд ли будут использовать силу для достижения своих целей, но «будут стараться сохранять контроль над всем, что возможно, путем обмана»[2].

Джордж Кеннан, советник посольства США в Москве, обращал внимание на Югославию как на одну из территорий, вновь завоеванных Советским Союзом. Согласно Кеннану, Тито, который имел одних коммунистов в руководстве и разрешил одним коммунистам и им сочувствующим принимать участие в выборах, назначенных на ноябрь 1945 года, использовал политическую тактику, которая станет чрезвычайно популярной в странах, находящихся под советским контролем. Кеннан советовал, что если США будут твердо стоять против советской экспансии, СССР не будет способен контролировать своих союзников на протяжении какого-либо времени. По его мнению, Советский Союз основывал свою глобальную политику на уверенности, что Запад не будет противостоять его действиям[3].

Президент Трумэн следовал советам Кеннана в отношении Югославии. Его позиция была также поддержана Ричардом Паттерсоном, который был назначен послом в Югославию Ф. Д. Рузвельтом и являлся представителем США при правительстве Тито – Шубашича. В течение весны и начала лета 1945 года Паттерсон изображал Югославию в своих сообщениях как страну «под полным советским контролем». Паттерсон, после встречи с Шубашичем, повторял его замечания «о полном отсутствии свободы слова, прессы в Югославии» и что Тито установил «полную диктатуру»[4].

После того как Паттерсон возвратился в США для консультаций и встретился с президентом Трумэном, он характеризовал И. Б. Тито как «чрезвычайно динамичного, гостеприимного человека и, в определенной степени, военного гения, однако, целиком коммунистически настроенного, чья экономическая и политическая философия чрезвычайно далека от западных идеалов». Паттерсон проинформировал Тито, что США не окажут никакой экономической помощи Югославии до того времени, пока не наступят перемены в политике коммунистов. Президент согласился с его выводами и порекомендовал Паттерсону придерживаться чрезвычайно жесткой политики во взаимоотношениях с И. Б. Тито»[5].

---

[1] Position Paper «Reconstruction of Poland and the Balkans: American interests and Soviet Attitude», 1945, January, Franklin D. Roosevelt Papers, Papers as President (PAP), President's Secretary's File Franklin D. Roosevelt Library, Hyde Park, New York.

[2] Minutes of State's Staff Committee, 20 Apr. and 21 Apr. 1945 // FRUS. – 1945. – Vol. V. – P. 833–846.

[3] George F. Kennan, memorandum, undated // FRUS. – 1945. – Vol. V. – P. 853–860.

[4] Richard C. Patterson to Stettinius, 9 Apr. 1945 // FRUS, 1945. – Vol. V. – P. 1218.

[5] Patterson memorandum of meeting with the President at 12 o'clock, August 31, 1945, at the White House. Richard C. Patterson Papers, File: Belgrade Correspondence T. Harry S. Truman Library, Independence, Missouri.

Как известно, Крымская конференция трех великих держав (4 – 11 февраля) рекомендовала председателю НКОЮ И. Б. Тито и премьер-министру эмигрантского правительства И. Шубашичу образовать Временное объединенное правительство.

7 марта 1945 года было сформировано правительство Демократической Федеративной Югославии, в состав которого вошли преимущественно коммунисты. Главой правительства и министром обороны стал И. Б. Тито.

11 апреля 1945 года в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией.

Несмотря на жесткую позицию, занимаемую США в отношении И. Б. Тито, его правительства, они вынуждены были считаться с политическими реалиями, и 2 апреля 1945 года Временное правительство Демократической Федеративной Югославии было официально признано США, несколько раньше правительством Великобритании (14 марта) и правительством СССР (24 марта).

Во время совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании в Москве 16 – 26 декабря 1945 года в результате достигнутой договоренности правительства США и Англии объявили 22 декабря 1945 года о признании ФНРЮ. Новая Конституция была утверждена Учредительной скупщиной Югославии 31 января 1946 года, причем она являлась точной копией Советской Конституции 1936 года. Учредительная скупщина была переименована в Народную Скупщину[1]. На следующий день Тито сложил с себя полномочия и затем сформировал новое правительство, под названием правительства Народного Фронта[2]. Хотя в Народном Фронте и присутствовали некоторые представители некоммунистов, на деле и Народный Фронт, и Скупщина находились полностью под контролем коммунистов.

Итак, принятием Конституции ФНРЮ в 1946 году была поставлена последняя точка, означавшая конец «первой Югославии». Ее возникновение и разрушение, таким образом, оказалось связанным с двумя мировыми войнами.

«Многослойный» кризис в Югославии, возникший в 1941 году, вылился в то, что силы, направленные на социальное преобразование общества, стали доминирующими и коренным образом изменили ситуацию в стране. Социальная революция в Югославии приобрела целиком национальный характер в условиях, когда великие державы, заинтересованные в этой балканской стране, разделили сферы своего влияния в соотношении 50:50 %. Этот баланс в определенной степени создал частичный вакуум власти, который дал возможность коммунистическим силам во главе с И. Б. Тито, используя чрезвычайно популярные в народе лозунги, заполнить этот вакуум, а также манипулировать интересами великих держав в свою пользу. С целью преодоления традиционных для Югославии религиозных и культурных различий новая «религия» была провозглашена, а именно принципы так называемого «нового югославизма», заключающиеся в равенстве прав и обязанностей всех граждан, независимо от расы, национальности, религии; равенстве всех государственных субъектов, которые вошли в новую Югославию; признании равного вклада всех народов СФРЮ в разгром фашизма. Эти принципы были зафиксированы в Конституции ФНРЮ 1946 года, а также в программных документах Компартии Югославии.

Что же касается позиции Соединенных Штатов Америки по отношению ко всем происходящим изменениям в Югославии, то их основные претензии сводились к

[1] U.S. Congress, Yugoslav Communism. – P. 126, 129.
[2] Там же. – P. 129.

нарушению коммунистами во главе с И. Б. Тито демократических норм в ходе выборов и признанию того, что новое правительство «совершенно не отражает воли югославского народа»[1]. Тем не менее, когда посол Паттерсон возвратился в США для консультаций в марте 1946 года, он характеризовал ситуацию в стране как «обнадеживающую». Хотя, по его мнению, коммунистический контроль над Югославией никак не уменьшился, Паттерсон, тем не менее, описывал усилия руководства страны по налаживанию нормальных условий для жизни людей в стране. Он рассматривал И. Б. Тито как «великую индивидуальность, располагающую к себе и чрезвычайно дружественно настроенную к США»[2]. Согласно информации Паттерсона, США считали Югославию страной с представительной политической системой, но их гораздо больше волновала роль И. Б. Тито как «агента советского империализма». Сообщения Департамента военной разведки, составленные весной и летом 1946 года, рассматривали Югославию, как «целиком принадлежащую просоветскому блоку государств». По мнению экспертов, «советский контроль над Югославией увеличивает возможность для Советов распространить коммунизм в Италии и Греции и создать Балканскую федерацию стран, тесно связанных с СССР». Югославия значительно увеличивала советский военный потенциал, поскольку имела сильную, победоносную армию и никаких ограничений на послевоенную численность своих вооруженных сил[3].

Югославская армия, по мнению американских экспертов, была самой крупной и наиболее эффективной армией среди армий всех Балканских государств, кроме того, офицеры и летчики югославской армии проходили подготовку в Советском Союзе[4].

Таким образом, анализируя положение Югославии в годы Второй мировой войны и сразу после ее завершения, а также политику великих держав, в частности США по отношению к Югославии, можно прийти к следующим заключениям:

Во-первых, Вторая мировая война оказала не только чрезвычайно глубокое воздействие на Югославию и США, но также и на их взаимоотношения друг с другом. В начале военных действий между странами существовали чрезвычайно ограниченные контакты, сводившиеся преимущественно к поддержке США короля Петра и югославского правительства в эмиграции.

Во-вторых, достаточно сложно говорить об активной политике США по отношению к Югославии в годы Второй мировой войны. Интересно подчеркнуть, что США следовали ведущей роли Великобритании на Балканах и по отношению к Югославии, в частности. Служба Военной информации в США инструктировалась на достижение политики «единства» в Югославии. В августе 1944 года и Соединенные Штаты Америки, и Великобритания пытались способствовать достижению компромисса между коммунистами во главе с И. Б. Тито и четниками во главе с Д. Михайловичем.

В-третьих, необходимо подчеркнуть, что важную роль в развитии политики США в отношении Югославии сыграло решение открыть второй фронт в северо-

---

[1] Summary, 8 February 1946, Harry S. Truman Papers, Naval Aside Files / State Department Briefs, File: State Department Briefs. 1946. Jan.–May. Truman Library, Independence, Missouri.

[2] Patterson Back, Sees Hope for Yugoslavia // New York Times. – 1946. – 19 March. – P. 3.

[3] Department of State, Bureau of Research and Intelligence, «Situation Report USSR», 1946, 6 Feb., War Department Intelligence Review, «Significance of Yugoslavia to the USSR», 1946, 7 Mar.; Truman Papers, Naval Aside Files, File: War Department Intelligence Review, 1946, Mar., Truman Library, Independence, Missouri.

[4] Military Intelligence Division, Intelligence Review 17–20, «Yugoslavia's Armed Forces–Strength and Capabilities», 1946, 13 June; Truman Papers, Naval Aside Files, File: War Department Intelligence Review, 1946, June, Truman Library, Independence, Missouri.

восточной Франции. В сущности, эти действия не являлись строго политикой в отношении именно Югославии, но как раз и подтверждали отсутствие стратегически важных интересов США на Балканах на этом этапе.

В-четвертых, США абсолютно не противились разделению сфер влияния в Югославии в соотношении 50:50 между Великобританией и СССР, несмотря на позицию К. Галла, выраженную в формуле: «Сначала – выиграть войну, а уж потом – играть в политические игры». Фактически, они оказались полностью вовлеченными в политику сфер интересов.

В-пятых, только с января 1945 года США стали демонстрировать независимое мышление и определенные действия в отношении Югославии. Когда Великобритания стала требовать поддержки со стороны США соглашения Тито – Шубашича, США дали ясно понять, что стоит за этим соглашением и какую форму правительства стремятся навязать коммунисты во главе с И. Б. Тито. Однако США вынуждены были принять позицию Великобритании в отношении соглашения, хотя и без всякого энтузиазма и, как известно, в условиях отсутствия какой-либо альтернативы ему.

В-шестых, к концу 1945 года США были поставлены перед фактом необходимости развития реалистичной и жизнеспособной политики в отношении Югославии посредством физического присутствия своих войск в Италии, Австрии, Триесте, а также воздействуя своим политическим престижем и властью. США видели в Югославии страну, находящуюся целиком под влиянием Советского Союза, стремящегося осуществлять свою роль «экспортера» «коммунистической модели развития общества» как можно в более широком, глобальном масштабе.

В-седьмых, образование Федеративной Народной Республики Югославии, ликвидация монархии, создание нового правительства окончательно рассеяли иллюзии США в отношении природы новой власти в Югославии. Америка не имела возможности как-то влиять на изменение ситуацию в Югославии.

США признали новую власть в стране, сопроводив эти действия «выражением надежды на то, что новое правительство будет эффективно воплощать в жизнь гарантии индивидуальной свободы, свободы прессы, собраний, ассоциаций, свободных демократических «выборов». Было подчеркнуто также, «что установление дипломатических отношений с новой властью вовсе не означает полного одобрения политики Югославии внутри страны. США надеются, что развитие событий в будущем обеспечит такие условия в Югославии, которые позволят в полной мере развивать политические и экономические отношения между двумя странами»[1].

Окончательно США признали новое правительство Югославии 16 апреля 1946 года только после того, как вице-президент страны Эдвард Кардель заявил, «что новое правительство будет с уважением относиться ко всем договорам, которые были заключены прежними югославскими правительствами»[2].

В-восьмых, следует подчеркнуть, что в результате окончания Второй мировой войны руководство США отошло от политики «изоляционизма», и Соединенные Штаты превратились в активный субъект международных отношений, чьи интересы сталкивались с интересами другой сверхдержавы – СССР. Две сверхдержавы почти одновременно обратили свои взоры на богатые природные ресурсы и выгодное стратегическое положение балканских стран и, в частности, Югославии, явившихся мо-

[1] U.S. Department of State, Bulletin. – 1945. – Vol. XIII. – 23 December. – P. 1021.
[2] Там же. – Vol. XIV. – 28 Apr. – P. 728.

стом в страны Ближнего и Среднего Востока. При этом обе стороны стремились использовать ослабление традиционного влияния Англии в этом регионе. Данные обстоятельства сыграли не последнюю роль в зарождавшейся уже в конце войны конфронтации между СССР и США и вовлекавшей в свою орбиту балканские государства, а также Югославию.

2.3. США – Югославия в системе международных отношений в период зарождения «холодной войны»

После признания де-юре Югославии со стороны США напряженность и подозрительность по отношению к этому балканскому государству американских политических кругов продолжала сохраняться, что в значительной мере было обусловлено внутренними процессами, происходившими в стране.

И. Б. Тито практически ликвидировал всякое влияние возможной политической оппозиции. В сентябре 1946 года был арестован архиепископ Алоис Степинац, католический примас Югославии, который обвинялся в военных преступлениях, в частности, в сотрудничестве с хорватскими усташами в годы существования Независимого государства Хорватии. В течение нескольких недель Степинац был осужден и приговорен к шестнадцати годам тюремного заключения. В ходе судебного преследования Степинац воздействовал различными методами на членов американского Конгресса, настаивая на ужесточении в знак протеста дипломатических отношений с Югославией. Президент Трумэн решительно сопротивлялся этим требованиям, но действующий Государственный секретарь Д. Ачесон выразил «глубокую озабоченность» американской администрации по вопросу пренебрежения Югославией гражданскими правами. Администрация США пообещала и дальше обращать внимание на действия Югославии в этом направлении и следить за исполнением ее обязательств как члена ООН[1].

Другой важной проблемой этого периода, влиявшей на взаимоотношения США и Югославии, была судьба лидера четников Д. Михайловича. После освобождения Югославии и утверждения у власти КПЮ И. Б. Тито и его соратники сделали все, чтобы расправиться со сторонниками короля и монархии. Генерал Д. Михайлович был арестован и осужден на смерть; лишь некоторым лидерам четников удалось покинуть страну. Характерно, что во время Второй мировой войны свидетельства сотрудничества Михайловича с нацистами стали важным фактором принятия решения союзниками оказывать помощь И. Б. Тито и партизанам. После ареста Михайловича США, тем не менее, напомнили Югославии, что, «несмотря на противоречивые обстоятельства, связанные с деятельностью Михайловича, он и его последователи без достаточных средств, воюя в тяжелейших условиях, внесли и свой вклад в общее дело союзников»[2]. Судьба Михайловича стала предметом чрезвычайно широкого обсуждения в США. Группа американских политических деятелей, среди которых были сенаторы Роберт Ла Фоллет и Роберт Тафт, а также ряд других конгрессменов, сформировали «комитет за справедливый суд» над Михайловичем[3].

Группа американских летчиков, которые были спасены четниками во время Второй мировой войны, организовали другую группу под названием «Национальный комитет американских летчиков» для оказания помощи Михайловичу и обращения к югославскому правительству за разрешением свидетельствовать во время суда над ним. 1 мая 1946 года представители этой организации обратились к Ачесону, который

---

[1] Yugoslav Primate Seized as Traitor // New York Times. – 1946. – 19 September. – P. 1–2. Tito Diclaims Aim to Persecute Church // New–York Times. – 1946. – 27 September. – P. 12. Brandel M. Arthur, «Stepinatz Declared Guilty: He Gets 16 Years in Prison» // New York Times. – 1946. – 12 October. – P. 1–7.

[2] Auty Phyllis, Tito: A Biography. – New York: Megraw Hill, 1970. – P. 267.

[3] Ray Brock to Byrness. 1946. 19 June. RG 59, 860H. 00/6–1946 in NA, Washington D.C., USA.

уверил их в заинтересованности США в судьбе Михайловича, но тем не менее, не разрешил им встретиться с президентом Трумэном по этому вопросу[1]. Многочисленные представители славянской диаспоры и конгрессмены, отражавшие их интересы, также обращались к администрации США с просьбой оказать давление на Югославию с целью освобождения Михайловича[2]. В июне 1946 года Югославия согласилась принять свидетельства американских ветеранов и заверила США, что все это будет принято во внимание[3]. Тем не менее, в ходе судебных разбирательств Михайлович был обвинен в измене Родине и казнен 17 июля 1946 года.

Как подчеркивалось выше, Югославия оказалась в эпицентре многих конфликтных ситуаций на Балканах в послевоенный период.

Прежде всего, они были связаны с решением территориальных пограничных проблем с соседними странами, где проживало смешанное юго-славянское население. Кроме того, Тито обладал огромными политическими амбициями. Он стремился в значительной мере и по собственной инициативе «расширить границы социализма» на Балканах, поддерживая революционное движение в Греции, устанавливая контроль над Албанией и создавая федерацию с Болгарией[4]. Интересно, что Запад старался противодействовать ему в первых двух случаях; что же касается Советского Союза, то Сталин чрезвычайно ревностно относился к притязаниям Тито и не поддерживал его в вышеуказанных инициативах, о чем речь пойдет несколько ниже.

Первым кризисом, а точнее проявлением столкновения интересов по линии СССР – Запад, в который была вовлечена Югославия, явились триестские события, разразившиеся в мае 1945 года. Их суть состояла в выдвижении югославскими руководителями претензий на принадлежавшую Италии область по итало-югославской границе с центром в Триесте (в Италии она именовалась Венеция-Джулия, а в Югославии – Юлийская Крайна). В данной области проживали как югославяне-словенцы и хорваты, так и итальянцы.

Впервые руководство СССР высказалось в поддержку Югославии о передаче ей этой спорной области еще в декабре 1941 года во время встречи Сталина с британским министром иностранных дел А. Иденом. Но в конце войны в Москве все больше убеждались, что осуществление данного плана будет сопряжено со многими трудностями, которые были связаны с негативной позицией Англии и США. Интересно, что для Кремля в этом вопросе возникли проблемы в связи со спорами между югославскими и итальянскими коммунистами, так как последние не были согласны с отторжением Триеста от Италии, обратившись по данному вопросу с жалобой в Москву. В свою очередь, югославы к концу войны уже имели четкий план изменения границ Югославии за счет присоединения территорий соседних стран. При этом югославские руководители считали свои территориальные требования вполне обоснованными с учетом вклада НОАЮ в разгром фашистских войск. И. Б. Тито поручил главе югославской делегации на переговорах в Москве А. Хебрангу ознакомить советское ру-

---

[1] Acheson, memorandum of conversation, 1 May 1946, RG 59, 860H. 00/5–1946; Perkins Jeanne, «Fight for Mihailovich: U.S. Airmen Try to Help» // Life. – 1946. –10 June. – P. 17–18, 20, 23–24.

[2] RG 59, 860H. 00/5–6427, 6428. in NA, Washington D.C., USA.

[3] Byrness to Shantz // FRUS. – 1946. – Vol. 6. – P. 898–899.

[4] Clissold St. Yugoslavia and the Soviet Union, 1939–1973: A Documentary Survey. – London: Oxford University Press, 1975. – P. 44.

ководство с данным планом, что им и было сделано во время беседы со Сталиным и Молотовым 8 – 9 января 1945 года[1].

В принципе не отвергая югославских претензий к Австрии и Италии, советский руководитель ясно указал на необходимость добиваться решения данных вопросов легитимным, дипломатическим путем, а не явочным порядком, на что намекал присутствовавший на переговорах начальник Генерального штаба югославской армии генерал Арсо Йованович, указывая, что на территории спорных областей действуют три югославских корпуса и что они полностью находятся с югославских руках[2].

США и Великобритания опасались именно последнего варианта развития событий, т.е. захвата югославами Триеста военным путем. Еще на переговорах в Белграде в феврале 1945 года главнокомандующий силами западных союзников на Средиземноморье фельдмаршал Г. Александер предложил, чтобы на всей спорной территории было установлено военное управление западных союзников. И. Б. Тито выразил готовность к компромиссу: разделения территории на две зоны, одна из которых была бы под югославским как военным, так и гражданским управлением, а другая, включая сам город Триест, под западным управлением, но с одновременным осуществлением там югославской гражданской власти[3].

Англо-американская сторона в создавшейся обстановке дипломатическими средствами старалась добиться вывода югославских войск из зоны, включая Триест. Югославы же были готовы лишь на частичные уступки – на предоставление союзникам триестского порта и ряда коммуникаций, но упорно стояли на том, чтобы сохранить Триест и всю область под своим военным и административным контролем. Не добившись никакого результата, западная дипломатия перешла к действиям на правительственном уровне: 15 мая 1945 года правительства Англии и США направили ноты протеста Югославии с требованием на установление военного управления западных союзников на части спорной территории, включая Триест. В нотах шла речь не о выводе югославских войск из этой зоны, а лишь о необходимости их сотрудничества с союзным командованием в организации управления под его властью. Одновременно руководители США и Англии известили Кремль о своих нотах, а У. Черчилль направил 15 мая 1945 года специальное послание И. В. Сталину, убеждая его согласиться с предложениями Англии и США. Тем самым Запад дал понять, что он рассматривает руководство СССР как патрона коммунистических властей Югославии. Москва, формально не вмешиваясь в триестский кризис, держала ситуацию под контролем. Ответ Тито западным союзникам на их ноту был отрицательным, о чем Черчилль сообщил Трумэну 19 мая 1945 года. 21 мая Трумэн ответил Черчиллю, предлагая отвергнуть ответ Тито и немедленно усилить войска, дабы югославы не питали никаких сомнений относительно англо-американских намерений[4]. Именно под давлением Москвы югославы на переговорах с представителями США и Великобритании заняли компромиссную позицию. С другой стороны, Москва встала на сторону югославов, о чем свидетельствует письмо Сталина Г. Трумэну от 22 мая 1945 года, в котором делался акцент на необходимости «полностью учитывать законные претензии Югославии и

---

[1] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. – Новосибирск: М., 1997. – Т. 1. – С. 118–133.

[2] Там же, – С. 127.

[3] Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. – С. 192.

[4] Гибианский Л.Я. Сталин и триестское противостояние 1945 года: за кулисами первого международного кризиса «холодной войны» // Сталин и «холодная война». – М., 1998. – С. 48.

вклад, внесенными югославскими вооруженными силами в общее дело союзников в борьбе против гитлеровской Германии», и считаться с тем фактом, что именно союзные югославские войска изгнали немецких захватчиков с территории Истрии-Триеста»[1].

Такой курс Москвы встретил жесткое противостояние со стороны США и Великобритании, что сделало несбыточными планы Москвы и Белграда. 31 мая Трумэн в послании Сталину решительно настаивал на полном контроле за зоной со стороны командующего союзническими силами и на праве Александера по собственному усмотрению использовать и назначать гражданскую администрацию, а также устанавливать численность югославских войск, не отвергая, однако, существования югославской гражданской администрации.

В итоге 9 июня в Белграде послами Великобритании и США и министром иностранных дел Югославии было подписано соглашение, соответствовавшее проекту, приложенному к нотам западных союзников от 2 июня 1945 года. По данному соглашению спорная область была временно разделена демаркационной линией, к западу от которой вводился англо-американский военный контроль, а к востоку – югославский. Югославы в западной зоне сохранили лишь символическое военное присутствие, ограниченное 2 тыс. человек.

Следует отметить, что окончательное решение по тексту мирного договора с Италией состоялось на Сессии Министров иностранных дел в Нью-Йорке 4 ноября–12 декабря 1946 года, по которому утверждался статус свободной территории Триест (СТТ). СТТ провозглашалась демилитаризованной и нейтральной, были определены сроки вывода оттуда иностранных войск. По договору значительная территория Юлийской Крайны была включена в состав Югославии. Однако не были удовлетворены конкретные территориальные пожелания ФНРЮ в этой зоне, в результате чего ее правительство поставило вопрос, что оно не будет подписывать мирный договор с Италией.

10 февраля 1947 года под давлением СССР вместе с остальными союзными государствами Югославия все же подписала мирный договор с Италией, заявив, что сохраняет за собой право на этнические югославские территории, оставленные договором вне границ Югославии. Представители США, безусловно, были правы в своих утверждениях о том, что поддержка Советским Союзом югославских требований была связана с желанием использовать этот спор «для расширения советского контроля в Средиземноморье и Западной Европе[2]. Безусловно, советская сторона руководствовалась собственными геостратегическими соображениями, надеясь ослабить позиции Италии и, соответственно, Запада на Адриатике.

Характерно, что в ходе решения вопроса относительно Триеста еще один, чрезвычайно серьезный кризис возник во взаимоотношениях США и Югославии. Еще с конца войны югославские и американские власти продолжали обсуждать вопросы, связанные с правами авиации США использовать воздушное пространство Югославии. В начале планировалось, что Белград будет являться «перевалочным пунктом» на пути в Турцию, но затем югославы отклонили предложение начать переговоры о заключении двухстороннего соглашения об авиационном сообщении с США. К концу лета 1945 года югославы создавали все больше и больше препятствий на пути регу-

---

[1] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. – М., 1976. – Т. 2. – С. 252–254.

[2] Bohlen E. Charles. Witness to History. 1929–1969. – New York: Norton, 1973. – P. 253–254.

лярного воздушного сообщения между Белградом и Веной. Югославское правительство также потребовало, чтобы американский и британский персоналы покинули аэродром в Земуне и возвратили все техническое оборудование Югославии.

И США, и Великобритания отказались выполнить эти требования, на что югославы ответили, «что дальнейшие полеты иностранных самолетов в Югославию чрезвычайно нежелательны»[1].

Напряжение возросло еще больше 9 августа 1946 года, когда югославский самолет приблизился к американскому «С–47» в воздушном пространстве над Югославией, который совершал регулярный рейс из Вены в Удин, и принудил его приземлиться в поле в двенадцати километрах от Любляны.

Представители югославских властей предъявили американским летчикам обвинение в нарушении воздушного югославского пространства и в отказе приземлиться по требованию властей, кроме того, пассажиры и команда были задержаны, и им было отказано во встрече с американским консулом[2]. США заявили протест, отрицая все обвинения югославской стороны, заявляя, что пассажирский самолет потерял ориентацию в условиях плохой погоды[3].

19 августа, в то время как пассажиры и команда первого самолета еще оставались в Югославии, югославский истребитель атаковал второй «С–47», направлявшийся в Вену. Самолет был сбит, и после этого инцидента посол Паттерсон, который возвратился в Белград 16 августа, сообщал Государственному Департаменту, «что пока югославы выражали сожаления, – второй инцидент имел место, вину за который югославская сторона возложила на правительство Соединенных Штатов, «поскольку югославское правительство не раз привлекало внимание к несанкционированным полетам и последствиям, которые могут возникнуть»[4].

В Париже государственный секретарь Бирнс встретился с вице-президентом Югославии Эдвардом Карделем и потребовал объяснений. Ответ югославской стороны был прежним: «самолеты нарушили воздушное югославское пространство»[5].

21 августа США, в знак протеста против «беспрецедентных действий» югославской стороны, предъявили ультиматум югославскому правительству, который требовал «немедленного освобождения людей, находящихся на борту самолета». Если же Югославия не выполнит условия, то США пообещали вынести этот вопрос на обсуждение Совета Безопасности ООН[6]. На следующий день, когда Паттерсон встретил Тито, последний проинформировал посла, что пассажиры и команда первого самолета освобождены, а поиски останков второго продолжаются. Тито также разрешил представителям США принимать участие в поисках останков самолета. Тито заверил, что иностранные самолеты не будут сбиваться в будущем, но подчеркнул необходимость уважения югославского суверенитета»[7].

После того, как были найдены тела пассажиров второго самолета, югославская сторона согласилась выплатить денежную компенсацию, но продолжала отрицать

---

[1] U.S. Department of State. Policy and Information Statement on Yugoslavia, 1946, 30 July, James F. Byrness Papers, Clemson University, Clemson, South Carolina, USA.

[2] Acheson to Shantz, 13 Aug., 1946 // FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 920.

[3] Acheson to Shantz, 13 Aug., 1946 // FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 920–921.

[4] Patterson to Byrness, 20 Aug., 1946 // FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 925.

[5] Byrness to Acheson, 20 Aug., 1946 // FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 925 – 926.

[6] Department of State Bulletim. – 1946. – 1 Sept. – Vol. XV. – P. 417 – 18.

[7] Acheson to Byrness. 24 Aug. 1946. RG 59, № 740. 001 19/8–2446 in NA, Washington D.C., USA.

всякую ответственность за инциденты[1]. После имевших место атак США на некоторое время отложили полеты на маршруте Вена – Удин.

22 августа Бирнс рекомендовал возобновить воздушное сообщение, но с условием соблюдения безопасности и не затрагивая воздушное югославское пространство. Несколькими днями позже полеты были возобновлены.

Атаки на американские самолеты со стороны Югославии имели чрезвычайно большой резонанс в США. Многие газеты в своих передовых статьях заключали, что инциденты в воздушном пространстве над Югославией не случайные инциденты, а являются проявлением враждебности Тито, имеющие цель заставить США изменить свою позицию в вопросе о Триесте. Огромное большинство газет, комментируя атаки, видело в них «руку Советского Союза» и рассматривала взаимоотношения с Югославией как часть «отношений с Россией и ее сателлитами в Восточной Европе»[2].

Д. Ачесон предполагал, что инциденты в воздушном пространстве Югославии были тесно связаны с триестской проблемой, и, по его мнению, это был способ Тито проверить реакцию Запада на планируемую агрессию в Юлийской Крайне. Д. Ачесон «теоретизировал» также, что Тито пошел навстречу американскому ультиматуму потому, что понимал всю твердость позиции США, а также вследствие давления Советского Союза на Югославию[3].

Характерно, что взгляд югославской стороны на эту проблему был несколько иным. В своих воспоминаниях Владимир Дедиер, свидетель многих решений И. Б. Тито, рассматривал инциденты в воздухе, как примеры давления на Югославию со стороны Запада. По его мнению, летом 1946 года ситуация в отношении Триеста была чрезвычайно напряженной, жертвы югославов совершенно не были оценены на Парижской мирной конференции и, фактически, все усилия преуменьшались. Самолеты США постоянно летали над югославской территорией, несмотря на десятки дипломатических нот правительству США с протестами против подобных действий. Дедиер, однако, никак не связывал атаки с вопросом о Триесте, а также с воздействием Советского Союза. Милован Джилас, вспоминая Парижскую конференцию, заметил, что «Молотов почти обнял Карделя в Париже, когда услышал об атаках в отношении американских самолетов, но предупредил югославов больше их не продолжать»[4].

Признания Ачесона, мемуары Дедиера и Джиласа позволяют воссоздать полноту картины событий, имевших место в 1946 году.

Безусловно, югославское правительство возражало против присутствия самолетов США над Югославией, но время атак позволяет сделать вывод, что они представляли собой больше, чем протест против нарушений воздушного пространства Югославии. Югославы имели цель продемонстрировать свою силу, как Советскому Союзу, так и Западу, подчеркивая, что будут действовать в одностороннем порядке для обеспечения своих территориальных требований, если Советский Союз их адекватно не поддержит. В опубликованном отчете о Парижской конференции Кардель детально описывал свое возмущение компромиссом Молотова по Триесту[5].

---

[1] Patterson to Byrness, 20 Sept. 1946 // FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 955–956.

[2] American Opinion Report. 4 September 1946 and 31 August 1946. Burean of Public Affairs, U.S. Department of State, Washington D.C.

[3] Dedijer Vl. Tito Speaks. – New York: Simon & Shuster, 1953. – P. 250 – 252.

[4] Kardelj Edv. Reminiscences. The Struggle for Recognition and Independence: The New Yugoslavia, 1944–1957. – London: Blond & Briggs in Association with Summerfield Press, 1982. – P. 80 – 82.

[5] Там же.

В любом случае следует отметить, что инциденты в воздухе над Югославией не были успешной политической игрой. Результатом их было углубление враждебности правительства США и народа страны к режиму Тито[1]. Впоследствии это значительно усложнит действия США по оказанию помощи И. Б. Тито в его попытках противостоять сталинскому контролю, а также воздействует на помощь, получаемую Югославией по линии ЮНРРА после окончания Второй мировой войны. В результате воздушных атак вопрос участия США в программе ЮНРРА в Югославии быстро стал предметом широкой национальной дискуссии.

ЮНРРА распределяла продовольствие и другие жизненно необходимые поставки под покровительством и в результате финансирования со стороны Организации Объединенных Наций. США были страной, которая больше других вкладывала средств в фонды ЮНРРА, но, зачастую, режимы, которым предназначалась помощь преимущественно в Восточной и Центральной Европе, левые по своей природе, использовали поставки ЮНРРРА для укрепления своей политической власти гораздо в большей степени, чем для облегчения человеческих страданий и нужд[2]. В Югославии помощь ЮНРРА служила единственным источником одежды и лекарств для гражданского населения, создавала необходимые условия для налаживания сельскохозяйственного производства в стране для обеспечения ее собственных нужд.

Ко времени окончания действия программы помощи Югославии (лето 1947 года) общая сумма вложений составила 415,6 млн. долларов, что составляло 1/5 всего бюджета. Интересно, что Югославия получила самый большой объем помощи среди всех европейских стран[3].

Оценивая помощь по линии ЮНРРА, В. Дедиер впоследствии писал: «Без всякого сомнения, помощь Югославии в те тяжелые дни сыграла огромную роль в облегчении лишений людей. Она присылалась без всякого промедления, именно тогда, когда была наиболее необходима»[4].

Тем не менее, инциденты с американскими самолетами в небе над Югославией усилили волну критики в США в адрес программы ЮНРРА в этой балканской стране. Неделю спустя после того, как был сбит американский самолет, и даже когда Югославия выполнила условия ультиматума США, Бирнс сообщал Государственному Департаменту, что «в свете последних событий он «хотел бы сделать все возможное, чтобы приостановить дальнейшие поставки помощи Югославии по линии ЮНРРА»[5]. Действующий Государственный секретарь Д. Ачесон и помощник Государственного секретаря по экономическим вопросам В. Клейтон имели другое мнение. Они напомнили Бирнсу, что «программа предназначена работать по мере необходимости в ней, не беря в расчет политические факторы», «в то время как просьба о ее прекращении звучит как призыв к карательным функциям ЮНРРА против Югославии». По их мнению, было бы более предпочтительно прибегнуть к экономическим санкциям против Югославии, «но и этого, на их взгляд, не следовало бы делать»[6]. В конечном итоге, точка зрения Д. Ачесона и В. Клейтона восторжествовала. В заявлении американского правительства, которое появилось в середине сентября 1947 года, США объ-

---

[1] Editorial «Yugoslavia: Biting the Hand» // Newsweek. – 1946. – 26 Aug. – P. 36.
[2] Pavlowitch St. Yugoslavia. – New York: Praeger Publishers, 1971. – P. 188.
[3] Dedijer Vl. Tito Speaks. – P. 251.
[4] Там же.
[5] Byrness to Acheson, 28 Aug., 1946 // FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 931–933.
[6] Clayton to Byrness, 13 Sept. 1946, RG 59, № 4817, 740. 001 19/9-1346 in NA, Washington D.C., USA.

явили, что «не могут мстить за инциденты с американскими самолетами в небе над Югославией путем приостановки помощи ЮНРРА. США не могут прекратить поставки помощи, поскольку, в противном случае, они будут нарушать взятые на себя международные обязательства»[1].

По линии ЮНРРА была создана специальная комиссия, в задачу которой входило проверить, насколько рационально и по назначению используется помощь ЮНРРА в Югославии. Подобные шаги были вызваны также волной критики в США и в американском посольстве в Белграде в адрес правительства Югославии, которое, якобы, распределяло помощь не для удовлетворения нужд гражданского населения, а для укрепления армии и органов государственной безопасности. Выводы комиссии гласили, что «принципы ЮНРРА достаточно скрупулезно соблюдаются югославским правительством»[2].

Характерно, что вопрос о том, заслуживает ли Югославия западной экономической помощи, был поднят впервые, но далеко не в последний раз в контексте возникающей «холодной войны».

Особую озабоченность в Вашингтоне вызывала также ситуация после начала гражданской войны в Греции. Как отмечалось выше, в этот период американская сторона видела в Югославии главного проводника укрепления позиций СССР в Балканском регионе.

К тому же еще в августе 1946 года СССР усилил нажим на Турцию в вопросе о пересмотре режима проливов. Используя ООН, западные державы и, прежде всего, США обвинили Югославию во враждебном вмешательстве во внутренние дела Греции. В сентябре 1946 года Совет Безопасности ООН обсуждал вопрос о положении на греко-албанской границе, и со стороны США было выдвинуто предложение, чтобы послать комиссию для «обследования» положения на границе Греции с Югославией и Болгарией. Советский представитель голосовал против этого, наложив на данное предложение «вето»[3]. 3 декабря 1946 года греческое правительство обратилось в Совет Безопасности с жалобой на вмешательство соседних режимов во внутренние дела Греции. После этого Совет Безопасности учредил комиссию по расследованию положения на северной границе Греции.

Имеющиеся документы свидетельствуют об интенсивных консультациях между Югославией, Болгарией и СССР по вопросу оказания активной военной помощи греческим партизанам. Так, в конце августа 1946 года в Белград нелегально прибыл организационный секретарь ЦК Компартии Греции Ионидис. Он имел полномочия изложить в Белграде, Софии, Москве «актуальные вопросы положения в Греции и оказания ей помощи»[4].

Комплекс причин, среди которых было усиление в Балканском регионе стран с просоветским режимом, а также внутренняя нестабильность в Греции привели к принятию США весной 1947 года программы экономической, финансовой и военной помощи этой стране, а также Турции. 12 марта 1947 года на объединенном заседании

---

[1] Woodbridge G. UNRRA: The History of United Nations Relief and Rehabilitation Administration: Vol. III. – New York: Columbia University Press, 1950. – Vol. I. – P. 165–167.

[2] Record of the Meeting of the Secretaries of State, War and Navy, 16 October 1946. – FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 967–968.

[3] Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. – С. 203.

[4] Улунян А.А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики, внутренней истории. КПГ в Национальном сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах. – 1946 – 1956. – М., 1994. – С. 184.

Палаты представителей и Сената президент США Г. Трумэн выступил со специальным посланием «о политическом положении в Греции и Турции» и запросил на помощь правящим режимам в этих странах 400 млн. долларов. Он утверждал, что без такой помощи невозможно противиться иностранному вмешательству в Греции со стороны Албании, Болгарии, Югославии. Основные тезисы этой программы, получившей название «доктрины Трумэна», сводились к тому, что США должны помогать свободным народам защищать свои институты и национальную целостность «от агрессивных действий тоталитарных режимов». Президент США, в частности, указал, что «прямая или непрямая агрессия тоталитарных режимов подрывает основы международного мира и, соответственно, безопасность США»[1]. Помощь Югославии греческим партизанам выдвигалась в качестве обоснования «права США вмешиваться в дела других стран для борьбы «с коммунистической агрессией». В этот период также США, Англия и другие западные страны через Совет Безопасности ООН пытались провести резолюцию о «принудительных мерах» в отношении Югославии, Болгарии, Албании. Применение советской делегацией права «вето» не допустило принятия резолюции по санкциям против указанных стран. Но, несмотря на это, на очередной сессии Генеральной Ассамблеи (сентябрь – ноябрь 1947 года) западные державы сумели добиться принятия резолюции с осуждением Югославии, а также Болгарии и Албании[2]. Югославия высказывала свое неодобрение всем этим действиям, а также роли США в проводимой политике, пытаясь искать аргументы в свою поддержку. В сентябре 1947 года югославский посол Сава Козанович попросил бывшего Государственного секретаря США Бирнса присоединиться к группе американских представителей, приглашенных югославской стороной для инспекции состояния дел на границе с Грецией. Бирнс, вдохновленный желанием Тито разрешить подобную инспекцию, тем не менее, отказался на основании того, что вопрос уже рассматривался в Организации Объединенных Наций[3]. Следует заметить, что во всех этих инцидентах, США использовали наиболее отрицательные механизмы своей «стратегии сдерживания». На этом этапе не делалось ничего, чтобы как-то отвлечь Югославию от советской орбиты или «вбить клин» между двумя коммунистическими государствами. Правительство США на этом этапе еще не было готово к осуществлению подобной политики.

Кроме того, в годы сразу после окончания Второй мировой войны персонал посольства США в Югославии испытывал значительные трудности в повседневном общении с югославской действительностью, обусловленные недружественным отношением.

В июне 1946 года советник посольства Б. Шанц жаловался бывшему государственному секретарю Бирнсу на негативное восприятие американского посольства, «выражающееся в официально злобном, а иногда просто глупом отношении». В качестве примера приводился следующий факт: сербский инженер, который построил кладбище для американцев, погибших в годы Второй мировой войны, был арестован югославской полицией прямо во время торжественной церемонии, посвященной открытию кладбища[4]. В донесении, которое косвенно критиковало политику США в Югославии, Б. Шанц утверждал, что посольства США и Великобритании «смотрят

---

[1] Советский Союз в Организации Объединенных Наций: в 2-х т. – М., 1965. – Т. 1. – С. 272–274.

[2] Sava Kosanovic to Byrness, 1947, 27 Sept. Byrness Papers. Clemson University, Clemson, South Carolina, USA.

[3] U.S. Department of State, Policy and Information Statement on Yugoslavia. 1946, 30 July. Byrness Papers. Clemson University, Clemson, South Carolina, USA.

[4] Shantz to Byrness, 1 June, 1946 // FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 897–898.

сквозь пальцы на превращение Югославии в «рабски» зависимую провинцию и что правительство склоняется оценить деятельность посольств как неэффективную»[1].

В конце 1946 года создалась прямая угроза разрыва югославско-американских отношений. Еще большее обострение имело место после того, как в Белграде с 31 декабря 1946 года по 4 января 1947 года прошел процесс по обвинению югославских граждан в шпионаже в пользу США. На процессе было заявлено, что сотрудники американского посольства – аналитик экономического отдела Э. Придонов, помощник военно-морского и военно-воздушного атташе Дж. Кашунич и советник посольства Б. Шанц – получили через подсудимых секретную информацию[2]. Директор европейского управления госдепартамента США Х. Маттеус указал в меморандуме на имя заместителя госсекретаря США Д. Ачесона, что дело идет к разрыву дипломатических отношений США и ФНРЮ[3].

Безусловно, США собирали разведывательную информацию о положении в Югославии, используя услуги югославских граждан, точно так же, как они делали это и в отношении других стран. Основными источниками информации, названными Государственным Департаментом по Югославии, являлись: посольство в Белграде; Служба специальных представителей на Балканах и в Европе; сообщения Британской разведки; югославские газеты и радиовещание. К середине 1946 года вопросы, представляющие для США интерес, включали в себя: экономические связи Югославии и Советского Союза; потенциальные силы, которые могут противостоять режиму И. Б. Тито; будущие политические планы правительства[4].

Следует подчеркнуть, что югославское правительство широко использовало подобные инциденты для обострения отношений с США. Деятельность посольства Америки в Югославии являлась хорошим оправданием для И. Б. Тито при развертывании репрессий внутри страны. На самом же деле, югославское правительство не рассматривало так уж серьезно в качестве значительной угрозы деятельность посольства США в Югославии. Это вытекает из анализа документов о встрече между Д. Ачесоном и югославским послом Козановичем, имевшей место в феврале 1947 года. Во время встречи Д. Ачесон выразил протест против несправедливого обращения с американским гражданином по имени Иван Пинтар, который проживал в Югославии в качестве частного лица, но был арестован, обвинен в шпионаже и приговорен к смертной казни. Д. Ачесон выступил за смягчение приговора и выразил озабоченность продолжавшимися арестами переводчиков и других югославских граждан, работавших в посольстве США, и потребовал, чтобы это прекратилось. Хотя югославская сторона и заменила приговор о смертной казни Пинтара его пожизненным заключением, Козанович вновь повторил все обвинения в адрес американской стороны, однако, выразил надежду, что США не претворяет в жизнь обещанную угрозу запретить своим гражданам приезжать в Югославию из-за имевших место инцидентов[5]. Режим Тито, совершенно очевидно, остро нуждался в конвертируемой валюте и торговле в гораздо большей степени, чем опасался американских шпионов.

---

[1] Yugoslavs Accuse Two Ex – U.S. Aides // The New York Times. – 1947. – 1 Jan. – P. 28.

[2] FRUS. – 1947. – Vol. IV. – P. 747–748.

[3] U.S. Department of State, Policy and Information Statement on Yugoslavia, 1946, 30 July. Byrness Papers. Clemson University, Clemson, South Carolina, USA.

[4] Zaninovich G. The Development of Socialist Yugoslavia. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1968. – P. 39–46.

[5] Patterson to Edwin Pauley. 1946. 7 Sept. Patterson Papers File: Belgrade Correspondence T. Harry S. Truman Library, Independence, Missouri.

Завершающая стадия «шпионских скандалов» в Югославии наступила уже после того, как американский посол в Югославии Паттерсон возвратился на родину по просьбе президента Трумэна. Инциденты с самолетами и «шпионские скандалы» усилили его желание покинуть этот пост. 7 сентября 1946 года Паттерсон написал письмо в Белый Дом, в котором попросил о переводе его в другое место, объяснив свое желание «невостребованностью в этой отдаленной земле»[1]. В октябре 1946 года США обвинили Югославию в использовании американских граждан, проживающих в Югославии, в качестве принудительной рабочей силы[2]. Югославская сторона не согласилась с предъявленными обвинениями, называя их «частью враждебной кампании против Югославии». Тем не менее, в дипломатической переписке, а также в прессе Паттерсон по-прежнему высказывал мнение «о существовании в Югославии принудительного труда в его наиболее жестких формах»[3]. Спустя короткое время, Паттерсон возвратился в США, и Трумэн принял его отставку в конце марта 1947 года. Следует отметить, однако, что Паттерсон стремился изо всех сил выполнить указания президента Трумэна, данные ему в августе 1945 года о «применении в отношении режима Тито чрезвычайно жесткой политики». Характерно, что никаких результатов вышеуказанная политика не имела. Тито ни в коей мере не попытался как-то изменить проводимый курс в ответ на критику американской стороны. Способность и возможность США влиять на положение дел в Югославии была практически сведена к нулю в результате преследований работников посольства.

Попытки США использовать экономическую помощь Югославии с целью как-то изменить курс Тито также были бесплодны, поскольку Югославия отказывалась совершать какие-то уступки в политике в ответ на предлагаемую помощь. Югославский посол в США Симич подчеркивал в разговоре с В. Клейтоном, «что всякое увязывание в один «пакет» экономических и политических вопросов является давлением на Югославию и это будет трудно вынести. Югославия выживет без займов. Она может ждать»[4].

Новым послом США в Югославии был назначен Джон Кабот. Хотя отношение Кабота к режиму Тито и являлось отражением враждебности, характерной для американо-югославских связей в первые послевоенные годы, тем не менее, он был единственным на том этапе, кто пытался проводить в отношении Югославии что-то похожее на стратегию «вбивания клиньев» между странами.

Кабот внимательно наблюдал за развитием международных отношений, а также и за ухудшением связей между Востоком и Западом, задавая себе вопрос: «Имеется ли определенная доля ответственности на стороне Запада за усиливающуюся враждебность между двумя блоками государств? Нет ли здесь определенных возможностей «для взаимной “притирки”»? Кабот не имел абсолютно никаких симпатий к коммунизму, его идеологии или практике. По прибытии в Белград он записал в своем дневнике, что «коммунизм не этичен по своей природе; он учит, что все средства годны для его распространения. Я опасаюсь наступления страшной эры, когда комму-

---

[1] FRUS. – 1946. – Vol. VI. – P. 969. U.S. Charges Enslavement of Americans by Yugoslavia // New York Times. – 1946. – 19 Oct. – P. 1, 7.

[2] Yugoslavs Dispute U.S. «Slave Charge» // New–York Times. – 1946. – 21 October. – P. 14.

[3] Там же.

[4] U.S. Department of State. Policy and Information Statement on Yugoslavia. 1946, 30 July. Byrness Papers. Clemson University, Clemson, South Carolina, USA.

низм восторжествует на значительной части земного шара... Я надеюсь, что США будут высоко держать факел цивилизации»[1].

В то же время Кабот прекрасно осознавал, что югославы имеют вполне законные претензии к США, и пытался в течение своего пребывания в Югославии искать точки соприкосновения для установления приемлемых отношений между двумя странами.

В течение своей первой встречи с министром иностранных дел Югославии Владимиром Велебитом Кабот пытался прийти к согласию с югославской стороной по некоторым спорным вопросам. Кабот пояснил, что США не намерены выдавать Югославии бывших четников, поскольку считают их в большей степени «обструкционистами». Подобная проблема была вызвана постоянными отказами США выдать Югославии военных преступников, коллаборационистов, скрывавшихся в оккупационных зонах западных держав в Италии, Австрии, Германии[2]. Однако Кабот согласился с законными требованиями югославской стороны о выдаче военных преступников, прежде всего, участников усташского движения, а также членов марионеточного правительства Милана Недича, существовавшего в годы Второй мировой войны в Сербии и находившегося целиком под покровительством гитлеровцев. Кабот также поднял вопрос о преследованиях персонала американского посольства и спецслужб. В ответ Велебит не преминул заметить: «Чрезвычайно удивительно для югославской стороны, что американцы приглашают на работу только тех людей, которые не согласны с политикой режима Тито и даже в некоторых случаях тесно связаны с теми, кто сотрудничал с гитлеровцами в годы Второй мировой войны»[3].

Таким образом, первая встреча оказалась, фактически, совершенно бесполезной.

Пессимизм и скептицизм Кабота в отношении улучшения американо-югославских отношений усугублялся отношением Государственного Департамента, где зачастую его рекомендации об основных направлениях развития политики США в отношении Югославии просто игнорировались[4].

Персональное знакомство Кабота с состоянием советско-югославских отношений усиливало его желание воплотить наиболее раннюю версию «стратегии вбивания клиньев» в отношения между странами социалистического блока. Его наблюдения и разговоры с представителями других правительств в Югославии убеждали его в том, что, несмотря на пропаганду, Югославия и Советский Союз находятся не в самых лучших взаимоотношениях. Кабот был абсолютно уверен в том, что «югославские национальные интересы», фактически, контрастировали с интересами Советского Союза и что «югославы могут не всегда слепо следовать советским указаниям». Он также склонялся к мысли, что некоторые члены правительства И. Б. Тито хотели бы улучшения отношений с Западом. По мнению Кабота, наилучшим курсом для США в отношении Югославии был бы курс, сочетающий в себе «твердость в действии и гибкость в подходах»[5]. В своем докладе Государственному Департаменту в середине июня 1947 года Кабот анализировал результаты своего пребывания в Югославии и отмечал, что его начальные попытки улучшить американо-югославские отношении наталкивались на проблемы недавнего прошлого, когда «посольство США вело себя

---

[1] Cabot J. First Line of Defense: Forty Years Experiences of a Career Diplomat. – Washington D.C.: School of Foreign Service, Georgetown University, 1973. – P. 30.

[2] Cabot, memorandum of conversation, 25 Febr. 1947 // FRUS. – 1947. – Vol. IV. – P. 765–769.

[3] Cabot to Marshall, 7 June 1947 // FRUS. – 1947. – Vol. IV. – P. 806–808.

[4] Там же.

[5] Cabot to Claude Pepper, 12 June 1947 in Diplomatic Papers of John Moors Cabot, part 2, Europe. – Frederick, Md., 1984.

просто неприлично и демонстрировало естественную, но чрезвычайно неразумную враждебность к Югославии». По мнению Кабота, обе стороны «несколько продвинулись вперед в развитии уважительных отношений между собой, а также в некотором сглаживании «острых углов», существующих между ними, при сохранении фундаментальных различий»[1]. Поразительно, но почти за целый год, до разрыва отношений между Сталиным и Тито, Кабот предсказал, что югославы могут и не быть скептически настроены к аргументу, что им не следует «класть все яйца в корзину Советского Союза»[2]. По мнению Кабота, коммунистические идеалы, которыми живут югославы, «не являются просто политическими взглядами, а представляют собой глубокую и чрезвычайно искреннюю веру». Кабот предполагал, что развитие конфликтов с Советским Союзом являлось неизбежным и что «ярко выраженный национализм страны может сыграть решающую роль в возникновении острых ситуаций». Кабот рекомендовал США сохранять надежду, что правительство Югославии займет более независимую позицию в отношении Советского Союза или будет свергнуто силами, более дружественно настроенными по отношению к Западу. По его мнению, США следует в своей политике «давить» на столкновение интересов между Россией и Югославией и работать в направлении «вбивания клиньев» между «экстремистами» и «умеренными» в правительстве Югославии[3].

Тем не менее, Кабот был вынужден признать, что во время его пребывания на посту посла США в Югославии значительных изменений в американо-югославских отношениях не произошло.

Следует признать, что взгляды Кабота чаще всего не разделялись официальным Вашингтоном[4]. Безусловно, Кабот придерживался таких же антикоммунистических взглядов, как и официальный Вашингтон, но в силу опыта работы в стране он видел, что Югославия – это не Советский Союз, и политика в отношении этих двух государств со стороны США не могла быть одинаковой. Кабот был гораздо более реалистично настроенным, чем многие политики в Вашингтоне, которые говорили о необходимости «привнесения демократии в Восточную Европу, но совершенно не знали, как это осуществить». Кабот очень сомневался в способности США «освободить» Югославию; предметом его заботы являлись репутация и имидж его страны. Он был практически одинок в предчувствии, что не все благополучно в советско-югославских отношениях, и в июне 1947 года он, например, писал в своем дневнике, что «есть совершенно определенные причины предположить развитие оппозиционных настроений в правительстве Югославии в отношении развивающегося российского высокомерия»[5]. Однако американская дипломатия видела по-прежнему существование в Югославии лишь режима, полностью ориентированного на Москву.

Когда вашингтонские политики отказывались признавать и принимать политические оценки Кабота, он списывал это также на существование негативного общественного мнения, которое в США было чрезвычайно отрицательно настроено в отношении Тито, особенно это касалось католической церкви и ветеранских организаций, зачастую взывающих к правительству США для противодействия политике Ти-

---

[1] Summary, 23 June 1947, Truman Papers, Naval Aide Files / State Department Briefs, File: State Department Briefs, June – August, 1947. Truman Library, Independence, Missouri, USA.

[2] Cabot to Marshall, dispatch, 7 June 1947, RG 59, № 1663, 680. H00/7 – 747 in NA, Washington D.C., USA.

[3] Cabot, Oral History, Truman Library, Independence, Missouri, USA.

[4] Cannon to Marshall, 7 Sept. 1947 // FRUS. – 1947. – Vol. IV. – P. 840–842.

[5] Cabot Diary. 1947. 8 June, Truman Library, Independence, Missouri, USA.

то. Инициативы правительства США, подобно «доктрине Трумэна», также мало влияли на «воспитание» американского общественного мнения в духе понимания всей сложности и комплексности международных отношений. Следует заметить, что Вашингтон просто не был готов к развитию отношений с коммунистической страной в манере, отличной от взаимодействия с Советским Союзом.

Правда, новый посол США в Югославии К. Кеннон разделял многие из взглядов Кабота. Кавендиш Кеннон, карьерный дипломат с опытом работы на Балканах, приехал в Белград в июле 1947 года.

После нескольких недель пребывания в Югославии Кеннон заключил, что режим Тито укрепил свои позиции в стране и способен сдерживать старый национальный конфликт между сербами и хорватами. Он считал, что оппозиция режиму Тито существовала преимущественно среди крестьянства и населения католического вероисповедания, но ей недоставало организации и программы. По его мнению, никаких попыток свержения режима Тито внутри страны не наблюдалось. Что же касалось взаимоотношений с Советским Союзом, то Югославия действительно являлась наиболее важным союзником СССР, но, тем не менее, Тито был достаточно самостоятелен и его позиции по ряду международных вопросов являлись радикальными до такой степени, что Москва не всегда была готова их поддерживать. Так же, как и Кабот, Кеннон предвидел, что «югославский национализм может в один прекрасный момент вступить в противоречие и конфликт с советскими внешнеполитическими целями», но он выражал серьезные сомнения, что это произойдет в достаточно короткие сроки[1].

В ближайшем будущем, по мнению Кеннона, положение Югославии внутри советского блока продолжало укрепляться.

Помощь, согласно «плану Маршалла», предложенная всем европейским странам в июне 1947 года, была отвергнута Советским Союзом и его союзниками в Восточной Европе. Это подтвердило разделение Европы на сферы влияния между США и Советским Союзом.

Осенью 1947 года по инициативе Советского Союза было создано Коммунистическое информационное бюро (Коминформ), состоящее из коммунистических партий Франции, Италии, Советского Союза и Восточной Европы, за исключением Албании. Целью организации являлось противодействие объединяющему эффекту «плана Маршалла», а также контроль коммунистических партий стран Восточной Европы. СССР использовал первое совещание Коминформа в Варшаве для обозначения глубоких различий между Востоком и Западом, а в выступлении А. А. Жданова было подчеркнуто, что «Запад разделил мир на два противоположных лагеря и планировал начало войны против Советского Союза»[2].

Интересно, что, согласно инструкциям Сталина, югославам предназначалась ведущая роль в критике идеологии западных коммунистических партий. Сталин также настоял на том, чтобы штаб-квартира Коминформа, а также место издания его печатного органа «За прочный мир, за народную демократию» находились в Белграде. С одной стороны, можно было подумать, что за этим стоит признание Сталиным первенства югославов среди других коммунистических партий стран Восточной Европы. Однако, на наш взгляд, за этим стояло желание Сталина изолировать Югославию,

---

[1] Ulam Ad. Titoism and the Cominform. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1971. – P. 53–54.

[2] Hoffman G.W., Neal F.W., Yugoslavia and the New Communism. – New York Twentieth Century Fund, 1962. – P. 126–127.

настроив против нее другие коммунистические партии, а также сохранить над ней полный контроль.

Интересно также, что на совещании Коминформбюро югославский министр иностранных дел Э. Кардель, говоря о героизме югославских коммунистов в годы Второй мировой войны, ни разу не вспомнил о роли Советского Союза в освобождении Балкан.

Администрация Белого Дома в целом не обратила внимания на этот и ряд других признаков трений между Советским Союзом и Югославией. Оценка ЦРУ образования Коминформбюро, завершенная в середине октября 1947 года, заключала, что «в результате создания этой организации Советы обеспечили себе больший контроль над своими сателлитами, а также над рядом западно-европейских коммунистических партий. ЦРУ видело также одну из основных задач этой организации в предотвращении европейского экономического возрождения под руководством США. ЦРУ также изображало Югославию как «чрезвычайно логичный выбор» для штаб-квартиры Коминформа, прежде всего из-за «успеха и стабильности ее коммунистического режима, характера и опыта ее правящей элиты»[1]. По мнению ЦРУ, Югославия по-прежнему являлась одним из наиболее лояльных союзников Советского Союза.

Таким образом, в первые годы после окончания Второй мирового войны США основывали свою политику в отношении Югославии на императиве сопротивления коммунистической экспансии стран советского блока. Сомнения правительства США по поводу эффективности продолжавшегося сотрудничества с коммунистическими государствами усугублялись претензиями Югославии в отношении Триеста, ее помощью греческим партизанам, что, в конечном итоге, привело администрацию Трумэна и режим Тито к открытой конфронтации и конфликту. Инциденты с американскими самолетами в небе над Югославией еще больше осложнили ситуацию. Даже после того, как напряжение между странами несколько ослабло, попытки посла США в Югославии Кабота к достижению компромисса с правительством Югославии не имели успеха. Его критика политики США в отношении Югославии не нашла понимания в Вашингтоне. Стратегия «вбивания клиньев» на рассматриваемом этапе еще не получила полного развития, и большинство политиков в Вашингтоне не считало, что одно коммунистическое государство чем-то отличается от другого.

Что же касается позиции Югославии, то, как подчеркивал посол США в Югославии К. Кеннон в ноябре 1947 года, «отношение Югославии по поводу развития связей с США еще никогда не было таким плохим»[2]. Трудно было предположить на рассматриваемом этапе, что вскоре отношения США и Югославии вступят в совершенно новую фазу.

---

[1] CIA Special Evaluation № 21, «Implications of the New Communist Information Bureau», 13 October 1947, Truman Papers. NSC – CIA File: Special Evaluations. Truman Library, Independence, Missouri, USA.

[2] Naval Aide – State Department Brief, November 1947, Truman Papers File: State Department Briefs, September – December, 1947, Truman Library, Independence, Missouri, USA.

ГЛАВА 3.
ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ЮГОСЛАВИИ (1948–1953)

3.1. Советско-югославский конфликт 1948 г. и политика США

К 1948 г. Тито представлялся внешнеполитической элите США наиболее верным и агрессивным из восточноевропейских союзников Советского Союза.

Первые месяцы 1948 года можно было бы охарактеризовать, как период, когда представители внешнеполитической «элиты США выражали серьезную озабоченность» в отношении дальнейших намерений СССР. Западные инициативы, такие как «доктрина Трумэна» и «план Маршалла», безусловно, ни в коем случае не устраняли амбиции Сталина в отношении стран Восточной Еропы.

В течение этих же месяцев ничего не изменилось и в двухсторонних американо-югославских отношениях.

США продолжали противодействовать югославской политике как во внутренней, так и во внешней сферах. Посол Кеннон говорил И. Б. Тито в начале января 1948 года, что он не мог ожидать улучшения экономических отношений с США до того времени, пока американское общественное мнение воспринимает Югославию как оппозиционно настроенную ко всем «американским усилиям по установлению мира и реконструкции». Кеннон выражал особую озабоченность по поводу «провокационных действий»[1]. Югославии в Триесте и ситуации в Греции. Тито возражал и подчеркивал, что Югославия желает только мира и возможности развивать свою экономику. В сообщении в Государственный Департамент Кеннон характеризовал этот обмен мнениями, как «любопытный», поскольку Тито, казалось, не желал обсуждать политические проблемы, но в то же время стремился продолжить разговор, начатый в конце предыдущего года. Тито не встречался ни с какими иностранными дипломатами в течение нескольких недель, но, тем не менее, «посчитал полезным иметь определенные контакты с представителями американской дипломатии»[2]. В то же время, по наблюдениям Кеннона, Тито особенно не был заинтересован в заключении обычных торговых соглашений, и искал, преимущественно, возможности для приобретения машин и необходимого электрооборудования для выполнения пятилетнего плана развития страны, поскольку, судя по всему, не мог получить их внутри коммунистического блока. Тито также выражал желание, чтобы США ликвидировали запрет на туристские поездки в Югославию – это объяснялось нуждами страны и острой нехваткой твердой валюты.

Во время переговоров был затронут очень важный для страны вопрос о «размораживании» золотого запаса Югославии в США. В результате, у Кеннона сложилось впечатление, что Советский Союз не оказывал необходимой поддержки Югославии в деле выполнения пятилетнего плана и противодействовал развитию самодостаточной промышленной системы в Югославии.

---

[1] Cannon to Marshall, 3 Jan. 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1054–1056.
[2] Там же.

В итоге, посол США в Югославии делал вывод, что Советский Союз хотел видеть Югославию чрезвычайно зависимой в советском блоке, с промышленностью, главным образом ориентированной на нужды восточно-европейских стран. Кеннон, однако, не делал вывода о том, что эти трения между Советским Союзом и Югославией могут быть как-то полезны Западу[1].

Тем не менее, Югославия неожиданно согласилась уладить некоторые спорные проблемы с США. Окончательное соглашение между странами было достигнуто в середине 1948 года, которое касалось проблем собственности США в Югославии; правительство же США согласилось «разморозить» золотой запас страны времени Второй мировой войны[2]. Следует, однако, отметить, что, несмотря на давление, оказываемое на Югославию со стороны Советского Союза, признаки которого отмечались американскими дипломатами, практически до конца 1949 года, Югославия действовала на мировой арене единым фронтом с СССР и другими странами Восточной Европы.

Однако в самом разгаре этой ситуации Моше Пьяде, ведущий теоретик югославской коммунистической партии, опубликовал в газете «Борба» статью в защиту основных положений югославской партийной политики. Государственный Департамент США рассматривал публикацию Пьяде в газете «Борба» как ответ на редакционную статью в журнале Коминформа «За прочный мир, за народную демократию», которая содержала критику коммунистических партий, отвергающих необходимость признавать собственные ошибки и промахи в политике[3].

В своем сообщении, посланном Маршаллу 18 июня 1948 года, поверенный в делах США в Югославии Римс корректно высказывал предположение, что обмен статьями и эпизод в связи с конференцией говорили о наличии глубоких противоречий между Сталиным и Тито. Он характеризовал стремление Югославии провести конференцию в Белграде, несмотря на возражения советской стороны, как первый вызов союзника верховной власти Кремля. Римс отмечал также, что желание Тито бросить вызов Сталину представляет собой чрезвычайно важное политическое событие в Югославии со времени ее признания со стороны США. По мнению Римса, вполне было возможно и раньше предсказать появление «трещин» в советском блоке.

На основании свидетельств, которые были доступны Римсу, он пришел к заключению, что «определенная трещина» уже существовала в отношениях Советского Союза и Югославии. Это объяснялось в значительной мере лидерством Тито в Движении Сопротивления в годы Второй мировой войны, что позволило ему в определенной степени проводить политику, независимую от Советского Союза, но, по мнению Римса, было несколько рано делать выводы о возможном разрыве отношений и о том, что этот разрыв позволит США глубже «проникнуть и, в конечном итоге», разрушить единство советского блока»[4].

В то же время, как упоминалось выше, США считали Югославию, по-прежнему, одним из главных виновников кризиса на Балканах, и против нее, в случае вторжения югославских воинских частей на греческую территорию для поддержки партизан, рассматривалась возможность применения военной силы[5]. Вашингтон серьезно волновала реальность планов создания в Восточной Европе федерации государств с просоветски-

---

[1] Cannon to Marshall, 4 Jan. 1948 // FRUS. – Vol. IV. – P. 1056–1058.
[2] Editorial note // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1093.
[3] Там же.
[4] Reams to Marshall, 18 June 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1073 – 1075.
[5] FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 47–49.

ми режимами, особенно после выступления 17 января 1948 года Г. Димитрова перед журналистами по вопросу создания федерации стран Центральной и Юго-Восточной Европы с включением Балканских и Придунайских стран, а также Польши, Чехословакии и Греции. Это заявление было расценено на Западе как «советское изобретение»[1]. Именно это заявление Димитрова можно считать прелюдией к советско-югославскому конфликту.

24 января 1948 года Димитров получил от Сталина шифротелеграмму, в которой говорилось: «Ваше высказывание на пресс-конференции в Румелии (София), относящееся к федерации или конфедерации стран народной демократии, в том числе Греции, Польши, Чехословакии и т.д., оценивается московскими товарищами как вредное, ибо наносит вред странам народной демократии, облегчая борьбу англо-американцев против этих стран». Далее в телеграмме заявлялось, что Москва считает также вредным и заявление Димитрова о таможенной унии между странами-союзницами, «следовательно, между странами, имеющими пакт о взаимопомощи», что можно было отнести и к Советскому Союзу. «Трудно понять, что могло заставить Вас сделать на пресс-конференции такое необдуманное заявление»[2], – писал Сталин.

4 февраля 1948 года советским послам в Белграде и Софии было дано указание довести до сведения Тито и Димитрова телеграмму, подписанную Молотовым, об изменениях во внешнеполитических позициях Советского Союза в связи с заключением им пактов о взаимопомощи. В документе говорилось, что в связи с неудачным интервью Димитрова, давшим повод ко всякого рода разговорам о создании восточноевропейского блока с участием СССР, в Москве пришли к выводу, что пакты взаимопомощи СССР с Румынией, Венгрией, Болгарией «должны быть направлены против возможной будущей агрессии и ее возможных союзников, а не против всякого агрессора», как это считалось желательным до указанного момента. Далее указывалось: «В теперешней обстановке заключение Советским Союзом пактов о взаимопомощи, направленных против любого агрессора, было бы истолковано в мировой печати как антиамериканский и антианглийский шаг со стороны СССР, что могло бы облегчить борьбу агрессивных англо-американских элементов против демократических сил США и Англии. Вместе с тем, в Договоре о взаимопомощи с Румынией, Венгрией и Болгарией будет включен пункт о консультациях по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обеих стран, подписавших пакт»[3]. Таким образом, включение этого пункта означало придание международно-правовой основы строгому контролю Москвы за внешнеполитическими действиями своих союзников. В связи с этими событиями посол США в Югославии К. Кеннон в телеграмме госсекретарю США указывал, что основные цели СССР на Балканах состоят в контроле над проливами. По его мнению, «ставки в отношении Эгейского моря в долгосрочном советском планировании выше, чем в отношении Адриатики»[4].

Раздражение в Москве по поводу самостоятельных действий Белграда постоянно возрастало. Интересно, что за несколько месяцев до конфликта с Белградом в аналитической записке, составленной в отделе внешней политики ЦК ВКП(б) в августе – первой половине сентября 1947 года в связи с подготовкой к совещанию Коминформа,

---

[1] Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – М.: Нота Бене, 1992. – С. 402.

[2] Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). – София, 1997. – С. 595.

[3] Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. – М., 1991. – С. 334.

[4] FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 294.

наряду с высокими оценками югославской внешней политики и югославских руководителей, отмечались тенденции в переоценке ими своих достижений и стремление поставить югославскую компартию в положение своеобразной «руководящей партии на Балканах». Говорилось о том, что при решении вопросов, связанных с проведением внешней политики, некоторые деятели югославской компартии иногда проявляют национальную узость, «не считаясь с интересами других стран и братских компартий». В качестве примера балканских амбиций Белграда в записке обращалось внимание на политику Югославии во время триестского кризиса и в отношении Албании.

В последнем случае югославы обвинялись в противодействии развитию советско-албанских отношений. В целом можно отметить, что часть албанского руководства, настроенная на развитие более тесных экономических связей с СССР, пыталась противодействовать тотальному проникновению югославов в различные сферы албанской жизни. Министр экономики Албании Н. Спиру был обвинен Белградом в ноябре 1947 года в саботаже экономического сотрудничества с Югославией. После его самоубийства албано-югославские отношения стали предметом обсуждения на встрече Сталина, Молотова и Жданова с приглашенным в Москву М. Джиласом. Тогда формально было выражено согласие советского руководства на то, чтобы развитие Албании было связано с Югославией, однако, неизвестно, что думали в Кремле по этому поводу в действительности. Налицо была определенная экономическая заинтересованность СССР в развитии отношений с Албанией, что выразилось в направлении в эту страну советских специалистов[1].

Таким образом, в данном случае речь шла о конкретных противоречиях экономического характера и о соперничестве Югославии и СССР в укреплении своих экономических позиций в Албании.

Чтобы оказать давление на Югославию и Болгарию, Москва пригласила руководителей обоих государств на секретные переговоры, которые состоялись 10 февраля 1948 года. Тито, сославшись на плохое самочувствие, отказался участвовать в переговорах, и, таким образом, Югославию представляли Э. Кардель, В. Бакарич и М. Джилас. Все совещание свелось к острой критике со стороны И. В. Сталина, В. М. Молотова болгар и югославов за несанкционированные Москвой внешнеполитические действия[2].

В ходе февральских переговоров в Москве Сталин настойчиво ставил вопрос об ускорении объединения Болгарии и Югославии в федерацию. Существуют предположения, что реализация этого плана позволила бы Москве осуществлять больший контроль над югославским руководством.

Интересно, что реальность осуществления планов создания балканской федерации была подвергнута анализу в различных ведомствах администрации США. В одном из меморандумов госдепартамента за 1948 год высказывалось предположение о неизбежных трудностях, которые должны были бы возникнуть в результате осуществления данной идеи. Прежде всего, выделялось главное – национализм как фактор, способный только усугубить советские проблемы. Серьезные осложнения могли возникнуть и в связи с разным уровнем экономического развития отдельных стран. В документе высказывалось сомнение в целесообразности для Москвы создания подобного объединения. Доказывалось, что действующая система отношений СССР со странами «народ-

[1] FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 294.
[2] Там же.

ной демократии» позволяет Москве применять основной контроль без особого внимания к частным действиям администрации каждой из этих стран[1].

Вряд ли советское руководство проходило мимо указанных факторов. При этом очевидно, что Москва взяла четкий курс на установление своей гегемонии в Восточной Европе и жесткого контроля за странами данного региона. Она не могла допустить каких-либо самостоятельных действий со стороны руководителей этих стран, которые бы шли вразрез с геополитическими, геостратегическими и экономическими интересами СССР, или то, как их понимало советское руководство.

Коренной поворот советского руководства в конфронтации с Югославией произошел после того, как в Москве стало известно о решениях заседания Политбюро ЦК КПЮ от 19 февраля 1948 года, где югославская делегация отчитывалась о своей поездке в Москву. Тогда было решено не соглашаться на федерацию с Болгарией[2].

Таким образом, несмотря на заявление Тито, что «у Югославии нет разногласий с СССР в сфере внешней политики, именно самостоятельные, не санкционированные Москвой, внешнеполитические акции Югославии вызывали крайнюю озабоченность советского руководства. Прежде всего, это касалось Албании. Уже после февральских переговоров в Москве, в конце февраля–начале марта 1948 года под воздействием нажима из Белграда, албанское руководство, не знавшее о категорических возражениях Сталина против ввода югославских войск в Албанию, на встрече 10 февраля, опять поставило перед СССР этот вопрос; кроме того, югославы склоняли Тирану к тому, чтобы она выступила с предложением об объединении Албании с Югославией.

Полное отрицание советских претензий и ставка на независимость от Москвы вылились в конкретные действия со стороны СССР и Югославии.

Окончательное решение о сопротивлении советскому давлению было принято 12 апреля 1948 года на Пленуме ЦК КПЮ. Предварительно советская и югославская стороны обменялись письмами, в которых Советский Союз обвинял Югославию в различных идеологических заблуждениях и антисоветских действиях, а Югославия пыталась доказывать свою невиновность. На пленуме 12 апреля И. Б. Тито подчеркнул, что «дискуссия между Советским Союзом и Югославией не является обсуждением теоретических вопросов, а, в свою очередь, теоретические вопросы используются для оправдания давления одного государства на другое»[3].

Взаимные обвинения советской и югославской сторон достигли своей кульминации на совещании Коминформа 28 июня 1948 года, на котором Коммунистическая партия Югославии была исключена из этой организации, а Сталин призвал югославский народ свергнуть И. Б. Тито[4].

Но со стороны И. В. Сталина это оказалось большим просчетом и дало обратный эффект: а именно – сплочение югославской нации перед лицом внешней угрозы. И как говорила одна сербская женщина в беседе с американским корреспондентом: «Мы – странный народ. Когда Гитлер находился в зените своего могущества, когда вся континентальная Европа была у его ног, – мы разорвали договор, заключенный с ним. Когда США находились в зените своего могущества в 1946 году, и весь мир опасался ядерной

---

[1] Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. – М., 2000. – С. 235.

[2] Гибианский Л.Я. Секретная советско-югославская переписка. 1948 // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5. – С. 131.

[3] Dedijer V. Tito Speaks: His Self–Portrait and Struggle with Stalin. – London: Weidenfeld L. Nicholson, 1953. – P. 175–178.

[4] U.S. Congress, Senate Committee on the Judiciary, Yugoslav Communism: A Critical Study. 87th Congress, 1st Session, Serial Number 68503. – Washington, 1961. – P. 157.

бомбы, мы подбили их самолеты, поскольку они нарушили наше воздушное пространство. И теперь, когда Сталин находится в зените своего могущества, мы отвергаем его ультиматум. Мы – странный народ, но мы знаем, как защищать нашу страну»[1].

После совещания Коминформа было принято решение о введении блокады на торговые отношения с Югославией для того, чтобы лишить ее жизненно необходимой продукции для проведения реконструкции и экономического развития.

«Изгнание» Югославии из Коминформа доказывало, что более ранний анализ ситуации посольством США был чрезвычайно точен.

Римс немедленно связался с Государственным Департаментом с целью выяснить, «какую позицию он должен занять в этой ситуации, если, как он ожидал, Югославия попросит помощи США. Он также призвал, чтобы США выступили с заявлением, подтверждающим их намерение защитить территориальную целостность малых наций»[2].

Представители военных кругов США в Югославии разделяли мнение Римса, что поддержка Тито и Югославии со стороны Запада, как члена ООН, безусловно, будет влиять на позицию Советского Союза. Требование «независимого лидерства» со стороны Тито подняло чрезвычайно важный вопрос для Кремля: он сам был хозяином в своем коммунистическом доме, и Сталин не мог бы избавиться от него иным способом, кроме как путем войны.

Представители дипломатических кругов США советовали Государственному Департаменту, «что происходящие события чрезвычайно способствуют достижению целей американской внешней политики, а именно – постоянное «оттягивание» режима в Югославии от московского руководства»[3].

Первоначальные оценки, сделанные ЦРУ и представленные президенту США 29 и 30 июня 1948 года, подтверждали важность действий Тито. «Изгнание» Югославии из Коминтерна было охарактеризовано как «отчаянная попытка» советского блока «восстановить строгий международный коммунистический контроль над националистически настроенной югославской партией. ЦРУ было также согласно с оценкой, что Тито полностью контролировал Югославию, и предполагало, что политика югославского руководства будет направлена на укрепление его положения внутри страны, а также на осторожное «прощупывание» западной реакции в случае разрыва Югославии с советским блоком»[4]. Что же касается реакции других государств-членов советского блока – то, едва ли, по мнению ЦРУ, они могли последовать примеру Югославии. Но, в случае, если Тито «выживет» в коммунистической изоляции, будет значительно труднее Кремлю сдерживать националистические стремления внутри так называемого «социалистического лагеря»[5].

Тем не менее, несмотря на точные политические оценки советско-югославских отношений со стороны США, реакция администрации была очень осторожной. Конфликт Сталина и Тито произошел без всякого вмешательства Запада и, практически, США не имели значительной информации о происходящих событиях. Но наличие этого разрыва, по словам Кеннона, обозначило совершенно новую проблему: как сформулировать политику в отношении коммунистического государства, построенного на со-

---

[1]Bass H. Robert, Marbury Elisabeth. The Soviet – Yugoslav Controversy. 1948 – 1958: A Documentary Record. – New York: Prospect Books, 1959. – P. 62, 79.

[2] Bass and Marbury, Soviet – Yugoslav Controversy. – P. 28.

[3] Reams to Marshall. 29 June 1948, RG 59 №. 789. 860H. 0016–3048 in National Archives, Washington D.C.

[4] Reams to Marshall. 30 June 1948, RG 59 №. 799. 860H. 0016–3048 in National Archives, Washington D.C.

[5] Hillenkoetter to Truman, 29 June 1948. – Naval Aide–State Department Brief. Truman Papers, File: State Department Brief, June 1948, Truman Library, Independence, Missouri (USA).

ветских принципах и на советской идеологии и, тем не менее, независимого от Москвы. Любое действие, предпринятое администрацией, могло составить важный прецедент для будущей политики, поскольку пример Тито, по мнению США, мог вызвать дальнейшее ослабление советского блока. Позиция, занятая США, также могла помочь определить реакцию других государств – советских союзников – на «поведение» Тито и югославских коммунистов. С одной стороны, «если Запад был бы слишком холоден в отношении Югославии», это могло быть на руку Советскому Союзу, для того, чтобы продемонстрировать, что у социалистических стран нет другого выбора, кроме как оставаться советскими союзниками. С другой стороны, чрезвычайно «теплый» прием со стороны США мог подорвать позиции Тито внутри Югославии, среди его сторонников, а также вызвать острую критику его взглядов. Следовательно, по мнению американских дипломатов, политика США в отношении Югославии должна была основываться на крайне внимательном учете всех обстоятельств и последствий предпринимаемых шагов. США, безусловно, приветствовали приобретение Югославией собственного «политического лица», но, тем не менее, не хотели бы, чтобы «внутренняя коммунистическая природа режима Тито мешала нормальному развитию экономических связей Югославии и Запада».[1] В целом, Кеннон основывал свои выводы по поводу политики США в отношении Югославии на утверждении, что «новый фактор чрезвычайно фундаментального и глубокого значения стал играть роль в международном коммунистическом движении, а именно демонстрация того, что Кремлю может быть брошен открытый вызов одним из его «младших партнеров». Кеннан был практически уверен, в том, что возможность «оппортунизма» со стороны других коммунистических партий внутри советского блока чрезвычайно вероятна[2].

В июле 1948 года взгляды Кеннона составили основу доклада Совета Национальной Безопасности, который наметил основные направления США в отношении Югославии в связи с разрывом советско-югославских отношений.

Характерно, что вышеуказанный доклад определил состояние американо-югославских отношений на последующие несколько лет[3].

Администрации Трумэна и Эйзенхауэра были чрезвычайно склонны оказывать помощь Югославии, причем, не требуя взамен значительных уступок. Однако необходимость для Югославии демонстрировать «верное и склонное к сотрудничеству отношение» оставалась существенной частью этой политики помощи. Правда, следует отметить, что «поведение» Югославии не всегда отвечало этим ожиданиям, а, в свою очередь, приверженность США провозглашенным принципам зачастую подвергала избранную стратегию «вбивания клиньев» значительной опасности.

Как известно, в американских политических кругах существовало два концептуальных подхода к оказанию помощи США другим государствам, исходя из интересов национальной безопасности страны.

Первый подход основывался на так называемой «доктрине косвенного влияния», которая предусматривала, что национальная безопасность США укреплялась в результате того, что выделяемую Америкой и получаемую другой страной помощь предпола-

---

[1] Hillenkoetter to Truman, 30 June 1948. – Naval Aide–State Department Brief. Truman Papers, File: State Department Brief, June 1948; Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[2] Policy Planning Staff (PPS) 35, «The Attitude of this Government Toward Events in Yugoslavia», 30 June 1948, Truman Papers File: State Department Brief, June 1948; Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[3] Там же.

галось использовать для фундаментальной трансформации культурных основ и главных политических институтов общества страны-реципиента.

Второй подход, называемый «доктриной прямого воздействия», предусматривал рассмотрение культурных основ и общественных институтов страны-реципиента как данности и, следовательно, национальная безопасность США должна была обеспечиваться путем оказания влияния посредством помощи как правительствам стран-реципиентов, так и путем воздействия на общественное мнение в целом.

Таким образом, оказание помощи США служило бы жизненным интересам Америки, прежде всего, коренным образом изменяя мировоззрение и государственные институты стран-реципиентов, а также, все эти процессы способствовали развитию других, а именно: распространению свободы и демократии, что в конечном итоге служило основной цели – усиливать национальную безопасность США.

В отношении Югославии речь могла идти, безусловно, о «доктрине прямого воздействия», что впоследствии и было осуществлено США[1].

Поскольку, по мнению американской стороны, «оппортунизм» Югославии являл собой угрозу могуществу СССР внутри коммунистического блока, следовало ожидать любых действий со стороны Сталина, включая военные, для того, чтобы сломить Тито. Следовательно, администрация США была настроена «чинить препятствия Сталину», однако, не провоцируя его в процессе. В то же самое время США не строили никаких иллюзий в отношении природы режима Тито: он, по-прежнему, оставался диктатором полицейского государства; и изображать его как союзника Запада было проявлением недальновидной политики и невысокой морали[2].

В самом деле, Вашингтон не видел повода для идеологических разногласий между Тито и Сталиным. Как отмечал Дж. Кеннан в своем выступлении в Национальной Военной академии в октябре 1948 года: «Кремль не был удовлетворен поведением Тито, как верного слуги Политбюро, поскольку последний стремился дифференцированно относиться к указаниям из Москвы и самостоятельно контролировать аппарат власти в Югославии». Безусловно, по мнению Кеннана, следовало использовать разрыв советско-югославских отношений для извлечения как можно больших выгод в политике, но все применяемые методы должны были быть осторожные и не слишком рекламируемыми.

В. Смит, посол США в Советском Союзе, также советовал американской администрации оказать поддержку Тито. Его наблюдения времени Второй мировой войны позволяли сделать вывод о чрезвычайно независимом поведении югославов, что давало основания судить о разногласиях между Югославией и СССР. Однако он выражал определенные сомнения в том, «насколько долго непослушный ребенок» сможет выдерживать советское давление без помощи извне[3].

Взгляды Смита также нашли поддержку в американской администрации. Было предложено Государственному Департаменту конфиденциально уверить Тито, что США хотели бы его поддержать.

Тем не менее, Государственный Департамент, опасаясь предпринимать решительные шаги, продолжал считать ситуацию в Югославии слишком неясной и посчитал за

---

[1] Banfield E. American Foreign Aid Doctrines. – Washington D.C.: American Enterprise Institute, 1963. – P. 4.

[2] NSC Meeting № 19, 2 September 1948, Truman Papers, NSC Meetings 14–27 (1 July – 23 November 1948), File: NSC Meeting № 19, 2 September 1948; Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[3] George F. Kennan. “The Soviet Internal Political System”, National War College, 1948. 14 Oct.; George F. Kennan Papers, Seeley G. Mudd Manuscript library, Princeton University, Princeton, New Jersey.

лучший выход продолжать наблюдать за развитием событий. Великобритания также проинструктировала своего представителя в Белграде внимательно относиться ко всем реакциям Югославии по отношению к Западу, но с определенным подозрением, до тех пор, пока Тито не подкрепит свои слова конкретными делами[1].

Тем не менее, в доказательство намерений предлагалось организовать небольшие поставки топлива режиму Тито как подтверждение интереса Запада к этой балканской стране и к последствиям разрыва советско-югославских отношений[2].

К концу июля 1948 года администрация Трумэна в согласии с правительством Великобритании обеспечила поставку в Югославию нескольких тысяч тонн нефти, тем самым демонстрируя определенное желание Запада ответить на дополнительные просьбы правительства Тито о помощи. США опасались предпринимать более «агрессивные» шаги в отношении оказания значительной помощи Тито, понимая, что это могло бы вызвать волну критики в самой Югославии, а также имея в виду возможные осложнения в Америке, связанные с объяснением общественному мнению страны, почему происходило оказание помощи репрессивному коммунистическому правительству в Европе[3].

Характерно, но в сентябре 1948 года, когда Югославия обратилась с просьбой к США о покупке оборудования для нефтедобывающей промышленности в обмен на руду и минералы, Государственный Департамент, по-прежнему ожидая от Югославии «лояльного и склонного к сотрудничеству отношения», посчитал просьбу не слишком привлекательной. Администрация США опиралась на довод, что Югославия не продемонстрировала абсолютно никакого отклонения от позиции, солидарной с Советским Союзом, во внешней политике. И, следовательно, оставалась опасность, что оборудование, посылаемое в Югославию, могло быть использовано для советских нужд. Однако, по мнению американских экспертов, запрашиваемая Югославией продукция могла быть настолько жизненно необходима для страны, что «Югославия, возможно, обеспечит значительные уступки в «политической сфере» для оправдания экспорта необходимых товаров, и в таком случае «США могли бы оставить двери открытыми для будущих просьб Югославии»[4].

Римс, который считал поддержку Югославией советской внешней политики «вопросом не слишком большой важности», не согласился с позицией Государственного Департамента. По его мнению, было слишком рано для Запада ожидать значительных уступок от Югославии в политической сфере. Римс продолжал считать, что Югославия нуждается в оборудовании для того, чтобы заменить вывезенное Советами. И, кроме того, по его мнению, экономике США не повредили бы руда и минералы из Югославии[5].

Однако, несмотря на колебания американской стороны, Югославия продолжала осуществлять шаги, направленные на развитие экономического сотрудничества с Западом.

В октябре 1948 года, на встрече с представителем деловых американских кругов Эриком Джонсоном, Тито заявил, что разрыв югославо-советских отношений мог быть

---

[1] William H. Draper to Kenneth C. Royall, 6 July 1948. – FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1085–1087; Harriman to Marshall, 7 July 1948. – Там же. – P. 1088.

[2] Frederick T. Merrill, memorandum of telephone conversation, 3 July, 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1084.

[3] Marshall to Smith, 21 July 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1093–1094.

[4] Cannon to Marshall, 12 August 1948, RG 59, № 1978, 860H. 00/8–1248 in NA, Washington D.C., USA.

[5] Marshall to Certain Diplomatic Missions. 3 September 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. 4. – P. 1105–1106

преодолен только в том случае, если Москва признала бы всю ошибочность своих обвинений в отношении югославской стороны. Тито подтвердил желание Югославии развивать экономические отношения с Западом, но без всяких условий и уступок в политической сфере. Однако Тито заверил Джонсона, что Югославия не собиралась перепродавать товары, полученные в результате экономического обмена с США[1]. Спустя месяц, Кеннон имел встречу с недавно назначенным министром иностранных дел Югославии Э. Карделем, в течение которой также было выражено желание югославской стороны о развитии экономического сотрудничества с США. Министр иностранных дел Югославии сомневался, что Советский Союз прибегнул бы к полной блокаде Югославии, но, однако, подчеркнул способность своей страны выжить в случае необходимости[2].

Римс призывал администрацию США отказаться от политики «пассивного наблюдения» и предпринимать более активные действия к развитию сотрудничества, в частности, начать постепенное ослабление экспортного контроля.[3] По мнению Римса, важность поддержания независимого положения Югославии трудно переоценивать. Он продолжал считать пример Тито и его влияние на других советских сателлитов чрезвычайно важными и привлекательными, но только в том случае, если он оставался бы у власти[4].

Однако Вашингтон не пошел так далеко, как хотелось бы Римсу в изменении своей политики в отношении Югославии; тем не менее, определенные шаги были предприняты. В соответствии с предложением Римса об ослаблении ограничений в торговых отношениях с Югославией США ускорили доставку торговых наименований в Югославию, не касаясь, правда, поставок нефтедобывающего оборудования, экспорт которого был строго лицензирован.

Интересно, что американское общественное мнение не всегда поддерживало помощь США Югославии. В социологическом опросе, проведенном в феврале 1949 года, только 47 % опрошенных знали о разрыве советско-югославских отношений; 51 % опрошенных в этой группе выступали за расширение торговли с Югославией, в то время как 30 % – были настроены «против»[5].

По результатам другого опроса, проведенного в середине 1949 года, только 52 % опрошенных знали, кто такой Тито; 21 % из знавших, выступали за развитие сотрудничества и торговли, 20 % – не одобряли, а у 11 % – не было собственного мнения[6].

В Конгрессе также присутствовали очень различные взгляды по вопросу отношения к Югославии, особенно это было связано с подавлением религиозной свободы режимом Тито, что вызывало возмущение католически настроенных депутатов. В феврале 1949 года конгрессмен Джон Маккормак из Массачусетса, выступая в слушаниях по вопросу разрыва советско-югославских отношений, отметил, что «США должны были относиться к разрыву со значительным подозрением». И если Тито искренен в своем желании быть независимым от Москвы, он должен был доказать

---

[1] Reams to Marshall, 14 September, 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1106.

[2] Reams to Lovett, 5 October 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1113.

[3] Cannon to Marshall, 5 October 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1113–1114.

[4] Reams to Marshall, 15 September 1948 // FRUS. – 1948. – Vol. IV. – P. 1106–1110.

[5] American Opinion Report, 21 August 1949. – Bureau of Public Affairs. – U.S. Department of State, Washington D.C.

[6] American Opinion Report, 5 June 1949. – Bureau of Public Affairs. – U.S. Department of State, Washington D.C.

это, освободив узников свободы совести и отказавшись поддерживать партизанское движение в Греции[1].

По мере высказывания самых различных мнений в стране администрация Трумэна постепенно пришла к окончательной формулировке, так называемой «стратегии вбивания клиньев» и ее применению в Югославии. Окончательный документ Совета Национальной Безопастности США, подписанный президентом Трумэном 24 ноября 1948 года, формулировал так называемую политику «сдерживания», взятую на вооружение США в отношении Советского Союза. Данный документ определял основные цели американской внешней политики вплоть до апреля 1950 года.

Основная часть документа характеризовала существование Советского Союза и его политики как угрозу безопасности США и вырабатывала основные пути снижения мощи и влияния СССР. Эти меры включали не только увеличение мощи Запада, но также и оказание давления с целью уменьшения влияния Советского Союза на его восточноевропейских союзников.

Пример Югославии продемонстрировал, что и в союзнических отношениях возможны глубокие противоречия, приводящие к резкому ослаблению советского доминирования. Конфликт Тито с Кремлем и попытки Советского Союза его сломить раскрыли, по мнению Совета Национальной Безопасности, реальное состояние союзнических отношений внутри коммунистического блока, а также поставили вопрос: как же эта система будет работать в будущем? Методы, которые использовались Советами в прошлом, а именно – осуждение так называемой «ереси», полицейские репрессии, оказались в полной мере неэффективными в отношении Тито, руководителя, который обладал собственными рычагами власти и влияния. Его пример, по мнению американской администрации, мог расколоть целостность коммунистического движения, как ничто другое, и нанести колоссальный вред мифу о сталинском могуществе[2].

Заявление Совета Национальной Безопасности заключало, что разрыв советско-югославских отношений представлял для США и его союзников уникальную возможность «подорвать» контроль Советов над международным коммунистическим движением. Запад был намерен делать все от него зависящее, чтобы увеличить трения в советском блоке и дать возможность коммунистическим союзникам освободить себя от советского контроля и найти, если они того пожелают, приемлемые формы сотрудничества с западными правительствами»[3]. В ноябрьском анализе ЦРУ советско-югославских отношений делался акцент на том ущербе, который был нанесен конфликтом «триумфу мирового коммунизма» и советскому контролю над странами-союзникам. В своем стремлении к реваншу Советы, по мнению «ЦРУ, организовали

---

[1] Public Opinion Quarterly, 13 (Winter – Spring 1949 – 1950). – P. 726.

[2] Report by the NSC to the Department of State: Summary of Conclusions NSC 20/1, “U.S. Objectives with Respect to Russia”, 18 August 1948. – FRUS. – 1948. – Vol. 1(2). – P. 609–611; Report to the President by the NSC, 23 November 1948, with enclosure, NSC 20/4; “Report by the National Security Council on U.S. Objectives with Respect to the USSR to Counter Soviet Threats to U.S. Security”. – Там же. – P. 662 – 669; NSC 20/1, “United States Objectives with Respect to Russia”. In Etzold Th. and Gaddis J. – Containment: Documents on American Policy and strategy 1945 – 1950. – New York: Columbia, University Press, 1978. – P. 173 – 203.

[3] Report by the NSC to the Department of State: Summary of Conclusions NSC 20/1, “U.S. Objectives with Respect to Russia”, 18 August 1948. – FRUS. – 1948. – Vol. 1(2). – P. 609–611; Report to the President by the NSC, 23 November 1948, with enclosure, NSC 20/4; “Report by the National Security Council on U.S. Objectives with Respect to the USSR to Counter Soviet Threats to U.S. Security”. – Там же. – P. 662 – 669; NSC 20/1, “United States Objectives with Respect to Russia”. In Etzold Th. and Gaddis J. – Containment: Documents on American Policy and strategy 1945 – 1950. – New York: Columbia, University Press, 1978. – P. 173–203. Etzold and Gaddis. Containment. – P. 182–183.

преследования ненадежных элементов» в странах Восточной Европы, что неизбежно должно было повлечь за собой усиление антисоветских чувств населения. ЦРУ, однако, сомневалось, что Советы могли бы предпринять какие-то агрессивные немедленные действия против Тито. По мнению ЦРУ, наилучшим способом выживания для Тито являлось избегать прямых столкновений с Советами, в надежде, что все-таки возможно найти компромисс. По этой причине, и поскольку Тито также являлся коммунистом, Югославия вполне могла бы поддерживать советскую внешнюю политику. Однако, по мнению ЦРУ, возможен был и вариант полного отсутствия каких-либо компромиссов с Советским Союзом. И это также было вероятно, поскольку Советы начали преследования лидеров в Восточной Европе, пропасть между Югославией и советским блокам могла бы только увеличиваться. В результате этого Тито, в целях собственного выживания, возможно, стремился бы к изменению своей внутренней политики и к развитию торговых отношений с Западом. По мнению ЦРУ, пропасть между Югославией и советским блоком могла бы увеличиваться, и в этих условиях отчаяние Кремля и желание использовать военные действия против режима Тито вполне могли быть вероятны[1].

Таким образом, на самом раннем этапе развития «стратегии вбивания клиньев» США в большей степени видели ее возможные сложности и опасности, чем выгоды и приобретения.

По мере усиления блокады Югославии со стороны стран советского блока Тито все в большей степени поворачивался в сторону сотрудничества с Западом. К весне 1949 года торговля Югославии с Румынией, Венгрией и Албанией почти совсем прекратилась, а с Польшей уменьшилась наполовину. Только торговые отношения с Чехословакией остались на прежнем уровне[2].

В начале января 1949 года Кеннон сообщал в Вашингтон, что югославская сторона предложила продавать медь и цинк в США в обмен на экспорт лицензий для производства оборудования, в частности, сталелитейного. Кеннон, однако, напомнил Вашингтону, что Югославия не собиралась идти на политические уступки для получения западной помощи. По мнению американского посла, целью Югославии было создание собственной промышленной системы, не зависимой ни от Востока, ни от Запада. Югославия намерена была в ответ на помощь Запада поставлять в США руду и минералы. Кеннон советовал значительно ослабить экспортный контроль в торговых отношениях с Югославией, поскольку это служило бы «американским национальным интересам».

Государственный Департамент склонялся к положительному ответу на просьбу Югославии о лицензии на поставку сталелитейного оборудования, но, тем не менее, продолжал обсуждать этот вопрос в других правительственных инстанциях[3]. По мнению американской стороны, эта дискуссия включала вопросы как торговли, так и обороны. Сталелитейное оборудование, которое стремилась приобрести Югославия, по мнению США, укрепило бы сталелитейную промышленность страны и дало бы возможность производить больше стали. В свою очередь, это увеличило бы военный потенциал Югославии, а продаваемая технология соответствовала наивысшей степени

[1] CIA Special Evaluation № 49–48 “The Trend of Soviet Yugoslav Relations”, 18 November 1948, Truman Papers, President’s Secretary’s File, CIA Reports, 1948. – P. 48–57, Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[2] CIA Special Evaluation № 49–48 “The Trend of Soviet Yugoslav Relations”, 18 November 1948, Truman Papers, President’s Secretary’s File, CIA Reports, 1948. – P. 58, Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[3] Calvocoressi P. Survey of International Affairs. 1947–1948. – London: Oxford University Press, 1952. – P. 49–51.

секретности, в программе экспортного контроля, который применялся к Восточной Европе[1].

Американская администрация испытывала сомнения: может ли США брать на себя риск и продавать технологию одной из самых решительных сторонниц Советского Союза? Оправдывает ли «стратегия вбивания клиньев» такой риск?

В конце января Кеннон вновь настаивал на применении «стратегии вбивания клиньев» в отношении Югославии со стороны Запада и, в частности, США. По его мнению, США могли бы заложить хорошие основания для своей долговременной политики по «разрушению советской системы» путем предоставления помощи Югославии. Но для достижения этих целей, по мнению Кеннона, Государственный Департамент должен был бы отказаться от ряда неверных оценок, а именно: что разрыв советско-югославских отношений был имитирован с целью достижения вероломным образом каких-то советских целей; что политика пассивного наблюдения и ожидания со стороны Запада расширяла бы пропасть между Советским Союзом и Югославией; что Западу абсолютно не был интересен Тито и его «кровавая коммунистическая клика»; что Тито мог быть смещен при помощи Запада и заменен прозападно настроенным лидером.

Последние два предположения казались особенно абсурдными для Кеннона. По его мнению, США должны были помнить, что Тито представлял собой единственный инструмент, доступный Западу, «для подрыва советского влияния в Восточной Европе». Устранение Тито от власти насильственным путем привело бы к власти еще худший режим, поскольку в стране не существовало антикоммунистической оппозиции достаточно сильной, чтобы выдвинуть лидера, равного Тито.

По мнению Кеннона, у югославов было всего два варианта политических лидеров: Тито или ставленник Москвы.

Характерно, что Кеннон вовсе не считал, что Белград должен был идти на политические уступки Западу в обмен на экономическую помощь. По мнению Кеннона, для интересов США в Восточной Европе было бы гораздо выгоднее видеть И. Б. Тито правоверным, «но процветающим коммунистом», поскольку пропаганда Коминформа усиленно предсказывала, что результатом «ереси Тито» явилась бы разрушенная и буржуазная страна. Следовательно, политика США в отношении Югославии должна была строиться на балансе помощи с целью поддержки Тито и на ограничении тех опасностей, которым бы он подвергался без помощи Запада[2].

В феврале 1949 года Государственный Департамент рекомендовал правительству ослабить экспортный контроль в отношении Югославии, даже в случае, если отношение Тито к Западу изменилось бы незначительно.

Тито отверг кремлевское давление, и это было объективно в интересах США, поскольку «титоизм продолжал существовать как дезинтеграционная сила, действующая внутри сферы интересов Кремля». Тито, по мнению Государственного Департамента, действовал блестяще в американских интересах, атакуя «советский империализм» внутри системы. Было чрезвычайно существенно, что Тито своим примером демонстрировал, что восточноевропейская страна могла выйти из-под московского контроля,

---

[1] Cannon to Marshall, 10 January, 1949 // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 854–856.

[2] Cannon to Acheson, 31 January 1949 // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 856–859. Ridley G. Tito: A Biography. – London: Constable, 1994. – P. 296. По мнению биографа Тито Ридли, Кеннон написал это в состоянии раздражения, вызванного неудачной попыткой ЦРУ в январе «подтолкнуть» антититоистский переворот путем переброски на парашютах группы бывших четников в Югославию.

причем достаточно успешно». По мнению американских дипломатов, это создавало прецедент, которому могли последовать и другие страны–союзники советского блока[1].

По мнению ЦРУ, экономическая ситуация в Югославии была также достаточно сложной, что могло бы заставить Тито несколько изменить свою антизападную внешнюю политику[2].

Для достижения вышеуказанных целей администрацией США было принято решение о расширении экономического сотрудничества с Югославией, но до такой степени, чтобы это не наносило ущерб безопасности США.

Совет Национальной Безопасности и президент Трумэн полностью одобрили вышеуказанные подходы[3].

Интересно, что США планировали по-прежнему оказывать давление на Тито с целью прекращения помощи Югославии греческим партизанам. Что же касается внутренней политики режима Тито, то США отказались от излишнего давления. Когда Кеннон, например, получил информацию о том, что депутаты Конгресса интересовались взаимосвязью между помощью США Югославии и освобождением архиепископа Степинаца режимом Тито, посол отреагировал на это словами, «что вопрос религиозной свободы в Югославии и планы усиления разрыва между Сталиным и Тито» требовали минимального внимания США к вопросу об освобождении Степинаца. По мнению посла США, если бы Тито согласился на эту или какие-либо другие уступки, его собственная позиция была бы значительно ослаблена внутри страны, и преследования католиков в Югославии, которые несколько уменьшились, были бы снова возобновлены[4]. Тем не менее, конгресс США принял резолюцию, осуждающую заключение в тюрьму Степинаца и венгерского кардинала Миндсенти, охарактеризовав эти преследования как преследования за религиозные убеждения и как нарушение Устава ООН[5].

Действия Конгресса, безусловно, отражали напряженность между советским блоком и Западом. Советский Союз чрезвычайно негативно отнесся к плану Маршалла и созданию НАТО, кроме того, при помощи советского руководства были организованы преследования руководства коммунистических партий стран Восточной Европы, имевшие целью искоренение всех корней титоизма.

В марте 1949 года инциденты на границах стран советского блока и Югославии стали настолько серьезными, что Кеннон всерьез стал задумываться о возможности оказания военной помощи Югославии. К маю 1949 года Государственный Департамент США заключал, что Советы навряд ли прибегнули бы к военной агрессии против Запада в 1949 году, но, однако, не исключили возможности применения силы против Югославии[6].

Тем не менее, Кеннон считал политику США в отношении Югославии, безусловно, верной. Югославия под давлением США прекратила оказывать помощь греческим

---

[1] Cannon to Acheson, 31 January 1949 // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 859–861.

[2] Policy Planning Staff 49, «Economic Relations between the United States and Yugoslavia». 10 February 1949, RG 59, Records of the Policy Planning Staff in NA, 1949–1953, Washington D.C.

[3] Policy Planning Staff 49, «Economic Relations between the United States and Yugoslavia». 10 February 1949, RG 59, Records of the Policy Planning Staff in NA, 1949 – 1953, Washington D.C.

[4] NSC Meeting № 34, 17 February 1949, Truman Papers, President's Secretary's File, NSC Meetings 28–37 (2 December 1948 – 7 April 1949), File: Memos for the President, 1949. Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[5] Cannon to Acheson, 17 February 1949, RG 59, № 165, 860H. 00/2–1749 in NA, Washington D.C., USA.

[6] Department of State, 20 February 1949. – Vol. 20. – P. 231.

партизанам. Однако Кеннон предупреждал США, что югославское руководство «было по-прежнему озабочено идеей враждебного отношения со стороны Советского Союза». Многие члены югославского руководства, включая И. Б. Тито, вынашивали надежду, что «Сталин обязательно почувствует справедливость позиции Югославии и станет развивать сотрудничество между этой балканской страной и членами советского блока»[1]. США прилагали все усилия, чтобы сделать сотрудничество с Западом как можно более привлекательным для Югославии. Правительство США одобрило экспортные лицензии для Югославии на сумму более 17 млн. долларов. Однако администрация США поставила под вопрос просьбу Югославии о предоставлении ей кредита на сумму 200 млн. долларов по линии Международного банка реконструкции и развития, а также других частных банковских учреждений, объясняя свою позицию озабоченностью платежеспособностью Югославии[2]. В двухчасовом разговоре с Кенноном в начале июня Э. Кардель и заместитель министра иностранных дел А. Беблер подтвердили желание Югославии получить займы, объясняя их необходимость для страны напряженным состоянием югославской экономики, вызванным разрывом отношений с Советским Союзом и блокадой стран-сателлитов, а также переориентацией пятилетнего плана развития Югославии. Э. Кардель также подтвердил, что югославское правительство не намерено было более оказывать помощь греческим партизанам[3]. Месяц спустя Тито объявил о закрытии греческо-югославской границы[4]. Однако В. Дедиер впоследствии писал, что его правительство закрывало границу, как публично объявил Тито, не из-за давления со стороны Запада, а из-за поддержки греческими коммунистами санкций Коминформа против Югославии[5].

Тем не менее, позиция Югославии способствовала дальнейшему «смягчению» политики США в отношении этой балканской страны.

Решение Тито относительно Греции совпало по времени с вынесением окончательного вердикта администрацией США по вопросу продажи Югославии сталелитейного оборудования. Для Тито решение по этому вопросу было важнейшей проверкой новой политики администрации США в отношении Югославии.

22 июня 1949 года Государственный Департамент США проинформировал правительство Югославии о положительном решении США по вопросу продажи Югославии сталелитейного оборудования. Некоторые члены американского правительства, в частности, министр обороны Л. Джонсон, продолжали настаивать на том, чтобы правительственное решение было пересмотрено[6].

В конце августа ЦРУ перехватило доклад Э. Карделя И. Б. Тито, который подтверждал предположения США, что Югославия была чрезвычайно серьезно настроена в своих намерениях улучшить отношения с США[7]. Интересно, что даже после того, как было принято решение о поставке Югославии сталелитейного оборудования, правительство США еще раз получило заверения в правильности избранной политики.

В сентябре 1949 года «Экспорт-импорт банк» предоставил Югославии кредит на 20 млн. долларов. Международный валютный фонд также одобрил выделение Югосла-

---

[1] Cannon to Acheson, 8 March 1949 // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 877–879.
[2] Cannon to Acheson, 26 May 1949 // FRUS. – Vol. V. – P. 894–896.
[3] Current Economic Developments, № 207, 20 June 1949 // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 900–902.
[4] Cannon to Acheson, 9 June 1949 // FRUS. –1949. – Vol. V. – P. 896–898.
[5] Dedijer V. The Battle Stalin Lost, 1948–1953. – New York: Viking Press, 1970. – P. 270.
[6] Thorp, memorandum, 8 July 1949 // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 905–907.
[7] Barnes Trevor. The Secret Cold War: The CIA and American Foreign Policy in Europe, 1946 – 1956 // Historical Journal. – Part II. –1982. – Vol. 25(3). – P. 651.

вии трехмиллионного кредита. Интересно, что во время встречи с Беблером в середине сентября 1949 года Кеннон подчеркнул, «что займы и кредиты Югославии будут, безусловно, требовать поддержки Конгресса и американского общественного мнения, а также информации о югославской внутренней и внешней политике»[1]. В этих условиях, по мнению Кеннона, Югославия должна была демонстрировать «лояльное и склонное к сотрудничеству отношение» для того, чтобы оказание помощи со стороны США продолжалось.

Характерно, что администрация Трумэна особенно не афишировала новые отношения с Югославией, понимая всю возможную сложность восприятия ее со стороны американского общественного мнения.

К счастью, помощь США Югославии не встретила серьезного противодействия в общественном мнении, а также в правительственных кругах Америки.

Определенные свидетельства о том, что администрация США приняла решение помочь Тито, стали появляться в американской прессе с марта 1949 года. Большинство комментариев по поводу продажи сталелитейного оборудования Югославии были положительными, с поздравлением Государственному Департаменту за успех в убеждении оппонентов в необходимости риска в политике[2].

В любом случае, США основывали свое решение помочь Тито на соображениях внешней политики. Основными целями США в Восточной Европе продолжали оставаться снижение и постепенная ликвидация советского влияния, и это могло быть достигнуто, по мнению США, частично через поощрение режимов, противостоящих Сталину и Советскому Союзу, как, например, режим Тито в Югославии[3].

Таким образом, стратегия «вбивания клиньев» была одобрена президентом Трумэном в декабре 1949 года. В документе, подготовленном Советом Национальной Безопасности, подчеркивалось, что советский контроль оказался подорванным только в Югославии, как итог разногласий между Сталиным и Тито гораздо в большей степени, чем результат политики США. По мнению США, Тито оказался способен выдержать советское давление благодаря полному контролю над КПЮ и правительственным аппаратом, а также в результате общественной поддержки. Он обратился к Западу, безусловно, не как настоящий союзник, а в значительной мере из-за «своего корыстного интереса».

Согласно мнению американской администрации, страны-сателлиты Советского Союза не собирались следовать примеру И. Б. Тито, и в то же время США не ожидали от них подобных поступков, а также и того, что в них будут созданы демократические правительства. Тем не менее, Совет Национальной Безопасности предполагал, что США способны проводить политику, направленную на создание «раскольнических» коммунистических режимов, которые могли бы заменить правительства советского образца в странах-союзниках СССР[4].

По-прежнему, однако, оставался открытым вопрос, насколько далеко США готовы были пойти в вопросе помощи и защиты Югославии. Интересно, что Кеннон рассматривал возможность военной помощи Югославии уже весной 1949 года. ЦРУ также

---

[1] Cannon to Acheson, 14 September 1949 // FRUS. – 1949. – Vol. 5. – P. 954–955.

[2] American Opinion Report, August 1949. – Bureau of Public Affairs. – U.S. Department of State, Washington D.C

[3] Policy Planning Staff 59, «U.S. Policy Toward the Soviet Satellite States in Eastern Europe», 25. August 1949 // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 21–26.

[4] NSC 58/2, «United State Policy Toward the Soviet Satellites in Eastern Europe», 8 December 1949, RG 319, Records of the Army Staff in National Archives, Washington D.C.

отмечало необходимость выделения достаточной военной помощи Югославии, чтобы последняя имела возможность себя защитить[1].

Но к августу 1949 года ЦРУ стало рассматривать возможность атаки Советского Союза на Югославию, как достаточно «сомнительную» до тех пор, пока Кремль, по крайней мере, не был готов начать общие военные действия, используя противоречия внутри руководства Югославии[2].

В конце сентября 1949 года Советский Союз денонсировал договор о сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный с Югославией в апреле 1945 года. Примеру СССР последовали и другие страны-союзники. Выступая на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Э. Кардель заявил, что только в период с 1 июля 1948 года по 1 сентября 1949 года было зарегистрировано 219 вооруженных инцидентов[3].

В дальнейшем число инцидентов, по данным югославских источников, нарастало и составило: в 1950 году – 937; в 1951 году – 1517; в 1952 году – 2390. Согласно западным источникам, между 1949–1952 годами на границах Югославии с ее восточноевропейскими соседями произошло более 5 тысяч вооруженных инцидентов[4].

Соответствующая реакция на подобную политику СССР последовала со стороны Югославии, которая также перешла к широкому политико-пропагандистскому наступлению, обвиняя СССР и ВКП(б) в перерождении социализма в СССР, великодержавной, гегемонистской внешней политике, агрессивном давлении на Югославию. Впервые на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре – декабре 1949 года югославская делегация открыто обвинила СССР и страны советского блока во вмешательстве во внутренние дела Югославии.

Таким образом, используя международное право, югославское руководство пыталось защитить интересы своей страны. Со своей стороны, глава делегации СССР А. Я. Вышинский выступил на сессии ООН против включения кандидатуры ФНРЮ в Совет Безопасности ООН. Ранее от стран Восточной Европы предлагалась Чехословакия, но благодаря поддержке Запада 20 октября 1949 года Югославия была избрана в Совет Безопасности ООН в качестве непостоянного члена.

Вопрос о месте Югославии во внешней политике США занимал значительное место в размышлениях послов страны в восточноевропейском регионе, а также в Вашингтоне. Главы американских дипломатических миссий в Восточной Европе на своей встрече в Лондоне в октябре 1949 года пришли к единому мнению о необходимости помощи И. Б. Тито[5].

Послы США в западных столицах, собравшиеся на свою встречу в это же время в Париже, также пришли к похожему выводу о том, что Запад должен был «поддерживать Тито на плаву».

В докладе Совета Национальной Безопасности, датированным 17 ноября 1949 года, отмечалось, что разрыв Сталина и Тито способствовал обеспечению безопасности

---

[1] CIA Special Evaluation № 44–49 «Estimate of the Yugoslav Regime's Ability to Resist Soviet Pressure During 1949». Truman Papers. President's Secretary's File, Intelligence File, CIA Reports. File № 44–49, Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[2] CIA, Intelligence Memorandum no. 216, 1949. 29 Aug. Truman Papers, NSC Records-CIA File, File: NSC (CIA/5 – 11) Intelligence Memoranda, December 1948–December 1949, Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[3] Васильева Н. Гаврилов В. Балканский тупик?.. – С. 255.

[4] Там же.

[5] Conclusions and Recommendations of the London Conference of October 24-26 of the United States Chiefs of Mission to the Satellite States, undated // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 28–31.

Запада. Однако неспособность Тито сохранить независимость Югославии могла бы привести к усилению угроз безопасности Греции и Италии, а также к серьезным политическим изменениям для США и Западной Европы. Побежденная Югославия, таким образом, представляла бы возвращение не только к состоянию Европы до статус-кво 1948 года, но также и к пересмотру двухгодичных приобретений Запада.

Совет Национальной Безопасности был уверен, что Тито сможет выдержать советское давление, даже в том случае, если оно включало пограничные инциденты с территорией других государств, но, чтобы делать это эффективно, Тито была необходима экономическая и военная помощь Запада. Желание югославов «сопротивляться любой агрессии» было бы усилено заверениями США о доступности военной помощи. Кроме того, растущая зависимость Югославии от Запада давала больше шансов для решения проблемы Триеста, а также способствовала урегулированию отношений с Грецией и Турцией. В случае длительной борьбы за югославскую независимость США и Запад имели бы значительные возможности, помогая поддерживать независимость Югославии, притягивая ее ближе к Западу»[1]. ЦРУ также подчеркивало в своем докладе, что югославское правительство уже «приблизилось» к США, обращаясь за военной помощью»[2].

Таким образом, угроза советской агрессии против Югославии заставила администрацию Трумэна предпринять акцию, на которой настаивал Римс с лета 1948 года.

В декабре 1949 года новый посол США в Югославии Дж. Аллен заявил о содержании разговора с президентом Трумэном накануне своего назначения. Трумэн подтвердил неприятие США любой агрессии и поддержал принцип суверенитета и самоопределения наций. «Что же касается Югославии, – подчеркнул Аллен, – мы также не приемлем агрессии против нее, так же, как и против любой другой страны. Мы выступаем за ее суверенитет»[3].

Таким образом, во время пребывания администрации Трумэна у власти поддержание независимости Югославии внутри стран советского блока, наряду с «холодной войной» и «красной угрозой» в США, являлось одним из центральных аспектов внешней политики Америки.

Новые отношения, установившиеся между США и Югославией, отвечали интересам обеих стран. Югославия, независимая от советского контроля, таким образом лишала Советский Союз своей военной поддержки, которая составляла примерно 30 дивизий, находившихся в чрезвычайно важной части Центральной Европы. В то же время стремление Тито к автономии представляло собой дестабилизирующее влияние внутри коммунистического блока, означающее, что государства-сателлиты могут быть способны на самостоятельные шаги и решения. Помогая Югославии, США демонстрировали своей политикой, что независимые коммунистические «правительства вполне могут получить теплый прием» на Западе. Таким образом, стратегия «вбивания клиньев», впоследствии ставшая основой внешнеполитического подхода США в отношении Югославии, имела вполне реальное практическое воплощение.

---

[1] Conclusions and Recommendations of the London Conference of October 24-26 of the United States Chiefs of Mission to the Satellite States, undated // FRUS. – 1949. – Vol. V. – P. 28–31.

[2] CIA, Intelligence Memorandum no. 216, 9 December 1949, Truman Papers, NSC Records-CIA File, File: NSC/CIA (5–11) Intelligence Memoranda, December 1948 – December 1949, Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[3] «Truman Reaffirms Aim on Aggression» // New York Times. – 1949. – 23 December. – P. 6.

Конфликт Сталина и Тито, таким образом, давал первую возможность администрации Трумэна проникнуть в советский блок. К 1949 году США расширили поддержку Тито, а также обсуждался вопрос об оказании ему военной помощи, несмотря на коммунистический характер политического режима в стране.

3.2. Проблемы военного сотрудничества в 1950–1952 гг.

Как отмечалось выше, к 1950 году взаимоотношения США и Югославии вступили в несколько иную, достаточно неопределенную фазу. США, получившие в «подарок» окончательный разрыв между Сталиным и Тито, сформулировали внешнеполитическую концепцию «вбивания клиньев», имея в виду Югославию. Югославия же, базируя свои внешнеполитические подходы на желании сопротивляться сталинскому диктату, а также на стремлении несколько «смягчить» свои взаимоотношения с Западом, обеспечила себе в значительной степени экономическую помощь и международную поддержку, в которых она нуждалась, для того, чтобы «выдержать» последствия «изгнания» из Коминформа.

Вполне вероятная возможность «возмездия» Советского Союза, по мнению американской внешнеполитической элиты, заставляла США и их союзников обсуждать вопросы военной помощи Югославии в случае, если СССР решил бы атаковать бывшего верного союзника. Однако США пока «не представляли себе, насколько далеко» пошел бы И. Б. Тито, будучи вовлеченным в европейские военные действия или находясь, по иронии судьбы, в системе обороны, созданной государствами Запада.

Все эти проблемы значительно усложнялись началом войны в Корее; и в этих условиях стратегия «вбивания клиньев» приняла реальное военное воплощение во время последних лет нахождения у власти администрации президента Трумэна.

Усилия коммунистического блока оказать давление на Тито были настолько безуспешными, что к весне 1950 года администрация Трумэна, оценив ситуацию, пришла к заключению, что Советы примут решение либо двинуть против И. Б. Тито военную мощь блока, либо и «дальше разрешать ему нарушать единство и дисциплину коммунистического мира»[1]. По мнению американских экспертов, в своих позициях Кремль казался достаточно уверенным, вдохновленный успехами коммунистов в Китае[2].

Югославская сторона опасалась, что СССР, наблюдая определенный рост титоизма в Китае, «будет в этих условиях искать компенсационных побед» в Западной Европе и на Балканах.

Посольство США в Белграде сообщало в Вашингтон, что Югославия строила свои опасения «отчасти на вере в то, что трудности в советско-китайских отношениях увеличиваются, а также, отчасти, на их желании верить в это»[3].

Аналитики внешнеполитического ведомства США, стремясь «использовать» И. Б. Тито в своих целях, тем не менее, осознавали определенную противоречивость этого сотрудничества. Ими было принято решение в полной мере «эксплуатировать преимущества, предоставленные разрывом отношений между И. Б. Тито и И. В. Сталиным, а также поощрять все «ростки» титоизма среди стран-союзников Советского Союза», в то же время понимая, что «большинство населения в этих государствах не приемлют всех разновидностей коммунизма»[4]. Характерно, что admини-

---

[1] Study Prepared by the Director of the Policy Planning Staff (Paul Nitze), 8 February 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. 1. – P. 145–147.

[2] Там же.

[3] Summary, 13 February 1950, Truman Papers, Naval Aide Files. State Department Briefs. File: State Department – Summary of Telegrams, January–April 1950. Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[4] Paper, Prepared in the office of Eastern European Affairs, undated // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 14–17.

страция США не планировала требовать каких-либо внутриполитических уступок от Югославии в обмен на помощь. По словам Ачесона, подобная позиция объяснялась «отнюдь не сентиментальными соображениями, а, прежде всего, интересами США, так же, как и Югославии, в том, чтобы последняя могла продолжать сохранять свою независимость»[1]. Однако следует подчеркнуть, что зачастую США имели свои «законные интересы» в некоторых аспектах югославской внешней политики, которые иногда невозможно было отличить от прямых требований и претензий[2]. В частности, в феврале 1950 года Ачесон проинформировал югославское правительство, что его возможное признание ХоШиМина и правительства Северного Вьетнама, которое было вовлечено в партизанскую борьбу с Францией, «имело бы провокационное воздействие в США и могло бы помешать чрезвычайным действиям администрации страны по поиску необходимых средств для поддержки югославской независимости»[3]. Тито отреагировал чрезвычайно сердито, поскольку усмотрел в этом попытку США его контролировать. Он не только признал правительство ХоШиМина, но и публично подтвердил приверженность своей страны политике неприсоединения ни к какому блоку государств и свою нетерпимость к попыткам вмешательства во внутренние дела Югославии. Тито подчеркнул также неразрывную связь внешней политики своей страны с «социалистическими принципами» и заявил, что «его народ предпочтет ходить голым и босым, но никогда не совершит каких-либо уступок в обмен на помощь»[4]. «Мы не пошли на поклон к Советам, – подчеркивал он, – как же мы можем кланяться Западу?»[5]. Несмотря на эти трения, США продолжали поддерживать просьбы Югославии о предоставлении займов и кредитов. Когда «Экспорт–импорт банк» потребовал письмо, подтверждающее, что эта помощь необходима, исходя из политики национальной безопасности США, Ачесон подтвердил и добавил также, что с «такой помощью Югославия будет способна идти собственным путем на протяжении 1951 года, а также и далее»[6]. Банк немедленно одобрил в связи с этим выделение 20 – миллионного кредита Югославии на приобретение хлопка и других видов сырья.

Интересно, однако, что с началом Корейской войны югославская ситуация стала рассматриваться на Западе и в США, в частности, через призму возникновения возможного конфликта по типу дальневосточного, а также с точки зрения укрепления позиций НАТО на Балканах и в Средиземноморье. Возможно, уже тогда американские политики в перспективе рассчитывали на включение Югославии в военный Союз, наряду с Грецией, Турцией, Италией. В связи с постигшей Югославию летом 1950 года засухой и необходимостью снабжения населения продовольствием югославское руководство было вынуждено обратиться к американской администрации с просьбой о предоставлении продовольственной помощи[7]. Американская администрация в решении оказать такую помощь руководствовалась рядом прежних соображений, в частности, тем, что независимая Югославия имеет деструктивное идеологическое воздействие, уменьшает коммунистическое давление на Австрию, Италию, Грецию и Турцию, является примером для коммунистических сил в Европе.

---

[1] Acheson, memorandum of conversation, 19 June 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1421–1423.

[2] Webb to Embassy in Yugoslavia, 15 May 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1416–1417.

[3] Allen to Acheson, 7 February 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1365–1366.

[4] Allen to Acheson, 19 February 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1370 – 1371. Handler M.S. «Tito Warns West against Pressure» // New York, Times. – 1950. – 19 February.–P. 1.

[5] Там же.

[6] Acheson to Herbert E. Gaston, 21 February 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1372–1373.

[7] Larson D. United States Foreign Policy Towards Yugoslavia. 1943–1953. – Washington D.C. – 1979. – P. 218.

Еще в июле 1950 года представителями внешнеполитических ведомств США, Великобритании и Франции высказывались мнения о необходимости координации действий этих стран в случае, если Югославия попросит содействия в оказании ей военной помощи[1]. К августу 1950 года, по данным ЦРУ, на югославской границе находилось вооруженных сил советского блока численностью более чем 363 500 человек. Для сравнения, югославская армия насчитывала не более 250 000 человек. Советский блок располагал также 6-ю из своих дивизий с тысячей танков в странах-сателлитах, граничащих с Югославией. По мнению ЦРУ, если Советский Союз решил бы осуществить агрессию в отношении Югославии, то способность Тито организовать оборону зависела бы целиком от степени и расторопности в оказании помощи Западом[2].

Значительная часть этих соображений была основана на предположении, что война в Корее была лишь прелюдией к более широким военным действиям со стороны стран советского блока. К концу лета 1950 года Кеннан стал подвергать все большему сомнению подобную точку зрения; по его мнению, СССР только стремился контролировать Корею и не подозревал, что США будут оказывать в данном случае активное противодействие советскому влиянию.

По мнению американской стороны, Советский Союз, однако, стремился избежать широкомасштабных военных действий, но, тем не менее, предпринимал определенные шаги с целью нарушения единства действий стран Запада, пытаясь «отделить» США от их союзников по НАТО[3]. Трумэн назначил генерала Дуайта Эйзенхауэра командующим войсками НАТО в Европе, согласившись принять Грецию и Турцию в члены союза, а также начав переговоры об улучшении отношений с Испанией, которая в геополитическом плане также представляла определенный интерес для США[4]. Попытки поддерживать режим Тито также продолжались, несмотря на позицию Югославии в отношении войны в Корее. 27 июня 1950 года Алекс Беблер, постоянный представитель Югославии в ООН, голосовал против резолюции ООН, призывающей использовать вооруженную силу для отражения атаки Северной Кореи.

Тем не менее, в середине августа Совет Национальной Безопасности пришел к заключению, что президент может санкционировать предоставление военного оборудования Югославии согласно Акту о взаимной помощи в обороне, заключенному в 1949 году. Этот акт, сопровождавший заключение Договора об образовании Североатлантического альянса, разрешал предоставление военной помощи любой европейской стране, «чье стратегическое положение является чрезвычайно важным для защиты зоны интересов членов Североатлантического альянса, а также жизненно необходимо для обеспечения безопасности США»[5].

В начале сентября, прежде чем улететь в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Югославии Э. Кардель сделал заявление, осуждающее северокорейскую агрессию. В своем обращении к ООН он подверг критике как позицию Советского Союза, так и США в этом вопросе. Он осудил СССР за

---

[1] Гаврилова Н., Васильев В. Балканский тупик?.. – С. 266.

[2] Acheson to Embassy in United Kingdom, 12 July 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1432 – 1433.

[3] CIA, Special Evaluation, № 40, «Possibility of Direct Military Action in the Balkans by Soviet Satellites», 29 July 1950, Truman Papers, Records – CIA File, File: Special Evaluations, № 40, Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[4] Kennan to Acheson, 8 August 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. 1. – P. 361–367.

[5] Acheson to Allen, 28 June 1950, RG 84, № 513, 312 – UN – Security Council in NA, Washington D.C.; Lay to NSC, 17 Aug. 1950. – FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1439–1440; Acheson to Certain Diplomatic Offices, 3 November 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1494–1496.

оказание давления на Югославию, что, по его мнению, противоречило заявлениям СССР с трибуны ООН о защите мира, демократии и сотрудничества во всем мире. Э. Кардель высказал возмущение и позицией США за превращение войны в Корее в крестовый поход против коммунизма. Фактически, в своем выступлении, Кардель сформулировал основные положения философии Движения Неприсоединения, которая впоследствии стала частью внешнеполитической доктрины югославского государства. Впоследствии, правда, в течение нескольких месяцев, Югославия поддержала действия ООН в Корее, распространявшиеся до 38-й параллели[1].

Эти шаги Югославии продемонстрировали, что страна, согласно анализу ЦРУ, четко переоценила свои прежние позиции, «что СССР не будет стремиться к ее уничтожению посредством военных действий». ЦРУ, однако, не предполагало вовсе, что Югославия немедленно начнет полностью идентифицировать свою позицию с Западом, но если ситуация с нехваткой продовольствия, вследствие засухи, окажется настолько серьезной, как это предполагалось ранее, позиция режима И. Б. Тито в отношении США будет несколько смягчена, поскольку вопрос выживания Югославии станет гораздо более острым, а западная поддержка все более необходимой»[2].

10 августа «Экспорт–импорт банк», без широкой огласки, выделил 15 миллионный кредит Югославии для финансирования покупки в США сырья и машин.[3]

Интересно, что к концу 1950 года югославское руководство приняло решение провести ряд реформ, которые бы еще в более значительной мере «отделили» Югославию от других стран социалистического блока. К концу 1950 года югославское правительство освободило тысячи политических заключенных, и пообещало освободить еще больше; ослабило ограничения для своих граждан, желающих побывать в странах Запада; выпустило двух католических священников из тюрьмы; разрешило открытие новых церквей, принадлежащих к различным конфессиям. Югославское правительство пообещало расширить социальные гарантии духовенству и членам их семей, а также ликвидировать препятствия для прихожан при посещении церквей, разрешить преподавание в школах основ религиозных знаний. Правительство издало декрет, отменяющий специальные привилегии для югославских партийных и государственных деятелей, а также армии и органов безопасности. Югославские власти положили конец политике коллективизации в деревне, а также способствовали децентрализации в управлении югославской промышленностью путем создания на предприятиях организаций рабочего самоуправления. Последние три меры были особенно важны, поскольку представляли собой воплощение самых коренных различий в экономической и политической сферах между Югославией и другими странами советского блока[4].

В этом же месяце Э. Кардель представил проект резолюции ООН под названием: «Обязанности государств в случае возникновения конфликта и враждебности между

---

[1] Rubinstein Al.Z. Yugoslavia and the Non-aligned World. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – P. 28–29. Anderson D. Yugoslav Berates Russia in U. N. Body // New York Times. – 1950. – 26 September. – P. 1, 13–14; Wilson D. Tito's Yugoslavia. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 66.

[2] CIA, Intelligence Memorandum № 325, «Current Assessment of the Tito-Stalin Break» 13 September 1950, Truman Papers, NSC Records – CIA File: NSC/CIA 5–11, Intelligence Memoranda, January 1950 – January 1951. Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[3] Там же.

[4] CIA, NIE 7, 21 November 1950, «The Current Situation in Yugoslavia». Truman Papers. President's Secretary's File, CIA-NIE Reports 1–52, File: CIA Reports NIE 7–20. Truman Library, Independence, Missouri (USA).

ними», что было в значительной мере обусловлено опасениями Югославии по поводу возможной атаки стран советского блока. Резолюция, одобренная Генеральной Ассамблеей 17 ноября 1950 года, призывала государства, вовлеченные в военные действия, в течение 24 часов объявить о своем желании прекратить враждебные акции в отношении друг друга и убрать войска на собственные территории. Любое государство, отказавшееся выполнить эти требования, будет объявлено агрессором и виновником нарушения мира[1].

Действия Югославии в значительной мере облегчили усилия администрации США в направлении выделения Югославии дополнительных средств для выживания страны. Администрация США не только обеспечила Югославии выделение средств по линии международных финансовых организаций, но также добилась от Конгресса в декабре 1950 года решения о выделении ей чрезвычайной помощи в размере 38 млн. долларов в связи с засухой и возможным голодом в стране. Администрация делала акцент на гуманитарном аспекте помощи, но также и подчеркивала, что сельскохозяйственный кризис в Югославии ослабил бы способность югославов защитить себя против агрессии и, таким образом, угрожал бы безопасности НАТО[2].

Посол Аллен и представитель внешнеполитического ведомства Югославии Лео Матес согласились, что инспектора США должны будут наблюдать за распределением продовольственной помощи в Югославии, чтобы избежать прежних скандалов, связанных с оказанием поддержки по линии ЮНРРА. Югославское правительство также брало на себя обязательства сообщать о том, в каких направлениях шло использование помощи[3].

Интересно также, что часть соглашений касалась целенаправленной продовольственной поддержки вооруженных сил Югославии, чтобы предотвратить ослабление обороноспособности этой балканской страны[4].

Таким образом, решение Конгресса США получило необходимую общественную поддержку, и 29 декабря 1950 года президентом США был подписан закон о выделении продовольственной помощи Югославии.

В целом, следует отметить, что цели, поставленные Конгрессом и администрацией США при выделении чрезвычайной продовольственной помощи, оказались в значительной мере достигнутыми. Помощь США способствовала устранению угрозы голода в Югославии, а также улучшала американо-югославские отношения. Югославская сторона выполнила свои обещания относительно «прозрачности» процесса распределения помощи, и ничего похожего на скандалы, связанные с распределением помощи ЮНРРА, не имело места.

Тем не менее, обеим сторонам все в большей степени становилось понятно, что оказание помощи только продовольствием не может обеспечить югославскую безопасность.

В конце октября 1950 года комитет по оказанию военной помощи Югославии, состоящий из представителей США, Великобритании и Франции, завершил составление информационного доклада, освещающего требования, необходимые для оформления процесса оказания военной помощи.

---

[1] Rubinstein Al.Z. Yugoslavia and Non-aligned World. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – P. 29.
[2] Там же.
[3] Allen to Mates, 17 November 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1503.
[4] Allen to Mates, 20 November 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1504–1505.

Каждое из трех правительств вносило свои предложения по документу[1]. Однако, как подчеркивал Тито в беседе с уходящим в отставку британским военным атташе в Югославии в декабре 1950 года, что Югославия не может просить Запад об оказании ей военной помощи, поскольку страна придерживается нейтральной позиции в своем внешнеполитическом курсе. Тито отмечал: «Я не могу вынести, чтобы люди в Югославии говорили: это – американский танк, это – британские орудия. Югославия – это англо-американская военная база. Мы будем просить помощи Запада только в случае нападения вооруженных сил советского блока»[2].

Тем не менее, В. Велебит, представитель югославского правительства, посланный И. Б. Тито осенью 1950 года в США для обсуждения вопросов предоставления дальнейших займов Югославии, начал лоббировать интересы своей страны в Конгрессе и Государственном Департаменте США. Основной задачей подобной активности являлись попытки получения военной помощи от США. Интересно, что в одном из интервью В. Велебит, пытаясь объяснить свои действия, отмечал: «Я не имел никаких инструкций, данных мне моим правительством. Я знал, что это было довольно рискованно, но я человек, склонный рисковать[3].

Характерно, что предыдущие комментарии Тито по поводу оказания военной помощи США Югославии, а также власть, которой он пользовался в стране, делают сомнительным предположение, что Велебит действовал самостоятельно, без поддержки Тито в его контактах с представителями Государственного Департамента и другими официальными лицами США. Как отмечал Дж. Кэмпбелл, к осени 1950 года США получили информацию по каналам ЦРУ, посланную в Государственный Департамент через Р. Джойса, одного из его сотрудников, что Югославия направила кого-то из своих представителей для обсуждения вопросов оказания военной помощи[4]. За этими шагами последовали официальные и неофициальные обсуждения, в результате которых было достигнуто соглашение о секретной поставке оружия в Югославию оружия, которое, по мнению Кэмпбелла, имело довольно незначительную ценность с военной точки зрения, но демонстрировало югославам, что помощь будет оказана, если они окажутся жертвой агрессии. По мнению Кэмпбелла, «психологический эффект желания» США поставлять оружие в Югославию, на этой стадии был невероятно важен[5]. Это было действительно так. По мнению югославского дипломата Л. Матеса, к 1951 году Югославия начала серьезную подготовку к самому худшему сценарию для нее – войне. В дополнение к военным приготовлениям югославское правительство стало микрофильмировать архивные материалы и другие документы, прятать их в определенных местах в самом центре страны. Это осуществлялось без какой-либо паники или огласки, но, по мнению Матеса, в Югославии были осуществлены все приготовления к военным действиям[6].

Бела К. Кирали, бывший генерал венгерской народной армии, также свидетельствовал о наличии угрозы войны в 1951 году.

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1982 году, Кирали подчеркивал наличие постоянной антититоистской пропаганды, которая настоятельно проводилась

---

[1] FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1482 – 1483, editorial note.

[2] Allen to Acheson, 29 December 1950 // FRUS. – 1950. – Vol. IV. – P. 1514–1515.

[3] Lees M. Lorraine. Keeping Tito Afloat. The United States, Yugoslavia and the Cold War. – The Pennsylvania State University Press: University Park, Pennsylvania. – 1997. – P. 98.

[4] Campbell, Oral History. – Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[5] Там же.

[6] Lees M. Lorraine. Keeping Tito Afloat. – P. 99.

Венгерской армией после событий 1948 года. Укрепление армий стран-сателлитов советского блока также значительно усилилось после разрыва советско-югославских отношений, что заставило Румынию, Венгрию и Болгарию уменьшить ограничения на количественный состав вооруженных сил, наложенных Парижским мирным договором, примерно в 2–3,5 раза[1]. Целью этого, согласно мнению Кирали, было начало военных действий стран-союзников против Югославии, для ведения которых все приготовления были завершены примерно к лету 1950 года.

Военные учения, которые проводились в Венгерской армии в январе 1951 года, имели целью проверить навыки ведения полномасштабной войны советского блока против Югославии. Венгерские войска должны были занять территорию к югу от Дуная, в то время как честь оккупации Белграда предоставлялась Советскому Союзу. Военные учения предполагали наличие войск США в Югославии, но открытое столкновение с силами Запада не входило в планы Сталина; это был тот риск, на который советский лидер явно не хотел идти. Интересно, что решительный ответ США и введение войск под эгидой ООН в Корею положили конец планам Сталина в отношении Югославии в их зародыше. Тем не менее, Советский Союз в полной мере не отказался от вышеизложенных намерений до самой смерти советского лидера в марте 1953 года[2].

Доступные для исследователя документы правительства США подтверждают мнение Кэмпбелла и указывают на то, что Р. Джойс и другие официальные лица внешнеполитического ведомства США обсуждали вопрос оказания военной помощи Югославии с В. Велебитом 22 ноября[3].

В середине января 1951 года в США стало известно о просьбе Велебита об оказании военной помощи Югославии в связи с необходимостью, по мнению югославской стороны, увеличить численность югославских вооруженных сил с 400 000 до 600 000 человек к весне 1951 года для отражения возможной атаки со стороны советского блока. Конфиденциальность обращения делала практически невозможным полное удовлетворение просьб о помощи. Тем не менее, некоторые аспекты помощи могли бы быть удовлетворены, по мнению военного ведомства США, из захваченных во время Второй мировой войны запасов вооружений.[4]

Однако Тито все еще предстояло принять решение, касающееся оказания полномасштабной военной помощи Югославии со стороны США. Это было совсем не просто в сложившихся международных условиях, а также учитывая внешнеполитическую риторику Югославии. Югославия продолжала колебаться, однако, посол США в стране Аллен сообщал в Вашингтон, что это было вызвано разногласиями внутри югославского руководства по вопросу преимуществ прямого обращения за помощью, а также страхом спровоцировать советскую агрессию. Посол Аллен, тем не менее, высказывал уверенность, «что суровая необходимость заставит югославов предпринять необходимые шаги, не зависимо от того, что «некоторые официальные лица в

---

[1] Kiraly K.B. «The Aborted Soviet Military Plans against Tito's Yugoslavia» in Vucinich W.S. «At the Brink of War and Peace: The Tito-Stalin Split in Historic Perspective. – New York: Columbia University Press, 1982. – P. 273 – 288.

[2] Kiraly K.B. «The Aborted Soviet Military Plans against Tito's Yugoslavia» in Vucinich W.S. «At the Brink of War and Peace: The Tito-Stalin Split in Historic Perspective. – New York: Columbia University Press, 1982. – P. 273–288.

[3] FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1721 (editorial note).

[4] Robert Joyce to H. Freeman Matthews, 12 January 1951, RG 59, 768, 5/1–1251 in NA, Washington D.C.; Matthews to Lovett, 17 January 1951 // FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1684–1686.

Югославии сочтут это «дурным вкусом», также независимо от беспокойств Тито относительно провоцирования Кремля на решительные действия»[1].

В то время как правительство Тито колебалось, взвешивая возможные последствия, беспокойство США по поводу советской агрессии в целом и в отношении Югославии, в частности, продолжало нарастать. Высказывались различные мнения и подчеркивалось, что атака советского блока против Югославии могла осуществиться уже весной 1951 года.

Если со стороны Запада не последовало бы никакого ответа в сложившейся ситуации, это способствовало бы потере его влияния в Европе, а также впоследствии и на Ближнем Востоке[2].

В дипломатических кругах США пришли к выводу о возможности применения в отношении Югославии по-прежнему «конфиденциального подхода», а также использования излишков военного оборудования для удовлетворения нужд Югославии, указанных В. Велебитом. Тем не менее, по мнению США, поставка в страну более значительной части военного оборудования и материалов потребовала бы участия Великобритании и Франции, что не было санкционировано со стороны Югославии.

Тем не менее, в марте 1951 года, президент Трумэн одобрил директиву Совета Национальной Безопасности США № 18/6, которая подразумевала и подчеркивала необходимость более активной роли США и НАТО в поддержании югославской независимости. Директива Совета Национальной Безопасности заключала также, что если Советский Союз и его сателлиты начали бы военные действия против Югославии, США безоговорочно подняли бы вопрос в ООН, проконсультировались бы со своими союзниками, а также поставляли бы военное оборудование в соответствии с просьбами Югославии, а также были бы готовы встретить нарастающую угрозу мировой войны[3].

По правде говоря, по мнению американской стороны, удовлетворение постоянных просьб Югославии об оказании ей экономической помощи доставляло гораздо больше проблем, чем обеспечение военной помощи. К весне 1951 года США, Великобритания и Франция после дискуссий в Лондоне достигли взаимного соглашения об уровне необходимой помощи для поддержки югославской экономики, а также о каналах ее получения по линии Международного банка реконструкции и развития. Три страны подготовили формулу для обеспечения помощи Югославии в общем объеме не более 265 млн. долларов в следующем соотношении: США – 65 %; Великобритания – 23 %; Франция – 12 %[4].

Как только эти договоренности были достигнуты, администрация Трумэна начала искать поддержки в вопросе оказания экономической помощи Югославии в соответствующих комитетах Конгресса. Однако далеко не все члены Конгресса разделяли позицию администрации Трумэна и поднимали вопросы и возражения, ставшие достаточно типичными и впоследствии, когда администрация Эйзенхауэра также будет искать поддержки для оказания помощи правительству И. Б. Тито. Некоторые из де-

---

[1] Allen to Acheson, 24 January 1951 // FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1697–1698.

[2] Howe to Matthews, 19 January 1951, RG 59, 661. 681/1 – 1951, with enclosure, memorandum of conversation, 19 January 1951. RG 59, 661. 681/1 – 1951 in NA, Washington D.C. John Paton Davis, of PPS, memorandum, 23 January 1951 // FRUS. – 1951. – Vol. I. – P. 19–20.

[3] Memorandum for the President, by Lay, with enclosure NSC 18/6, «The Position of the United States with Respect to Yugoslavia», 7 March 1951, Truman Papers President's Secretary's File, NSC 80–85, File: NSC Meeting № 85, 7 March 1951, Truman Library, Independence, Missouri (USA).

[4] FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1743–1745 (editorial note).

путатов, особенно принадлежавших к католической конфессии, испытывали моральные колебания и проблемы, голосуя за помощь Югославии, в то время как, по их выражению, «такие люди, как Степинац, находятся в тюремном заключении». Некоторые из них продолжали настаивать на требовании проведения более радикальных реформ в политической системе Югославии, как условии предоставления помощи[1]. В частности, в дебатах с Сенатом, председатель Комитета по международным связям Т. Конелли высказывал свое глубокое недовольство предоставлением помощи Югославии, но, однако, не говорил о том, что будет выступать против решения администрации[2].

Тем не менее, 16 апреля 1951 года Трумэн одобрил выделение Югославии 29 млн. долларов под эгидой Договора о взаимной помощи в области обороны от 1949 года для «удовлетворения необходимых нужд ее вооруженных сил». США и Югославия заключили соответствующее соглашение и обменялись нотами 17 апреля 1951 года[3].

Но в целом, несмотря на выделенную помощь, югославское руководство продолжало испытывать значительные сомнения в отношении намерений США и их союзников. В. Велебит посетил США в начале апреля 1951 года, и в ходе встреч с представителями внешнеполитического ведомства выказал озабоченность по поводу неопределенности, существующей в общественном мнении Запада, относительно югославских намерений в случае агрессии в Европе. В. Велебит предложил, чтобы генерал Попович, глава генерального штаба югославской армии, приехал в Вашингтон для двухсторонних консультаций при минимуме огласки, имея в виду содержание переговоров[4].

США пошли навстречу предложению Велебита, и двухсторонние консультации состоялись в мае – июне 1951 года, которые включали разнообразные дискуссии по стратегическим вопросам. Они завершились соглашением, по которому предусматривалась поставка военного оборудования в Югославию, а также сотрудничество военных ведомств обеих стран[5]. Однако в ходе переговоров было подчеркнуто, что договор о предоставлении Югославии широкомасштабной военной помощи мог быть заключен только после того, как Югославия официально обратится за ней.

Поскольку определенное количество военного оборудования уже было отправлено в Югославию в результате обращений В. Велебита, министерство обороны США неохотно признало этот факт в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» в конце июня 1951 года[6].

На пути в Югославию генерал Попович встретился с генералом Эйзенхауэром в Париже, где было подчеркнуто, что одна партия военного оборудования уже была отправлена в Югославию из США, в то время как вторая уже тоже была почти готова к отправке. Генералы США и Югославии также обсуждали будущие нужды югославской армии, в ходе которой Эйзенхауэр отметил возможность военного сотрудниче-

---

[1] George E. Truesdell, memorandum, 23 March 1951 // FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1765–1768.

[2] U.S. House of Representatives, Committee on Foreign Affairs, Selected Executive Session. Hearings of the Committee, 1951–1956, European Problems. – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1980. – Vol. XV. – P. 24 – 25.

[3] FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1783 (editorial note).

[4] Joyce to Matthews, 9 April 1951 // FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1776–1778.

[5] Joyce to Matthews, 24 May 1951, RG. 59, 768. 5/5–2451 in NA, Washington D.C., USA.

[6] U.S. Arms Delivered to Yugoslavia for Defense of Her Independence // New York Times. – 1951. – 20 June. – P. 1–7.

ства и поставок оборудования между Италией и Югославией, несмотря на тот факт, что югославы и итальянцы «не всегда были хорошими друзьями». К. Попович не выразил возражений мнению американского генерала. Интересно, что в ходе переговоров Эйзенхауэром был затронут довольно неудобный для югославской стороны вопрос о том, будет ли югославская армия, представлявшая социалистическую страну, воевать «плечом к плечу» с западными государствами против стран советского блока. В ответе К. Поповича прозвучало, что «доктринальный фактор не являлся слишком весомым в сложившейся ситуации. Югославия порвала отношения с советским блоком из-за «империалистической природы» советской системы; югославские солдаты окажут сопротивление возможной агрессии советского блока вместе с солдатами Западной Европы». Но, однако, К. Попович настойчиво подчеркивал, что Югославия могла быть эффективна в военном отношении только в случае обладания необходимым военным потенциалом, полученным в результате сотрудничества с Западом. Для генерала Эйзенхауэра эти вопросы были чрезвычайно важны. В своей дневниковой записи, датированной 11 июня 1951 года, Эйзенхауэр отметил, что проблема европейской безопасности могла быть решена только созданием так называемых Соединенных Штатов Европы, членство которых должно было включать страны-члены НАТО, а также, по его мнению, Западную Германию, а также, возможно, Швецию, Испанию и Югославию вместе с Грецией[1].

В конце июня 1951 года правительство И. Б. Тито формально обратилось к западным странам за оказанием военной помощи, имея в виду возможную агрессию стран советского блока[2].

В создавшихся условиях Конгресс США, после напряженных дебатов и слушаний, продолжавшихся летом и осенью 1951 года, принял так называемый Акт о взаимной безопасности, целью которого являлось обеспечение разнообразных программ военной и экономической помощи странам-членам НАТО, а также любой европейской стране, которая, по мнению американского президента, представляла бы чрезвычайную важность для сохранения мира и безопасности территории Североатлантического альянса, а также США. Помощь могла быть оказана только той стране, которая способствовала своей политикой развитию взаимопонимания на международной арене, поддержанию мира, снижению напряженности в международных отношениях. Государственный Департамент, в целях увеличения шансов Югославии для получения военной помощи, подчеркнул необходимость совершенствования формулировок в договоре между Югославией и США об оказании военной помощи[3].

Включение Югославии в список возможных претендентов на получение помощи от США в результате принятия вышеуказанного акта Конгрессом вызвало волну требований о необходимости уступок со стороны Югославии в области ее внутренней политики. Администрация США отказалась оказывать давление на Югославию в этих вопросах, поскольку считала нецелесообразным подчинять «интересы национальной безопасности США» таким малозначащим проблемам и условиям, как восстановление в правах югославского архиепископа Степинаца[4].

---

[1] Vernon Walters and D. MacArthur, memorandum of conversation, 10 July, 1951, Dwight David Eisenhower Papers, Pre-Presidential Principal File, Conversations-Memos of (SHAPE) 1951–1952, Dwight D. Eisenhower Library Abilene, USA, Kansas; Ferrell H.R. The Eisenhower Diaries. – New York: W.W. Norton, 1981. – P. 194–195.

[2] Acheson to Embassy in the United Kingdom, 14 July 1951 // FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1827–1829.

[3] State Department to Belgrade Embassy, 21 September 1951, RG 59, № 361.768.5. – MAP/9 – 2151 in NA, Washington D.C., USA.

[4] Perkins to Acheson, 23 July 1951, RG 59, 611.68/7-2351 in NA, Washington D.C., USA.

13 августа 1951 года Трумэн проинформировал комитеты по международным связям Конгресса о своей рекомендации о выделении экономической помощи Югославии на сумму 30 млн. долларов, что являлось частью и в дополнение к возможным 60 млн., предусмотренным для Югославии в течение 1952 года[1].

ЦРУ также разделяло подходы Д. Эйзенхауэра к ценности Югославии. По оценкам ЦРУ, советский блок уступал Западу в целом в военном потенциале, но имел превосходство по силе в Евразии. Следовательно, объединение Греции, Турции, Испании, Югославии и Западной Германии с Североатлантическим альянсом, служило бы целям увеличения мощи последнего. По оценкам ЦРУ, однако, существовало немало препятствий для эффективного сотрудничества вышеуказанных стран для обеспечения безопасности Европы[2].

В результате, три основных вопроса: поддержка Югославии военных планов НАТО в Европе, расширение помощи Запада в случае военного конфликта с советским блоком, а также нужды страны в обеспечении современными военно-воздушными силами – будут оставаться самыми трудноразрешимыми во взаимоотношениях США и Югославии в последующие годы.

В этих условиях, однако, Греция, Турция и Югославия также начали обсуждать совместные меры обороны, что способствовало появлению надежд на Западе в гораздо более тесном сотрудничестве в дальнейшем между Югославией и НАТО.

7 ноября 1951 года президент Трумэн проинформировал комитеты Конгресса, что Югославия вполне отвечает всем требованиям Закона о Взаимной Безопасности, и стране была выделена военная помощь на сумму 77,5 млн. долларов, помимо экономической поддержки, оказанной правительству И. Б. Тито[3]. Неделю спустя, США и Югославия, наконец, подписали соглашение об оказании последней помощи в военной области, что позволило в дальнейшем значительно расширить аспекты сотрудничества.

В то время как США и Югославия завершали переговоры относительно военного взаимодействия, концентрация войск стран-союзников советского блока на югославских границах вновь усилилась.

Югославия, по-прежнему не вполне уверенная в поддержке Запада в случае войны, подняла вопрос о возможной советской агрессии на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1951 года в Париже.

Посол Попович объяснил официальным лицам в Государственном Департаменте США в конце сентября 1951 года, что югославы намерены добиваться осуждения агрессивных намерений СССР и стран-союзников с трибуны ООН.

Югославская сторона, однако, стремилась также использовать трибуну ООН для завоевания общественного мнения в свою пользу. Югославские дипломаты подготовили проект резолюции с изложением спорных вопросов в отношениях с Советским Союзом и послали его делегатам внеблоковых государств для ознакомления и комментариев.

Затем югославы подготовили окончательный проект, который получил поддержку практически всех неприсоединившихся государств.

---

[1] FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1844 (editorial note).

[2] Warner M. CIA Cold War, Records: The CIA under Harry Truman. – Washington D.C.: Center for the Study of Intelligence Agency, 1994. – P. 409–433.

[3] Webb to Truman, 30 October 1951 // FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1858–1859.

Для Югославии заключение соглашения о военном сотрудничестве с США и получение поддержки со стороны большинства стран-членов ООН было значительным внешнеполитическим успехом. По мнению югославских дипломатов, вышеуказанные события явились высшей точкой в особой «холодной войне» Югославии с Советским Союзом. Соглашение о военном сотрудничестве с США давало возможность югославам, по их мнению, «победить Сталина полностью»[1].

К концу 1951 года И. Б. Тито ликвидировал еще один пункт разногласий, вызывавший серьезную озабоченность американской стороны при анализе внутренней политики югославского руководства. Режим И. Б. Тито освободил архиепископа Степинаца 5 декабря 1951 года, правда, сопроводив этот факт запрещением ему занимать посты епископа или архиепископа в церковной иерархии[2].

В начале 1952 года югославская пресса сообщала, что страна успешно преодолела последствия блокады со стороны стран-членов Коминформа посредством укрепления связей с Западом, а также являлась ценным и уважаемым членом ООН и вносила определенный вклад в систему коллективной безопасности Запада[3]. Характерно, однако, что примеру Тито не последовала больше ни одна из стран-союзников Советского Союза. Хотя югославский министр иностранных дел Ж. Вилфан и заявил одному из западных корреспондентов, что Чехословакия и Польша были близки к факту разрыва отношений с Советским Союзом, посольство США в Варшаве полностью опровергло это заявление.

Тем не менее, всемерное поощрение диссидентского движения по-прежнему оставалось целью дипломатии США. В марте 1952 года в дипломатических кругах Америки подчеркивалось, что «США должны ослаблять советский контроль над странами-союзниками посредством использования националистических настроений и развития тенденций титоизма в правящих элитах восточноевропейских стран»[4].

Югославия, таким образом, продолжала получать помощь со стороны Запада. Интересно, однако, что между США, Великобританией и Францией существовали определенные разногласия относительно объемов необходимой помощи этой балканской стране.

К весне 1952 года, после нескольких месяцев консультаций, США, Великобритания и Франция вновь пришли к убеждению о чрезвычайной ценности Югославии для Запада как страны, покинувшей советскую орбиту.

По мнению западных государств, а именно, США, Великобритании и Франции, экономическая и военная помощь Югославии должна была оказываться до июня 1953 года. Однако Югославии следовало усовершенствовать свои экономические и инвестиционные программы, снизить бюджетный дефицит, и помощь гарантировалась только при условии ее одобрения всеми тремя государствами. США, Великобритания и Франция согласились поддержать выделение второго займа Югославии по линии Международного банка реконструкции и развития, равного первому, полученному ею в октябре 1951 года. Но, по мнению западных государств, Югославия в этих условиях должна была согласовывать с ними те проекты, на осуществление которых предпола-

---

[1] FRUS. – 1951. – Vol. IV (II). – P. 1849.
[2] Allen to Acheson, 29 November 1951 // FRUS. – 1951. – Vol. IV. – P. 1866–1867.
[3] Jacob D. Beam to Acheson, 17 January 1952, RG 59, № 672, 768. MSP/1 – 1752 in NA, Washington D.C., USA.
[4] Bruce to Acheson, 7 March 1952 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. VIII. – P. 12–13.

галось направлять средства банка[1]. Когда послы трех западных государств представили эти взгляды Тито 10 июля 1952 года, он полностью отверг схему как проявление нарушения суверенитета его страны. В конечном итоге, стороны пришли к определенному компромиссу, но позиция И. Б. Тито и его приверженность независимому курсу Югославии остались неизменными.

К лету 1952 года враждебность советского блока по отношению к Югославии несколько ослабла, но дискуссии по оказанию необходимой военной помощи этой балканской стране со стороны США, Англии, Франции продолжались на протяжении всего года.

Руководство внешнеполитического ведомства США было настроено чрезвычайно оптимистично по поводу результатов политики США в отношении Югославии на протяжении рассматриваемого периода.

Было подчеркнуто возросшее желание И. Б. Тито все в большей степени ориентировать внешнюю политику своей страны в западном направлении. Внешнеполитическое ведомство США также отметило некоторый прогресс во взаимоотношениях между Югославией, Турцией и Грецией, тем не менее, по мнению американских дипломатов, так называемая «Балканская линия обороны» оставалась не в полной мере защищенной, благодаря сохраняющимся югославо-итальянским противоречиям.

В политическом плане, согласно оценкам администрации Трумэна, режим И. Б. Тито сохранял приверженность «марксистской ортодоксии», но все же имели место определенные реформы, которые, по мнению югославов, осуществлялись при помощи США. Экономика Югославии продолжала оставаться достаточно слабой, в значительной мере благодаря неблагоприятным погодным условиям. По мнению американской стороны, нежелание югославского правительства разрешить представителям США наблюдать за использованием военного оборудования, прибываемого в страну, также наносило определенный ущерб усилиям по оказанию дальнейшей помощи[2].

В целом, можно заключить, что в годы президентства Г. Трумэна отношения между США и Югославией были достаточно уникальны, имея в виду классовую природу и риторику югославского руководства. США оказывали не только экономическую, но и военную помощь коммунистическому режиму. В то время как США не питали абсолютно никаких иллюзий в отношении природы правительства Тито, Трумэн и его советники хорошо понимали, что любая «трещина» в советском блоке отвечает интересам Запада. По-прежнему оставалось достаточно неопределенным, насколько далеко Югославия была готова идти в своих новых отношениях с США и другими западными государствами. Характерно, что эта же проблема стояла и перед США, Великобританией и Францией, поскольку было совершенно неясно, до какой степени эти страны были бы вовлечены в конфликт, если бы Югославия подверглась атаке со стороны советского блока.

В целом, «стратегия вбивания клиньев» оказалась более эффективной в применении к политическим вопросам, а также к двухсторонним американо-югославским связям в большей степени, чем в отношении планирования в рамках НАТО. Уже само существование широкого диалога между Югославией и США, в то время как последние вели военные действия в Корее, воюя с другими коммунистическими государ-

---

[1] Report of the Second Tripartite Conference on Assistance to Yugoslavia, 21 April 1952 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. VIII. – P. 1284–1290.

[2] Allen to Acheson, 10 January 1953 // FRUS. – 1952 – 1954. – Vol. VIII. – P. 1336–1339.

ствами, а И. Б. Тито защищал свою «марксистскую ортодоксию», демонстрировало способность обеих стран основывать свою внешнюю политику на соображениях национальной безопасности гораздо в большей степени, чем на идеологических императивах.

ГЛАВА 4.
УРЕГУЛИРОВАНИЕ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИКА США

4.1. Противодействие военному потенциалу СССР в 1953–1955 гг.

Интересно отметить, что усилия администрации Г. Трумэна в поддержании независимости Югославии и в стремлении привлечь И. Б. Тито к более близкому сотрудничеству с Западом не сыграли значительной роли в ходе президентской избирательной кампании 1952 года. «Красная угроза» и ситуация в Корее доминировали в ходе избирательных баталий, причем республиканцы жестко критиковали «демократическую» версию «политики сдерживания» как робкую и абсолютно бесплодную. Президент Д. Эйзенхауэр и государственный секретарь Д. Ф. Даллес, придя к власти, пообещали совершенно новые подходы к внешней политике, а именно: мощный ответ на возможную «коммунистическую агрессию», с опорой на превосходство США в ядерных вооружениях. Дж. Ф. Даллес пообещал, что США «поднимут железный занавес» и освободят «порабощенные народы» Восточной Европы. Эйзенхауэр был более осторожен во время и после кампании, подчеркивая, что республиканцы «будут стремиться к освобождению», только используя «мирные средства»[1], но оба, и Даллес и Эйзенхауэр, разделяли необходимость снижения советского влияния в мире.

Вышеуказанные взгляды были отражены в директиве Совета Национальной Безопасности № 68, которая была подготовлена после испытания Советским Союзом ядерной бомбы в 1949 году. В документе четко просматривались идеи о «замене коммунистических правительств в странах Восточной Европы» дружественными режимами, которые не были под господством Кремля, используя «технологии «холодной войны», применяемые СССР, против него же самого»[2]. Таким образом, целый ряд международных событий, таких как: провозглашение КНР, наличие ядерного оружия у СССР, распространение коммунистического влияния, война в Корее – способствовали «ужесточению» политики США в отношении советского влияния в странах Восточной Европы.

Продолжающаяся помощь Югославии была частью значительного плана снижения влияния СССР, но эта политика также встраивалась в общую схему действий президентской администрации. Эйзенхауэр, еще со времени своей должности командующего войсками НАТО в Европе, надеялся улучшить югославо-итальянские отношения и включить Югославию в Североатлантический альянс. Как президент он сохранял очень сильную веру в систему коллективной безопасности; один из его биографов назвал Атлантическую солидарность «вопросом, чрезвычайно близким его сердцу». Безопасность свободного мира зависела от объединенной Европы, а Югославия, придерживающаяся ориентации на Запад, делала континент еще более безопасным[3].

---

[1] Divine R. Foreign Policy and U.S. Presidential Elections. – New York: New Viewpoints, 1967. – P. 44–51.

[2] May E.R. American Gold War Strategy: Interpreting NSC 68. – New York: Bedford Books of St. Martin's, 1993. – P. 7.

[3] Ambrose E.S. Eisenhower, Soldier and President. – New York: Simon L. Schuster, 1990. – P. 249, 253–254.

Дж. Ф. Даллес, приверженный как единству Североатлантического альянса, так и необходимости «освобождения» Восточной Европы, считал, что «ересь» Тито обеспечит Западу необходимую опору, в которой он нуждался для противодействия советскому блоку.

Версия «стратегии вбивания клиньев» по Эйзенхауэру/Даллесу, воплощенная в жизнь после окончания войны в Корее, а также исчезновение угрозы советской атаки в отношении Югославии, была гораздо более агрессивной, чем та, которой придерживался Г. Трумэн. Она также подразумевала несколько большие военные и политические выигрыши для Запада. Предполагалось предпринять все возможные шаги для вовлечения Югославии в Североатлантический альянс, причем военная мощь Югославии должна была быть полностью «исключена» из советского потенциала и всемерно присоединена к вооруженным силам Запада. Подразумевалось также убедить И. Б. Тито вдохновить, если даже не возглавить, титоистское освободительное движение в странах-союзниках.

Однако потребность администрации Эйзенхауэра в четкой формулировке философии своей внешней политики была значительно осложнена смертью Сталина и новыми мирными оборонительными инициативами советских лидеров. Все эти обстоятельства вызывали неопределенность – как же достичь поставленной цели? В то же время желание И. Б. Тито улучшить отношения с советским блоком, его стремление играть активную роль в Движении Неприсоединения делали чрезвычайно сложной проблему обеспечения поддержки со стороны Конгресса США дальнейшей помощи Тито. Определенную роль играла также и антикоммунистическая риторика администрации США, которая как-то плохо «подходила» к ее политике в отношении Югославии, подрывая рациональные доводы Эйзенхауэра и Даллеса для объяснения их поддержки «модели социализма», воплощенной югославскими коммунистами.

В начале февраля 1953 года администрация Эйзенхауэра начала пересмотр политики национальной безопасности США. Появилось довольно большое количество вопросов, относящихся как к Восточной Европе в целом, так и к Югославии. Наиболее значимой была дилемма – как снизить советскую мощь и оказывать влияние в мире и за «железным занавесом» без начала военных действий как в предыдущем случае или путем «преднамеренной подрывной деятельности», как предполагалось действовать в ближайшем будущем. Другой важной проблемой был вопрос, следует ли Соединенным Штатам поддерживать «тоталитарное» правительство только потому, что оно проводило независимую от советского контроля и влияния политику, или работать исключительно с демократическими государствами[1].

В середине марта ЦРУ в своем анализе заключило, что, хотя Георгий Маленков и находится во главе руководства Советского Союза, борьба за власть в стране, очевидно, будет продолжена. По мнению ЦРУ, однако, новое советское руководство, скорее всего, продолжит сталинскую политику враждебности по отношению к Западу, но, возможно, будет более внимательным в своих подходах. ЦРУ также предсказывало, что смерть Сталина навряд ли повлияет на югославо-советские отношения, поскольку «так называемая ссора» не являлась личным конфликтом, а вытекала из столкновения национальных интересов Югославии с Коммунистической партией Советского Союза. Однако ЦРУ не предполагало, что Советский Союз может в какой-то момент признать

[1] Lay, memorandum to the NSC, 6 February 1953, with enclosures // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 2(1). – P. 223–231.

И. Б. Тито и Югославию «своим независимым коммунистическим союзником» и что влияние Тито в странах-союзниках значительно увеличится, несмотря на существование борьбы за власть внутри самого СССР»[1].

Государственный секретарь Даллес, напротив, видел большие возможности для США в изменениях в руководстве Советским Союзом, в частности, в снижении реальной угрозы, исходившей ранее от СССР. При жизни Сталин фактически осуществлял руководство странами-сателлитами, частично трансформируя их нормальные стремления к удовлетворению национальных притязаний в прославление его как бога. Со смертью диктатора, по мнению американской администрации, импульсы к национализму со стороны стран-союзников могли стать неконтролируемыми. В этих условиях США должны были «максимально развивать их ранее глубоко запрятанный национализм и стремиться разрушить монолитный советский контроль над странами-союзниками[2].

По мнению Даллеса, единственным путем снижения угрозы, исходившей от Советского Союза, был путь поощрения «дезинтеграции советской мощи и влияния». Если Запад, по мнению Даллеса, приложит достаточное количество усилий, то это может способствовать или коллапсу режима Кремля, или, по крайней мере, трансформации блока из союза стран-сателлитов, настроенных агрессивно, в коалицию оборонительного значения[3].

Однако изменения в советской внешней политике, наступившие после смерти Сталина, в значительной мере опровергли аналитические прогнозы администрации США. Руководство СССР начало стремиться к более сердечным и искренним отношениям с Западом, а также к некоторому видоизменению своих методов обращения со странами-союзниками. В советской прессе стали появляться статьи, критиковавшие сталинскую политику, более того, советское руководство стало подавать некоторые знаки о том, что способно на сотрудничество в достижении перемирия в Корее.

Тем не менее, директива Совета Национальной Безопасности США 153/1, одобренная в середине июня 1953 года, по-прежнему называла «грозную мощь и агрессивную политику коммунистического мира во главе с СССР» одной из главных угроз безопасности США. Другой опасностью, по мнению внешнеполитического ведомства США, являлось «серьезное ослабление экономики Соединенных Штатов», которое вытекало из необходимости противодействовать «советской угрозе»[4].

США, так же, как и Советский Союз, стремились «поместить» свою политику в отношении Югославии в более широкий контекст. Хотя администрация Эйзенхауэра и стремилась сохранить ориентацию Югославии на Запад, США, тем не менее, должны были учитывать воздействие отношений с такой страной, как Югославия, на своих союзников. Во время президентской кампании 1952 года Эйзенхауэр, говоря о взаимоотношениях Югославии и Испании с НАТО, подчеркивал, что США должны иметь союзнические отношения только с теми странами, которые разделяют приверженность идеалам свободы и демократии. По его мнению, это «было бы великой победой сво-

---

[1] SE-39, «Probable Consequences of the Death of Stalin and of the Elevation of Malenkov to Leadership of the USSR», 12 March 1953 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 8. – P. 1125–1132.

[2] Memorandum of Discussion at the 136th Meeting of the NSC, 11 March 1953 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 8. P. 1117–1124.

[3] Memorandum of Discussion at a Special Meting of the NSC, 31 March 1953 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 2(1). – P. 264–281.

[4] Lay, Report to the NSC, 10 June 1953, with enclosure, NSC 153/1, 10 June 1953. – FRUS. – 1952 – 1954. – Vol. 2(1). – P. 378–386.

бодного мира», если бы Испания и Югославия начали бы демонстрировать более просвещенное отношение к этим основным стремлениям и формам государственного управления[1].

Характерно, что все высказывания американских внешнеполитических лидеров вызывали раздражение Югославии. Газета «Борба» в одной из статей заявила, что иллюзии возможности предъявления Югославии каких-либо политических условий со стороны Запада будут иметь примерно такие же практические результаты, как и угрозы со стороны Востока[2].

После своей инаугурации, но еще до смерти Сталина, Эйзенхауэр встретился с послом США в Югославии Алленом и поинтересовался, как, по его мнению, вела бы себя Югославия в случае войны между советским блоком и Западом.

По мнению Аллена, Югославия занимала бы нейтральную позицию достаточно долго, насколько это было возможно, но также ее поведение в значительной мере зависело бы от участников конфликта. Если бы Германия воевала бы на стороне Запада против Советского Союза, то, как предполагал посол США, Тито мог быть склонен присоединиться к «брату-славянину». Если бы Германия не принимала участия в конфликте, то Тито, который был настроен враждебно в отношении Сталина, скорее всего, придерживался бы нейтральной позиции[3].

Таким образом, в целом политика новой администрации США в отношении Югославии продолжала курс демократической администрации Г. Трумэна. Однако Даллес еще в большей степени подчеркивал необходимость освобождения стран-сателлитов и особую роль Югославии в этом процессе.

Характерно, что Молотов, впоследствии давая интервью, назвал Тито «националистом», что, по его мнению, «являлось его самым большим недостатком как коммуниста, он был заражен буржуазным духом», – подчеркивал Молотов[4].

Таким образом, и Эйзенхауэр, и Даллес стремились «поддерживать» и «воспитывать» Югославию посредством программы военной и экономической помощи.

Но, что касается долгосрочной программы помощи, особенно в военной области, то она должна была принести немедленные и значительные результаты, для того, чтобы иметь поддержку в Конгрессе.

Военная помощь уже была оказана И. Б. Тито по причине и, в течение войны в Корее; обеспечение же поддержки Югославии в мирное время не было такой легкой задачей для американской администрации.

Однако для администрации США по-прежнему оставался открытым вопрос: насколько это дальновидно думать о включении коммунистического государства в состав НАТО, а также о влиянии подобного развития событий на эффективность деятельности Североатлантического альянса[5].

В начале 1953 года перспективы для развития сотрудничества между Югославией и некоторыми союзниками США по НАТО казались достаточно многообещающими.

---

[1] Stevens A. Eisenhower Retires with Defense Plea; Explains Air Stand // New York Times. – 1952. – 4 June. – P. 1, 23.

[2] Allen to Acheson, 10 June 1952, RG 59, № 1564, 611. 68/6–1052 in NA, Washington D.C., USA.

[3] George V. Allen, Oral History, Eisenhower Library, Abilene, Kansas, USA.

[4] Reiss Al. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics. – Chicago: Ivan R. Dee, 1993. – P. 83.

[5] Parson to Bohlen. 21 January 1953, with attachment, «The Question of Security Commitments between the United States and Yugoslavia, with particular reference to the North Atlantic Treaty», RG 59, 768. 5/1 – 2153 in NA, Washington D.C., USA.

Взаимодействие между Грецией, Турцией и Югославией, которое началось еще в годы работы администрации Трумэна, достигло своего апогея 28 февраля 1953 года, когда был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи между ними, известный также как пакт, заключенный в Анкаре.

Интересно, но окончательный текст договора разрешал неформальные консультации между представителями генеральных штабов трех государств[1].

Подписание пакта в Анкаре между Югославией с двумя странами-членами НАТО сделало сотрудничество этой балканской страны с Североатлантическим альянсом гораздо более значимым. Однако, несмотря на взаимодействие, Югославия продолжала придерживаться независимой внешнеполитической линии. Доказательством этого служит заявление И. Б. Тито во время визита в Великобританию в середине марта 1953 года, когда он подчеркнул свою готовность принять коллективные обязательства по совместной обороне, но не внутри рамок Североатлантического альянса. Это было объяснимо: Советский Союз чрезвычайно успешно изображал НАТО как инструмент агрессии Запада, и, по мнению Тито, членство Югославии в этом альянсе уменьшило бы привлекательность опыта Югославии для стран-союзников[2].

В конечном итоге, И. Б. Тито и представители Великобритании пришли к общему мнению во мнении, что членство Югославии в НАТО не являлось желательным на том этапе, но в совместном коммюнике по итогам встречи подчеркивалось, что «война, затронувшая Югославию, едва ли могла остаться локальной по своему характеру». По мнению посла США Аллена, Тито покинул Великобританию «в большей степени уверенный в том, что он больше не находится в изолированной позиции»[3].

Тем не менее, вопреки предсказаниям внешнеполитических служб США, процесс установления «нормальных» взаимоотношений между Советским Союзом и Югославией стал набирать темпы. В июне 1953 года югославская сторона приняла советское предложение обменяться послами впервые после разрыва отношений между Сталиным и Тито. Посольство США в Белграде посчитало советское предложение «как чрезвычайно хорошо рассчитанный шаг для того, чтобы создать значительные проблемы для правительства И. Тито, связанные с необходимостью уверить Западные страны и, прежде всего, США, в том, что оно не предприняло «первого шага» в направлении возвращения в Коминформ. Администрация США могла оказать определенное содействие в этих усилиях путем идентификации «Югославии с западными государствами как наиболее недавними целями советской политики интриг и, таким образом, усилить идею, что Югославия фактически являлась членом западного блока»[4].

Тито заверил Запад в полной верности Югославии пакту, заключенному в Анкаре, а также всем остальным обязательствам.

По оценкам ЦРУ, подготовленным для Даллеса в конце июня 1953 года, Югославия вовсе не имела намерений вновь возвращаться в советский блок, по крайней мере, до тех пор, пока Тито оставался у власти. Однако, по мнению аналитиков ЦРУ, Советский Союз хотел бы предпринять некоторые попытки для ослабления связей Тито с Западом, используя примиряющие жесты[5].

---

[1] Dulles to John E. Penrifoy, 21 February 1953 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 8. – P. 624–625.

[2] Oliver M. Marcy, memorandum of conversation, 16 April 1953, RG 59, 768. 5/4 – 1653 in NA, Washington D.C., USA.

[3] Winthrop W. Aldrich to Dulles, 21 March 1953 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 8. – P. 1346–1347.

[4] Wallner to Dulles, 11 June 1953, RG 59, 661. 68/6 – 1453 in NA, Washington D.C., USA.

[5] NIE – 93, «Probable Developments in Yugoslavia», 26 June 1953 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 8. – P. 357–359.

Однако поведение Тито не содержало никаких признаков, свидетельствующих об успехе советской политики. В многочисленных заявлениях Тито объявлял о своем неверии в искренность советских намерений в отношении Югославии.

В октябре 1953 года была издана директива Совета Национальной Безопасности США 162/2, которая по-прежнему называла Советский Союз самой большой угрозой национальным интересам США. В ней подчеркивалось, что, хотя послесталинские выступления в странах-сателлитах, в частности, в Восточной Германии, и продемонстрировали провал усилий Советов полностью подчинить эти народы или разрушить их стремления к свободе, военная мощь советского блока останавливала любые значимые изменения. Отделение стран-сателлитов от советского блока не казалось вероятным, за исключением добровольного отказа со стороны коммунистической власти или путем войны. В Директиве отмечалось, что вышеуказанное развитие событий, может быть, и не уменьшило бы советскую военную мощь, но нанесло бы серьезный удар по престижу СССР и, возможно, ухудшило бы в определенной степени советские военные мощности в Европе.

Однако, по мнению США, военная мощь Запада также испытывала определенные трудности, прежде всего, из-за давнего соперничества между европейскими государствами, в частности, такими, как итальяно-югославские проблемы, связанные с Триестом. В этих условиях США должны были продолжать свои усилия по обеспечению коллективной безопасности, а также сохранять возможности переговоров с Советами, одновременно предпринимая шаги для ослабления советского престижа, а также для усложнения процесса контроля СССР над странами-союзниками[1].

Утверждение Директивы Совета Национальной Безопасности № 174 под названием «Политика США в отношении стран-союзников в Восточной Европе», представляло собой формулировку самых последних намерений американского руководства[2].

Директива Совета Национальной Безопасности № 174 заключала также, что, хотя национализм по-прежнему оставался деструктивной силой внутри советского блока, ни одно из государств, верных СССР, не было готово повторить югославский опыт сопротивления. Эта страна, по мнению администрации США, продолжала играть важную роль в демонстрации практической альтернативы советскому подчинению.

Интересы национальной безопасности США, согласно американской внешнеполитической элиты, требовали проведения политики оппозиции и, в конечном итоге, прекращения советского контроля над странами-союзниками. По мнению администрации США, все усилия необходимо было направить на создание и эксплуатацию болезненных и проблемных ситуаций для СССР, усложнить контроль над его союзниками и замедлить рост военной и экономической мощи советского блока. Методы достижения поставленных целей должны были включать поощрение и помощь демократическим и антикоммунистическим силам внутри стран-союзников, так же, как и эксплуатацию любых титоистских тенденций для демонстрации возможностей для выживания за пределами советского блока[3].

---

[1] Report to the NSC by the NSC Planning Board, 30 Sept. 1953, with enclosure, NSC 162, 30 September 1953 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 2(1). – P. 489–514.

[2] NSC 174, «United States Policy Toward the Soviet Satellites in Eastern Europe», 11 December 1953 (plus attachments), Eisenhower Papers, White House Office, Office of the Special Assistant for National Security Affairs: Records 1952–1961. NSC Series, Policy Papers Subseries, File: NSC 174 Policy Toward the Soviet Satellites in Eastern Europe. Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA).

[3] NSC 174, 11 Dec. 1953, with enclosure, Staff Study by the Planning Board of the NSC // FRUS. – 1952 – 1954. – Vol. 8. – P 110–127.

Директива Совета Национальной Безопасности утверждала, что независимость Тито представляла собой оскорбление для советского престижа, а также вызов его непогрешимости. Сам факт существования западной помощи Югославии должен был оказывать воздействие как на коммунистов, так и на некоммунистов в странах-союзниках. Директива Совета Национальной Безопасности отмечала факт движения Югославии в направлении более тесной интеграции с оборонительной системой, построенной свободным миром, и предсказывала координацию ее военной мощи с потенциалом НАТО[1].

Характерно, что на том этапе не было видимых доказательств подобного развития событий как для Югославии, так и для советского блока в целом, но, по мнению американской администрации, такой ход казался весьма вероятным в обозримом будущем.

В реальности же, основной тенденцией в отношениях между Югославией и странами советского блока было постепенное улучшение климата взаимодействия. К началу 1954 года инциденты на границах Югославии практически прекратились, а также в прессе страны стал меньше критиковаться Советский Союз[2].

Администрацию Эйзенхауэра беспокоил тот же самый вопрос, на который постоянно обращал внимание Трумэн: насколько поворот И. Тито к Западу находит поддержку внутри страны или югославский лидер сам опасался последствий своих действий на международной арене? Как известно, в середине января 1954 года ЦК Союза коммунистов Югославии снял Милована Джиласа со всех партийных постов и заставил его подать в отставку с должности президента Национального Собрания. М. Джилас, будучи близким соратником И. Тито и одним из ведущих теоретиков Союза коммунистов, начал критически относиться к процессам бюрократизации и централизации общественно-политической системы Югославии, которые, по его мнению, чрезвычайно мешали развитию демократии. В конце 1953 года М. Джилас опубликовал серию статей в газете «Борба», в которых он призывал к «более быстрому» устранению от власти коммунистической партии и предупреждал, что сталинизм представляя собой значительную опасность в любом однопартийном тоталитарном государстве. И. Тито было известно заранее о планируемых публикациях статей М. Джиласа, но после того, как консервативно настроенные коммунисты «пошли в атаку» на идеологического противника, югославский лидер к ним присоединился. И. Тито, в конечном итоге, осудил М. Джиласа, обвиняя его в готовности платить любую цену за «импорт» демократии в Югославию, включая реставрацию капитализма и разрушение партии[3].

Американские аналитики видели в этом противоречии вышедшую на поверхность разницу во взглядах «ортодоксальных коммунистов» внутри Югославии и тех, кто разделял позиции И. Б. Тито. В конечном итоге, югославский лидер встал на сторону консерваторов, поскольку критика Джиласа стала слишком угрожать системе: И. Тито и его сторонники не были заинтересованы более в уступках как западным демократиям, так и Советскому Союзу. Государственный Департамент предсказывал, что в целом, «дело Джиласа» имело негативное воздействие на процесс либерализации»[4].

---

[1] NSC 174, 11 Dec. 1953, with enclosure, Staff Study by the Planning Board of the NSC // FRUS. – 1952 – 1954. – Vol. 8. – P 110–127.

[2] Edwin M.J. Kretzmann to Dulles, 5 January 1954, RG 59. 660. 68/1–554 in NA, Washington D.C., USA.

[3] Papers Prepared in the Office of the Special Assistant to the Secretary of State for Intelligence (Armstrong), 18 January 1954. – FRUS. – 1952–1954. – Vol. 8. – P. 1365.

[4] Barbour to Merchant, 18 January 1954, RG 59, 768. 00/1–1854 in NA, Washington D.C., USA.

Тем не менее, ближайшие цели США в отношении Югославии состояли в поддержке независимого курса югославского государства, несмотря на наличие в стране коммунистической диктатуры; в долгосрочной же перспективе предполагалось работать в направлении достижения долговременной цели – установления свободно избранного правительства в этой балканской стране. Помощник Государственного секретаря В. Смит шутливо говорил, что Государственный Департамент реализовал практически невыполнимую задачу посредством простой формулы «не дать возможности правой руке знать о том, что делает левая»[1].

Характерно, что острота потребности Югославии в военной помощи со стороны Запада, существовавшая в первые годы после разрыва отношений между Сталиным и Тито, существенно притупилась. Сталин умер, новое советское руководство стремилось ликвидировать, по крайней мере, некоторые из трещин, существовавших в югославо-советских отношениях. Если советская внешняя политика вернулась бы к прежним сталинским корням, союз Югославии с Грецией и Турцией обеспечил бы косвенную связь с НАТО.

В этих условиях Югославия была по-прежнему уверена в продолжающейся помощи со стороны США для своей все еще нестабильной экономики. И. Б. Тито оказался способен изменить сценарий отношений, подготовленный для него Эйзенхауэром и Даллесом, и, в конечном итоге, взял на себя в большей степени лидирующую, чем подчиненную роль в своих взаимоотношениях с Западом. Вполне обоснованно можно утверждать, что еще во время нахождения у власти администрации Трумэна сотрудничество Югославии с США в большей степени определялось условиями Тито, чем американской администрации.

Тито, безусловно, шел на определенные уступки, такие как освобождение архиепископа Степинаца или закрытие греческого фронта, но вышеуказанные шаги диктовались как внешними, так и внутренними соображениями. Он никогда не желал быть младшим партнером. Интересно, что ко времени прихода к власти администрации Эйзенхауэра югославский лидер находился в сравнительно безопасном внешнеполитическом положении, обусловленным уменьшением угрозы со стороны Советского Союза, а также военной и экономической поддержкой Запада.

Безусловно, Югославия рассчитывала на большее, и летом 1954 года правительство страны вновь обратилось за расширением экономической помощи со стороны Запада и, прежде всего, США.

Центральным моментом нового этапа был большой акцент на помощь, рассчитанную сразу на несколько лет. Югославия нуждалась в поставках пшеницы и сырья. Для США не представляло значительных сложностей оказание экономической помощи Югославии, поскольку американское законодательство разрешало продажу излишков сельхозпродукции за рубеж; а «Экспорт–импорт банка» был способен удовлетворить другие нужды балканского государства.

Вопрос был в другом. Насколько США желали идти навстречу Югославии в этих вопросах? Если США по-прежнему были намерены поддерживать югославскую обороноспособность, в то время как эта балканская страна стремилась развивать экономику, имеющую возможность обеспечивать военные нужды, то в таком случае помощь Югославии имела смысл. Американские дипломаты постоянно задавали себе вопрос:

[1] Memorandum of Discussion at 183d Meeting of the NSC, 4 February 1954 // FRUS. – 1952–1954. – Vol. 8. – P. 1369–1372.

будет ли американская помощь влиять на внешнюю политику Югославии? США были максимально заинтересованы в окончательном урегулировании проблемы Триеста, и в связи с этим Эйзенхауэр послал своего представителя, Роберта Мерфи, в Югославию для переговоров с И. Б. Тито. Меморандум об окончательном урегулировании проблемы Триеста был подписан 5 октября 1954 года. В ответ на это США, словами Р. Мерфи, согласились поставить Югославии 400 000 тонн пшеницы[1]. В своих воспоминаниях Эйзенхауэр также говорил о наличии связи между помощью США Югославии и урегулированием проблемы Триеста[2].

Таким образом, Югославия получила возможность пожинать плоды улучшения отношений с Западом, в то время как Советский Союз усиливал кампанию по установлению связей с правительством Тито.

Осенью 1954 года Советский Союз обратился с просьбой к Югославии о необходимости поездки делегации высокого уровня в Москву, на что Тито ответил согласием. Также были намечены переговоры с представителями других стран советского блока.

Администрация США в этих условиях стремилась предотвратить настоящее «примирение» между Советским Союзом и Югославией. Эйзенхауэр заявил в связи с этим, что «США должны быть готовы делать абсолютно все возможное, чтобы «держать» И. Б. Тито не только вне кремлевской орбиты, а также, насколько это возможно, на стороне Запада»[3].

Следует заметить, что в то время как Югославия и представители советского блока вели переговоры и подписывали различные соглашения, они одновременно продолжали подвергать критике политику друг друга. Советский Министр иностранных дел СССР Молотов обвинил Югославию в том, что она не торопилась отвечать на советские попытки нормализовать отношения, и высказывал предположения о сожалениях Тито по поводу разрыва отношений с СССР в 1948 году. Тито ответил, что это, скорее всего, Советский Союз и лидеры блока признавали, что совершили ошибку в 1948 году, когда исключили Югославию из Коминформа[4].

Однако в своих практических шагах Тито продолжал развивать политику «третьей силы». Со времен разрыва отношений со Сталиным Тито начал развивать связи с независимыми и неприсоединившимися странами в Азии и Африке. Во время своей поездки в Индию в конце 1954 – начале 1955 года югославский лидер провозглашал свою оппозицию каким-либо идеологическим и политическим блокам. В совместном коммюнике по итогам визита Тито и индийский премьер-министра Дж. Неру провозгласили свою приверженность активной политике неприсоединения, предназначенной для развития настоящего мира и безопасности для наций всего мира[5].

В своих усилиях ослабить привязанность Тито к Движению Неприсоединения США продолжали снабжать его миллионами долларов экономической и военной помощи. США и страны Запада по-прежнему продолжали рассчитывать на желание Тито сотрудничать с ними. В этих условиях Югославия отказалась разрешить американской комиссии инспектировать использование военного оборудования, которое уже было

---

[1] Murphy R. Diplomat among Warriors. – Garden City, New York: Doubleday, 1964. – P. 422–424.

[2] Eisenhower Dw. Mandate for Change. 1953 – 1956. – Garden City, New York: Doubleday, 1964. – P. 419.

[3] Eisenhower to Dulles, 27 Oct. 1954, Eisenhower Papers, Whitman File, Whitman Diary, File: Diary October 1954(1). Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA).

[4] Reiss, Molotov Remembers. – P. 83. Tito’s Strong Tone on Soviet Stressed // New York Times. – 1955. – 9 March. – P. 8.

[5] Rubinstein Yugoslavia and the Non–alligned World. – P. 53–55.

послано в Югославию согласно предварительным договоренностям, заключенным еще в 1951 году[1].

Ситуация по поводу Югославии была обсуждена на заседании Совета Национальной Безопасности в начале мая 1955 года, где было отмечено, что «США, к сожалению, забыли, что Тито при всех своих оппозиционных стремлениях являлся достаточно твердолобым коммунистом, прошедшим подготовку в Москве. Несмотря на это, Югославия, по мнению США, намерена была проводить политику доброжелательного нейтралитета в отношении Запада, в то же время стремясь поддерживать правильные отношения с Советами». По мнению директора ЦРУ Аллена Даллеса, югославский народ не был счастлив под своим коммунистическим руководством и поменял бы режим, если бы это было возможно. Даллес подчеркивал, что Тито хотел бы сохранить свое положение и место работы, поскольку, если Югославия будет излишне идентифицировать себя с Западом, она постепенно утратит свой коммунистический характер и Тито потеряет свой пост».

Эйзенхауэр согласился, что США должны быть очень осторожны в своих взаимоотношениях с Тито[2].

Последующее развитие событий еще больше усложнило взаимоотношения Югославии с Западом.

13 мая 1955 года министр иностранных дел Югославии Попович проинформировал посла США в Югославии Риддльбергера, а также послов Великобритании, Франции, Греции, Турции о том, что советская делегация самого высокого уровня посетит Белград в конце месяца в соответствии с политикой Югославии, направленной на улучшение отношений между двумя странами. Попович подчеркнул, что эти шаги вовсе не свидетельствовали об изменении намерений Югославии в отношении Запада. Он изображал приезд советской делегации в Белград как «победу» независимой югославской политики, а также поддержки линии со стороны США.

Эти известия были достаточно пессимистично встречены в США, что обусловило желание американской стороны приостановить поставки военного оборудования в Югославию.

Тем не менее, в середине мая газета «Нью-Йорк Таймс» признавала, что, несмотря на происходившие события в политике Югославии, не следует ожидать каких-то кардинальных перемен во взаимоотношениях Югославии и Советского Союза, поскольку лидеры балканской страны уже вкусили «вина свободы», умножили свою популярность из-за сопротивления Сталину и не имели никаких оснований возвращаться в положение «слуг кремлевских хозяев»[3].

Таким образом, следует отметить, что во время первых лет нахождения у власти администрации Эйзенхауэра Тито выиграл в «холодной войне» между Востоком и Западом. Режим югославского лидера пользовался поддержкой; каждая сторона стремилась завоевать его с целью достижения своих внешнеполитических целей. Тем не менее, И. Б. Тито выбрал «третий путь» неприсоединения, при этом и Советский Союз, и США по-прежнему надеялись сохранять влияние на его политику.

---

[1] Murphy R. Diplomat among Warriors. – P. 425–426.

[2] Memorandum of Discussion of NSC Meeting № 247, 5 May 1955 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 645–647.

[3] Editorial. Visit to Belgrade // New York Times. – 1955. – 19 May. – P. 28.

4.2. СССР, Югославия и США в 1955–1960 гг.

Интересно, что личные дипломатические контакты сыграли ведущую роль во взаимоотношениях Югославии с США и с Советским Союзом в 1955–1956 годы.

Несмотря на советско-югославское примирение, Дж. Даллес продолжал быть уверенным в том, что внешняя политика И. Б. Тито, точно так же, как и его гостеприимство, были основаны на балансе между Востоком и Западом, но, по его мнению, вышеуказанная позиция служила больше интересам США, чем целям Кремля. Однако поездка Тито в Москву в 1956 году поколебала даже мнение Дж. Даллеса. Нейтральная позиция И. Тито являлась гораздо более просоветской, чем прозападной, что давало широкие возможности критикам Тито в Конгрессе США использовать его так называемую независимость, а также коммунистические взгляды для противодействия оказанию помощи Югославии. В результате, Эйзенхауэру и Даллесу приходилось использовать все способы для убеждения своих противников в целях сохранения места Югославии в стратегии «вбивания клиньев».

После объявления Югославией об ожидании приезда советской делегации в Белград посол Югославии в США Лео Матес встретился с Даллесом и подчеркнул, что инициатива переговоров исходила от Советского Союза и что его правительство считало этот визит лишь предварительным шагом в улучшении отношений между двумя странами. Матес пообещал Даллесу, что никакие секретные соглашения не будут являться результатами переговоров и что «все дружественно настроенные правительства получат информацию о последующих событиях»[1].

Во время встречи Даллес ничего не сказал о предложении Риддльбергера, о приостановке военной помощи Югославии, но только лишь проинформировал Матеса, что «существовали определенные проблемы, связанные с функционированием программы по оказанию военной помощи Югославии». Однако, не желая связывать эти вопросы с визитом советских лидеров в Белград, Даллес заверил Матеса, что США не были намерены поднимать проблемы в этот момент, но подчеркнул, что «существовали серьезные разногласия и неясности, которые требовали проработки и решения и к которым было совершенно необходимо вернуться в будущем»[2]. По итогам встречи Матеса и Даллеса было сделано заявление для прессы США, в котором упоминалась враждебность, которую демонстрировали Советы в отношении Югославии после 1948 года, а также содержались поздравления Тито по поводу независимого курса Югославии, политики, которую, по мнению США, Югославия намерена проводить и в будущем»[3].

Следует заметить, что оппозиция в Конгрессе оказанию помощи Югославии постепенно нарастала с 1950 года, в основном, усилиями представителя демократов Эдны Келли в Палате представителей, а также выразителя интересов республиканцев Кноуленд в Сенате[4]. Несмотря на то, что демократы имели большинство в Конгрессе, лидер меньшинства Кноуленд был особенно нетерпим к мнениям Эйзенхауэра.

---

[1] Merchant, memorandum of conversation, 23 May 1955 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 652–653.

[2] Там же.

[3] Dulles «The Goal of Our Foreign Policy», address to the National 4H Club Congress Chicago Illinois, 29 November 1954, Department of State for the Press № 674, Selected Correspondence and Related Materials, box 98. John Foster Dulles Papers, Seeley G. Mudd. Manuscript Library, Princeton University, Princeton, New Jersey.

[4] Campbell, Tito's Separate Road. – P. 50.

Кноуленд был избран Робертом Тафтом как его преемник на посту лидера республиканцев.

К 1955 году, «вдохновленные советско-югославским» примирением, Кноуленд и его последователи имели все шансы высказывать угрозы полностью ликвидировать, или, по крайней мере, значительно сократить поддержку правительства Тито».

Даллес же призывал членов Конгресса не отказывать Югославии в помощи. По мнению Даллеса, «это было чрезвычайно знаменательно, что ведущие лица советского государства, которые никогда в мирное время не покидали свою страну, поехали в Белград мириться. Независимая позиция была вознаграждена». По оценкам Даллеса, это должно было оказать глубокое воздействие на настроения в странах-союзниках[1]. Советский визит продолжался с 27 мая по 2 июня 1955 года, но, однако, он не ликвидировал в полной мере противоречий между СССР и Югославией. Хотя Хрущев и извинился перед югославами за события 1948 года, советское руководство, находясь еще в самом начале процессов десталинизации, в большей мере обвиняло окружение Сталина в совершенных преступлениях, чем его самого.

Впоследствии посол США в Югославии Болен подчеркивал, что Хрущев и другие представители «советского руководства стремились вновь вернуть Тито обратно на платформу марксизма-ленинизма, общих целей социалистического строительства и участия в международном рабочем и «коммунистическом движении». Тем не менее, посол США в Югославии характеризовал речь Хрущева «как полноценные извинения со стороны Советского Союза за события 1948 года», чего И. Б. Тито так долго добивался[2]. Но, тем не менее, представители внешнеполитического ведомства США были уверены в том, что Югославия не намеревалась бросаться в объятия Советского Союза»[3].

По итогам визита Югославия и Советский Союз опубликовали так называемую Белградскую декларацию, в которой стороны демонстрировали единство позиций по ряду внешнеполитических вопросов, в частности, в вопросе о принятии Китайской Народной Республики в ООН. Чрезвычайно важным для югославской стороны было включение в Белградскую декларацию пункта о праве каждой страны на собственный путь к социализму, а также на независимую внешнеполитическую линию. Интересно, что, по мнению газеты «Нью-Йорк Таймс», несмотря на заявление Хрущева о «полном преодолении» кризиса в отношениях между СССР и Югославией, многие западные обозреватели и дипломаты рассматривали Белградскую декларацию как полный триумф независимой югославской политической линии[4].

Тем не менее, югославы пошли на определенные уступки, публично поддержав ряд советских внешнеполитических позиций. Вышеуказанные подходы свидетельствовали «о наличии определенной солидарности с Советским Союзом по главным вопросам текущей международной политики», хотя, по мнению американской стороны, Югославия не поступилась ни одной из своих идеологических позиций[5].

---

[1] Department of State for the Press № 282. «Statement in Support of Mutual Security Bill before House Committee on Foreign Affairs», 25 May 1954, Dulles Papers, Correspondence. Sceley G. Mudd. Manuscript Library, Princeton University, Princeton, New York.

[2] Bohlen to Dulles, 27 May 1955, RG 59, № 2118, 661. 68/5–2755 in NA, Washington D.C., USA.

[3] Riddleberger to Dulles, 27 May 1955, RG 59, № 1025, 661. 68/5–2755 in NA, Washington D.C., USA.

[4] Raymond J. Tito and Russians Concur on China and German Unity // New York Times. – 1955. – 3 June. – P. 1, 2. Reston J. «U.S. Sees Warning in Belgrade Accord». Raymond J. «Soviet Bloc Fend with Tito Ended, Khrushchev Says» // New York Times. – 1955. – 4 June. – P. 1, 3.

[5] Bohlen to Dulles, 3 June 1955, RG 59, № 2154, 661. 68/6–355 in NA, Washington D.C., USA.

Американские эксперты приходили к выводу, что это могло быть частью политики либерализации в отношении сателлитов Советского Союза, политики, для которой примирение с И. Тито было первым, необходимым шагом. По мнению Болена, представителя внешнеполитического ведомства США, установление дипломатических отношений между Югославией и Китаем очень беспокоило Советский Союз, который делал все возможное, чтобы уладить конфликт с балканским соседом и предотвратить создание Югославией и Китаем оппозиционного коммунистического центра, который мог иметь сильное воздействие на Азиатские нейтральные страны, такие, например, как Индия»[1].

На пути из Югославии представители СССР посетили Софию и Бухарест, а также имели переговоры с лидерами Венгрии и Чехословакии. Эти визиты, а также отсутствие приглашений из Польши и Албании, показали американской стороне наличие определенного плана «установить некоторую градацию между сателлитами в плане развития отношений с Югославией в свете Белградских переговоров»[2].

Интересно, что критика политики помощи Югославии, которую проводила американская администрация, чрезвычайно усилилась после советского визита в Югославию. Члены Конгресса, возражавшие против политики помощи, требовали, чтобы посол США в Югославии «успокоил» их в отношении намерений Тито. «Я никогда не доверял этому парню», – заявил представитель республиканцев в Конгрессе Лоуренс Смит в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» в начале июня[3].

На пресс-конференции 8 июня Эйзенхауэру был задан вопрос, будут ли США пересматривать программу помощи Югославии в контексте недавнего советско-югославского примирения. Президент, не давая совершенно определенного ответа, все-таки отметил, что в свете политики США, направленной на завоевание все большего количества нейтральных стран на свою сторону, в том числе и Югославии, администрация не намерена была уменьшать свой интерес к ее благополучию. Однако Эйзенхауэр был обеспокоен, будет ли Югославия придерживаться по-прежнему нейтрального курса в своей внешней политике[4]. Тем не менее, Эйзенхауэр понимал, что Тито как политический лидер не воспринимал себя в качестве слабого, или целиком находящегося в стороне от мировых процессов. Югославский руководитель проводил политику «активного сосуществования», предназначенную для защиты мира[5].

Однако философия И. Б. Тито могла быть интерпретирована критиками администрации Эйзенхауэра как нечто варьирующееся от строго нейтральной позиции до целиком просоветской; и подобные взгляды значительно усложняли борьбу администрации США за продолжение помощи Югославии. Депутаты Конгресса, придерживавшиеся как антикоммунистических, так и антинейтральных взглядов, были чрезвычайно упорны в своих попытках полностью положить конец или сильно ограничить американскую помощь таким странам, как Индия и Югославия, которые не находились полностью на стороне Запада. Администрации Эйзенхауэра стоило немалых трудов противодействовать подобным мнениям. Эйзенхауэр был согласен, что политика «нейтралитета», безусловно, не та, с которой США могли полностью согласить-

---

[1] Bohlen to Dulles, 3 June 1955, RG 59, № 2154, 661. 68/6–355 in NA, Washington D.C., USA.

[2] Bohlen to Dulles, 7 June 1955 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 25. – P. 34–36.

[3] Assurance Asked on Tito Use of Aid // New York Times. – 1955. – 5 June. – P. 3.

[4] Transcript of Presidential Press Conference on Foreign and Domestic Affairs // New York Times. – 1955. – 9 June. – P. 16.

[5] Hoffman W.G., Neal F.W. Yugoslavia and the New Communism. – New York: Twentieth Century Fund, 1962. – P. 126–127.

ся, но эти государства были суверенны и нейтральны, и это являлось предпочтительным гораздо в большей степени, чем, если бы они находились под полным коммунистическим контролем»[1].

Даллес по-прежнему рассматривал Югославию как инструмент политики «освобождения стран Восточной Европы от коммунистического гнета», но уже все меньше и меньше как возможного военного союзника. По его мнению, высказанному в конце июня 1955 года, Югославия «была наилучшей подъемной силой», которую США имели для выполнения задачи завоевания независимости для стран-сателлитов. США не должны были рисковать в своей политике в отношении Югославии, чтобы не толкнуть балканскую страну вновь в «объятия» социалистического лагеря. Сенатор Кноуленд, в частности, в этой связи согласился, что ни Индия, ни Югославия не должны были быть полностью лишены помощи США, но, однако, провозгласил, что американской стороне необходимо было проводить проверки использования оборудования и материалов, которые поставлялись в эти страны. Даллес, играя роль «миротворца», заверил Кноуленда, что США уже вели переговоры с Тито по вопросу инспекций и что «давление Конгресса в этой сфере» чрезвычайно полезно[2]. В конечном итоге, Конгресс согласился продолжать осуществление Программы Взаимной Безопасности и поддержать требование администрации, что Программа Взаимной Безопасности также включала ответственность за постсталинские изменения в политике, проводимой Советским Союзом[3]. Политика Тито, подразумевавшая «активное сосуществование», позволяла его стране «играть значительную роль на мировой политической сцене, независимо от величины территории и мощи Югославии, а также помогала устанавливать отношения с вновь освободившимися странами Азии и Африки[4]. Тем не менее, администрацию США по-прежнему занимал вопрос: могла ли «стратегия «вбивания клиньев», преследуемая США, по-прежнему втянуть Югославию в систему обороны, созданную Западом? Когда же в июне 1955 года были возобновлены переговоры между Англией, Францией и США по югославскому вопросу, то выяснилось, что югославы были согласны обсуждать технические вопросы, в частности, поставок специального военного оборудования, но, однако, решительно сопротивлялись координации действий своих вооруженных сил с вооруженными силами членов Североатлантического альянса[5].

Американская сторона с трудом сдерживала раздражение по поводу поведения Югославии. Балканское руководство продолжало отказывать США в проведении инспекций относительно поставленного военного оборудования в Югославию. Эти действия, вкупе с новым качеством советско-югославских отношений и недавним предложением СССР возобновить партийные связи, заставляли США серьезно ограничить военные поставки правительству Тито. К середине июня 1955 года, Государственный

---

[1] Stassen to Wilton B. Persons, 27 June 1955 // FRUS. – 1955 – 1957. – Vol. 10. – P. 11–13.

[2] Legislative Leadership Meeting, Supplementary Notes, 28 June 1955, L.A. Minnich Yr. Eisenhower Papers, PAP, Whitman File, Legislative Meeting, File: Legislative Meetings 1955(3). May–June, Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

[3] Legislative Leadership Meeting, Supplementary Notes, 28 June 1955, L.A. Minnich Yr. Eisenhower Papers, PAP, Whitman File, Legislative Meeting, File: Legislative Meetings 1955(3). May – June, Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

[4] The Yugoslav Position on Nentrality, 20 June 1955, Eisenhower Papers. WHO, NSC Staff Papers 1948–1961, Planning Co-ordination Group Series, File № 9 Bandung (4), Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

[5] Yugoslavia Seeks to Reassure West // New York Times. – 1955. – 9 June. – P. 2.

Департамент согласился значительно снизить приоритеты в отношении военного сотрудничества с Югославией[1].

Советский Союз в этих условиях сопротивлялся давлению Запада так же, как и Югославия. На встрече, состоявшейся в Женеве в июле 1955 года, Эйзенхауэр и Даллес намеревались оказывать давление на Советский Союз с целью ослабления его контроля над странами-союзниками. Интересно, что ни Великобритания, ни Франция не разделяли энтузиазма Вашингтона по поводу поставленных целей, но, однако, директива Совета Национальной Безопасности № 5524/1, представлявшая позицию США на встрече, предусматривала вывод советских вооруженных сил из восточноевропейского региона как цель внешней политики США[2]. Однако Эйзенхауэр и Даллес не смогли достичь поставленных целей: представители Советского Союза просто отказались обсуждать ситуацию в Восточной Европе. Тем не менее, во время встречи лидеры СССР уверяли своих Западных партнеров по переговорам в их искреннем желании улучшить отношения с другими государствами и использовали нормализацию связей с Югославией как доказательство своих самых лучших намерений[3].

Однако Даллес был совершенно уверен в своем мнении, которое он высказал канцлеру Западной Германии Конраду Аденауэру, что отношение СССР к своим сателлитам было основано на страхе, что «мир» с Тито мог вызвать желание некоторых восточноевропейских лидеров «последовать его примеру и образовать в согласии с Югославией коммунистический националистический блок, конкурирующий с Москвой»[4].

Тем не менее, в изменившихся внешнеполитических условиях и американская, и югославская стороны подтвердили обоюдное стремление «дружественного сотрудничества» в экономической и военной сферах; США выразили желание по-прежнему оказывать экономическую помощь Югославии, а также поставлять «специфическое военное оборудование», в то время как последняя все-таки согласилась на присутствие американского военного персонала в стране, занимавшегося инспекциями использования помощи США. Переговоры по экономическим вопросам завершились выделением дополнительных 260 млн. долларов Югославии[5]. По мнению Даллеса, и американские военные круги согласились на то, чтобы поставки в Югославию были возобновлены, «однако экономно и в разумных пределах, без нарушения политических целей США в этом регионе»[6].

Государственный секретарь США Даллес, сопровождаемый супругой и другими официальными лицами, посетил Тито в его резиденции на острове Бриони в ноябре 1955 года. Даллес и Тито обсудили чрезвычайно широкий круг вопросов, начиная от проблемы Германии и заканчивая положением на Ближнем Востоке и в Азии. Характерно, что Даллес ценил Тито как человека, обладавшего значительной мудростью в международных делах, и выразил особую заинтересованность во мнении Тито по вопросам сотрудничества стран на Балканах, а также о будущем правительств советских стран-союзников. Что же касалось взглядов Тито по проблеме объединения Герма-

---

[1] Progress Report on NSC 5406/1, 23 November 1955 // FRUS. – 1955 – 1957. – Vol. 26. – P. 704–706.

[2] FRUS. – 1955–1957. – Vol. 25. – P. 46 – 47; «Basic U.S. Policy in Relation to Four – Power Negotiations», 11 July 1955 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. V. – P. 287–298.

[3] Memorandum for the Record of the President's Dinner, 18 July 1955 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. V. – P. 372–376.

[4] Dulles to Konrad Adenauer, 15 August 1955 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. V. – P. 547 – 550.

[5] Murphy R. Diplomat Among Warriors. – P. 422–430.

[6] Dulles to Eisenhower, undated // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 678–679.

нии, то, по его мнению, определенным решением было бы разрешение Германии объединиться, но, однако, при строгих заверениях ее правительства, что новое государство не являлось бы «экспансионистским». Даллес согласился с высказанной точкой зрения, но настоял на том, что западные державы должны действовать для объединения Германии, в противном случае, результат мог быть достигнут насильственными действиями самой Германии, что имело место в прошлом.

Что же касалось арабо-израильского конфликта, то и югославская, и американская стороны сошлись во мнении о необходимости разрешить его, пока он не привел к широкомасштабным военным действиям; однако, Тито в большей степени обвинял израильскую сторону в нагнетании напряженности в регионе.

Когда же во время переговоров обе стороны вернулись к положению дел на Балканах, Тито заверил Даллеса в том, что он не имел намерений ликвидировать военные компоненты Балканского пакта, и, следовательно, особенно в свете ослабления международной напряженности, эти проблемы не являлись уже столь значимыми. Было подчеркнуто также, что «новые тенденции во внешней политике Советского Союза, однако, не включали отказ от желания влиять на политику стран-союзников, но все-таки представляли собой изменения в прежних формах железного контроля над членами так называемой «мировой системы социализма». По мнению югославского руководителя, сталинские аргументы по-прежнему были присущи советскому руководству, но Запад имел возможность значительно снизить их влияние путем поддержки более умеренных кругов в советском руководстве в их желании проводить некоторые либеральные реформы. Интересным для американской стороны было высказывание Тито о существовании еще более сильных сталинских элементов в правительствах советских стран-союзников, но, по мнению югославского руководителя, собственные народы этих государств заставят своих руководителей проводить определенные реформы или уйти с политической арены и уступить место новым реформаторским силам. Тито согласился с высказыванием Даллеса о значении примера сохранения Югославией своей независимости для других так называемых социалистических стран, но предупредил, что их возможный путь к самостоятельности будет значительно более медленным.

В своем сообщении Эйзенхауэру Даллес отметил, что «день переговоров с И. Б. Тито был одним из наиболее интересных, когда-либо проведенных им в политических встречах и переговорах». Этот визит подтвердил точку зрения Даллеса о том, что Тито совершенно «не имел намерений вновь бросаться в объятия Советского Союза»[1]. Югославы, однако, никогда не выражали желания изменить «социалистическую природу» своей страны; они, попросту говоря, подчеркивали естественное право каждого государства свободно реализовывать идеи Белградской Декларации. Интересно, что Тито особо подчеркнул это положение в своем ответе на высказывания Даллеса на пресс-конференции по итогам визита, когда государственный секретарь призвал народы Восточной Европы «развивать собственные социальные и экономические структуры в соответствии с выбором своих стран»[2].

В результате дискуссий в Совете Национальной Безопасности, где по выработке заявления о политике в отношении Югославии Государственный Департамент высказался за продолжение помощи, даже, несмотря на то, что перспектива сотрудничества

[1] Dulles to Eisenhower, 7 November 1955 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 698–699.
[2] Campbell, Tito's Separate Road. – P. 35–36.

Югославии и НАТО казалась чрезвычайно проблематичной. Связи Тито с Западом «в значительной мере увеличили его престиж» как пример для других стран-союзников СССР. Министерство обороны, чья поддержка Югославии всегда обусловливалась участием этой балканской страны в оборонных системах Запада, возражало, поскольку, по его мнению, «недавние действия Тито в значительной мере ослабили перспективы эффективной защиты Южной Европы». По их мнению, если США продолжали бы оказывать помощь Югославии, в то время как Тито укреплял свои отношения с СССР, другие союзники США придут к обоснованному выводу о том, что нейтральная позиция может быть в такой же степени выгодной, как и тесное сотрудничество с Америкой[1].

Министерство обороны, тем не менее, высказалось за продолжение помощи, но поскольку США также занимались поисками денежных средств для поддержки Турции и Пакистана, следовало особо проработать вопрос объема необходимых поставок режиму Тито. В начале 1956 года Совет Национальной Безопасности завершил работу над проектом резолюции № 5601 под названием «Политика США в отношении Югославии». Он был одобрен 18 января 1956 года и содержал основные взгляды Государственного Департамента по политическим вопросам, затрагивающим Югославию, а также вопросы военной помощи этой стране как средства достижения американских внешнеполитических целей. Необходимо отметить, правда, что доклад был гораздо более пессимистичным, чем предыдущие, несмотря на то, что политика США, направленная на поддержку югославской независимости, оказалась успешной. Отмеченные позитивные сдвиги, а также убеждение Тито в том, что изменения в советской внешней политике делали маловероятной войну против Югославии, – в целом значительно повлияли на взаимоотношения последней и Запада. В результате, как отмечалось в заявлении Совета Национальной Безопасности, долговременные цели «втягивания Югославии в орбиту западной цивилизации, а также расчет на ее значительный вклад в победу свободного мира в случае войны в Европе все-таки достигнуты не были, и не было признаков того, что они могли быть достигнуты в будущем»[2].

В заявлении содержалось утверждение о том, «что в случае военных действий в Европе Югославия, скорее всего, осталась бы нейтральной. Тито использовал бы свои войска для обеспечения выживания собственной страны в большей степени, чем помогал бы НАТО, хотя он и обещал также не разрешать проход зарубежных войск через территорию Югославии как невоюющего государства»[3].

Таким образом, будущая политическая позиция Югославии виделась нейтральной, но, однако, двойственной – в некоторых случаях ее руководство намеревалось поддерживать точки зрения СССР, в других же – США и в целом, Запада. Тито твердо достиг своей четко определенной цели: свободы действий в отношении обеих сторон; и в будущем подобная позиция являлась чрезвычайно выгодной, и ее укрепление виделось посредством усиления связей его страны с государствами третьего мира, и в целом Движении Неприсоединения. Он, безусловно, надеялся оказывать влияние на политическое развитие стран-сателлитов СССР и искренне верил, что это будет гораздо более эффективно, если Югославия будет оставаться независимым социалистиче-

---

[1] Briefing Note, NSC Meeting № 371, 22 December 1955, them 4, «U.S. Policy Toward Yugoslavia – A New Policy Papers», Eisenhower Papers, WHO, OSANSA Records 1952–1961, Special Assistant Series, Chronological Subseries, File: NSC Meeting № 271, Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

[2] NSC 5601. «U.S. Policy Toward Yugoslavia», 9 January 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 707–714.

[3] Там же.

ским государством. Тем не менее, американские внешнеполитические круги понимали, что поддержка югославской независимости отвечала национальным интересам США, поскольку способствовала максимальной эффективности в поощрении сепаратистских тенденций стран-союзников советского блока и в то же время помогала преследовать долговременные цели либерализации режимов в странах Восточной Европы и включения их впоследствии в содружество свободных, демократических государств. Для достижения поставленных задач Директива Совета Национальной Безопасности США № 5601 рекомендовала администрации пересмотреть программу военной помощи и сделать подходы к ее осуществлению несколько более суровыми. Предполагалось, что США будут поставлять минимум ресурсов, необходимых для поддержания югославской независимости, все остальные компоненты помощи должны были зависеть от «степени сотрудничества со стороны Югославии». Дополнительные ресурсы могли быть выделены только в том случае, если правительство Тито представит более детальную информацию о своем участии в совместном с НАТО планировании. Назначение такой помощи являлось вовсе не подрывом правительства, а использование зависимости Тито от Запада для того, чтобы поощрить его проводить политику, которая способствовала бы достижению целей США»[1].

Таким образом, директива Совета Национальной Безопасности США № 5601 и содержащиеся в ней рекомендации по вопросам военной помощи должны были являться основными при определении внешнеполитической линии США в отношении Югославии.

В этих условиях делегация Союза коммунистов Югославии была приглашена для присутствия на XX съезде советских коммунистов[2]. Однако назначение Велко Мичуновича, бывшего заместителя министра иностранных дел, в качестве посла Югославии в СССР казалось многообещающим для американской стороны. Риддльбергер, посол США в Югославии, считал Мичуновича опытным и знающим специалистом по Советскому Союзу и странам-союзникам СССР, который был популярен и уважаем в дипломатических кругах Запада. Назначение Мичуновича, который, по словам Риддльбергера, «не являлся дураком и был предан интересам Югославии», отражало значимость, которую придавал Тито югославо-советским отношениям. Он был способен, по мнению США, отвечать необходимости иметь умелого представителя, который был способен персонально сотрудничать с лидерами СССР, а также справляться с давлением на Югославию с целью установления более тесных связей»[3].

Но как показали события XX съезда коммунистов СССР, Н. Хрущев пошел еще дальше, чем даже предсказывали прогнозы ЦРУ, когда обратился с «секретной речью, осуждавшей Сталина и его террор, а также высказал собственные взгляды на проблемы советской внешней и внутренней политики». В частных беседах, однако, югославские лидеры искренне удивлялись, почему, если Н. Хрущев действительно инициировал кардинальные перемены, он держал подробности своей речи в секрете. Тем не менее, югославские лидеры заключали, что речь Хрущева, произнесенная на съезде, по всей вероятности будет оказывать положительное влияние на состояние югославо-советских отношений[4].

---

[1] NSC 5601. «U.S. Policy Toward Yugoslavia», 9 January 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 707–714.
[2] Riddleberger to Dulles, 1 February 1956, RG 59, № 880, 661. 68/2–156 in NA, Washington D.C., USA.
[3] Riddleberger to Dulles, 17 February 1956, RG 59, № 967, 661. 68/2–1756 in NA, Washington D.C., USA.
[4] Veljko Mičunovic. Moscow Diary. – Garden City, New York: Doubleday, 1980. – P. 11–12.

В апреле 1956 года, после того, как Советский Союз объявил о роспуске Коминформа, Тито заявил о своем намерении посетить Советский Союз в июне. Эти события подсказали Риддльбергеру и военному представителю США в Белграде идею поставить Югославии два истребителя «F-86E» до визита Тито в Москву, «что могло принести определенные выгоды США»[1].

Но как будет воспринят этот жест в Югославии? По мнению югославской стороны, изменения внутри Советского Союза снизили напряженность в мире и сделали разоружение вполне вероятным.

Таким образом, необходимость в военной помощи Запада стала менее актуальной для Югославии. Тем не менее, балканская страна не стремилась целиком свернуть военное сотрудничество с США. Представители Югославии выражали также «надежду, что США не будут «увязывать» военную и экономическую помощь. Тем не менее, в начале мая 1956 года югославские дипломаты проинформировали посла США в Югославии Риддльбергера, что «югославская сторона не намерена полностью выполнять договоренности, достигнутые между США и Югославией в октябре 1955 года, призывающие к увеличению числа американских военных инспекторов в балканской стране. Кроме того, было подчеркнуто, что правительство Тито не планировало продолжать дискуссии по вопросам будущей военной помощи. Югославский дипломатический представитель охарактеризовал вышеуказанные шаги как действия, осуществляемые в соответствии с югославской политикой развития «невоенного» сотрудничества между государствами. Тем не менее, Риддльбергер подозревал, что югославы предприняли подобные действия, предполагая, что США намерены были продолжать военную помощь в любом случае.[2]

Таким образом, югославы, казалось, были намерены ограничить воплощение так называемой стратегии «вбивания клиньев», но администрация США в такой же степени была заинтересована оставаться доминирующим партнером в американо-югославских отношениях. Тем не менее, Государственный Департамент посоветовал послу США в Югославии Риддльбергеру быть искренним и твердым в своих позициях, отражавших национальные интересы Америки. По мнению посла, оборонные нужды Югославии были по-прежнему очень велики, и, следовательно, она имела намерения удовлетворять их за счет военных поставок с Востока.

Даллес проинформировал Риддльбергера, что до тех пор, пока вышеуказанные проблемы не будут обсуждены с югославской стороной, военные поставки, намеченные ранее, должны быть отложены. Даллес добавил также, что программы военной помощи Запада Югославии не могут быть осуществлены до достижения соглашения между двумя сторонами, которое являлось бы взаимоудовлетворяющим.

Все эти шаги должны были показать Югославии истинные намерения внешнеполитических кругов США[3].

Американский Конгресс, однако, фактически накануне визита Тито в СССР, ограничил возможность маневра для президентской администрации, сократив средства для оказания помощи Югославии. В этих условиях югославская сторона продолжала оказывать давление на Риддльбергера с целью продолжения поставок из США достаточного количества пшеницы для покрытия возможного дефицита и для дальнейшего

---

[1] Progress Report on NSC 5601, «United States Policy Toward Yugoslavia» // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 768–773.

[2] FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 720–721.

[3] Dulles to Riddleberger, 9 May 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 720–722.

финансирования. В любом случае, по мнению посла США, было целесообразно отложить все дискуссии по оказанию экономической помощи до окончательных результатов визита Тито в СССР[1].

Во время продолжительного пребывания И. Б. Тито в СССР (он находился с визитом с 2 по 20 июня 1956 года), он и представители советской стороны вели дискуссии по поводу Балканского пакта, принятия Югославией помощи Запада, а также отказа Тито развивать отношения со странами-союзниками только через посредничество СССР. Тито не был готов признать и правительство Восточной Германии, на чем настаивала советская сторона.

По мнению Мичуновича, Хрущев особенно возражал против влияния Тито в странах Восточной Европы, а также отказа югославской стороны от соблюдения принципов идеологического единства. Тем не менее, визит завершился подписанием соглашения по вопросам партийного и межгосударственного сотрудничества, а также изданием так называемой Московской Декларации, которая подтверждала существование различных путей к социализму. Как только Тито покинул Москву, советское руководство собрало лидеров стран-союзников для обсуждения результатов прошедших переговоров. Характерно, что Московская Декларация даже не была упомянута в ходе дискуссии, – это еще раз доказывало Мичуновичу тот факт, что югославо-советские отношения, по пониманию лидеров СССР, не могли иметь положительного воздействия на союзные государства[2].

На пресс-конференции Эйзенхауэра, которая состоялась 6 июня, президент старался избегать вопроса о помощи США Югославии и в то же самое время делая довольно двусмысленные комментарии по вопросам нейтралитета. По мнению Эйзенхауэра, Тито был так хорошо принят в Москве, прежде всего из-за его успешного сопротивления советской гегемонии. По мнению американского президента, «чтобы завлечь Тито, советская сторона должна была пойти на значительные уступки». Озабоченность по поводу возможного распространения югославского примера на страны-союзники, скорее всего, являлась главной мотивационной силой поведения СССР. В конечном итоге, Эйзенхауэр заключил, что «ситуацию с Тито и в целом с Югославией не следует рассматривать как полный проигрыш для США». Но он признал, однако, что «Америка должна несколько переоценить свою политику в отношении этой личности». Американские дипломаты, в своих анализах пребывания Тито в Советском Союзе, признавали, что связи между Югославией и СССР «были приведены в гармонию», но все-таки рассматривали Югославию больше как «попутчика», чем члена блока. Что было особенно неожиданно для американской стороны – так это восстановление партийных связей, а также желание Югославии разделить советские внешнеполитические позиции. В этих условиях советская сторона делала все возможное, чтобы создать впечатление о полном порядке в отношениях между двумя странами, югославские же лидеры стремились уверить Запад, что примирение с СССР никак не повлияло на сотрудничество Югославии с США и другими членами НАТО.

Воздействие же югославо-советского примирения на страны-союзники Советского Союза оставалось довольно неясным. Лидеры СССР, безусловно, стремились «замарать» независимое положение Тито в глазах «членов мировой системы социализма», инициативу, направленную на улучшение отношений, и, следовательно, «позволили»

[1] Riddleberger to Dulles, 28 May 1956, RG 59, № 1450, 768.5 MSP/5–2856 in NA, Washington D.C., USA.
[2] Riddleberger to Dulles, 28 May 1956, RG 59, № 1450, 768.5 MSP/5–2856 in NA, Washington D.C., USA.

Югославии иметь «специальный» статус среди социалистических стран. Характерно, что восстановление партийных связей с Югославией было фактически единственным ощутимым выигрышем для СССР, однако, и это произошло на «условиях Тито», который искренне надеялся использовать восстановление партийных связей для увеличения влияния на страны-союзники[1].

Риддльбергер, однако, не был столь оптимистичен в своих оценках. На его взгляд, югославо-советская встреча показала, что Тито вновь находился под влиянием советских позиций, несмотря на его постоянные заявления о независимости.

Следует заметить, что в вышеописанных условиях американо-югославские отношения оставались по-прежнему достаточно неопределенными. Посол Мичунович отмечал в своем дневнике, «что отношение США к Югославии значительно ухудшилось в результате визита Тито в СССР. США были уверены, что Югославия вновь оказалась в подчинении СССР, в то время как Советский Союз не был доволен вновь проявленной самостоятельной позицией Югославии[2].

Таким образом, когда посол Югославии в США Матес встретился с Даллесом в конце июня 1956 года, он заверил государственного секретаря, что Тито был абсолютно убежден в том, что в Советском Союзе произошли коренные изменения в отношении к странам-союзникам и что они были способны проявлять гораздо большую независимость. Он предупредил также, что у правительств этих стран нет враждебности по отношению к СССР. Ответ Даллеса представлял очень большой интерес для понимания позиции Государственного секретаря.

Даллес заметил, что идея существования «санитарного кордона» враждебных государств вокруг Советского Союза канула в прошлое. Советский Союз превратился в великую державу, предназначенную иметь дружественные страны вокруг себя, такие как Финляндия или Югославия. По мнению государственного секретаря, Европа была бы гораздо более здоровой, если бы СССР был окружен дружественными, но не подчиненными, зависимыми государствами. Однако Советскому Союзу не было разрешено расширять сферы своего влияния к самому центру Европы. Распространение советского влияния после Второй мировой войны отвечало необходимым нуждам, вся же остальная Европа должна была оставаться независимой». Югославский посол и Даллес сошлись во мнении, что Тито имел схожие взгляды и что Югославия представляла собой образец независимости для стран-союзников[3].

Тем не менее, в июне 1956 года состоялись выступления рабочих в Познани. Волнения, вызванные общей непопулярностью коммунистического режима, а также серьезными экономическими проблемами, были значительно простимулированы десталинизацией, а также улучшением отношений СССР и Югославии. Несмотря на то, что выступления рабочих были подавлены вооруженной силой, Тито высоко оценил ответ польского правительства. Коммунисты-реформисты, фактически, оказались у власти, и, таким образом, тенденции десталинизации были сохранены[4]. Средства массовой информации коммунистических стран начали печатать статьи с нападками на советское руководство.

---

[1] Intelligence Brief № 1952, 22 June 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 728–730.

[2] Mičunovič V. Moscow Diary. – P. 60.

[3] David E. Mark, memorandum of conversation, 29 June 1956, RG 59, 661.68/6-2956 in NA, Washington D.C., USA.

[4] Wilson Duncan Tito's Yugoslavia. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 102.

В этих условиях Совет Национальной Безопасности заключил, что титоизм по-прежнему оставался разрушительной силой, и, таким образом, примирение Советского Союза и Югославии в некоторой степени нейтрализовывало его привлекательность для правительств государств-сателлитов. Кампания по десталинизации и примирение с Тито продолжали создавать определенные проблемы для Советского Союза, но, исходя из анализа всех обстоятельств, администрация США не видела возможностей для немедленного прекращения советского контроля над Восточной Европой[1].

В своей аналитической записке ЦРУ предупреждало, что хрущевская критика Сталина вовсе не означала какое-либо расхождение с принципами марксизма-ленинизма. Предполагалось использовать новую и улучшенную тактику, а именно: некоторые меры по поощрению децентрализации и определенной независимости для стран внутри советского блока, что, в общем-то, служило достижению тех же самых целей. Таким образом, ЦРУ не замечало кризиса внутри коммунистического движения, но предостерегало об опасности увеличения советского влияния, частично основывающегося на манипуляциях титоизмом; что, в конечном итоге, могло негативно сказаться на положении государств Запада[2].

Таким образом, ситуация, существовавшая из-за достаточно неопределенного отношения Тито как к советскому блоку, так и к Западу, заставила Эйзенхауэра и Даллеса воплощать политику, изложенную в Директиве Совета Национальной Безопасности № 5601, и отложить недавно возобновленную программу помощи Югославии[3]. Даллес по-прежнему считал, что позиция Тито, основывавшаяся на независимости, не претерпела изменений. Тем не менее, оправдание продолжения помощи Югославии являлось чрезвычайно трудной задачей, особенно в свете советско-югославских визитов. Администрация президента вынуждена была в определенной степени манипулировать как Конгрессом, так и Югославией для достижения желаемых целей. Но, по-прежнему не было никакой ясности, что приостановка военных поставок в Югославию, могла бы оказывать какое-либо серьезное воздействие на «поведение» Тито. Разведывательное сообщество США было абсолютно уверено, что помощь США не имела никакого воздействия на связи Тито с коммунистическим миром. Если бы Тито был убежден, что помощь могла быть приостановлена, он бы попытался «смягчить позицию Запада», но общее направление его политики все равно не изменилось бы[4]. Тито, однако, вовсе не имел подобных страхов. Первого августа 1956 года Белградское посольство сообщило, что югославская сторона была абсолютно убеждена, «что требования внешней политики США диктовали продолжение американской помощи Югославии». Споры в Конгрессе, которые вела администрация США от имени Югославии, только укрепили ее уверенность. Югославская сторона было абсолютно убеждена в том, что администрация Эйзенхауэра найдет необходимый выход, в противном случае, по мнению югославов, она нанесет вред самой себе. Интересно, что югославское руководство плохо представляло себе ту роль, которую играл Конгресс в политической системе США, и

---

[1] NSC Report, 3 July 1956, with enclosure, «Draft Statement of Policy by the National Security Council on United States Policy toward the Soviet Satellites in Eastern Europe» // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 25. – P. 190–194.

[2] CIA, CIA/SRS-2, «The Present Communist Controversy: Its Ramifications and Possible Repercussions», 15 July 1956, Eisenhower Papers, PAP, Whitman File, Administrative Series, File: Dulles, Allen (3). Eisenhower Library. Abilene, Kansas.

[3] Report by the Operations Coordinating Board, 24 April 1957, Progress Report on NSC 5601, «United States Policy Toward Yugoslavia» // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 768–773.

[4] «Yugoslavia's International Position», 24 July 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 736–737.

просто считало, что если президент и Государственный секретарь поддерживали и выступали от их имени, помощь должна быть автоматически продолжена[1].

Чрезвычайно интересно отреагировала югославская сторона на приостановку помощи со стороны США: балканское руководство заявило, что намерено, скорее всего, получить необходимое количество пшеницы из других источников, прежде всего, из СССР и Сирии. Согласно мнению американских дипломатов, Югославия не желала вышеуказанной проблемой нанести вред своим взаимоотношениям с США. Даже информация о приостановке поставок вооружений в Югославию была очень спокойно встречена балканским руководством.

Что же касается ее внешнеполитических позиций, то правительство Тито продолжало дрейф в сторону социалистического мира.

В сентябре 1956 года югославское правительство объявило о подписании долговременных соглашений с Советским Союзом и Восточной Германией о развитии производства алюминия. Это сблизило еще больше Югославию и соответственно уменьшило привлекательность подобных связей для инвесторов на Западе[2].

Интересно отметить, что в рассматриваемый период внешняя политика Тито не оставляла оснований для оптимизма политической элиты Америки; а его нейтральная позиция являлась противоположной «интересам США» с точки зрения ее влияния на другие государства. Но, по-прежнему, оставалась опасность, что полное прекращение помощи США заставило бы Югославию еще больше интегрироваться в советский блок[3].

Таким образом, в 1956 году после продолжительного периода экономической и военной помощи США не были способны контролировать политику Тито так же, как и в 1950 году. Точность замечания посла США в Югославии Аллена была подтверждена временем о том, что США не следовало особенно жалеть независимый дух Тито, поскольку этот же самый дух вызвал разрыв со Сталиным. Но наиболее сокровенная надежда американских политиков о том, что Тито вполне мог способствовать развитию настроений независимости среди стран- союзников СССР еще не была проверена. На желании «использовать Тито для освобождения Восточной Европы» от советского влияния, и держалось будущее состояние взаимоотношений Югославии и США.

В то время, как Эйзенхауэр размышлял, как продолжить помогать Югославии, Тито послал ему пространное письмо, в котором высказал уважительное отношение к «стратегии вбивания клиньев», а также к ряду проблем, связанных с ней. Вначале он поблагодарил Эйзенхауэра за оказанную помощь, предоставляемую, по словам Тито, без всяких предварительных условий, а также без опасности вреда для независимости Югославии. Тем не менее, Тито выразил сожаление по поводу дискуссий, имеющих место в США, о том, «насколько хорошо себя вело правительство Югославии и стоило ли в этой связи оказывать ему военную и экономическую помощь в будущем и на каких условиях». Тито заверил Эйзенхауэра, что политика Югославии в отношении Запада не претерпела изменений, а улучшение отношений с Советским Союзом и Восточной Европой внесло свой положительный вклад в разрядку напряженной ситуации в этой части мира. Его «миссия мира в СССР» имела целью продолжить этот процесс; Тито и его правительство вполне были «способны осуществлять подобные шаги без

---

[1] Belgrade to Dulles, 1 August 1956, RG 59, № 165.768.5 – MSP/8–156 in NA, Washington D.C., USA.

[2] Beam to Dulles, 4 September 1956, RG 59, 611.68/9 – 456 in NA, Washington D.C., USA.

[3] Progress Report on NSC 5601, «United States Policy Toward Yugoslavia», 5 Sept. 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. 26. – P. 740–746.

какой-либо угрозы для независимости Югославии». Но, с другой стороны, по мнению Тито, было нелогично для Югославии принимать в дальнейшем военную помощь со стороны США и в то же время – продолжать стремиться оказывать положительное влияние на международные отношения. Тито выразил благодарность администрации США за ее усилия и стремления добиться ее предоставления со стороны Конгресса, но, поскольку, как показала ситуация, это оказалось огромной проблемой, ее прекращение также способствовало бы дальнейшему развитию дружественных отношений и сотрудничества между двумя странами. Будущее сотрудничество, по мнению Тито, не должно было создавать трудностей для администрации или унижать Югославию, но в то же время оно могло включать обеспечение Югославии сельскохозяйственной продукцией и, кроме того, современными военными самолётами.

Тито завершал письмо вопросом о реакции США на его предложения, но Эйзенхауэр ответил далеко не сразу[1].

В этих условиях, Советский Союз продолжал свои попытки «втянуть» Югославию в орбиту стран-союзников. В конце августа 1956 года, Хрущев выразил желание встретиться с И. Б. Тито в середине сентября, находясь на отдыхе в Крыму. Хрущев пригласил И. Тито провести неделю на Черноморском побережье с пользой для обеих сторон. Что же касалось реакции Тито, то он «принял все предложения Хрущева», но, правда, ответил с недельным опозданием[2].

В ходе встречи была достигнута договоренность о приезде Хрущева в Югославию, но, перед этим, Советский Союз разослал странам-союзникам послания, носившие антиюгославский характер. В циркуляре, направленном всем Коммунистическим партиям, подчеркивалась ведущая роль Коммунистической партии Советского Союза, несмотря на существование различных путей движения к социализму; верность принципам марксизма-ленинизма также объявлялась незыблемой. В письме отрицался факт принадлежности Тито к «лагерю» настоящих коммунистов; партийные лидеры предостерегались от следования его примеру, а Югославия осуждалась за развитие тесного сотрудничества с Западом[3].

Несколькими неделями позже Югославия вновь начала оказывать давление на США с целью возобновления поставок пшеницы. Эти просьбы стали поступать сразу после визита Хрущева в Белград. Администрация Эйзенхауэра не была уверена в причинах поездки Хрущева в Югославию, но подозревала, что она была обусловлена противоречиями по поводу отношения к странам-союзникам. Администрация США высказывала предположение, что Советскому Союзу, скорее всего, не удастся поколебать позицию Югославии в этом вопросе, и двум государствам придется искать компромисс[4].

На этом фоне Даллес встретился с Эйзенхауэром 11 октября 1956 года и проинформировал его о существовании единого мнения в Государственном Департаменте о необходимости помощи Югославии.

В сущности, фактически ничего не изменилось со времени принятия решения о приостановке военной помощи Югославии летом 1955 года. Интересно, что политиче-

---

[1] Tito to Eisenhower, 26 August 1956, Eisenhower Papers, Whitman File, International Series, Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

[2] Mičunovic V. Moscow Diary. – P. 102–104.

[3] FRUS. – 1955–1957. – Vol. XV. – P. 242–243. Clissold St. Yugoslavia and the Soviet Union 1939–1973. – A Documentary Survey. – London: Oxford University Press, 1975. – P. 43.

[4] Bohlen to Dulles, 3 October 1956, RG 59, № 732, 661.68/10–356 in NA, Washington D.C., USA.

ские аргументы гораздо в большей степени, чем военные, служили основой для принятия решения о помощи Югославии со стороны администрации США. По-прежнему существовала надежда, что Тито мог быть «привязан» к Западу самыми различными способами. Стремление и необходимость иметь определенный контроль над переговорами с Конгрессом, а также страх, что военное оборудование, посланное в Югославию, могло самым неожиданным образом попасть в руки Советского Союза, диктовали задержку едва возобновленной программы военной помощи Югославии летом 1956 года.

Таким образом, Советский Союз, фактически, оставался действительным арбитром американо-югославских отношений.

Тито, в свою очередь, негативно отозвался об условиях предоставления помощи, заявив, что не видит какой-либо угрозы независимости Югославии со стороны Советского Союза.

Риддльбергер считал, что «тщеславие Тито» было уязвлено замечанием Эйзенхауэра – относительно неспособности Югославии рассматривать Советский Союз как потенциальную опасность, а также отказом администрации США принять «югославскую» интерпретацию недавних переговоров с советской стороной. Риддльбергер посоветовал Эйзенхауэру «несколько смягчить тон в отношении Югославии», заверив ее в продолжающейся экономической помощи со стороны Запада[1].

Таким образом, в сложившейся обстановке администрация Эйзенхауэра «боролась», чтобы сохранить связи с Югославией, но на собственных условиях.

Тито, однако, практически не имел иллюзий в отношении Советского Союза. По его мнению, и Белградская, и Московская Декларации не принесли каких-либо изменений в политику СССР в отношении стран-союзников. Посол Югославии в СССР Мичунович, наблюдая за поведением Советского Союза на протяжении лета и осени 1956 года, заключил, «что доминирование СССР в Восточной Европе также дорого Хрущеву, как и любому другому сталинисту»[2].

Глубина разногласий, существовавших между Советским Союзом и Югославией, а также тщетность политики Даллеса, направленной на «освобождение стран-сателлитов» проявились в ходе венгерских событий 1956 года. Когда советские войска вторглись в Венгрию 4 ноября 1956 года, И. Надь получил убежище в посольстве Югославии в Будапеште; и СССР очень быстро обвинил Югославию в поддержке венгерской контрреволюции.[3] В своей речи в Пуле 11 ноября 1956 года Тито публично осудил первую интервенцию СССР, а также советские и венгерские политические подходы, которые вызвали ее, но в то же время, изображая вторую как необходимое «зло» для спасения социалистической системы и предупреждения интервенции со стороны Запада. Тито также подверг критике властные подходы сталинистов, которые вновь вернули себе власть внутри кремлевского руководства[4].

Советские руководители вызвали Мичуновича, чтобы проинформировать о том, что «все дружественные отношения между двумя странами пришли к концу»[5]. Советская сторона полностью отвергла критику Тито, перечислив все «недостатки» общественной системы Югославии, а также ее связи с Западом, что делало Югославию

---

[1] Riddleberger to Dulles, 23 October 1956, RG 59, № 530.768.5–MSP/10–2356 in NA, Washington D.C., USA.
[2] Mičunovic V. Moscow Diary. – P. 124.
[3] Mičunovic V. Moscow Diary. – P. 143–145.
[4] Clissold St. Yugoslavia and the Soviet Union. 1939–1973. – P. 263–268.
[5] Mičunovic V. Moscow Diary. – P. 162.

чрезвычайно «плохим примером для подражания со стороны других государств»[1]. В конце ноября югославская сторона, получив заверения от Венгрии, что Надь и его сторонники не будут арестованы, разрешила реформистам покинуть посольство. Советские власти немедленно арестовали Надя и его сторонников и отправили их в Румынию.[2]

Администрация Эйзенхауэра выразила надежду, «что Югославия использует все свое влияние на советское руководство, чтобы уменьшить кровопролитие в Венгрии[3]. Югославия уклонилась, однако, сомневаясь в выгоде подобного подхода, и воздержалась при голосовании по вопросу обсуждения кризиса в Венгрии в Совете Безопасности ООН[4].

31 октября 1956 года, буквально перед второй интервенцией СССР, Совет Национальной Безопасности пересмотрел основные доктринальные положения политики поощрения «титоистских» режимов в странах-союзниках в свете выступлений в Польше и Венгрии. Несмотря на то, что значительная часть населения в каждой из стран «демонстрировала «антирусские» и «антикоммунистические» настроения, Советы показали в Венгрии, что намерены использовать силу для предупреждения каких-либо изменений в блоке во главе с СССР». Однако отсутствие подобной интервенции в Польше было более позитивным сигналом, свидетельствовавшим, что «коммунистическое правительство, которое оставалось верным военному и политическому союзу с СССР, имело возможность «идти собственной дорогой к коммунизму». Совет Национальной Безопасности США рекомендовал впоследствии пересмотреть основные направления политики в отношении стран Восточной Европы[5].

Когда же Советский Союз вторгся в Венгрию 4 ноября, США вновь начали работать в Совете Безопасности для созыва чрезвычайной сессии Генеральной ассамблеи ООН[6]. На собрании Совета Национальной Безопасности 8 ноября 1956 года Эйзенхауэр согласился с оценкой, «что грубое подавление Советами революции в Венгрии являлось горькой пилюлей, которую необходимо было проглотить»; однако, он не видел иных возможностей для действий со стороны США кроме как использовать эту ситуацию «для привлечения внимания к репрессивной природе советской системы»[7]. Администрация США при выработке новой политики в отношении стран Восточной Европы столкнулась с рядом трудностей. Центральной проблемой оставалось противоречие между традиционной антикоммунистической позицией США и провозглашенной Советом Национальной Безопасности целью-поощрением развития «национальных путей» к социализму как первого шага в сторону от «коммунистической ортодоксии». Недавние события в регионе продемонстрировали «более точное определение» термина «национальный коммунизм», но США должны были четко демонстрировать «свое желание» поддерживать изменения посредством лишь «эволюционных мер»[8].

---

[1] Clissold St. Yugoslavia and the Soviet Union. 1939–1973. – P. 266–270.

[2] Phyllis Auty. Tito: A Biography. – New York: Mc Graw Hill. – 1970. – P. 345.

[3] Dulles to Embassy in the United Kingdom, 25 October 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. XV. – P. 292–293.

[4] FRUS. – 1955–1957. – Vol. 25. – P. 298.

[5] NSC 5616, «U.S. Policy on Developments in Poland and Hungary», 31 October 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. XV. – P. 354–358.

[6] FRUS. – 1955–1957. – Vol. 25. – P. 388–389.

[7] Memorandum of Discussion at the 303d Meeting of the National Security Council, 8 November 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. XV. – P. 418–421.

[8] «Progress Report on the Soviet Satellites in Eastern Europe», 20 November 1957 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. XV. – P. 690–698.

Эти соображения служили для подчеркивания роли Тито как «миролюбивой альтернативы» советскому доминированию и подсказывали Эйзенхауэру необходимость ответить на письмо Тито, написанное еще в августе. В нем Эйзенхауэр высказал намерение США «предоставить помощь без всяких предварительных политических условий тем странам, которые встали на путь настоящей национальной независимости». Эйзенхауэр высказал сожаление, что Югославия не осудила целиком советские действия, но, однако, высоко оценил поддержку Тито «призыва ООН к выводу советских войск с территории Венгрии». Письмо заканчивалось приглашением Тито посетить Вашингтон в будущем году[1]. Югославский лидер ответил безусловным согласием[2].

К середине ноября 1956 года администрация США, уверенная в роли Югославии как главного двигателя эволюционных изменений в странах-членах советского блока, посчитала необходимым возобновить поставки военной техники, включая самолеты, в Югославию. Главной целью данного шага являлось вознаграждение и поощрение Югославии, а также поддержка оборонной ориентации балканской страны, преимущественно, на Запад на как можно более длительный срок».

Однако в конце декабря министр обороны Югославии Иван Гозняк объявил, что его страна не будет получать дополнительную военную помощь со стороны США по причине изменившейся международной обстановки, а также неопределенности в условиях предоставления помощи[3]. Отношение Тито было достаточно понятным: угроза атаки на Югославию со стороны Советского Союза миновала. Роль Тито как моста между Востоком и Западом требовала не быть заложником ни той, ни другой стороны в проводимой политике. К сожалению, для американских дипломатов стало понятным, что невозможно поощрять независимость Тито от Восточного блока без таких же последствий для Запада.

Таким образом, решение Тито отказаться от военной помощи Америки снизило значимость его режима для администрации Эйзенхауэра. Дополнительные ограничения на внешнюю политику обоих государств были внезапно наложены, когда стало широко известно о предполагаемом визите Тито в США.

17 декабря 1956 года «Нью-Йорк Таймс» сообщила о готовности администрации Эйзенхауэра принять Тито[4].

Интересно, что в этих условиях, многие депутаты Конгресса высказывались против визита главы коммунистического государства в США, мотивируя свою позицию его тоталитарными взглядами, а также прошлым отношением к кардиналу Степинацу[5]. Тем не менее, Даллес признал, что, несмотря на возможные критические отношения, администрация взяла на себя необходимые обязательства в этой связи и строго намерена их соблюдать. Характерно, но, несмотря на решимость администрации, противодействие Конгресса предстоящему визиту продолжало нарастать. В конце января ряд членов Палаты Представителей, собрав протесты католически настроенных депутатов, а также групп ветеранов, подготовили петицию для Эйзенхауэра против возможного визита Тито в США. Несколькими днями позже, в Конгрессе, была представлена резолюция, запрещавшая использование Федеральных фондов не только для визита Тито,

---

[1] Eisenhower to Tito, 12 November 1956 // FRUS. – 1955–1957. – Vol. XVI. – P. 754–756.

[2] Belgrade to Secretary of State, 28 December 1956, RG 59, № 918.768.5. – MSP/12 – 2856 in NA, Washington D.C., USA.

[3] Там же.

[4] Raymond J. Eisenhower to Ask Tito to visit U.S. // New York Times. – 1956. – 17 December. – P 1, 6.

[5] Raymond J. Two in Congress Balk over Expected Bid for a Visit by Tito // New York Times. – 1956. – 22 December. – P. 1, 6.

но также для визитов любых других официальных лиц, представлявших коммунистические государства.

В конечном итоге, США и Югославия пришли к общему мнению о невозможности приезда Тито на рассматриваемом этапе. Чрезвычайно интересно, что Эйзенхауэр придерживался абсолютно иного мнения, «считая необходимым встречаться с любыми лидерами государств с самыми разными политическими системами, если это могло помочь решению проблем, существовавших в мире».

Политический обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Джеймс Рестон отмечал в этой связи серьезное поражение американского президента, пытавшегося развить новые контакты между США и странами-сателлитами СССР в Восточной Европе. По его мнению, США вовсе не стремились абсолютно прерывать связи с государствами, имевшими различные социальные и политические системы[1].

В этих условиях Югославия, находясь опять в сложных отношениях с СССР после подавления венгерского восстания, обратилась к США с просьбой возобновить поставки военного оборудования, о чем и было заявлено в январе 1957 года[2].

Прошло, однако, достаточно большое количество времени, прежде чем было принято решение о возобновлении военных поставок Югославии. 1 апреля 1957 года Даллес вынес соответствующее решение.

В заявлении Совета Национальной Безопасности отмечался по-прежнему негативный характер внутренней политики Югославии, особенно в связи с преследованиями Милована Джиласа, но, тем не менее, подчеркивалось ярко выраженное желание Югославии обращаться за помощью к Западу, и особенно США, но наиболее значимыми для нее экономическим вопросом.[3]

В этой обстановке для укрепления связей Югославии и Запада администрация Эйзенхауэра в конце концов предоставила Югославии столь долго откладываемую военную помощь весной 1957 года.

Новые основания для поддержки Югославии выявились в середине мая 1957 года. Государственный Департамент, подозревая возможную критику со стороны общественного мнения и Конгресса, подтвердил в своем пресс-релизе, что президент, согласно закону, принятому Конгрессом в 1956 году, имел право возобновлять поставки помощи, если был убежден, что Югославия боролась за поддержание своей независимости. Отмечалось также, что Югославия находилась в неблагоприятном положении, в то время как страны-члены Варшавского договора получали современное вооружение из СССР.

Характерно, что Даллес проинструктировал представителей Министерства обороны США о намерении администрации посылать Югославии не более 10 самолетов каждый месяц до ноября 1957 года, когда будут определены дальнейшие перспективы взаимодействия двух стран. В этих условиях вышеупомянутый сенатор Кноуленд вновь занял позицию противодействия оказания какой-либо помощи правительству Тито.

Эйзенхауэр, будучи реалистом и понимая суть режима Тито, тем не менее, продолжал проводить работу с членами Конгресса, пытаясь получить как можно больше гарантий продолжения помощи таким нейтральным странам, как Индия и Югославия,

---

[1] Reston J. A Policy Boomerangs // New York Times. – 1957. – 4 February. – P. 7.
[2] Riddleberger to Dulles, 10 January 1957, RG 59, № 987, 768.5–MSP/1–1057 in NA, Washington D.C., USA.
[3] 22 Senators Join Plea for Djilas' Freedom // New York Times. – 1957. – 13 January. – P. 22.

видя это как часть политики по обеспечению национальной обороны США. В частности, в своем разговоре с сенатором-республиканцем Бриджесом, который был ярым противником оказания какой-либо помощи Югославии, Эйзенхауэр делал акцент на том, что единственным способом избежать войны и разрушений для США – являлось создание системы коллективной безопасности. По мнению Эйзенхауэра, США могли бы потерять 85 млн. убитыми и ранеными в результате единственной ядерной атаки, следовательно, по мнению президента, необходимо было сделать все возможное, чтобы избежать войны. В этих условиях необходимо было предотвратить распространение коммунистической системы на весь мир, и, согласно взглядам президента. Программа взаимной помощи, предложенная США, и служила вышеуказанным целям предотвращения полной зависимости стран от социалистического блока.

Югославия, по мнению Эйзенхауэра, и была именно тем случаем: Тито успешно «порвал с Кремлем», и американский президент ни в коей мере не желал для него безвыходного положения и вновь возвращения в советский блок[1].

Югославская сторона, однако, в этих условиях не очень «жаловала» увязывание Эйзенхауэром проблемы помощи с колебаниями в советско-югославских отношениях. Они также не были удовлетворены количеством предполагаемых поставок[2].

К концу мая 1957 года ЦРУ отметило, по крайней мере, частичное перемирие в идеологической и политической войне между Белградом и Москвой. Аналитики ЦРУ делали вывод, что навряд ли взаимоотношения СССР и Югославии могли быть такими теплыми, как в 1956 году, но предполагали, что Советы достаточно уверенно чувствовали себя в противодействии давлению «национальных коммунизмов» и, следовательно, можно было разрешить сателлитам заключить мир с Тито[3].

Публично, в своих высказываниях, Тито сводил к минимуму разногласия между Югославией и Советским Союзом и в то же время воодушевлял политические силы в Восточной Европе, настроенные на перемены, отвечая тем самым интересам США. В июне 1957 года в интервью на американском канале CBS Тито подчеркнул, что и Югославия, и Советский Союз строили социализм, но различными методами. Он не был склонен характеризовать события 1956 года в Польше, как результат стремления к «национальному коммунизму», а скорее как «сопротивление политике, осуществляемой в годы правления Сталина». Он также предостерег Запад от напрасных ожиданий, что перемены, подобные событиям в Польше, могли бы привести к восстановлению прежних порядков в странах советского блока[4].

Тем не менее, в августе 1957 года Хрущев и Тито встретились в Румынии. Оба лидера согласились сглаживать различия в подходах между странами во имя единства социалистических стран и сотрудничества, а также во имя согласования внешнеполитических позиций. Государственный секретарь Даллес, однако, выразил удивление по поводу произошедшего. Впоследствии, в своем письме в Конгресс, Даллес охарактеризовал встречу, как событие, в ходе которого Тито получил со стороны СССР подтверждение принципов и положений Белградской и Московской Деклараций. По мнению

---

[1] Raymond J. «U.S. Ban on Arms to Belgrade Ends» // New York Times. – 1957. – 15 May. – P. 13.

[2] Conversation between the President and Senator Styles Bridges, 21 May 1957, Eisenhower Papers, Whitman File, Diary Series, Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

[3] Richard H. Davis to Dulles, 11 June 1957, RG 59, № 2679, 661.68/6–1157 in NA, Washington D.C., USA.

[4] Knight W. McMahan, Acting Assistant Director Current Intelligence, to Deputy Director (Intelligence), «Communist Propaganda in Policy, Perspective, 24–29 May 1957», 31 May 1957, Eisenhower Papers, PAP, Whitman File, Administrative Series, File: Dulles, Allen (3), Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

Даллеса, Тито никогда не отрицал, что являлся коммунистом, но по-прежнему провозглашал свою свободу от «советского господства»[1].

Риддльбергер, однако, считал согласованные позиции Югославии и Советского Союза по ряду вопросов внешней политики достаточно предсказуемыми и предвидел их усиление в будущем[2].

В течение последующих нескольких месяцев Югославия связала себя в большей степени с советской, чем с внешней политикой западных стран, что и предсказывал Риддльбергер, но, тем не менее, продолжала рассчитывать на помощь США. Осенью 1957 года Министр финансов Югославии прибыл в Вашингтон для обсуждения финансовых вопросов.

Интересно, что в ноябре 1957 года отношения между СССР и Югославией вновь осложнились. Советский Союз, готовясь отметить сороковую годовщину победы Октябрьской революции, издал проект Декларации, которую должны были подписать лидеры социалистических стран, находясь на торжествах в Москве. Тито, прочитав проект, отказался приехать на празднования «социалистической солидарности» в Москву. В проекте Декларации Советский Союз провозглашался лидером мирового коммунистического движения, и отрицалась всякая возможность развития отношений со странами Запада. Аллен Даллес рассматривал отказ Югославии подписать Декларацию как чрезвычайно важный признак продолжавшейся независимой политики Югославии.

Тем не менее, когда посол США в Югославии Риддльбергер встретился с Тито 6 декабря 1957 года, последний вновь подтвердил свое предложение, озвученное им в письме Эйзенхауэру в августе 1956 года, и попросил посла США о постепенном прекращении военной помощи Югославии. Югославия намеревалась покупать необходимое оборудование и запасные части к нему. Посол Риддльбергер согласился с предложенным решением, как наилучшим выходом в сложившейся ситуации. Впоследствии Риддльбергер вспоминал: «Обе страны, мне казалось, достигли той точки в отношениях, когда были счастливы видеть прекращение военной помощи. Вся процедура стала чрезвычайно сложной, и Тито всегда высказывал недовольство, когда ему приходилось сообщать о деталях использования поставляемого оборудования по программам военной помощи США»[3].

Таким образом, попытки США влиять на американо-югославские отношения посредством задержки поставок по программам военной помощи, начатые после советского визита в Белград в 1955 году, достигли своего апогея в 1957 году. Но именно Югославия, а не США, предпринимала действия, необходимые для снижения напряженности между двумя странами. Тито, после двух лет неопределенности по поводу программы военной помощи США, в конечном итоге выступил за ее полное прекращение. Несмотря на сложные взаимоотношения Югославии и СССР, страхи Тито по поводу безопасности Югославии рассеялись в достаточной степени, чтобы дать ему возможность действовать по собственному разумению, не присоединяясь ни к одному из блоков.

Администрация Эйзенхауэра, признавая свою неспособность контролировать поведение Югославии, все еще надеялась «спасти» что-то из своей политики по поддержке Тито, а также из взглядов Даллеса по поводу привлекательности идей «национального коммунизма».

---

[1] Dulles to Senator John Marshal Butler, 20 Aug. 1957, RG 59, 611.68/8–2057 in NA, Washington D.C., USA.
[2] Riddleberger to Dulles, 7 Aug 1957, RG 59, № 200, 611.68/8–757 in NA, Washington D.C., USA.
[3] Riddleberger to Dulles, 6 Dec. 1957 // FRUS. – Vol. XVI. – P. 803–807.

Тем не менее, американская администрация положила конец тем аспектам отношений, которые не приносили конкретных результатов и оказались контрпродуктивными.

Следует подчеркнуть, однако, что продолжение экономических отношений, в том числе в рамках поставок запасных частей к американскому оборудованию, помогало поддерживать США гораздо менее противоречивые, но все-таки эффективные связи с режимом Тито. «Стратегия вбивания клиньев» все-еще существовала, но в большей степени уже как часть долговременной политической стратегии.

Таким образом, в 1958 году администрация Эйзенхауэра вновь пересмотрела свою политику в отношении Югославии с учетом тех изменений, которые произошли в мире, а также в соответствии с «местом» Югославии в американской стратегии в «холодной войне».

Новые подходы были отражены в директиве Совета Национальной Безопасности № 5805, где вновь подчеркивалось, что правительство США выделило Югославии 1,5 млрд. долларов экономической и военной помощи со времени советско-югославского разрыва отношений в 1948 году.

Военная помощь, однако, была прекращена по просьбе Тито, хотя югославская сторона и продолжала выражать надежду на покупку запасных частей и некоторого оборудования.

В этих условиях поддержка Югославии продолжала оставаться частью политики США, имевшей своей целью содействие достижению полной национальной независимости всеми странами Восточной Европы – союзниками СССР. По мнению американского внешнеполитического ведомства, роль Югославии должна была сводиться к «постоянному напоминанию» режимам стран «социалистического содружества», что они являлись объектами давления со стороны руководства СССР.

Директива Совета Национальной Безопасности подтверждала намерения американской администрации ориентировать режим Тито в направлении политической и экономической либерализации, а также более тесных связей Югославии с Западом, в целом, и с Западной Европой, в частности, но не за счет подвержения риску потенциала Югославии в плане ослабления монолитного единства стран советского блока. На рассматриваемом этапе помощь Америки должна была служить минимальному поддержанию независимости Югославии от советского блока. Следовательно, США намерены были продолжать программу экономической помощи, а также разрешить Югославии покупать военное оборудование так долго, как долго будут существовать американо-югославские политические отношения[1].

Долговременные цели США стали еще более явными, когда администрация утвердила директиву Совета Национальной Безопасности № 5811/1 «Политика США в отношении стран Восточной Европы, находящихся в зоне советского влияния», в которой подчеркивалось, что США должны были содействовать ослаблению блока «государств под руководством СССР и вдохновлять мирную эволюцию восточноевропейских наций в направлении национальной независимости и внутренней свободы, одно-

[1] NSC 5805, «U.S. Policy Toward Yugoslavia», 28 February 1958, plus attachments, Eisenhower Papers, WHO, OSANSA; Records 1952–1961, NSC Series, Policy Papers Subseries, File; NSC 5805/1, «Policy Toward Yugoslavia». Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

временно признавая существование тесного политического и военного контроля Советского Союза[1].

Интересно, что отношения между США и Югославией значительно улучшились, после того, как вопрос военной помощи был разрешен. В январе 1958 года вице-президент Югославии Вукманович-Темпо, с которым американские официальные лица достаточно часто имели дело в прошлом, публично поблагодарил США за политику невмешательства в югославские дела и щедрую экономическую помощь.

Он назвал американо-югославские отношения «образцом сотрудничества между государствами с различными общественными системами и уровнем развития. В качестве очевидного контраста Вукманович-Темпо выразил только надежду на улучшение отношений Югославии и СССР[2].

Советский Союз подверг критике «ревизионизм» новой программы Союза коммунистов Югославии, в которой были зафиксированы внешне- и внутриполитические изменения, произошедшие в Югославии со времени разрыва отношений с СССР в 1948 году.

Интересно, что в этом инциденте, как в зеркале, отразилось как много и, одновременно, как мало изменилось в отношениях СССР и Югославии с 1948 года.

В новой программе югославские коммунисты продолжали отстаивать принцип равенства во взаимоотношениях Советского Союза и государств-членов социалистического блока. Кроме того, они подчеркнули, что советское руководство, признав ошибки прошлого на XX съезде партии, осознало необходимость движения в новом направлении, на что советские лидеры ответили целиком в прежнем духе, назвав югославов «нераскаявшимися» в ошибках националистического характера, совершенных ими в 1948 году.

Теория «югославского социализма» была охарактеризована как «полностью противоположная принципам марксизма-ленинизма»[3].

Все вышеуказанные проблемы в отношениях СССР и Югославии, казалось, отвечали интересам США.

Посол США в Белграде К. Ранкин сообщал в Государственный Департамент, что «потепление в югославо-советских отношениях, имевшее «место с 1955 года», уступило место значительному похолоданию»[4].

Очень скоро, после съезда Союза коммунистов Югославии, советское партийное руководство предъявило ультиматум Югославии, требуя принять принцип идеологического конформизма. Кроме того, Советский Союз отложил выделение обещанного кредита на сумму 285 млн. долларов правительству Тито. В этом же контексте руководство СССР значительно ужесточило политику в отношении государств-союзников, и в июне 1958 года «Радио Москвы» сообщило, что Имре Надь и его сторонники были осуждены и казнены.

В любом случае отказ Советского Союза предоставить помощь Югославии создавал благоприятный пропагандистский предлог для государств Запада, которые могли использовать его для демонстрации вероломной природы СССР. Однако в записке

---

[1] NSC 5811/1 «Statement of U.S. Policy toward the Soviet-Dominated Nations in Eastern Europe», 24 May 1958 // FRUS. – 1958–1960. – Vol. 10(1). – P. 18–31.

[2] Abel Elie «Yugoslav Lauds U.S. Relationship» // New York Times. – 1958. – 11 January. – P. 1, 3.

[3] Clissold St. Yugoslavia and the Soviet Union. – P. 72, 276–278.

[4] Belgrade (Robert B. Hill) to Department of State, 16 February 1959, RG 59, no. 350, «Yugoslavia in 1958 – A Political Evaluation», 768.00/2 – 1659; Karl L. Rankin to Dulles, 30 April 1958, RG 59, no. 1467, 661. 68/4–3058 in NA, Washington D.C., USA.

ЦРУ, подготовленной в начале июля, давалось несколько иное объяснение поведению СССР, испытывавшего давление со стороны китайских коммунистов и, вследствие этого, стремящегося взять на вооружение «более жесткую линию» поведения в блоке и в международных делах[1].

В этих условиях администрация Эйзенхауэра стремилась обеспечить поддержку Конгресса выделению экономической помощи Югославии. Даллес по-прежнему подчеркивал, что Югославия была и будет в дальнейшем независимой от СССР в своей политике[2].

Политика администрации США оказалась успешной, и Югославия была включена в число стран-реципиентов помощи со стороны США. В августе представители американских внешнеполитических кругов объявили о намерении помочь Югославии в выполнении ряда проектов, в некоторых случаях заменяя те, которые были запланированы ранее, в соответствии с предшествующими решениями СССР[3]. Югославское правительство продолжало покупать различные типы военного оборудования в США, а также запасные части для самолетов.

Таким образом, администрация Эйзенхауэра вновь подтвердила свою приверженность политике поддержки югославской независимости[4], которая, по мнению США, по-прежнему оставалась разрушительной силой внутри коммунистического блока. Во внутренней политике поведение Югославии несколько смягчилось, что привело к расширению контактов с Западом, в результате как советского давления, так и воодушевления со стороны США.

Интересно, что связи Тито с нейтральными государствами в Азии и Африке представляли в конечном итоге выигрыш для Запада, поскольку во время визитов Тито в своих выступлениях благодарил США за политику помощи без «жестких условий»[5].

Однако, несмотря на сердечную природу американо-югославских отношений, двойная роль Тито как коммуниста и одновременно, как политика-нейтрала вызывала серьезные противоречия во время нахождения у власти президента Эйзенхауэра. После визита Никиты Хрущева в США в 1959 году югославские руководители выражали удивление, почему Тито так и не посетил Вашингтон, или почему Эйзенхауэр так и не сделал остановку в Белграде во время визита в Европу в ноябре и декабре 1959 года. Для югославской стороны было чрезвычайно важно увидеть, что десятилетие сотрудничества двух стран увенчалось встречей Тито и Эйзенхауэра.

Однако администрация Эйзенхауэра не разделяла этого убеждения. В октябре 1959 года преемник Даллеса на посту государственного секретаря К. Хертер проинформировал югославскую сторону, что расписание Эйзенхауэра было чрезвычайно плотным и нет возможности для Тито приехать в США. Несмотря на удивленную, и одновременно злобную реакцию правительства Тито, администрация США пришла к выводу о несвоевременности визита Тито сразу после приезда лидера коммунистического государства, коим являлся Хрущев[6].

---

[1] NIE, SNIE – 11–8–88, «Implications of Current Soviet Conduct», 8 July 1958 // FRUS. – 1958–1960. – Vol. 10(1). – P. 171–175.

[2] Allen Drury, «Dulles Appeals for Aid to India and Yugoslavia» // New York Times. – 1958. – 25 March. – P. 1, 13.

[3] Allen Drury, «Foreign Aid Voted by House, 259–134» // New York Times. – 1958. – 15 May. – P. 1, 12.

[4] «Yugoslavs Get Pledge» // New York Times. – 1958. – 28 October. – P. 9.

[5] Hill to Dulles, 16 February 1959, RG 59, № 350, 768.00/2–1659 in NA, Washington D.C., USA.

[6] Tito Vows Replies to Soviet Attack // New York Times. – 1959. – 8 March. – P. 13.

В конечном итоге, Тито и Эйзенхауэр встретились осенью 1960 года, на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Во время встречи Тито и Эйзенхауэр обсудили широкий круг вопросов, начиная от контроля над вооружениями и заканчивая вопросами экономического развития[1].

Тито выразил уверенность в том, что, несмотря на враждебность, которую испытывал Китай по отношению, как к США, так и к Югославии, никакие соглашения по разоружению не могли быть успешными без участия китайской стороны, на что Эйзенхауэр ответил, что «ненависть, существовавшая в США по отношению к руководителям красного Китая, была так сильна, что любой политик, советовавший признание, должен был начинать движение в сторону Великобритании». Встреча завершилась взаимными заверениями в дружбе и приглашением Эйзенхауэра посетить Югославию[2].

Таким образом, будучи вовлеченными в югославские дела по причине Второй мировой, а затем «холодной войны», США достаточно быстро стали одним из самых серьезных критиков режима Тито. Неприязнь США к югославской внутренней и внешней политике никогда полностью не исчезала, так же, как и приверженность Тито идеям социализма, но, однако, природа взаимоотношений двух государств постепенно претерпевала определенные изменения.

После разрыва отношений Тито и Сталина в 1948 году администрации Трумэна и Эйзенхауэра видели новые возможности для Запада в развитии связей с режимом Тито. Собственная независимая позиция Тито внесла свой определенный вклад в ослабление советской военной мощи и в дискредитацию тактики СССР в Восточной Европе.

При помощи Запада Тито мог служить «маяком» для стран-союзников СССР, а также как «инструмент» политики США для ослабления советского контроля в Восточной Европе. Югославия, зависимая от Запада в вопросах экономической помощи, имела возможность, по мнению США, присоединиться к НАТО или, по крайней мере, участвовать в вопросах оборонного планирования совместно с Западным альянсом.

И Трумэн, и Эйзенхауэр не стремились требовать каких-либо уступок со стороны Югославии в обмен на помощь, но, однако, оба ожидали сотрудничества со стороны Тито в вопросах внешней политики Запада. Политика Тито, к сожалению, не отвечала этим ожиданиям, несмотря на угрозы США окончательно прекратить оказание помощи.

И, несмотря на восстановление отношений с СССР, Тито категорически отказался вновь подчинить свою внутреннюю и внешнюю политику советскому гегемонизму. Его стремление оставаться и коммунистом, и, одновременно, политиком-нейтралом было значительно более сильным, нежели желание каждой из сторон его контролировать.

И администрации Трумэна, и Эйзенхауэра продолжали высказывать стремления помогать Тито, сражаясь с противниками подобного курса в Конгрессе, проявляя желание не обращать внимания на идеологические разногласия для достижения существенных геополитических преимуществ.

---

[1] «Eisenhower Schedule Precludes Visit by Tito» // New York Times. – 1959. – 10 October. – P. 9 (editorial). «As Belgrade Sees it» // New York Times. – 1959. – 28 November. – P. 20.

[2] C. Douglas Dillon, Memorandum of Conference with the President, 22 September 1960, and Good pastor Memorandum of Conference with the President, 5 October 1960, Eisenhower Papers, Whitman File/International Series, File: Yugoslavia (1); Eisenhower Library, Abilene, Kansas; Eisenhower Dw. Waging Peace. – Garden City, New York: Doubleday, 1963. – P. 583.

Как подчеркивал посол США Аллен в начале 50-х годов, что именно независимый курс Тито привлек внимание США к его политике, но в то же время независимость Тито зачастую была враждебна как Востоку, так и Западу. Даллес в своем постоянном стремлении ослабить и в конечном итоге демократизировать советский блок настаивал на сохранении положения Тито как своеобразного проводника идей либерализма, несмотря на последовательные заявления последнего о верности идеям социализма[1].

После событий в Венгрии и Эйзенхауэр, и Даллес сделали ставку в большей степени на эволюционные, чем на насильственные политические изменения в Восточной Европе. Однако поведение Тито во время кризиса и после заставили администрацию Эйзенхауэра признать, что ни национализм, ни социализм Тито не претерпели никаких изменений.

Независимая, но, по-прежнему социалистическая Югославия не была, безусловно, тем, чем хотели ее видеть и Трумэн, и Эйзенхауэр, оказывая поддержку в конфликте со Сталиным; однако, решимость, проявленная обеими администрациями поддержать Тито у власти, несмотря на природу коммунистической системы, демонстрирует преемственность, которая существовала внутри демократического и республиканского подходов к вопросам противодействия коммунистической угрозе.

Желания Эйзенхауэра и Даллеса использовать приверженность Тито «национальной модели социализма», а также «терпеть» его политику неприсоединения показывают, что они, так же, как и Трумэн, основывали свои внешнеполитические подходы в большей степени не на идеологических, а на геополитических соображениях.

[1] Bohlen, Memorandum of Conversation, 22 September 1960, Eisenhower Papers, WHO, Office of Secretary, International Series, File: Yugoslavia (1), Eisenhower Library, Abilene, Kansas.

ГЛАВА 5.
АМЕРИКАНО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1960–1970)

5.1. Внешнеполитические концептуальные подходы США к странам Центрально-Восточной Европы в 1960–1970 гг.

Следует подчеркнуть, что как в первые годы после окончания Второй мировой войны, так и на протяжении 60–70-х годов XX века три основных фактора определяли внешнеполитические подходы США к странам Восточной Европы:

- во-первых, важнейшее геополитическое и стратегическое значение этих стран в глобальной конфронтации двух сверхдержав;
- во-вторых, влияние эмиграции из Восточной Европы в самих Соединенных Штатах на процесс принятия политических решений;
- в-третьих, традиционная приверженность идеям национального самоопределения и индивидуальных прав и свобод, которые, по мнению американской политической элиты, грубо нарушались в странах советского блока.

Безусловно, согласно оценкам историков, первая причина являлась наиболее важной, в то же время вторая и третья также оказывались значимыми в некоторых специфических аспектах внешней и внутренней политики Соединенных Штатов Америки.

Следует заметить, однако, что некоторые авторы склонны выделять четвертый аспект, такой как экономические интересы бизнес-элиты, торговлю и инвестиции в данном регионе мира, но, на наш взгляд, вышеупомянутый фактор оказывал на принятие политических решений весьма опосредованное влияние и был подчинен достижению более крупных целей.

Характерно, что внешнеполитические подходы США в отношении стран Восточной Европы находились в рамках более широкого контекста отношений по линии Восток-Запад, а именно: контактов самого разного уровня между США и Советским Союзом[1].

На протяжении почти трех десятилетий после 1956 года крупные цели внешней политики США в отношении стран Восточной Европы характеризовались несколькими общими чертами, а именно: необходимостью способствовать достижению национального самоопределения странами Восточной Европы, уважению индивидуальных прав и политических свобод и, в конечном итоге, содействовать постепенному и мирному «освобождению» их от советского политического контроля.

Таким образом, если анализировать в исторической перспективе основные цели внешней политики США в Восточной Европе, то можно отметить, что они не были жестко детерминированы как по содержанию, так и по временным рамкам. До 1956 года, как известно, существовали значительные надежды на повторение пути Югославии, а именно: «отхода» других государств Восточной Европы от магистральной политической линии Варшавского Договора во главе с СССР. В 50-х – начале 60-х

[1] Garthoff R.L. Deténte and Confrontation: American–Soviet Relations from Nixon to Reagan. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1985. – P. 9.

годов произошли определенные перемены в концептуальных внешнеполитических подходах США к странам Восточной Европы и, как отмечает американский политолог А. Рэчвальд, к концу 70-х годов XX века сменилось шесть восточноевропейских доктрин США: «сдерживание», «освобождение», «мирное вовлечение», «наведение мостов», «реальная политика» Г. Киссинджера, которая достигла своей кульминации в «доктрине Сонненфельдта», и «моральная политика администрации Дж. Картера»[1].

Основы долгосрочной восточноевропейской политики США были сформулированы в рассматриваемый период администрацией президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Главный упор был сделан на «непрямые» методы воздействия на страны-союзники СССР, на «размывание» так называемого «социалистического общественного строя». Данные тенденции были впервые обобщены в 1961 году З. Бжезинским и У. Гриффитсом, выступившими в журнале «Foreign Affairs» со статьей «Мирное вовлечение в Восточной Европе». Следует заметить, что предложенная этими авторами концепция «мирного вовлечения» на протяжении длительного периода оказывала, пожалуй, самое главное влияние на внешнеполитическую теорию и практику США.

По мнению авторов статьи, ситуация в Восточной Европе на рассматриваемом этапе характеризовалась значительными изменениями, а именно: кризисом 1956 года в Венгрии и Польше, а также идеологическим конфликтом между СССР и Китаем. Таким образом, сразу после окончания Второй мировой войны, по мнению авторов статьи, восточноевропейские государства имели дело только лишь с СССР, сейчас же они получили возможность маневра между Советским Союзом и Китаем (прежде всего, Албания). Кроме того, согласно оценкам авторов, восточноевропейцы пришли к выводу, что ни США, ни Советский Союз не хотели начала военных действий, следовательно, никакого «западного вмешательства» с целью «свержения» социализма в Восточной Европе нельзя было ожидать. В этом случае, речь могла идти только лишь об эволюционных изменениях внутри самих стран и, таким образом, внутри советского блока[2].

Согласно взглядам З. Бжезинского и У. Гриффитса, в этих условиях США должны были проводить политику в отношении стран Восточной Европы, которую можно было назвать «мирным вовлечением» и которая должна быть направлена на:

– «поощрение» дальнейшего «разнообразия» в политическом и экономическом развитии государств Восточной Европы;

– «стимулирование» большей степени независимости стран от доминирования СССР;

– и в конечном итоге, создание «пояса» нейтральных государств, по примеру Финляндии, которые имели бы «свободу рук» во внутренней политике и, в то же время, не были бы враждебны Советскому Союзу и не принадлежали бы к западным военным союзам».

Таким образом, политика «мирного вовлечения» находилась бы в полном соответствии с долговременной целью США, а именно: содействие существованию свободного, плюралистичного мира с разнообразными политическими и социальными структурами.

---

[1] Rachwald A. United States Policy in East Europe // Current History. – 1978. – April. – № 436. – P. 150.

[2] Brzezinski Zb., Griffith W. Peaceful Engagement in Eastern Europe // Foreign Affairs. – 1961. – July. – № 4. – P. 642.

Политика «мирного вовлечения» в Восточной Европе не включала в себя, по мнению авторов статьи, требования немедленного «устранения» СССР из региона, а она должна была в политическом и моральном смыслах сочетать в себе «требования национального самоопределения в Восточной Европе с усилиями по содействию мирной трансформации существовавших коммунистических режимов, поддерживаемых Советским Союзом, во что-то подобное социал-демократии западного типа, с тесными связями с социально-экономическим развитием Европы в целом»[1].

Указанных целей планировалось достигнуть путем установления «разумно корректных отношений, а иногда даже сотрудничества между США и восточноевропейскими государствам. При этом американская политика должна была осуществляться на двух уровнях: отношения с «режимами как таковыми и народами, которыми они правят»[2].

Принципы «мирного вовлечения» были положены в основу доктрины «наведения мостов», провозглашенную президентом Л. Джонсоном в первой половине 1964 года.

По мнению Л. Джонсона, основной задачей вышеуказанной политики являлось «помочь народам Европы построить континент, на котором и Западная, и Восточная часть смогли бы работать вместе для общего блага, где военные союзы враждебно не противостоят друг другу, а люди координируют усилия для обеспечения безопасности всех»[3].

Президент достаточно откровенно сформулировал цели «мостов возросшей торговли, идей, туризма и гуманитарной помощи».

Во-первых, установить новые отношения со странами, ищущими независимости…

Во-вторых, расположить новое поколение к восприятию ценностей мировоззрения западной цивилизации…

В-третьих, разбудить мощные силы национальной гордости…

В-четвертых, продемонстрировать, что общность интересов и перспектив прогресса для Восточной Европы заложена в более широких отношениях с Западом»[4].

Кроме обозначения общих концептуальных подходов, администрация США несколько детализировала политику «наведения мостов», которая должна была состоять также:

Во-первых, в ликвидации ограничений на экспорт наименований сотен продукции нестратегического характера в страны Восточной Европы;

Во-вторых, в разрешении «Экспорт-импорт банку» гарантировать выделение коммерческих кредитов Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии;

В-третьих, несколько снизить долговое бремя Польши Соединенным Штатам Америки;

В-четвертых, облегчить возможности для граждан США путешествовать в страны Восточной Европы[5].

---

[1] Brzezinski Zb. Griffith W. Peaceful Eugagement in Eastern Europe // Foreign Affairs – 1961. – July. – № 4. – P. 644.

[2] Там же. – С. 642.

[3] Petrovich M. United States Policy in East Europe // Current History. – 1967. – April. – № 308. – P. 194.

[4] American Foreign Policy: current documents. – 1964. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1967. – P. 624.

[5] Address by Secretary Rusk. Why We Treat Different Communist Countries Differently // Department of State Bulletin. – 1964. – March. – № 1290. – P. 390.

Что же касалось последнего направления, то оно относилось только лишь к Албании, поскольку эта страна была единственным восточноевропейским государством, вводившим ограничения на въезд граждан США.

Для достижения этих целей, как считали в Вашингтоне, следовало приспособить восточноевропейскую политику США «к различному поведению различных коммунистических государств, а также к изменениям в поведении этих государств»[1].

Тем не менее, следует помнить, что, несмотря на перемены в тактических подходах внешнеполитической элиты США в отношении стран Восточной Европы, цель Америки оставалась прежней – стремиться всемерно «контролировать коммунистический империализм и предотвращать его возможную экспансию, что не раз подчеркивал Государственный секретарь США в администрации Л. Джонсона Д. Раск»[2]. По его мнению, политика США в отношении стран- союзников СССР должна была иметь, помимо «наведения мостов», три основные цели, а именно: делать все возможное, чтобы коммунизм не распространился далее существовавших границ, достичь соглашений, которые могли бы снизить риск разрушительной войны; способствовать эволюции стран внутри коммунистического блока в направлении национальной независимости, мирного сотрудничества и создания открытых демократических обществ[3].

Согласно оценкам Д. Раска, наибольшего успеха в достижении поставленных целей можно было добиться, приспосабливая политику США к весьма различному поведению стран-членов советского блока.

В качестве примера Д. Раск приводил Югославию, чья политика отличалась от «поведения» стран социализма весьма существенно, о чем уже шла речь в данном исследовании, и которая пользовалась «неизменным вниманием» со стороны США.

Таким образом, как отмечалось выше, доктрина «наведения мостов» и попытки ее практической реализации отмечались противоречивой двойственностью. Поиск «тихих» методов «размягчения» социалистических стран Восточной Европы и их отрыва от СССР сочетался с приверженностью старым догмам «холодной войны». Конкретным проявлением «холодной войны» было противостояние двух военно-политических блоков, которое, как известно, распространилось и на другие районы планеты. В орбиту «холодной войны» были втянуты так называемые страны «третьего мира», где «холодная война» временами перерастала в «войну горячую». Как известно, в середине 60-х годов началась агрессия США во Вьетнаме, а в 1967 году возник военный конфликт между Израилем и арабскими странами на Ближнем Востоке.

С другой стороны, к середине 60-х годов стало ясно, что добиться сохранения и расширения своих сфер влияния прежними методами, прямым противоборством, в том числе и военным, участники «холодной войны» не могут. Такое противоборство и связанная с ним гонка вооружений приводили к огромной затрате материальных ресурсов, участвовавших в ней государств. Постоянное нагнетание напряженности в отношениях между странами с различным социальным строем усиливало угрозу их прямого военного столкновения, развязывания мировой термоядерной войны, катастрофические последствия которой для судеб мировой цивилизации в этот период до-

---

[1] Address by Secretary Rusk. Why We Treat Different Communist Countries Differently // Department of State Bulletin. – 1964. – March. – № 1290. – P. 390.

[2] Address by Secretary Rusk. Why We Treat Different Communist Countries Differently // Department of State Bulletin. – 1964. – March. – № 1290. – P. 391.

[3] Там же. – P. 394.

статочно ясно осознавались общественностью, учеными и политиками как на Западе, так и на Востоке.

Таким образом, взаимное понимание руководителями социалистических и капиталистических стран бесперспективности и опасности дальнейшего продолжения «политики силы» и «холодной войны» привело их к выводу о том, что необходимо менять такую политику.

Администрация Р. Никсона, пришедшая к власти в 1969 году, вела активные поиски новых, соответствующих изменившейся исторической обстановке, подходов как к СССР, так и к восточноевропейскому региону в целом. Следует отметить, что сама идея разрядки в отношениях между Востоком и Западом появилась в политических кругах в середине 60-х годов XX века. Ее поддерживали и развивали руководители стран-членов Варшавского Договора в 1966–1967 годах, в 1966 года – генерал Шарль де Голль, а в 1967 году – представители стран-членов Североатлантического альянса[1].

Ослабление напряженности между двумя блоками было кратковременно прервано советским вторжением в Чехословакию в 1968 году, но уже в марте 1969 году СССР и другие страны-члены Варшавского Договора предложили созвать конференцию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Представители стран-членов НАТО на своей встрече в Рейкьявике в июне 1969 года также высказались в поддержку вышеупомянутой конференции, но с некоторой осторожностью. Как известно, мощный импульс разрядке был дан канцлером ФРГ В. Брандтом в октябре 1969 года, когда Западная Германия начала осуществлять реальные шаги в своей восточной политике, направленной на урегулирование отношений с СССР, Польшей, Чехословакией и ГДР, важный вклад в разрядку внесло также заключение четырехстороннего соглашения по Западному Берлину (1971 г.).

Частью общеевропейского процесса снижения напряженности явилась нормализация отношений Запада с европейскими социалистическими странами, развитие всесторонних дружественных отношений между СССР и Францией, сдвиг в лучшую сторону британско-советских отношений.

Важное значение для дела разрядки имели и позитивные перемены в отношениях между СССР и США: были подписаны советско-американские соглашения о предотвращении ядерной войны и ограничении стратегических вооружений, договор об ограничении систем противоракетной обороны, ряд соглашений о сотрудничестве в политической, экономической, научно-технической, культурной областях.

Что же касается причин, в силу которых страны пошли на политику разрядки, то длительное время в отечественной историографии такой поворот оценивался как результат так называемого роста политического, экономического, военного влияния социалистических стран в международных отношениях, в результате чего империализм, «вопреки своей агрессивной природе, был вынужден пойти на смягчение напряженности и разрядку»[2].

Западные же политологи, наоборот, считали, что социалистические страны вынуждены были пойти на разрядку под влиянием таких факторов, как военно-экономическая мощь и миротворческая деятельность стран Запада, технологическое отставание социалистических государств от стран капитализма, угроза Советскому Союзу с Востока. При этом подчеркивалось, что СССР, будучи вынужденным пойти

---

[1] Garthoff R.L. Deténte and Confrontation. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1985. – P. 8.

[2] Цит. по: Советская внешняя политика в годы «холодной войны». 1945–1985. Новое прочтение. – М., 1995. – С. 336–337.

на проведение разрядки, отнюдь не снимал с повестки для своих долгосрочных целей «распространения социализма во всем мире»[1].

На наш взгляд, интересное мнение было высказано в этой связи Г. Киссинджером, который, как известно, являлся советником президента США Р. Никсона по вопросам национальной безопасности. Согласно его точке зрения, основной целью разрядки было снижение риска ядерной войны или, как отмечал Г. Киссинджер: «Мы выступали в пользу разрядки, поскольку хотим снизить риск большого ядерного конфликта»[2]. На взгляд Г. Киссинджера, «основным вызовом времени являлась необходимость примирить реальность «соперничества» с СССР с необходимостью «сосуществования». По его мнению, «разрядка являлась средством поддержания контроля над конфликтом с Советским Союзом»[3]. И, что наиболее важно, Г. Киссинджер говорил о необходимости для США «управлять появлением советской мощи как чрезвычайно важной проблемы, которая могла быть разрешена в результате разрядки»[4].

В этом смысле весьма симптоматично и показательно мнение Дж. Кеннана, о ком уже шла речь в данном исследовании. Согласно оценкам старейшего американского дипломата: «…отношения СССР и США несли достаточное бремя, чтобы их еще более отягощать, пренебрегая теми областями, где существовали реальные возможности для их улучшения. В мире, столь беспокойном, как наш сегодняшний мир, благоприятные возможности надо лелеять и ими дорожить, не жертвовать ими ради предубеждений, тщеславия или политического честолюбия»[5].

Таким образом, в подходах Г. Киссинджера и Дж. Кеннана нашли свое выражение теоретические установки так называемого «политического реализма», истоки которого восходят к распространенной еще с XIX века концепции «баланса сил».

Что же касалось условий внутри самой политической элиты США, то, как показал опыт первой половины 70-х годов, подход к проблемам разрядки правительства республиканцев был более реалистическим, чем позиция конгресса США, отличавшаяся, как уже не раз подчеркивалось в данном исследовании, противоречивостью и непоследовательностью.

В связи с этим следует особо отметить ту трансформацию, которую претерпела в рассматриваемый период позиция конгресса США в вопросах отношений с государствами Восточной Европы. В конце 60-х – самом начале 70-х годов американский конгресс, хотя в нем и имелись силы, противодействовавшие нормализации отношений со странами этого региона, придерживался несколько более реалистической по сравнению с правительством точки зрения относительно восточноевропейской политики США. Например, по вопросам торговли в декабре 1969 года конгресс принял закон о регулировании экспорта, снижающий ограничения на вывоз американских товаров в социалистические страны, хотя и были сохранены запреты на продажу в эти государства «стратегических товаров». Этот закон был назван одним из его инициаторов У. Мондейлом (в то время сенатор, а в дальнейшем вице-президент) «первой

---

[1] Цит. по: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. От стабилизации к кризису. 1966–1989. – Т. 2. – М.: Наука, 2002. – С. 231.

[2] Kissinger H. Interview at Peking, November 12 // Department of State Bulletin. – 1973. – December 10. – P. 716.

[3] Secretary Kissinger Interviewed for U.S. News and World Report. June 12 // Department of State Bulletin. – 1975. – P. 17.

[4] Secretary Kissinger's News Conference of December 23, 1975 // Department of State Bulletin. – 1976. – January 19. – P. 70.

[5] Kennan G. Is Detente worth Saving? // Saturday Review. – 1976. – June 3. – P. 17.

значительной мерой по либерализации торговли, предпринятой конгрессом после Второй мировой войны»[1].

В то же время для первой половины 70-х годов в целом была характерна более реакционная позиция конгресса в отношении развития связей с СССР и странами Восточной Европы. Одним из проявлений вышесказанного было принятие нового закона о торговле 1974 года, являвшегося явным шагом назад. По сравнению с законом 1969 года принятие этого закона подтверждало засилье в данном составе конгресса приверженцев откровенно антикоммунистического курса. В такой расстановке сил в конгрессе нашло свое отражение обострение внутриполитической борьбы в США по вопросам разрядки и отношений со странами Восточной Европы, нестабильность американского общественного мнения в целом и позиций определенных политических кругов, в частности, таких, как представителей военно-промышленного комплекса. Кроме того, как отмечал Дж. Кеннан, «усиление критики в адрес официальной политики администрации Форда происходило отчасти из-за того, что «улучшение политических отношений между США и странами социализма может, по-видимому, угрожать значительным интересам, связанным с сохранением высокой военной напряженности. Кроме того, в наших американских политических и журналистских кругах имеется, по-видимому, значительное количество людей, для которых определенная риторика «холодной войны» долгое время была «хлебом насущным», кто был встревожен явной благоприятной тенденцией в наших отношениях с Россией, что угрожало подорвать основу этой риторики, и кто сейчас приветствует возможность критиковать эту тенденцию»[2].

Кроме того, активизации «антиразрядочных» тенденций и большему размежеванию политических сил в США по отношению к СССР и странам Восточной Европы способствовал так называемый «институциональный кризис», а именно: обострение отношений между конгрессом и правительством, восходящее к середине 60-х годов в связи с американской агрессией во Вьетнаме. Этот конфликт был усилен «Уотергейтским делом». Косвенным результатом всего этого стало усиление позиций конгресса и в определенном смысле подрыв авторитета личности и поста президента. Именно этим зачастую и объясняют значительное противодействие со стороны конгресса отдельным мерам правительства по развитию политики разрядки со странами Восточной Европы в первой половине 70-х годов.

Дальнейшие коррективы в восточноевропейскую политику США попыталась внести после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе республиканская администрация Дж. Форда.

Итоги совещания, его Заключительный акт вызвали в США серьезную политическую дискуссию. По мнению противников, подписание Заключительного акта США в Хельсинки означало, что Америка окончательно признавала «приобретение» Советским Союзом 114 000 квадратных миль территорий, принадлежавших восточноевропейским странам, «санкционировала» советское доминирование в Европе и, таким образом, закрепляла «навечно» разделение континента. В ответ на это, по мнению сторонников данной точки зрения, западные государства получили некоторые заверения, что Советский Союз и страны Восточной Европы возьмут на вооружение «положительное и гуманитарное отношение» к тем гражданам, которые хотели бы

[1] The American Review of East–West Trade. – 1970. – January. – P. 19.
[2] Kennan G. Is Detente worth Saving? // Saturday Review. – 1976. – June 3. – P. 12.

воссоединиться с членами своих семей, проживавших на Западе, а также, что любое государство в Европе «будет свободно от внешнего воздействия»[1].

Что же касалось мнения «сторонников» Заключительного акта совещания в Хельсинки, то ими подчеркивалось, что подписанные соглашения не являлись «строго» договором и не несли юридических обязательств, они также, по своей сути, не меняли политики Запада и США в отношении стран Восточной Европы, поскольку косвенно стратегической целью документа являлось продолжение усилий по «освобождению» стран-союзников СССР от коммунистического правления. Подписанные в Хельсинки соглашения, как известно, содержали очень важные положения в отношении прав и свобод граждан, таких, как свобода слова и передвижения, обмен информацией, а также возможность каждого государства проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику.

Таким образом, все это способствовало, по мнению сторонников Заключительного акта, освобождению Восточной Европы от наследия сталинизма и психологически влияло на рост диссидентского движения[2].

Безусловно, ни администрация Р. Никсона, ни Дж. Форда не рассматривали Хельсинские договоренности как «революционный» документ.

Исходя из принципов «реальной политики», Государственный секретарь Г. Киссинджер интерпретировал проблему прав человека, а также расширение торговых отношений по линии «Восток-Запад» в направлении, которое в определенном смысле «фиксировало» существующую политическую ситуацию и сохраняло «баланс сил» с тем, чтобы ликвидировать возможные причины для конфликта. Характерно, что Г. Киссинджер, фактически, выдвигал идею создания своего рода «Священного союза» для контроля над советско-американским соперничеством, а также, чтобы не допустить инцидентов в странах Восточной Европы, которые нарушали бы существовавшее на континенте статус-кво[3]. В русле данного подхода необходимо рассматривать и так называемую «доктрину Сонненфельдта», во многом являвшуюся новым элементом для американской внешней политики 70-х годов.

Г. Сонненфельдт, советник Государственного Департамента, в декабре 1975 года выступил в Лондоне на семинаре послов США, аккредитованных в Европе. Его выступление имело особое значение в связи с тем, что на семинаре присутствовал Г. Киссинджер. В своем выступлении Г. Сонненфельдт признавал возросшую мощь и влияние СССР, но заявил, что Советский Союз «оказался совершенно неопытным в строительстве международных структур… Советская имперская мощь не являлась прочной, поскольку лидеры СССР не сумели принести стабильные идеологические, юридические, культурные, архитектурные, организационные и другие ценности и навыки, которые так были характерны в прошлом для британских, французских и немецких имперских тенденций»[4]. Утверждая, что продолжение «существующих», основанных на силе «неорганичных», «неестественных» отношений между СССР и странами Восточной Европы создавало угрозу для международной стабильности в деле сохранения мира, Г. Сонненфельдт подчеркнул, что американская политика в Восточной Европе должна быть направлена на то, чтобы добиться здесь такой эволю-

---

[1] Byrnes R. United States Policy towards Eastern Europe: Before and after Helsinki // Review of Politics. – 1975. – № 4. – P. 435.

[2] Rachwald A. United States Policy in East Europe // Current History. – 1978. – April. – № 436. – P. 152.

[3] Barnet R.Y. Roots of War. – New York, 1972. – P. 336.

[4] Цит. по: Rachwald A. United States Policy in East Europe // Current History. – 1978. – April. – № 436. – P. 152.

ции, которая сделала бы отношения между восточноевропейскими странами и Советским Союзом «органичными»[1]. Это можно было бы осуществить, сочетая советскую военную мощь и политическое присутствие с экономической помощью Америки, призванной «облегчить» внутренние проблемы, которые испытывали восточноевропейские коммунистические режимы.

Таким образом, «доктрина Сонненфельдта» накладывала определенные ограничения на политические амбиции народов восточноевропейских стран, поскольку «являлась политикой реагирования на «органичное» существование социалистических стран в условиях сильного советского геополитического влияния». И, следовательно, по мнению Г. Сонненфельдта, не было необходимости «наводить мосты» между Восточной Европой и Западом, а стоило использовать торговлю и экономическую помощь для укрепления «мостов», которые уже существовали между Советским Союзом и его союзниками».

Характерно, что вышеупомянутая доктрина вызвала серьезные противоречия между сторонниками «жесткого» и «гибкого» курса в политике США по отношению к социалистическим странам. Например, Р. Рейган, впервые баллотировавшийся в то время на пост президента, заявил, что Г. Сонненфельдт выступил за то, что «порабощенные нации» отказались от стремления к национальному суверенитету и «попросту стали частью Советского Союза»[2]. В ходе избирательной кампании «доктрину Сонненфельдта» резко критиковали Дж. Картер и его команда.

В целом, следует заметить, что анализ содержания и обстоятельств появления «доктрины Сонненфельдта» дает серьезные основания считать, что в данном случае речь шла не просто об умозрительной теоретической концепции. За ней, так или иначе, по существу, таилась попытка со стороны определенных группировок США предложить Советскому Союзу «договориться» о сферах влияния в Европе, что уже ранее имело место между СССР и Великобританией на заключительном этапе Второй мировой войны.

Под огнем обвинений, в том числе в Конгрессе США, Г. Сонненфельдт был вынужден отречься от своей доктрины[3].

Результатом поисков внешнеполитической элиты США новых подходов в отношении стран Восточной Европы во второй половине 70-х годов явилась так называемая «моральная политика» администрации Дж. Картера в Восточной Европе. Новый курс США был официально провозглашен Дж. Картером сразу после прихода в Белый Дом. Интересно, что его акцент на проблему прав человека еще в ходе президентской кампании 1976 года историки очень часто называют политической стратегией, направленной на объединение Демократической партии, которая была расколота Вьетнамом, а также попыткой найти такую проблему, которая продолжала бы все наиболее значительные достижения администраций Р. Никсона и Дж. Форда.

Характерно, что лично для Дж. Картера «права человека» были несколько большим, чем просто удобной предвыборной темой. Эти идеи имели глубокие корни в

---

[1] Washington Post. – 1976. – April 13. – P. 4.

[2] Bell C. The Diplomacy of Detente. The Kissinger Era. – London, 1977. – P. 115.

[3] The «Sonnenfeldt Doctrine». Hearings before the Subcommittee on International Security and Scientific Affairs of the Committee on International Relations. House of Representatives. 94th Congress Sec. Session. April 12, 1976. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1976. – P. 10.

персональном опыте, раннем периоде политической карьеры, а также занимали центральное место в его мировоззрении[1].

Используя лозунги «прав человека», США «угрожали» Кремлю не столько военными действиями, сколько иными формами давления, направленными на трансформацию советской системы в западную социал-демократию.

Следовательно, кампания «в защиту прав человека» применительно к государствам Восточной Европы была нацелена на стимулирование и легализацию «внутренней оппозиции» в этих странах; на изменение «ценностных установок» населения; идеологическое обоснование дифференцированной политики США в отношении отдельных восточноевропейских стран.

Реализация поставленных целей рассматривалась Вашингтоном как длительный планомерный процесс. «Мы не должны питать иллюзий, – предостерегал государственный секретарь США С. Вэнс, – будто наш призыв под знамена прав человека приведет к немедленным изменениям в авторитарных обществах…»[2]. «Ужесточение» политики США в отношении СССР и «дифференциация» восточноевропейского курса на основе оценки, насколько та или иная социалистическая страна «отошла» от «советской модели», представляли собой практическую реализацию идей помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского. Эти направления политики Соединенных Штатов в отношении социалистических государств были изложены в подготовленной З. Бжезинским директиве для исполнительных органов в выступлении заместителя помощника государственного секретаря по европейским делам У. Луэрса в подкомиссии по делам Европы и Ближнего Востока палаты представителей Конгресса 7 сентября 1978 года. У. Луэрс отметил и выделил такие черты новой политики США в отношении государств Восточной Европы, как «признание и поддержка индивидуальности каждой восточноевропейской страны» в ее политике, «обращение с каждой нацией как суверенной страной» при учете реальной ситуации, «улучшение отношений» в сочетании торгово-экономических контактов с «более свободным потоком информации», признание «пределов влияния США в регионе» и необходимость вносить «вклад в дело безопасности» в Европе. Среди конкретных мероприятий по этим направлениям наряду с двухсторонними дипломатическими, научными и техническими связями, а также контактами руководителей государств называлась деятельность «в области прав человека и воссоединения семей». Намечалось стимулировать по-американски «конструктивную политику Восточной Европы» в отношении кризисов в Африке и на Ближнем Востоке, противопоставляя ее Советскому Союзу и Кубе.

Наконец, наряду с двухсторонними торговыми отношениями предлагалось вовлечь социалистические европейские страны в «международную экономическую систему» капитализма[3]. Исследовательская служба библиотеки Конгресса США признавала новыми аспектами проводимой политики повышенный интерес к внутренним делам социалистических стран и акцентирование внимания на «правах человека», но констатировала, что все это «не представляет собой фундаментального отхода от

---

[1] Strong R. Working in the World. Jimmy Carter and the Making of American Foreign Policy. – Louisiana: State University Press, 2000. – P. 72–37.

[2] Цит. по: Human Right and American Diplomacy: 1975–1977. – Facts on File. – New York, 1977. – P. 221.

[3] U.S. Policy toward Eastern Europe. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on International Relations. House of Representatives. Sept. 7 and 12, 1978. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1979. – P. 35–39.

прежней политики США»[1]. Следует заметить, что «права человека» как необходимый элемент внешней политики США в отношении стран Восточной Европы присутствовал и после ухода администрации Дж. Картера с политической арены. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что пришедший к власти Р. Рейган и его команда стали «проводить политику прав человека с меньшей броскостью»[2]. Но, тем не менее, используя иные, чем администрация Картера, лозунги Р. Рейган до такой степени развил «морализаторские» мотивы восточноевропейского курса США, что можно говорить о тенденции к возврату идейно-теоретических установок политики США в отношении стран Восточной Европы к постулатам доктрины «освобождения».

В частности, выступая перед студентами университета Нотр-Дам в мае 1981 года, Р. Рейган отмечал, что «ближайшие годы будут великими и значимыми как для США, так и для всего мира в деле свободы и распространения цивилизации». По его мнению, «Запад не будет «сдерживать» коммунизм, он его коренным образом изменит». Кроме того, в июне 1982 года в Британском парламенте Р. Рейган подчеркивал, «что, по иронии истории, Карл Маркс был прав. Мы являемся свидетелями современного революционного кризиса, в котором требования экономического порядка столкнулись с политическими рамками. Но кризис произошел не на свободном, не марксистском Западе, а в «доме» марксизма-лининизма, Советском Союзе. То, что мы наблюдаем сейчас в СССР, – это процесс, в котором политические структуры общества не могут уже соответствовать экономическим требованиям времени. И, таким образом, я верю в то, что коммунизм – это грустная страница в человеческой истории, чьи последние страницы уже написаны»[3].

Таким образом, активная политика администрации Р. Рейгана по «освобождению» Советского Союза и стран Восточной Европы совпала с действительными серьезными экономическими и политическими проблемами, которые испытывал СССР и страны Восточной Европы к началу 80-х годов XX века. Кроме того, администрация Р. Рейгана перешла к активным практическим шагам в деле «освобождения Восточной Европы».

Следовательно, с начала 60-х годов, несмотря на разнообразие концепций, ни одна из американских администраций коренным образом не изменила основной стратегической линии США в отношении стран-союзников СССР в 60–70-х годах, а именно: стремления к возвращению вышеуказанных государств на рельсы демократического, политического и экономического развития и, в конечном итоге, включения их в орбиту влияния западной цивилизации.

---

[1] U.S. Relations with the countries of central and Eastern Europe. Report prepared for the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs. U.S. House of Representatives. Dec., 1979. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1979. – P. 7.

[2] Osgood R. The Revitalization of Containment // Foreign Affairs. – 1982. – № 3. – P. 495.

[3] Schweizer P. Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. – N.Y.: The Atlantic Monthly Press, 1994. – P. XIV.

5.2. Место Югославии во внешней политике США в 60–70-е годы XX века

Как отмечалось выше, политика президента Д. Эйзенхауэра, направленная на «освобождение» стран Восточной Европы не достигла желаемых результатов.

В этих условиях во внешнеполитических кругах Америки начались острые дискуссии о новой концепции отношений США со странами, находившимися в орбите советского влияния. Все это, а также начавшаяся нормализация советско-югославских отношений привели к активизации сил, выступавших против всякой поддержки ФНРЮ. Администрации США с трудом удавалось сдерживать их давление. В этой обстановке в январе 1961 года кресло президента в Белом Доме занял Дж. Ф. Кеннеди. Считая Восточную Европу «наиболее уязвимым регионом», он предложил именно здесь начать наступление на коммунизм[1].

Как уже отмечалось выше, добиться успеха президент рассчитывал не силой, а «более гибкими и реалистическими инструментами», направленными на «поощрение недовольства стран железного занавеса», ослабление связей Восточной Европы с СССР[2].

В новой восточноевропейской стратегии Вашингтона Югославии отводилось особое место. Трансформация внутренней и внешней политики балканского государства служила обоснованием для «нового курса» США. Представители внешнеполитического ведомства Америки внимательно следили за экономическими реформами, направленными на совершенствование системы «рабочего самоуправления», поощрение свободы частной инициативы в сельском хозяйстве, децентрализации управления экономикой. Особо подчеркивалось стремление Белграда поддерживать «независимость» по отношению к СССР[3].

Новым послом США в Югославии был назначен Дж. Кеннан, чей внешнеполитический опыт мог в наибольшей степени способствовать продвижению национальных интересов США в балканской стране. Основными целями своей деятельности на новом посту Дж. Кеннан видел, с одной стороны, развитие взаимовыгодных американо-югославских отношений, с другой – содействие в укреплении дальнейшего положения Югославии как независимого субъекта политики в противостоянии СССР и, следовательно, поощрении других стран-членов советского блока в их стремлении как можно дальше «дистанцироваться» от Москвы[4].

Госсекретарь США Д. Раск подчеркивал, что ФНРЮ явилась «выдающимся примером успешного неповиновения коммунистической страны советскому империализму»[5].

Надеялись в Вашингтоне и на прямое заимствование восточно-европейскими странами политических и экономических реформ ФНРЮ.

---

[1] Television debate between Senator Kennedy and Vice-President Nixon, Oct. 21, 1960 // Documents on American Foreign Relations, 1960. Ed. By R.P. Stebbins and E.P. Adam. – New York: Harper, 1961. – P. 96.

[2] Address by Senator G.F. Kennedy, U.S. Senate. June 14, 1960 // Documents of American Foreign Relations, 1960. – P. 68, 69.

[3] Department of State Bulletin. – 1962. – July 16. – P. 102.

[4] Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of U.S. Foreign Policy. – N.Y.: Oxford University Press, 1988. – P. 208.

[5] Department of State Bulletin. – 1962. – February 26. – P. 346.

Следовательно, как и ранее в американо-югославских отношениях, привлекательность югославской «модели» могла быть обеспечена только реальными внутриполитическими и внешнеполитическими успехами ФНРЮ.

Таким образом, администрация США выступала за продолжение помощи Югославии, за сохранение ее, так называемого, привилегированного статуса в Восточной Европе, что являлось еще одним доказательством «дифференцированного подхода» внешнеполитических кругов США к различным странам-союзникам СССР, что способствовало «эволюции» коммунистического мира к национальной независимости и открытым демократическим обществам[1].

В начале 60-х годов Вашингтон считал, что развитие событий в Югославии и американо-югославские отношения идут в нужном ему русле. Посол США в Югославии Дж. Кеннан являлся чрезвычайно опытным дипломатом, хорошо знавшим сербохорватский язык и понимавший всю сложность югославской истории.

По оценкам Дж. Кеннана, И. Б. Тито и другие югославские официальные лица были довольны его назначением послом, поскольку считали очень опытным и известным дипломатом, способным решать самые сложные вопросы[2].

Таким образом, на рассматриваемом этапе внешнеполитические круги США были настроены очень оптимистично в отношении Югославии. Уверенность придавала, прежде всего, развернувшаяся в ФНРЮ весной 1961 года экономическая реформа. Она ориентировалась на включение в международное разделение труда и примат рыночных отношений. Как предполагали американские эксперты, это должно было интегрировать ФНРЮ в экономику Запада и стимулировать политическую либерализацию внутри страны.

Гарантом интересов США в Югославии считался непрекращающийся четвертый год конфликт ФНРЮ и стран социалистического содружества. На ноябрьском 1960 г. совещании 81 коммунистической и рабочей партии в Москве был осужден «югославский вариант международного оппортунизма»[3].

Не менее острой была ответная реакции югославского руководства[4].

Возвращение Югославии в социалистическое содружество в таких условиях считалось в США немыслимым[5].

Не поддержать перспективу дальнейшего американо-югославского сближения, с точки зрения Вашингтона, было бы просто непростительно. Этот курс воплотился буквально «в дожде» кредитов и двухсторонних соглашений о поставках на льготных условиях. За январь – май 1961 года ФНРЮ получила шесть кредитов на сумму 210,85 млн. долларов[6]. 28 апреля было заключено очередное соглашение о поставках в ФНРЮ 200 тыс. т. пшеницы (30,4 млн. долларов), а 1 июля – о покупке излишков сельскохозяйственной продукции США на сумму 33,6 млн. долларов[7].

---

[1] Department of State Bulletin. – 1962. – March 16. – P. 393.

[2] Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of U.S. Foreign Policy. – P. 209.

[3] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. – М.: Политиздат, 1961. – С. 80.

[4] Борба. – 1961. – 24 фебруар. – С. 4.

[5] Meier V. Yugoslav Communism // Communism and Europe: Continuity, Change and the Sino–Soviet Dispute. W.G. Griffith. – Cambridge: M.I.T. Press, 1964. – Vol. 1. – P. 59.

[6] Кредиты предназначались для финансирования строительства промышленных объектов, гидроэлектростанции, проведения валютной реформы (в дополнение к 100 млн. долларов, согласованным в конце декабря 1960 года), на покупку оборудования сырья для ядерных исследований и других целей. – Борба. – 1961. – 25феб.; 14 март, 24 март;

[7] Борба. – 1961. – 29 апр.; Борба. – 1961. – 2 jy^.

Укреплялись американо-югославские гуманитарные связи. 14 июня был подписан Меморандум между ФНРЮ и США, регулировавший работу американских читальных залов на территории ФНРЮ. Вскоре были открыты информационные центры посольства США в Белграде и Загребе[1].

Конечно, подобная активность в двухсторонних отношениях не вызывала энтузиазма у консерваторов, группировавшихся вокруг конгресса США. Сенаторы Ф. Лауше, У. Проксмайр, Т. Додд, конгрессмены Р. Коллиер, М. Фейган и другие неоднократно и довольно резко выступали против оказания помощи Югославии и вообще против установления нормальных экономических взаимоотношений с нею. Хотя, как известно, американская внешняя политика определяется не в Капитолии, в распоряжении Конгресса всегда были серьезные рычаги влияния на администрацию, среди них – зависимость правительства от выделения средств из федерального бюджета, условия их реализации, а также сами дебаты в палатах Конгресса, создающие определенную атмосферу в обществе, которую не мог не учитывать Белый Дом.

Все эти средства использовались Капитолием при формировании пакета законов, затрагивавших интересы США в ФНРЮ. В начале 60-х годов он состоял из законов: о помощи в целях обеспечения взаимной безопасности; об ассигнованиях на помощь иностранным государствам, о развитии торговли сельскохозяйственными товарами и помощи (закон 480) (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1, 2, 3).

В 1961 году администрации Дж. Кеннеди удалось нейтрализовать попытки консервативных кругов облечь недовольство политикой Белграда в правовые формы. Установилось нестойкое равновесие сторон, которое вскоре было разрушено событиями вокруг I Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, проходившей 1–6 сентября 1961 года в Белграде.

Перед Белградской конференцией по свидетельству «Вашингтон Пост», в госдепартаменте США не было паники.

По вопросам Берлина, колониализма и другим в США ожидали от «нейтралов» «благоразумного», а значит, близкого к американскому, подхода[2]. Это во многом объясняет тот шок и негодование американских правящих кругов, которые были вызваны серьезной критикой позиции США практически по всем обсуждавшимся вопросам и, в особенности, подходам Тито к действиям СССР в области испытаний ядерного оружия[3]. Касаясь этого вопроса, 3 сентября в своем выступлении на конференции И. Б. Тито сказал: «Мы не были слишком удивлены… возобновлением испытаний атомного и водородного оружия, поскольку мы могли бы понять причины… Мы больше удивлены тем фактом, что это было сделано в момент открытия этой конференции мира»[4].

Позицию югославского лидера в США называли «тщательно рассчитанным цинизмом» и лицемерием[5]. По мнению Дж. Кеннана, просоветская позиция Тито диктовалась главным образом желанием «поддержать» Н. Хрущева внутри Политбюро ЦК в противовес «твердолобым», всемерно выступавшим против улучшений отношений

---

[1] Yugoslovenski Pregled. – 1988. – № 2. – S. III.

[2] The Washington Post. – 1961. – Aug. 28. – P. 5.

[3] В период крайнего обострения обстановки вокруг Берлина СССР 30 августа 1961 года возобновил испытания в атмосфере с тем, чтобы, как указывалось в заявлении советского правительства, «отбить у агрессора охоту к преступной игре с огнем» // Правда. – 1961. – 31 августа.

[4] Борба. 1961. – 4 сент. – С. 3.

[5] Congressional Record. – 1961. – Sept. 5. – № 154. – P. 17004; Там же. – 1961. – Sept. 6. – № 155. – P. 17278–17279.

с Западом, и что было наиболее важно, югославский лидер содействовал укреплению положения члена Политбюро в наибольшей степени расположенного к улучшению отношений с Югославией. Тем не менее, делая определенные уступки СССР на словах, И. Б. Тито, безусловно, не намеревался жертвовать югославской независимой позицией на международной арене[1].

Дж. Кеннеди рассматривал Движение неприсоединения «как главным образом стремление освободившихся стран находиться на «равном удалении» от обеих мировых систем и не вмешиваться в их конфликты на международной арене»[2]. Поэтому он также был раздражен «ужасным» поведением «нейтралов»[3].

В этих условиях, внешнеполитические шаги Югославии казались некоторым депутатам Конгресса США выражением неблагодарности в ответ на поддержку США.

Депутаты Конгресса США видели в желании Дж. Кеннеди развивать отношения с Югославией также и объект для нападок на нового президента, чья победа над Никсоном не была особенно убедительной.

В Белграде с озабоченностью следили за развитием событий в США. Желая разрядить напряженность, югославское руководство изменило свои прежние оценки. 26 сентября на сессии Генеральной Ассамблеи ООН госсекретарь по иностранным дела ФНРЮ К. Попович указал на «очень тяжелую ответственность» СССР за возобновление ядерных испытаний[4].

Несмотря на это, скандалы вокруг американо-югославских отношений продолжались. В конце 1961 года сенатор Джон Тауэр из Техаса подверг критике факт подготовки 19 югославских летчиков в его родном штате, а также предложенную продажу 130 бывших в употреблении американских самолетов Югославии за 1 625 миллиона долларов[5].

Сделка была одобрена Д. Эйзенхауэром за 4 дня до его ухода из Белого Дома, а затем подтверждена Кеннеди[6]. Взрыв антиюгославских настроений воспрепятствовал поставке электронного оборудования для уже проданных самолетов. Страсти разгорелись и вокруг попытки Белого Дома продать ФНРЮ исследовательский атомный реактор и 13 кг обогащенного урана[7]. Но администрации удалось на этот раз отстоять сделку.

Наступление консерваторов и колебания администрации США вызвали соответствующую реакцию руководства Югославии. 25 октября Тито заявил, что факт сходства позиции СССР и ФНРЮ «не означает, что мы слепо следуем политике Советского Союза», а 13 ноября он обвинил реакционные круги США в организации антиюгославской компании экономического давления «в период, когда…страна понесла большой урон от засухи и «находится в довольно неблагоприятном положении»[8].

Нарастание напряженности в отношениях с ФНРЮ не входило в планы Белого Дома. Уже 27 ноября Госдепартамент сообщил о намерении США провести перего-

---

[1] Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of U.S. Foreign Policy. – P. 210.

[2] Движение Неприсоединения. – М.: Наука, 1985. – С. 324.

[3] Schlesinger A.M. A. Thousand Days: John F. Kennedy in the white. – Boston: Houghton Mifflin; Cambridge, 1965. – P. 483. 520.

[4] Current History. – 1961. – № 243. – P. 320.

[5] Growing Row over Planes for Tito // U.S. News and World Report. – 1961. – Oct. 30. – № 18. – P. 4.

[6] 135 U.S. jets sold to Tito's Communists // U.S. News and World Report. Oct. 23. – № 17. – P. 10.

[7] Atoms for Tito // Time. – 1961. – Nov. 3. – № 18. – P. 14.

[8] Борба. – 1961. – 29 окт.; Борба. – 1961. – 14 нов.

воры, прерванные в сентябре, о продаже ФНРЮ 500 тыс. т. зерна по Закону 480[1]. 28 декабря соглашение было подписано, что свидетельствовало «о желании Соединенных Штатов продолжать помощь Югославии…»[2].

Однако ряд факторов препятствовал сохранению достигнутого уровня американо-югославских отношений. Одним из главных среди них была противоречивость политики администрации Дж. Кеннеди. Военное вмешательство на Кубе (апрель 1961 г.), события вокруг Берлина (август 1961 г.) объективно нагнетали атмосферу антикоммунизма в США. В этой обстановке президенту было нелегко объяснить почему, воюя с революционной Кубой, нужно помогать социалистической Югославии.

Во-вторых, распространению антиюгославских настроений способствовали перемены в политике ФНРЮ.

Следует заметить, что в рассматриваемый период значительно активизировались советско-югославские контакты, так, как было снято, пожалуй, основные препятствие на этом пути – влияние догматизма лидеров Китая. В апреле 1962 года Югославию посетил министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, а Н. Хрущев, пребывая в этот же период в Болгарии, заявил: «Сейчас у нас с Югославией сложились нормальные, я бы даже сказал больше, – хорошие отношения…»[3]. Однако ни в Белграде, ни в Вашингтоне не желали необратимо ухудшать отношения, поскольку это не отвечало национальным интересам ни той, ни другой стороны. С целью их стабилизации в США побывал К. Попович. В беседе с Дж. Кеннеди 29 мая 1962 года он дал гарантии сохранения независимости ФНРЮ, указав при этом, что улучшение отношений с СССР не должно означать ухудшения их с США. Кеннеди обещал поддержку ФНРЮ и помощь в решении проблем, связанных с протекционизмом «Общего рынка». Вместе с тем он заявил, что ФНРЮ не сможет закупать современную военную технику в США, кроме запчастей к ранее приобретенной[4].

Вскоре, однако, возникла новая проблема во взаимоотношениях между двумя странами. Законопроект «о расширении торговли», предложенный в 1962 году был направлен на проведение дальнейшей либерализации многосторонних торговых связей США, так называемый «раунд Кеннеди». К тому времени, когда законопроект появился в палате представителей в июне, председатель одного из комитетов Вильбур Миллс настоял на поправке о ликвидации режима наибольшего благоприятствования в торговых отношениях с Югославией, а также и с Польшей, хотя ни одна из стран не была названа прямо.

Фактически, данный шаг был направлен против Кубы и, таким образом, вышеуказанная поправка ликвидировала все торговые привилегии любому коммунистическому правительству, несмотря на его независимость от советского контроля.

Поправка, утвержденная 26 сентября 1962 года в согласительной комиссии двух палат, резко ухудшала экспортные возможности ФНРЮ на американском рынке.

4 октября поправка была утверждена, и 11 ноября 1962 года закон вступил в силу[5]. Следует заметить, что статус наибольшего благоприятствования был предостав-

---

[1] Against the Grain // Time. – 1961. – Dec. 1. – № 22. – P. 12.

[2] Mares V. United States Trade with the Soviet Bloc // Current History. – 1961. – № 252. – P. 90.

[3] Цит. по: Днепров Г. Заметки о югославской внешней политике // Новое время. – 1962. – 7 сент. – С. 10.

[4] The Washington Post and Times Herald. – 1962. – May 31. – P. 4.

[5] Kennan G. Memoirs. 1950-1963. – New York: Pantheon Books, 1983. – P. 305; Congressional Record. – 1962. – Oct. 4. – № 181. – P. 21099.

лен США Югославии в 1945 году еще по условиям договора с Сербией от 1881 года и не подвергался сомнению и ликвидации даже в самые тяжелые послевоенные годы.

Кроме того, по мнению Дж. Кеннана, уже давно не обещал никаких привилегий, лишь гарантируя отсутствие «дискриминации со стороны американских таможенных властей»[1].

Усиление экономической дискриминации со стороны США происходило одновременно с улучшением советско-югославских отношений.

В то время как товарооборот между ФНРЮ и США в 1961–1963 годах держался приблизительно на одном уровне (около 225 млн. долларов), советско-югославский товарооборот быстро рос и по его соглашению от 4 октября 1962 года в следующем году должен был достичь 180 млн. долларов[2].

Еще успешнее развивались политические процессы. После очень теплого приема в Югославии председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева (сентябрь 1962 года) символом достигнутого сближения двух стран стала поездка И. Б. Тито в СССР 4–21 декабря 1962 года. Визит Тито показал, что советская сторона отказалась от многих обвинений последних лет в адрес ФНРЮ и не считала необходимым драматизировать отдельные расхождения. Со своей стороны, югославский лидер признал «тождественность или близость» точек зрения СССР и ФНРЮ по основным международным проблемам. Он полностью поддержал позицию СССР в Карибском кризисе, отметив, что именно конструктивность СССР и лично Н. С. Хрущева предрешили его благополучный исход[3].

Столь недвусмысленная поддержка советской политики вызвала в США ощущение, что Тито принял или скоро примет роль Гомулки или Кадара в советской орбите.

В этой связи Дж. Кеннеди уже 2 апреля 1963 года в послании Конгрессу предложил законодателям вернуть Югославии и Польше режим наибольшего благоприятствования, принимая в расчет интересы национальной безопасности США[4].

19 апреля посол Югославии в США вручил Кеннеди послание Тито, в котором югославский руководитель выражал желание остановить «процесс ослабления и ухудшения» отношений. Такой подход встретил полное одобрение Кеннеди в ответном послании, переданном госсекретарем Раском во время его визита в СФРЮ 4–5 мая.

14 мая Кеннеди разрешил военные поставки Белграду на сумму 2 млн. долларов[5]. С благодарностью приняли в Югославии американскую помощь городу Скопье, пострадавшему от разрушительного землетрясения 26 июля 1963 года, которая оказалась чрезвычайно эффективной. Американский полевой госпиталь был переброшен в Скопье из ФРГ в течение 48 часов, с 200 докторами и другими медицинским персоналом. Правительство США предоставило Югославии займ в 25 млн. долларов, а также грант в 25 млн. долларов в югославских динарах в качестве помощи для восстановления Скопье[6].

---

[1] Kennan G. Op. cit. – P. 295.

[2] Борба. – 1962. – 5 окт. – С. 5.

[3] Тито Броз Й. Речь на сессии Верховного Совета СССР. 13 декабря 1962 г. // Тито Броз Й. Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, – 1987. – С. 245, 246.

[4] Department of State Bulletin. – 1963. – Apr. 22. – P. 591.

[5] The New York Times. – 1963. – Oct. 11.

[6] General Records of the Department Of State. Central (RG 59) Foreign Policy Files, 1963. Box 3034 in NA, Washington D.C. (USA).

Однако главным препятствием оставался вопрос о режиме наибольшего благоприятствования. По договору 1881 года между США и Сербией, требовалось за год до отказа в режиме наибольшего благоприятствования уведомить об этом другую сторону. Ссылаясь на эту статью, администрация США так и не выполнила в 1963 году решение Конгресса[1]. А 26 июля комиссия по иностранным делам сената выступила с предложением вернуть СФРЮ и ПНР статус наибольшего благоприятствования. Эти действия с обеих сторон создали предпосылки для осуществления первого в истории двух стран официального визита президента СФРЮ в США, который состоялся 16–25 октября 1963 года как завершение большого турне югославского руководителя по Южной и Северной Америке. Следует отметить, однако, что, несмотря на некоторую «скомканность» и враждебное окружение, проявившееся в физическом избиении неизвестными трех югославских официальных лиц, визит стал значительным событием в истории отношений между США и СФРЮ[2].

17 октября 1963 года, приветствуя президента Югославии в Белом Доме, Дж. Кеннеди подтвердил неизменность политики США в отношении поддержки Югославии и дал высокую оценку югославской независимости. Американо-югославские отношения переводились на новую основу. «Оба президента, – отмечалось в совместном коммюнике, – выразили надежду, что теперь, когда в непосредственной помощи необходимости больше нет, отношения между обеими странами смогут развиваться во всех других сферах, в особенности, в области расширения обычной торговли, экономических, культурных, научных и других контактов»[3]. Дж. Кеннеди выразил надежду, что обязательства США и СФРЮ в отношении национальной независимости будут укреплены[4].

27 ноября 1963 года согласительная комиссия конгресса США, несколько ограничив права президента в области предоставления помощи, пересмотрела свое решение и вернула СФРЮ режим наибольшего благоприятствования[5]. 16 декабря 1963 года новое решение стало законом, чем на практике была создана возможность развития отношений на вновь утвержденных основах.

Трагическая смерть Дж. Кеннеди прервала этот процесс на несколько лет. Интересно, что после убийства Кеннеди, очередь желающих расписаться в книге соболезнований в посольстве США в Белграде растянулась на несколько кварталов и имела место на протяжении трех дней после трагических событий. Следует заметить, однако, что, таким образом, югославы, как и другие европейцы, выражали свою симпатию образу молодого и привлекательного лидера, который казался им гораздо более европейским, чем другие президенты США.

В целом, следует заметить, что во время президентства Кеннеди американо-югославские отношения характеризовались периодами «приливов» и «отливов», обусловленными, как и ранее во взаимоотношениях Югославии и США, а также особой ролью и местом Югославии среди социалистических стран, что позволяло Вашингтону отводить ей весьма важную миссию в своей восточноевропейской политике.

---

[1] Congressional Record. – 1963. –Feb. 26. – № 29; March 25. – № 45. – P. 4610–4611.

[2] Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of U.S. Foreign Policy. – P. 215.

[3] Public Papers of the Presidents. John F. Kennedy. 1963. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1964. – P. 790

[4] Department of State Bulletin. – 1963. – Nov. 11. – P. 739–740.

[5] The New York Times. – 1963. – Nov. 27; Congressional Record. – 1963. – Dec. 6. – № 199. – P. 22611.

Новый президент США, демократ Л. Б. Джонсон, провозгласив себя последователем Кеннеди (это проявилось и в выдвижении доктрины «наведения мостов» в Восточную Европу), на практике отступил от курса своего предшественника. Упор на агрессивность и антикоммунизм, приведший внешнюю политику США к вьетнамской авантюре и пособничеству Израилю в ближневосточном конфликте, безусловно, влияли и на состояние американо-югославских отношений.

Тем не менее, президентские выборы в США получили очень детальное освещение в прессе Югославии, а результаты их были встречены с очевидным удовлетворением и даже некоторым облегчением. По сообщениям посольства США в Белграде, югославские газеты в своих редакционных статьях подчеркивали тот факт, что «американский народ в своем выборе отверг мощные силы реакции и авантюризма в политической жизни страны и подтвердил программу президента Кеннеди, которая включала в себя мирное сосуществование, терпимость, понимание, ответственность и укрепление взаимоотношений с другими государствами». По оценкам югославской прессы, «все это означало укрепление прогрессивных сил в политических элитах ведущих западных государств»[1].

Вновь избранный президент США Л. Джонсон в ноябре 1964 года поздравил И. Б. Тито и весь югославский народ с национальным праздником – Днем образования Федеративной Национальной Республики Югославии, о чем сообщало посольство США в Белграде[2].

Политика «наведения мостов» со странами Восточной Европы, провозглашенная президентом Л. Джонсоном, начала чрезвычайно активно проводиться в отношении Югославии, что было, безусловно, связано с «особым местом» балканской страны среди социалистических государств.

В ноябре 1964 года представитель Конгресса США сенатор Дж. В. Фулбрайт посетил Белград, сербский университетский город Нови Сад, Дубровник на Далматинском побережье, Пулу, а также остров Бриони, и два крупных города в северной Югославии – Любляну и Загреб.

Официальной стороной в СФРЮ являлся В. Попович, бывший посол Югославии в США, а во время визита делегации Америки, занимавший пост председателя комиссии по иностранным делам югославского парламента. По итогам визита в своем докладе комитету по международным связям сената США, который состоялся в июле 1965 года Дж. Фулбрайт, сообщал, что, несмотря на социалистический характер политической и экономической системы страны, Югославия настроена чрезвычайно дружественно по отношению к США и, следовательно, по мнению сенатора, существовали все предпосылки для развития нормальных, продуктивных и даже сердечных отношений между двумя странами[3].

На основании изучения югославской истории и культуры, Дж. Фулбрайт в своем докладе пришел к выводу, что «сочетание коммунизма и национализма в политике балканской страны сделало СФРЮ чрезвычайно привлекательной моделью и центром притяжения для других государств советского блока, а также в определенной степени для стран Азии и Африки. Вследствие своей абсолютно уникальной позиции, Югославия, по мнению Фулбрайта, «приобрела влияние, значительно превосходившее ве-

---

[1] RG 59, Foreign Policy, 1965. Box 3030 in NA, Washington D.C. (USA).

[2] RG 59, Central Foreign Policy Files, 1965. Box 3030 in NA, Washington D.C. (USA).

[3] Senator Fulbright Y.W. Report to the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. July 1965 – Washington: U.S. Government Printing Office, 1965. – P. 1.

личину ее территории и объем ресурсов»[1]. Американский сенатор подчеркивал также роль Югославии как независимого государства в возникновении определенных кризисных явлений в группе стран-сателлитов СССР[2].

Чрезвычайно интересным, на наш взгляд, представляется мнение Дж. Фулбрайта по поводу внешней политики Югославии, которую он охарактеризовал как «югоцентризм», и состоявшую в мягких колебаниях между Востоком и Западом при сохранении твердой позиции в плане поддержки Движения Неприсоединения[3]. Вследствие вышеупомянутой позиции югославская внешнеполитическая элита не испытывала больших колебаний, критикуя политику США во Вьетнаме и в то же время, поддерживая активные экономические и дипломатические контакты с Западом, являясь в определенном смысле союзником НАТО в создании серьезного военного «препятствия» распространению советской военной мощи.

По мнению американского сенатора, югославы поддерживали сердечные отношения с Советским Союзом, одновременно своим примером ослабляя связи восточноевропейских стран с СССР. Проводя подобную политику, Югославия выполняла своего рода роль моста между Востоком и Западом, в то же самое время, будучи союзником неприсоединившихся стран Азии и Африки. Единственными врагами Югославии считались, согласно оценкам сенатора, Китай и Албания – для крайне агрессивных сталинистских режимов в этих государствах балканская страна была даже хуже, чем враг: она являлась ренегатом и предателем.

С точки зрения внешней политики США и ее национальных интересов, Югославия могла, по мнению Дж. Фулбрайта, считаться вполне дружественной страной, несмотря на ее частую критику внешнеполитических позиций США. В этих условиях, для политической элиты Америки чрезвычайно важно было принимать в расчет разумные соображения, национальные интересы и политическую реальность гораздо в большей степени, чем идеологические соображения. По мнению Дж. Фулбрайта, Югославия своим поведением заслужила право пользоваться «особым отношением» со стороны США. Это вовсе не означало, что она была «другом» США, или собиралась им стать, но она доказала свою «надежность» в продвижении определенных целей, где интересы двух сторон удачно совпадали.

Чрезвычайно интересной оценкой Дж. Фулбрайта была его характеристика Тито как самого лучшего руководителя югославского государства за всю историю существования балканской страны, как независимой, так и в составе Османской и Австро-Венгерской монархий. Руководство И. Тито способствовало росту жизненного уровня югославского населения, значительно смягчило проявления национальной розни и обеспечило определенную степень личной свободы, которая, по мнению Дж. Фулбрайта несоизмерима с подходами на Западе, но, тем не менее, являлась гораздо более значительной по сравнению с предыдущими периодами в югославской истории, а также с другими социалистическими странами[4]. Американский сенатор высоко оценивал «титоизм», который достиг достаточно больших успехов за сравнительно короткий промежуток времени, будучи, по его мнению, частично – тоталитар-

---

[1] Senator Fulbright Y.W. Report to the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. July 1965 – Washington: U.S. Government Printing Office, 1965. – P. 3.

[2] Senator Fulbright Y.W. Report to the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. July 1965 – P. 3.

[3] «Yugocentrism»: Belgrade's Balancing Act as Friend of East, West and Nations in Between // New York Times. – 1964. – Dec. 28. – P. 2

[4] Senator Fulbright Y.W. Report to the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. – P. 21.

ным, частично – демократическим, наполовину – направленным на Восток, наполовину – на Запад»[1].

Сенатор Дж. Фулбрайт подчеркивал в этой связи важность «югославского эксперимента» для интересов США, поскольку балканская страна занимала исключительно важное стратегическое положение между странами советского блока и Адриатикой; она обладала мощной армией вне советского контроля и в течение 15 лет проводила независимую политику в международных отношениях.

Дипломатический курс Югославии во внешней политике не всегда был идентичен подходам США, но он также и отличался и от позиций Советского Союза и, таким образом, СФРЮ вносила свой вклад в сохранение мира и стабильности Балкан и Адриатики в целом.

Соображения Дж. Фулбрайта оказали очень значительное влияние на дальнейшее формирование политики США в отношении Югославии, и, что было чрезвычайно важно, по итогам его визита в ноябре 1964 года Югославия стала первой социалистической страной, подписавшей соглашение с США об установлении регулярных образовательных программ обмена по условиям закона Фулбрайта – Хейса (Fulbright – Hays Act). Следует заметить, что переговоры о подписании соглашения продолжались с 1959 года и, в конечном итоге, завершились успехом. По условиям договора американские и югославские ученые принимали участие в программах обмена между двумя странами с целью проведения научных исследований и преподавания в высших учебных заведениях[2].

Ценность научных обменов между двумя странами была велика: с одной стороны, она способствовала улучшению и обогащению образовательных подходов, развитию человеческих контактов, ознакомлению стран и народов друг с другом, но с другой стороны – решала и определенные внешнеполитические задачи США, прежде всего, пропагандировала ценности американского общества и его политической системы.

Достижению этой же цели способствовала деятельность посольства США в Белграде, которое видело одну из своих основных задач – воздействие и работу с югославской молодежью, поскольку средний возраст населения страны составлял примерно 26,6 года.

По конфиденциальной информации посольства США в Белграде югославская молодежь не испытывала большого интереса к политике и идеологии страны. Союз коммунистов Югославии был обеспокоен создавшейся ситуацией, а именно: отсутствием интереса у молодежи к экономическим и политическим основам жизни страны; молодые люди не принимали участие в деятельности органов рабочего самоуправления, а также в студенческих мероприятиях. Значительное число вузовской молодежи было заинтересовано в поисках работы и становлении своей карьеры в будущем; интерес же к марксистской идеологии и социалистическим догмам был характерен только лишь для партийных функционеров со значительными политическими амбициями. Серьезной проблемой, по мнению посольства США в Белграде, являлось наличие безработицы среди молодых людей и, таким образом, определенная их часть стремилась найти работу в странах Западной Европы, где они имели возможность ознакомиться с совершенно иными условиями жизни.

---

[1] Senator Fulbright Y.W. Report to the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. – C. 22.

[2] Petrowich M. United States Policy in East Europe // Current History. – 1967. – April. – № 308. – P. 196.

В этих обстоятельствах, информационная служба посольства США в Белграде проводила значительную работу с целью вовлечения югославской молодежи в орбиту иного «ценностного» влияния, а именно: посредством создания Американской библиотеки в Белграде, которая находилась рядом с университетом, стимулированием студенческих обменов по линии Фулбрайта, а также организацией гастролей знаменитых джаз-коллективов, рок-групп, таких как «Кровь, пот и слезы», которые имели неизменный успех у югославской молодежи[1].

Кроме того, посольство США в Белграде было хорошо знакомо с деятельностью и взглядами югославских диссидентов, а именно М. Джиласа и М. Михайлова.

М. Джилас, вновь арестованный за инакомыслие и несогласие еще в 1962 году, являлся автором книг «Новый класс» и «Несовершенное общество», которые были хорошо известны на Западе, и содержали глубокую и всестороннюю критику той системы, которая сложилась в странах-сателлитах Советского Союза и, по мнению М. Джиласа, в Югославии в том числе, несмотря на ее некоторые отличия от СССР[2]. Кроме того, посольство США в Белграде в августе 1965 года получило статью югославского диссидента Михайло Михайлова под названием «Чего мы хотим и почему мы храним молчание?» М. Михайлов передал также копию вышеуказанной статьи Д. Байндеру, корреспонденту «Нью–Йорк Таймс» в Белграде, преследуя одну цель: ознакомить аудиторию на Западе с его идеями, заключившимися в необходимости либерализации политической системы Югославии, которая являлась однопартийной диктатурой, несмотря на большую степень свободы, по сравнению с другими социалистическими странами.

Интересно, но взгляды М. Михайлова были несколько иными по своей сути, чем идеи М. Джиласа. По его мнению, главным конфликтом современности являлся не конфликт между социалистической и капиталистической системами, а между демократическим социализмом и тоталитаризмом в политической сфере, как, в так называемых социалистических странах, или в экономической сфере, как на Западе. Согласно идеям М. Михайлова, в Югославии постоянно шла борьба между так называемой «социалистической демократией» и «демократическим социализмом». По его мнению, Югославия находилась на пути к достижению абсолютно уникального результата – попытки «построить» социализм, который, по своей сути, не являлся бы тоталитарным. Согласно его идеям югославское общество почти созрело для понимания необходимости политико-социальной демократизации самой системы социализма в Югославии, но в то же время, все еще сохранялось значительное количество людей в СКЮ, заинтересованных в как можно более тоталитарных тенденциях[3].

Интересно отметить, но посольство США в Белграде было довольно скептически настроено в отношении М. Михайлова, считая, что его деятельность не оказывала значительного влияния на процессы внутренней либерализации страны, а также на политическое развитие Югославии, имея в виду ограниченные возможности его деятельности в условиях существования однопартийной системы[4].

---

[1] American Embassy, Belgrade. RG 59. Central Foreign Policy Files. May 1970. Box 3030 in NA, Washington D.C. (USA).

[2] 1999/09/02: CIA – RDP 79 – 01194A000200090001 – 5 in NA, Washington D.C. (USA).

[3] American Embassy, Belgrade in RG 59. Central Foreign Policy Files. 13 August 1965. Box 3030 in NA, Washington D.C. (USA).

[4] American Embassy, Belgrade, 19 August, 1966. RG 59. Box 3031 in NA, Washington D.C. (USA).

Интересно заметить в этой связи, что М. Михайлов был приговорен к 9-месячному тюремному заключению Верховным Судом Хорватии 23 июня 1966 года за распространение ряда статей диссидентского толка, которые содержали как критику политической системы Югославии, так и Советского Союза. Характерно, правда, что впоследствии срок его тюремного заключения был сокращен до 4 месяцев[1].

Государственный Департамент США очень внимательно следил за реакцией югославского руководства на события «Пражской весны», пик которых, как известно, пришелся на август 1968 года. В конфиденциальной записке ЦРУ Государственному Департаменту подчеркивалось, «что летом 1968 года югославы были самыми преданными защитниками процессов либерализации, которые проводились режимом А. Дубчека в Чехословакии, надеясь, возможно, что страна превратится во «вторую Югославию». Еще ранее в конце апреля 1968 года И. Б. Тито на встрече с Л. Брежневым предупредил советского лидера о тяжелых последствиях «силового решения» чехословацкой проблемы, а в мае 1968 года югославское партийное руководство выразило убеждение, что прогрессивные силы в Чехословакии, «безусловно, найдут решения своим проблемам в рамках социалистического выбора».

По информации ЦРУ, чехословацкое руководство видело в Тито и югославском народе своих самых преданных друзей. Возможно, это напоминало им период существования Малой Антанты после окончания Первой мировой войны. Интересно, что во время визита Тито в Прагу в июле 1968 года был даже поднят вопрос о военном союзе между Югославией и Чехословакией, в котором, по мнению Тито, не было необходимости на рассматриваемом этапе[2].

Характерно, что к окончанию лета эйфория и надежды сменились самыми мрачными предчувствиями, которые оправдались в результате военного вторжения вооруженных сил Варшавского договора во главе с СССР в Чехословакию. Как известно, военное вторжение привело к подавлению «Пражской весны» и замене А. Дубчека «угодным» в Москве Г. Гусаком, с которым у югославского руководства сложились отношения, полные взаимного недоверия, полемики и недружественных инцидентов.

Интересно, что в югославском обществе сформировалось твердое мнение, что чехословацкий народ должен был сопротивляться с оружием в руках советской интервенции, а Тито, как известно, был одним из самых жестких критиков шагов руководства СССР в отношении Чехословакии. Реакция Югославии в защиту позиций А. Дубчека привела к чрезвычайному ухудшению югославо-советских отношений, которые вновь вернулись к уровню, существовавшему до визита Н. Хрущева в Югославию в мае–июне 1955 года.

Характерно, что даже после вторжения, А. Дубчек и его окружение пытались сохранить политические и экономические отношения с югославами. Чехословацкое руководство, правда, под давлением СССР не смогло послать партийную делегацию на 9-ый съезд Союза коммунистов Югославии в марте 1969 года, но, однако, студенческие демонстрации перед посольством Чехословакии в Белграде хорошо показали истинное отношение прогрессивно настроенных людей, которые в принятой резолюции подчеркивали, «что югославы являлись настоящими, неэгоистичными друзьями чехословацкого народа».

---

[1] Там же.

[2] Research Memorandum for U.S. Department of State from Director of Intelligence and Research. October 7, 1969. Nixon Presidential Materials Staff. Box 733 in NA, Washington D.C. (USA).

Государственный Департамент США очень внимательно следил за состоянием отношений между Югославией и СССР и пришел к выводу, что политика балканского руководства в отношении СССР стала характеризоваться осторожностью и прагматизмом, которые вытекали из недостатка доверия к советским лидерам, непредсказуемостью их «позиций, а также страхом, что военное вторжение вполне могло угрожать и Югославии»[1].

В этих условиях, внешнеполитическая элита США стала уделять значительное внимание развитию связей с Югославией, как это было всегда, в период ухудшения отношений между СССР и балканской страной.

Кроме того, в рассматриваемый период, экономические связи между США и Югославией приобрели новые черты. При помощи экономических реформ, предпринятых в середине 60-х годов, руководство Югославии стремилось создать абсолютно уникальную систему «рыночной социалистической экономики», в которой независимые предприятия, управляемые рабочими, действовали бы в соответствии с потребностями рынка. Югославские лидеры, используя новые рычаги управления, и созданные условия стремились повысить производительность труда, более эффективно размещать ресурсы, принимая в расчет реальную себестоимость товаров и услуг.

Как известно, законом 1950 года о введении рабочего самоуправления устанавливался практически независимый статус социалистических предприятий в Югославии.

В 1965 году был принят пакет экономических законов, целью которых являлось укрепить независимый характер деятельности предприятий, дать им больше экономической свободы и инициативу для того, чтобы они являлись главными действующими лицами на «экономической сцене», а также для того, чтобы открыть их для свободного воздействия рыночных сил – как внутренних, так и зарубежных. Согласно реформам 1965 года было изменено налоговое законодательство, ценовая политика, установлены новые подходы в организации внешней торговли, таможенных тарифов. Одной из главных целей проводимых реформ являлось стремление привести югославскую экономику в большее соответствие с мировыми экономическими подходами.

В 1967 и 1969 годах были приняты решения о «легализации» зарубежных капиталовложений в экономику страны, а также о выборах директоров предприятий самими коллективами, а не местными партийными лидерами.

Изменения в налоговом законодательстве напрямую оказывали воздействие на деятельность предприятий.

Необходимо заметить также, что определённая часть законодательства 1965 года была направлена на отмену ограничений по импорту, и, таким образом, давала возможность мировым рыночным тенденциям влиять на внутреннюю ситуацию в Югославии[2].

По мере выработки нового законодательства, югославские лидеры приходили к выводу, что будущее экономическое развитие страны должно включать открытие югославского рынка для зарубежных капиталовложений. Иностранные инвестиции, по их мнению, способствовали бы привлечению и распространению новых техниче-

---

[1] Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Files. Country Files (Europe). Box 733 in NA, Washington D.C. (USA).

[2] Aleksic M. and Unkovic M. Medjunarodna trgovinska politika i spoljnotrgovinski sistem Yugoslavije, Modern Management. – Belgrade, 1979. – P. 131–133.

ских, управленческих, маркетинговых «ноу-хау», а также, безусловно, финансовых ресурсов. Специальный закон о привлечении иностранных инвестиций был принят в июле 1967 года. Тем не менее, некоторые югославские официальные лица выражали опасения, что «капиталистические деньги» будут являться угрозой для социалистической системы и для югославского «рабочего самоуправления».

Однако, несмотря на беспокойства, югославские лидеры осуществляли конкретные шаги в избранном направлении. Совместный югославо-американский бизнес-семинар состоялся в Белграде с 10 по 12 июня 1967 года, в ходе которого югославской стороной было предложено прокомментировать и оценить юридическую базу реформ, подготовленную федеральным парламентом. Ряд актов, принятых в июле 1967 года, создавал законодательную основу для осуществления притока иностранных инвестиций в страну. В частности, иностранный капитал мог составлять не более 49% при процессе создания совместных предприятий с югославской стороной. Такие отрасли, как банковская система, страховой бизнес и внутренняя торговля были исключены из сфер притока иностранного капитала[1].

Некоторые представители американского бизнеса были настроены, безусловно, скептически. Выражались сомнения, насколько принятая законодательная база могла обеспечить значительный приток капиталовложений? Скептицизм проявлялся также в самом процессе создания «совместных предприятий», темпы которого были значительно ниже планируемых. Принимая во внимание обстоятельства, первые поправки к законодательству были одобрены в 1970 году, что сделало процесс привлечения иностранных инвестиций более динамичным. (См. ПРИЛОЖЕНИЕ 5).

В целом, реформы 60-х годов, были направлены на «открытие» югославской экономики воздействию мировых рыночных сил, а также на повышение эффективности их работы в результате введения механизмов внутренней и внешней конкуренции.

К сожалению, эти усилия не получили полного завершения. Отсутствие конвертируемости динара значительно осложняло взаимодействие югославской экономики с зарубежными партнёрами. Что же касается положения внутри страны, то, зачастую, убыточные предприятия все же «поддерживались» государством «на плаву» и предотвращались от полного банкротства бюрократическими усилиями. Тем не менее, введение даже частичных реформ представляло собой важную победу для тех югославских руководителей, которые стремились создать социалистическую рыночную экономику, открытую для воздействия мировых экономических тенденций.

Таким образом, проводимые реформы имели важные политические и социальные последствия: появились возможности «выбора», даже в условиях «ограниченного» югославского рынка, что создавало условия для некоторой политической либерализации и создания открытого общества.

Тем не менее, новые экономические механизмы, несмотря на их противоречивый характер, безусловно, способствовали развитию торговых отношений Югославии со странами Запада, и, конечно, США. Хотя, необходимо признать, что торговые связи Югославии и США были довольно скромными практически на протяжении всех десятилетий после окончания Второй мировой войны, за исключением 50-х годов. (См. ПРИЛОЖЕНИЕ 4).

---

[1] Sukijasovic M., Vujacic D. Industrial Cooperation and Joint Investment Ventures between Yugoslav and Foreign Firms. – Belgrade, 1968. – P. 36.

Что же касается политических отношений, то действия США во Вьетнаме, бомбардировки американскими военными северного Вьетнама вызывали серьезную обеспокоенность в Югославии, что выражалось в демонстрациях студентов и трудящихся в Загребе, Нови Саде, Словении, участники которых требовали прекращения военных действий и полного вывода американских войск из Вьетнама[1].

Характерно, что в связи с войной во Вьетнаме, по сообщениям посольства США в Белграде, правительство Югославии провозгласило период с 13 по 20 сентября 1967 года как официальную «Неделю солидарности с народом Вьетнама», кроме того, в Словении, например, был основан Словенский народный координационный комитет для помощи жертвам империалистической агрессии[2].

Все это говорит о безоговорочной поддержке Югославией общей позиции социалистических стран, выражавшейся в абсолютном неприятии действий США во Вьетнаме.

Смена власти в Белом Доме и избрание республиканца Р. Никсона на пост президента США в 1968 году привели к активизации внешнеполитических контактов США и Югославии. Как известно, деятельность Р. Никсона и политика новой администрации в отношении стран Восточной Европы претерпели определенные изменения, которые были связаны с началом так называемой «разрядки» в отношениях между Востоком и Западом.

В конце сентября – начале октября 1970 года состоялся официальный визит президента Р. Никсона в Югославию.

Характерно, что, несмотря на «разрядку», политика США в отношении балканской страны не претерпела существенных изменений: по-прежнему, все подходы американской администрации выстраивались исходя из геополитических интересов США и «особого места» Югославии среди социалистических стран, а также ее роли как одного из главных участников Движения Неприсоединения.

Еще накануне визита Р. Никсона, К. Киссинджер, являвшийся его советником по национальной безопасности, а впоследствии Государственным секретарем, подготовил меморандум с освещением целей и задач предстоящей поездки, которая, по мнению Г. Киссинджера, состояла в сохранении и подчеркивании неизменной поддержки США целостности Югославии, ее независимости и стабильности экономического развития. Г. Киссинджер настаивал на необходимости разъяснить югославской стороне, что США вовсе не были заинтересованы в установлении «сфер влияния» в мире или достижении соглашений, которые были бы выгодны только лишь американской стороне.

По мнению Г. Киссинджера, очень важно было дать понять югославской стороне, что США вполне разделяли и поддерживали причины особой югославской политической линии в международных отношениях.

Г. Киссинджер в своем меморандуме очертил круг вопросов, которые предполагалось обсудить с руководством Югославии, а именно: проблемы Ближнего Востока, поскольку Югославия заняла резко антиизраильскую позицию после июньской войны, и балканское мнение могло сыграть определенную роль в ближневосточном урегулировании. Американская же сторона намеревалась также обсуждать основные подходы США к окончанию войны во Вьетнаме, отношения между Востоком и Запа-

[1] American Embassy, Belgrade. October 25, 1967. RG 59, Box 2844 in NA, Washington D.C. (USA).
[2] American Embassy, Belgrade. February, 1968. RG 59, Box 2844 in NA, Washington D.C. (USA).

дом, принимая во внимание склонность Тито, содействовать созыву Европейской конференции по вопросам «разрядки». Кроме того, США были заинтересованы в югославском мнении по другим вопросам международной политики, принимая в расчет, что И. Тито являлся человеком и государственным деятелем, впервые сломавшим «коммунистический монолит» в Восточной Европе и, следовательно, его «видение» положения в мире представляло значительный интерес. В частности, по мнению Г. Киссинджера, И. Тито находился в дружественных отношениях с лидером Египта Г. А. Насером, что также могло помочь интересам США, а также ситуации в Восточной Азии, присутствию Америки в Средиземноморском регионе.

Г. Киссинджер отмечал заинтересованность США в развитии двухсторонних экономических отношений с Югославией, а также поощрении американских частных инвестиций в экономику балканской страны.

Г. Киссинджер в своем меморандуме особо подчеркивал необходимость развития диалога с югославским военными, имея в виду, с одной стороны, получение определенной информации, с другой – оказание влияния на эту часть югославского общества, которая могла бы сыграть критическую роль после ухода И. Тито с политической арены. По мнению Г. Киссинджера, югославы также были заинтересованы в развитии военного сотрудничества, поскольку намеревались «разнообразить» свои источники пополнения военных запасов и, таким образом, «уменьшить» зависимость от СССР. Этой цели, по мнению Г. Киссинджера, служил визит помощника министра обороны США по вопросам международной безопасности Уоррена Наттера в Югославию, который состоялся 5–7 сентября 1970 года.

Меморандум Г. Киссинджера содержал также подробную информацию о внутреннем экономическом и политическом развитии Югославии, что, безусловно, было очень важно накануне визита президента США. На наш взгляд, интересной представлялась заключительная часть меморандума, которая касалась международного положения Югославии. Г. Киссинджер подчеркивал, что с середины 50-х годов XX века И. Тито стремился и, в целом – довольно успешно, лавировать между двумя сверхдержавами. Для обеспечения «большей значимости» И. Тито превратился в лидеры Движения Неприсоединения, причем его сотрудничество с Г. А. Насером внутри вышеупомянутой группы сделало югославского лидера одним из самых горячих сторонников «арабского дела» в ближневосточном конфликте.

По мнению Г. Киссинджера, после вторжения Варшавского блока в Чехословакию в августе 1968 года Югославия отдалилась политически и экономически от Москвы и стала ближе к Западу. Взаимоотношения балканской страны с США и Западной Европой достигли, согласно взглядам Г. Киссинджера, очень высокой степени сердечности и сотрудничества. Однако, как это было и ранее, Югославия постоянно подчеркивала свою независимость от какого-либо внешнего доминирования или союза. Тем не менее, по мнению Г. Киссинджера, за исключением Индокитая и Ближнего Востока, Югославия в целом была согласна с позициями США в Организации Объединенных Наций[1].

Визит президента США Р. Никсона, имевший место в конце сентября – начале октября 1970 года, прошел успешно и способствовал достижению тех целей, которые перед ним ставились. Интересно отметить, что Р. Никсон стал первым президентом

[1] Kissinger H.A. Memorandum for the President. September 1970. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council (NSC) Files. President's Trip Files. Box 468 in NA, Washington D.C. (USA).

США, который посетил Югославию. На обеде, который был дан в честь американского гостя, Никсон назвал И. Тито «не только великим лидером своей страны, но и человеком, который являлся гигантом на мировой политической сцене, а также тем историческим лицом, которого можно было назвать легендой своего времени»[1]. По мнению Р. Никсона, Югославия и США имели между собой много общего: прежде всего, значительное число граждан Америки своими корнями связаны с Югославией, и они внесли значительный вклад в историю и процветание северо-американского континента: оба народа характеризовались этническим, культурным религиозным разнообразием, которые, объединившись вместе составили великие мощные нации. Американский президент высоко оценил независимость, мужество и любовь к свободе югославского народа, качества, которые проявлялись на всем протяжении югославской истории.

Президент США Р. Никсон поддержал вклад Югославии в решение проблемы Европейской безопасности, а также выдающуюся роль балканской страны в функционировании Движения Неприсоединения.

Спустя год, в конце октября – начале ноября 1971 года состоялся ответный визит И. Б. Тито в США.

В ходе переговоров с Р. Никсоном И. Б. Тито затронул широкий круг международных проблем, а именно: состояние советско-югославских отношений, итоги встреч югославского лидера с главами Пакистана, Индии, руководителем СССР Л. Брежневым, ближневосточную ситуацию.

По итогам встречи с Л. Брежневым, И. Тито выразил Р. Никсону удовлетворение тем, что Советский Союз был намерен развивать отношения с Югославией на принципах независимости и суверенитета, а также уважении югославских экономических и политических тенденций государственного развития. Кроме того, И. Б. Тито подчеркнул желание Советского Союза иметь хорошие отношения и с США, прежде всего исходя из прагматических соображений.

Что же касалось ближневосточной ситуации, то оба президента высказались за урегулирование конфликта путем переговоров и, прежде всего, развитием диалога с главой Египта А. Садатом. Р. Никсона очень интересовало мнение И. Б. Тито о новом лидере Египта.

Согласно взглядам И. Б. Тито, ситуация между Индией и Пакистаном, а также ближневосточная проблема относилась к числу очень деликатных вопросов и могли быть разрешены только сугубо дипломатическими средствами[2].

Кроме вышерассмотренного переговоры двух лидеров включали вопросы европейской безопасности, военного сотрудничества Югославии и США, вьетнамскую проблему.

Серьезным вопросом американо-югославских отношений на рассматриваемом этапе являлась деятельность югославских эмигрантских организаций, члены которых были чрезвычайно антикоммунистически настроены и даже выступали против визита И. Б. Тито в Югославию.

Помимо радикальных экстремистских объединений, югославские эмигранты в США занимались религиозно-культурной деятельностью, которая, бесспорно, оказы-

---

[1] Toast by the President At State Dinner, Hosted by Tito. September 30, 1970. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council (NSC) Files. President's Trip Files. Box 468. RG 59 in NA, Washington D.C. (USA).

[2] Kissinger H.A. Memorandum for the President's File. November 1, 1971. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council (NSC) Files. VIP Visits. Box 944 in NA, Washington D.C. (USA).

вала очень важное позитивное воздействие на развитие американо-югославских отношений. Всего в США к началу 70-х годов XX века проживало примерно 1,5 млн. американцев югославского происхождения.

Интересно, но примерно с начала 50-х годов XX века несколько тысяч военных преступников Второй мировой войны из Югославии нашли себе политическое убежище в США. Некоторые из них, несмотря на принятие гражданства Америки, продолжали заниматься террористической деятельностью против Югославии. Экстремистские группы сербского происхождения (четники), а также хорватского (усташи) осуществляли свою антиюгославскую деятельность в самых разных формах. По сообщениям посольства США в Белграде она включала: организацию и подготовку групп для похищения глав дипломатических югославских миссий, празднование юбилеев, связанных с существованием Независимого хорватского государства времен Второй мировой войны.

Некоторые официальные представители федеральных и местных властей США приглашались на мероприятия, что, впоследствии эксплуатировалось различными экстремистскими группировками, и было направлено на подрыв югославо-американских отношений. В частности, согласно сообщению американского посольства в Белграде в Государственный Департамент, посол Югославии в США в своем письме от 13 июня 1968 года выражал обеспокоенность тем, что губернатор Калифорнии Р. Рейган провозгласил 10 апреля «Днем Хорватской независимости», поскольку эта дата была связана с установлением марионеточного нацистского государства в Хорватии в годы Второй мировой войны.

Кроме того, посол Югославии в США высказался против выдачи въездной визы властями США бывшему югославскому королю Петру, который был известен своими антиюгославскими высказываниями[1].

К числу наиболее активных террористических организаций в США югославского происхождения относились «Сербское молодежное движение за освобождение», члены которой осуществляли действия против югославских дипломатических миссий в США и Канаде в январе 1967 года, а также стремились создать ответвления своих организаций в западноевропейских странах. Причем члены этой группы принадлежали и к другим четническим организациям, таким как: «Сербская национальная оборона», «Сербский культурный клуб», «Сербский четнический центр».

В частности, в сентябре 1970 года члены террористической организации бывших четников в Чикаго планировали убить генерального консула Югославии в этом городе. Причем, определенные попытки предпринимались во время визита президента Р. Никсона в Югославию и имели своей целью нанести вред развитию югославо-американских отношений.

Группа хорватских экстремистов, членов организации «Хорватское Национальное сопротивление» в Огайо, планировали похитить генерального консула Югославии в Кливленде, а в ответ, требовать освобождения осужденного террориста Миленко Хркаса.

Кроме того, в газете «Свобода», органе сербских экстремистов в США в номере от 23 декабря 1970 года была опубликована статья под названием «Убийство Тито», в котором глава югославского государства подвергался жестоким оскорблениям; а в ряде других материалов, появившихся 23 и 30 июля 1971 года, содержались призывы

[1] Memorandum for Mr. Walt W. Rostow. June 13, 1968. RG 59, Box 2846 in NA, Washington D.C. (USA).

к читателям выступать против визита Тито в США. Сербская эмигрантская пресса в США содержала также призывы к борьбе против политической системы, существовавшей в СФРЮ.

Следует заметить, что еще в июне 1969 года посольство Югославии в Вашингтоне представило американской стороне меморандум, в котором подчеркивалось негативное воздействие радикальных эмигрантских южнославянских групп в США на состояние американо-югославских отношений, а также отмечались факты контактов между эмигрантскими организациями и некоторыми официальными лицами в правительстве США[1].

В этой связи, следует, правда, заметить, что по сообщениям Совета Национальной Безопасности, был подготовлен специальный меморандум для Государственного секретаря США Роджерса, в котором выражалась просьба «использовать любую возможность для воздействия на эмигрантские круги в США в целях обеспечения успешного визита И. Б. Тито, а также подготовить проект президентского заявления, призывавшего всех американцев оказать И. Б. Тито самый радушный прием»[2].

Все вышеописанное свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые проблемы, администрация США придавала очень важное значение развитию отношений с Югославией.

Оба визита еще в большей степени укрепили американо-югославские отношения, и, как подчеркивалось, в совместном коммюнике по итогам поездки И. Б. Тито в США, «несмотря на то, что независимые страны всегда будут иметь определенные различия, цель югославского государства состояла в содействии развитию хороших отношений с США во всех областях, включая политический аспект[3].

Американская же сторона также подчеркивала наличие «хорошего фундамента» отношений с Югославией во многих сферах и на всех уровнях»[4].

Посольство США в Югославии в рассматриваемый период внимательно следило и за состоянием национальных отношений, которые составляли очень важных «пласт» жизни югославского общества и, впоследствии сыгравшим решающую роль в дезинтеграции единого государства.

Как известно, после окончания Второй мировой войны ФНРЮ в политическом плане была построена на принципах «нового югославизма» и интернационализма; тем не менее, национальные проблемы, связанные с различными причинами, в том числе и с неравномерностью экономического и социального развития югославских республик давали о себе знать.

В частности, уже в апреле 1970 года посольство США в Белграде сообщало о значительных национальных проблемах в автономном крае Косово, связанных с непростыми взаимоотношениями сербского и албанского населения. По данным посольства США, албанцев в Югославии насчитывалось примерно 1,2 млн. человек, что составляло около 5 % всего югославского населения и примерно от 30 % до 40 % всех албанцев, проживавших в мире ⅔ югославских албанцев находились в Косово, и, таким образом, 70 % всего населения автономного края являлось албанским, которое исповедовало ислам. Оставшиеся 30 % составляли православные сербы.

---

[1] Memorandum for Mr. Kissinger September 23, 1971. Nixon Presidential Materials Project. National Security Council Files. VIP Visits. Box 944 in NA, Washington D.C. (USA).

[2] Там же.

[3] RG 59, Box 2840 in NA, Washington D.C. (USA).

[4] Там же.

По мнению посольства США, Косово имело очень важное значение для сербского населения, поскольку являлось центром средневековой сербской империи и церкви, а также местом битвы между сербским вооруженными силами и турками, которая, как известно, привела к поражению сербской империи.

Таким образом, до 1912 года Косово оставалось частью Османской империи, с преимущественно албанским населением и чрезвычайно низким уровнем экономического развития.

По мнению посольства США, после окончания Второй мировой войны Косово превратилось в автономную территорию внутри Сербии в составе Югославии. Несмотря на определенные шаги, предпринимаемые федеральным центром по преодолению экономической отсталости края, решить проблему кардинально не удалось, прежде всего, по причине чрезвычайно высокого уровня рождаемости албанского населения, причем самого высокого среди всех республик федеративной Югославии.

По сообщению посольства США после июльского пленума ЦК СКЮ 1966 года, руководство Югославии стало уделять гораздо больше внимание национальным правам албанского населения. По мнению американской стороны, были предприняты важные шаги для обеспечения равенства албанского языка, албанской символики, литературы на албанском языке, а также увеличения представительства Косово в верхней палате югославского парламента.

Характерно, что в сообщении в Государственный Департамент, посольством подчеркивалось, что «для обычного, рядового серба ситуация в Косово не выглядела очень благоприятной: колыбель сербской государственности находилась в «руках албанского населения, сербское влияние в Косово значительно уменьшилось с 1966 года, что вызывало серьезное недовольство политических кругов. Кроме того, по мнению посольства США, сербское недовольство обусловливалось тем фактом, что большинством сербов албанцы рассматривались как примитивные, отсталые, неспособные к интеграции люди, пригодные лишь для физического труда»[1].

Все эти факторы, как известно, способствовали чрезвычайному обострению национальных проблем Югославии особенно после смерти И. Б. Тито в 1980 году. Интересно, что ситуация в Югославии и возможные тенденции развития Балканского государства после ухода И. Б. Тито с политической арены беспокоили и интересовали внешнеполитические круги США. Посольство США в Белграде внимательно следило также и за развитием ситуации в Хорватии и Словении в конце 60-х – начале 70-х годов, которая, как известно, характеризовалась обострением социальной и межнациональной напряженности, сопутствовавшей экономической реформе. Особенно сильно данные процессы проявились в Хорватии в 1971 году. В ноябре 1970 года по всей Хорватии обсуждался проект новой Конституции. Ее статьи предусматривали дальнейшее увеличение прав союзных республик опять-таки за счет уменьшения законодательных прав органов федерации.

В период обсуждения статей проекта конституционных изменений выявились различия в оценке предложенных поправок в республиках и краях СФРЮ. Конституционная реформа ставила более развитые Словению и Хорватию в привилегированное положение, особенно по части сокращения отчислений в фонд федерации для развития национальных регионов. Практически во всех республиках – Сербии, Чер-

[1] Memorandum for the Department of State. April 9, 1970. «Serbian Attitude toward Albanians». RG 59, Box 2840 in NA, Washington D.C. (USA).

ногории, Македонии, Боснии и Герцеговине – велась критика конституционных поправок. В Хорватии в средствах массовой информации все отчетливее и чаще говорилось об эксплуатации хорватского народа путем перекачки средств республиканского бюджета в «отсталые регионы с неработоспособным населением». Разногласия в подходе к решению вопроса о путях экономического и политического развития Хорватии вызвали раскол в партийно-государственном руководстве республики. Одна его часть, во главе с Мико Трипало и Савкой Дабчевич-Кучар поддержала требования еще большей самостоятельности Хорватии, обвиняя при этом руководство страны и И. Б. Тито в шовинизме и бюрократическом централизме. Резко обострились отношения между хорватами и сербами на бытовом уровне. Оценивая ситуацию в Хорватии, И. Б. Тито даже заявил, что страна находится в преддверии межнациональной гражданской войны.

В этих условиях посольство США в Белграде в своих сообщениях в Государственный Департамент подробно освещало взгляды хорватского руководства и, прежде всего, Мико Трипало, стоявшего на либеральных позициях и стремившегося к реформам в рамках Союза коммунистов Югославии, направленных на большую демократизацию и значительную степень хорватской автономии в вопросах языка, культуры, а также экономической жизни республики[1]. Как известно, по приказу президента СФРЮ осенние волнения 1971 года в Хорватии были подавлены силами милиции и армии.

В декабре 1971 года были отстранены от должностей руководители высших партийных и государственных органов Сербии и Хорватии, в том числе и Мико Трипало. Как показали дальнейшие события, силовое решение сложной межнациональной и социально-политической ситуации дало лишь временный результат.

Интересно отметить, но внешнеполитическую элиту США волновало развитие событий в Югославии, принимая во внимание почтенный возраст И. Б. Тито, а также обострение национальных проблем в балканской стране.

Еще в июне 1971 года Р. Никсон направил меморандум в Совет Национальной Безопасности с требованием подготовить всесторонний анализ положения в Югославии, включая внутренние и внешние факторы ее развития с учетом прогнозов после возможного ухода И. Б. Тито с политической арены[2].

Элиту США беспокоило ослабление Югославии как единого государства, что могло привести впоследствии к изменениям в ее внешнеполитических ориентациях, а также к усилению давления со стороны СССР и его союзников, что не исключало, по мнению Америки, и военной интервенции.

В подготовленном с участием ЦРУ подробном анализе положения Югославии очень четко определялись национальные приоритеты США в этой балканской стране, которые состояли в заинтересованности сохранения независимой, экономически сильной, неприсоединившейся, но «обращенной на Запад» Югославии.

Целью политики США являлось оказание поддержки вышеописанной Югославии, укрепление всесторонних связей с ней, совмещая это с ее статусом главы Движения Неприсоединения.

---

[1] American Embassy Belgrade. Interview with Miko Tripalo. March 20, 1969. RG 59, Box 2842 in NA, Washington D.C. (USA).

[2] National Security Council. National Security Study Memorandum 129. «U.S. Policy and Post – Tito Yugoslavia». June 15, 1971. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Memorandums. Box H–185 in NA, Washington D.C. (USA).

Таким образом, Югославия, по мнению США, вдохновляла своим примером другие страны-союзники СССР на проведение экономических и политических реформ, которые вели бы к созданию «плюралистичного» общества в условиях социализма.

Согласно оценкам ЦРУ, содержащимся в подготовленном документе, Югославия с точки зрения географического и политического положения находилась между двумя военным блоками и, следовательно, включение Югославии целиком в орбиту советского влияния могло бы угрожать политическому и стратегическому балансу сил в Европе. По мнению США, в условиях существования советской доктрины «ограниченного суверенитета» национальная безопасность Югославии, по крайней мере, косвенно зависела от мощи западных государств. В условиях отсутствия поддержки со стороны Запада и, прежде всего, США, Югославия могла бы быть вновь подчинена советскому блоку во главе с СССР.

Угроза возникновения нестабильности в балканской стране, по мнению аналитиков, также существовала, что впоследствии вполне могло превратить Балканы вновь в пороховую бочку Европы.

Важнейшим внешнеполитическим интересом США в балканском регионе являлась защита южного фланга НАТО, а также сохранение территориальной целостности стран-членов Североатлантического альянса. По мнению авторов документа, Средиземное море представляло собой водную границу южного фланга НАТО, а также очень важную линию коммуникаций. Стратегическое значение Югославии вытекало из ее географического положения на Адриатике, возможной стартовой площадки для начала военных операций, с использованием югославских портов или баз с выходом в Средиземное море. Если бы Югославия находилась целиком в орбите советского влияния, то она была бы удобной точкой, откуда возможно было бы осуществить вторжение в Италию и Грецию.

Кроме того, по мнению ЦРУ, содержащимся в докладе, оккупация Югославии силами Варшавского договора имела бы дестабилизирующий эффект на политическую ситуацию в Италии и Австрии, и создавала бы хорошие стартовые условия для военных операций против Западной Германии через австрийскую территорию. Таким образом, независимая, неприсоединившаяся Югославия, по мнению США, являлась важнейшим фактором сохранения стабильности в Европе.

Интересно, но в подготовленном анализе указывалось, что, несмотря на стратегическую и геополитическую значимость Югославии, США не возлагали на себя каких-либо военных обязательство в отношении балканской страны. Любые военные угрозы Югославии должны были рассматриваться с точки зрения контекста Североатлантического альянса, и попытки использования сил США в Югославии должны были быть максимально согласованы с союзниками по НАТО.

Таким образом, по мнению США, необходимо было сделать все возможное, чтобы Югославия ни в коей мере не «вернулась» бы в орбиту советского влияния. Политическая же элита США должна была очень внимательно отслеживать возможные изменения в Югославии после ухода И. Б. Тито с политической арены, имея в виду стратегические и геополитические интересы США в данном регионе мира.

Кроме того, США должны были иметь определенную возможность влиять на развитие событий в Югославии в случае политического кризиса, чтобы не упустить ни малейшего шанса извлечь необходимые дивиденды[1].

По мнению аналитиков, на рассматриваемом этапе необходимо было предпринимать в основном политические шаги, которые могли бы способствовать укреплению положения Югославии, а именно: четко определить интересы США в балканской стране; смягчить проявления экстремизма эмигрантских групп в США, которые были абсолютно противоположны целям Америки в Югославии; проводить двухсторонние консультации с целью усиления роли СФРЮ в дискуссиях по вопросам европейской безопасности; установить каналы для обмена разведывательной информацией; расширить «присутствие» США в Югославии; и, таким образом, постоянно подчеркивать, что независимость Югославии, суверенитет и территориальная целостность балканского государства в полной мере отвечали интересам безопасности Соединенных Штатов.

Что касалось вопроса «присутствия» Америки в Югославии, то оно включало, прежде всего, деятельность посольства США в Белграде и Генерального консульства в Загребе, кроме того, библиотеки Информационной службы посольства США были открыты к середине 70-х годов практически во всех республиках СФРЮ.

Документ, подготовленный американскими аналитиками, включал также необходимость развития военного сотрудничества с Югославией, что, по мнению США, способствовало предотвращению возможной интервенции стран Варшавского договора против балканской страны в психологическом плане. Американская сторона намерена была расширять личные контакты военных США и Югославии через образовательные программы обмена, осуществление визитов кораблей в порты Адриатики; отпуска американских военнослужащих в Югославии; участие военных делегаций США в спонсируемых Югославией международных мероприятиях[2]. В частности, военный колледж высшего командного состава США в Форте Ливенворт (Канзас) осуществлял подготовку двух югославских офицеров ежегодно на протяжении 70-х годов XX века; согласно программе обмена один офицер армии США ежегодно с семьей прибывал в Югославию для годичного обучения также на протяжении 70-х годов; колледж командного состава военно-воздушных сил США принял на обучение одного офицера-лётчика из Югославии в июне 1972 года; помощник министра обороны США по вопросам международной безопасности посетил Югославию в мае 1970 года для участия в торжествах, посвященных 25-ой годовщине окончания Второй мировой войны.

Подготовленный документ содержал также вопросы, связанные с оказанием экономической помощи Югославии в условиях проводимой модернизации в балканской стране. По мнению американских аналитиков, предполагалось подписать соглашение с югославским правительством о реструктурировании 58 млн. долга балканского государства, который последний должен был выплатить уже в 1977 году; Меж-

---

[1] Response to National Security Study Memorandum 129. «U.S. Policy and Post – Tito Yugoslavia». September 13, 1971. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Memorandums. Box H–185 in NA, Washington D.C. (USA).

[2] Response to National Security Study Memorandum 129. «U.S. Policy and Post – Tito Yugoslavia». September 13, 1971. – P. 19. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Memorandums. Box H–185 in NA, Washington D.C. (USA).

дународный валютный фонд намеревался выделить Югославии кредит «стэнд-бай» для выплаты долгов в твердой валюте.

Согласно оценкам США, Югославия пользовалась статусом практически западного государства в торговых отношениях с США, ФРГ, Италией, Великобританией, Францией. Как известно, Югославия являлась членом МВФ, Мирового банка, Международной финансовой корпорации, ГАТТ. Американская сторона согласно анализу, намеревалась и в дальнейшем расширять экономические, научные, технические контакты с Югославией, отдавая предпочтение торговых миссиям, выставкам коммерческому присутствию на Балканах, оказывая помощь развитию туристского бизнеса, расширяя сотрудничество в сферах маркетинга и менеджмента.

По оценкам американских экспертов, основные усилия должны были быть направлены на поощрение более тесных экономических контактов Югославии с Западом и на поддержку ее внутреннего движения в направлении более открытой экономической системы, что являлось бы примером для других стран-сателлитов СССР. В случае провала югославского эксперимента по созданию «рыночного социализма», страну ожидало возращение к командной экономике 50-ых годов XX века и усилению влияния СССР.

Согласно подходам США, изложенным в документе, необходимо было поощрять частные инвестиции в экономику Югославии, всемерно развивать техническое сотрудничество, расширять экспорт в балканскую страну. Кроме того, предполагалась направлять усилия для расширения коммерческой деятельности Югославии в США.

Чрезвычайно интересной частью документа являлось рассмотрение американскими аналитиками возможных перспектив развития Югославии после ухода И. Б. Тито с политической арены, эксперты подчеркивали крайнюю заинтересованность США в сохранении целостной, независимой Югославии, придерживавшей попрежнему курса Движения Неприсоединения и после ухода И. Б. Тито с поста главы югославского государства. Кроме того, в документе выражалась прежняя заинтересованность Америки в укреплении югославского государства в экономическом и политическом планах и после возможной смерти И. Б. Тито. Политическая элита США собиралась послать своего представителя достаточно высокого уровня на похороны И. Б. Тито, а также в документе оговаривалась возможность скорейшего приглашения преемника югославского руководителя с официальным визитом в США.

В документе подчеркивалась максимальная заинтересованность Америки в сохранении и развитии экономического сотрудничества между двумя странами и после изменений в руководстве югославского государства.

Если же, по мнению американских аналитиков, Советский Союз начнет испытывать враждебные чувства к новым югославским лидерам и это будет выражаться в форме политического, экономического или военного вмешательства, то США должны были немедленно найти способы противодействовать советскому давлению, а также начать переговоры с югославским руководством о том, какие меры должны быть предприняты для минимизации негативного влияния советского вмешательства.

США рассчитывали и после ухода И. Б. Тито с политической арены продолжать активное военное сотрудничество с Югославией, которое должно было выражаться:

– в подготовке военного контингента Югославии и обучении личного состава инструкторами США с целью повышения боеспособности армии балканского государства;

– обеспечение помощи высокого уровня из США, особенно в вопросах руководства личным составом, ресурсами и менеджмента в сфере логистики;

– посещении Югославии с официальными визитами, включая приход кораблей шестого флота США в порты Югославии;

– создание специальной военной команды для обсуждения с югославской стороной, какая помощь или оборудование жизненно необходимы для поддержки независимости Югославии[1].

Безусловно, с точки зрения возможных перспектив после ухода И. Б. Тито с политической арены, вышерассмотренный сценарий был наиболее благоприятен для США, принимая во внимание национальные интересы американского государства.

Кроме сохранения единого югославского государства, американским аналитиками рассматривался возможный сценарий существования разделенной в политическом плане страны, но сохранившей независимость и свое место в Движении Неприсоединения. В этом случае, предвидя возникновение экономических проблем в стране, США намеревались оказать Югославии экономическую помощь; нейтрализовать деятельность экстремистских националистических групп в Америке, особенно хорватского происхождения, и таким образом, дистанцироваться от их махинаций, направленных на разжигание антиюгославских настроений, предусматривалось расширить радиовещание «Голоса Америки» на балканское государство, выражая в своих передачах всемерную поддержку сохранению единства страны.

Интересно, но выше обозначенная позиция была присуща руководству США на начальном этапе дезинтеграции югославского государства, имевшего место в начале 90-х годов XX века.

Предусматривался аналитиками США и вариант политического распада балканской страны в результате военного переворота, в случае которого администрация Америки должна была свести к минимуму вероятность вмешательства извне в дела Югославии, прежде всего со стороны СССР и стран Варшавского блока. США планировали воздействовать на развитие событий в Югославии политическими методами, стремясь вернуть страну на путь существования гражданского правительства, причем Америка всемерно поддерживала в своих прогнозах руководство страны, сохранявшего ориентацию на Запад.

Характерно, но наименее вероятным сценарием, по мнению аналитиков США, считалось полная дезинтеграция югославского государства, т.е. его распад на отдельные национальные образования. В этом случае, как считали американские эксперты, возврат к стабильности в регионе даже при сохранении гегемонии СССР был бы более предпочтителен, чем состояние «порохового погреба», принимая во внимание, многовековые исторические корни национальной вражды на Балканах.

Безусловно, вышерассмотренный сценарий содержал ряд негативных сторон для национальных интересов США:

– во-первых, Советский Союз возвращал бы под свой контроль всю Югославию и, возможно, Албанию, нарушая, таким образом, стратегический баланс в Европе, Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

---

[1] Response to National Security Study Memorandum 129. «U.S. Policy and Post – Tito Yugoslavia». September 13, 1971. – P. 43. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Memorandums. Box H–185 in NA, Washington D.C. (USA).

– во-вторых, СССР приобретал бы доступ к Средиземному морю, что являлось, как известно, важнейшей целью российской, а впоследствии советской дипломатии на Балканах.

– в-третьих, все политические и экономические «вложения» США в Югославию за 23 года «поддержки Тито на плаву» потерпели бы полное фиаско.

– в-четвертых, рынок для экспорта из США оказался бы полностью в руках СССР.

– в-пятых, единственная европейская альтернатива социализму «советского типа» потерпела бы крах;

– в-шестых, США и НАТО встали бы перед необходимостью пересмотреть размещение вооруженных сил в результате изменившегося стратегического баланса сил.

Чрезвычайно интересно, но в случае развития дезинтеграционного сценария и объявления, например, Хорватией политической независимости от Югославии, США не были намерены поощрять подобные шаги.

Более того, администрация США, по прогнозам экспертов, считала бы необходимым проинформировать федеральное правительство в Белграде о своем нежелании «поощрять» или «признавать» сепаратистские тенденции югославских республик; предполагалось также оговорить с советской стороной возможность сохранения нейтралитета и недопущения военного вмешательства в дела Югославии, как НАТО, так и Варшавского договора; по мнению США, было бы необходимо привлечь Совет безопасности ООН к участию в урегулировании югославского кризиса.

В случае же возможного приглашения Белградским правительством военных сил Варшавского договора, США и НАТО предполагали ответить симметричными действиями, что неизбежно привело бы к разделению или иностранной оккупации Югославии.

Тем не менее, в своем анализе, американские эксперты вновь и вновь «подчеркивали, что существовавшее единой и независимой» Югославии было бы чрезвычайно важно для национальных интересов США в данном регионе мира[1].

Если же, по мнению американских аналитиков, Советский Союз в случае развития дезинтеграционного сценария двинул бы войска в Сербию, Македонию или Черногорию, то США немедленно стали требовать от Совета безопасности ООН размещения сил Организации Объединенных Наций в Словении и Хорватии, давая тем самым понять, что в условиях отсутствия сил ООН в вышебозначенных югославских республиках, у США и НАТО не было бы иного выбора, кроме как двинуть свои военные контингенты в Словению и Хорватию с целью сохранения гарантии их независимости и, что было наиболее важно, прозападных внешнеполитических ориентаций. Безусловно, по мнению американских экспертов, вышерассмотренный сценарий не являлся бы самым благоприятным, поскольку в этом случае Советский Союз получал бы под свое влияние более половины Югославии, и рассмотренное положение дел означало бы начало новой конфронтации по линии Восток-Запад в данном регионе мира.

Следует заметить, что анализ американских экспертов, подготовленный по указаниям Р. Никсона, фактически определял основные направления внешней политики

[1] Response to National Security Study Memorandum 129. «U.S. Policy and Post – Tito Yugoslavia». September 13, 1971. – P. 59. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Memorandums. Box H–185 in NA, Washington D.C. (USA).

США в отношении Югославии до середины 80-х годов, а также и в первое время после фактической дезинтеграции страны в самом начале 90-х годов XX века.

Несмотря, однако, на чрезвычайно благоприятный характер развития американо-югославских отношений к середине 70-ых годов, тем не менее, ни в кое мере нельзя говорить о полном согласии руководства СФРЮ и, прежде всего, И. Б. Тито с «внешнеполитическим поведением» США на мировой арене.

В ноябре 1972 года в своем интервью Хорватскому изданию «Vjesnik» И. Б. Тито очень благоприятно отозвался о характере и состоянии американо-югославских отношений но, тем не менее, подверг резкой критике некоторые аспекты внешней политики США, прежде всего, имея в виду ситуацию во Вьетнаме, а также политику в отношении Израиля.

Во время частной беседы с бывшим послом США в Югославии Дж. Кеннаном, которая состоялась в середине апреля 1973 года, югославский лидер вновь негативно отозвался о внешней политике США в двух ее аспектах: во-первых, по мнению И. Б. Тито, США в действительности не очень-то стремились покинуть свои позиции в Индокитае; а, во-вторых, Америка «могла бы» оказать большое давление на Израиль в направлении достижения реального ближневосточного урегулирования[1].

Вышеуказанные замечания еще раз давали понять администрации США, что Югославия, несмотря на благоприятные отношения с Америкой по-прежнему твердо придерживалась курса Движения Неприсоединения и в некотором смысле позиции СССР в международных делах.

Как известно, в 1974 году президентом США стал представитель республиканской партии Дж. Форд.

Но следует заметить, что под новым руководством, политика США в отношении Югославии не претерпела серьезных изменений: по-прежнему США придавал большое значение развитию отношений с балканской страной, исходя из геополитических и стратегических соображений, делая ставку на поддержку целостной, независимой и экономически сильной Югославии.

В конце июля – начале августа 1975, находясь в Европе с целью посещения Хельсинки, где происходило подписание Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, президент США Дж. Форд нанес визиты лидерам Румынии и Югославии, чьи позиции во внешней и внутренней политике, как известно, не всегда совпадали с мнениями советского руководства.

3 августа 1975 года в своем приветственном обращении к И. Б. Тито и другим членам югославского руководства, Дж. Форд подчеркнул, что «12 лет назад он уже приезжал в Югославию как член американского конгресса по гораздо менее приятному поводу, а именно: землетрясению в Скопье, и тот факт, что разрушенный до основания город был восстановлен и превратился в красивый и современный центр, являлось доказательством прогресса, творчества и трудолюбия, целеустремленности – важнейших качеств югославского народа». Характерно, что в своем обращении к И. Б. Тито, американский президент назвал югославского лидера «одним из величайших политических фигур послевоенного мира». Дж. Форд выразил уверенность, что обсуждение двухсторонних отношений между США и Югославией, безусловно, ока-

[1] Memorandum for the President. Subject: U.S. – Yugoslav Relations. May 18, 1973. Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Files. Country Files – Europe. Box 734 in NA, Washington D.C. (USA).

жет влияние на сохранение мира, обеспечение безопасности в Европе, и в то же время, углубит взаимопонимание и дружбу между США и Югославией.

Дж. Форд подчеркнул значение подписания США, Югославией и еще 33 странами Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которой, по мнению американского лидера, являлся важнейшим шагом к достижению большей безопасности, сотрудничества и, конечном итоге, взаимозависимости людей не только в Европе, но и во всем мире[1].

Президент США в ходе переговоров с югославским лидером вновь и вновь высказывал восхищение независимой позицией Югославии, проявлявшейся на всем протяжении истории после окончания Второй мировой войны. Кроме того, Дж. Форд подчеркнул неизменность интересов США в отношении Югославии, а именно: полную поддержку независимости, целостности и суверенитета балканского государства.

Дж. Форд в ходе переговоров уделил значительное внимание вопросам экономического сотрудничества с Югославией, отметив рост торгового оборота между двумя странами, который более чем удвоился за последние 5 лет.

Как положительный факт, американский лидер подчеркнул создание югославо-американских экономических советов в Белграде и Нью-Йорке, органов, которые были призваны способствовать интенсивному развитию экономических отношений между двумя странами.

Помимо экономических проблем главы США и Югославии обсуждали вопросы развития научных, технических, культурных контактов между двумя странами и, что было особенно важно и традиционно для связей США и Югославии – положения в мире в связи с подписанием Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также ситуацией на Ближнем Востоке.

По итогам визита было принято соглашение, в котором выражалась готовность обоих государств всемерно содействовать поддержанию стабильности, мирному разрешению споров, уважение принципов независимости, полного равновесия государств с различными социальными, политическими и экономическими системами. Оба президента вновь подтвердили свою приверженность принципам совместного заявления, сделанного во время визита И. Б. Тито в США в октябре 1971 года о твердых основах сотрудничества между Югославией и США.

Президент Америки Дж. Форд всемирно приветствовал готовность Югославского правительства внести свой вклад в празднование 200-летней годовщины образования США посредством организации всевозможных культурных мероприятий. Дж. Форд и И. Б. Тито подчеркнули глубокие исторические и культурные связи, которые существовали между двумя странами, также вклад американских граждан югославского происхождения, которые играли важную роль в укреплении дружбы между США и Югославией.

Президент И. Б. Тито особо подчеркнул важность роли Движения Неприсоединения в современном мире, а также участия США в решении международных вопросов.

Президент США Дж. Форд вновь подтвердил заинтересованность США в прочных дружеских отношениях с Югославией, а также полную поддержку независимости, целостности и позиции неприсоединения балканского государства.

---

[1] Department of State Bulletin. – 1975. – September 8. – P. 371.

Таким образом, принципы взаимоотношений, изложенные в совместном коммюнике, вновь подтвердили прочную основу американо-югославских отношений[1].

С приходом к власти в США демократической администрации президента Дж. Картера в 1976 году политика Америки в отношении югославского государства опять-таки не претерпела значительных изменений. Характерно, что в марте 1978 года И. Б. Тито посетил Вашингтон и встретился с Дж. Картером. В ходе визита были подтверждены принципы, содержавшиеся в предыдущих документах, принятых по итогам поездок лидеров США и Югославии в 1971 и 1975 годах. Оба президента вновь подчеркнули наличие значительного потенциала экономического сотрудничества между США и Югославией, а также отметили необходимость дальнейших усилий по развитию промышленных контактов, туризма, созданию совместных предприятий.

Лидеры США и Югославии проявили максимальную заинтересованность в свободном обмене информацией между двумя странами, в развитии программы культурного обмена как по линии государственных, так и негосударственных организации, что, бесспорно, улучшало бы взаимоотношение между американским и югославским народами.

Президент И. Б. Тито и Дж. Картер обсудили важнейшие вопросы международной политики, а именно: проблемы обеспечения мира и безопасности, развития международного сотрудничества, снижения напряженности в различных регионах земного шара, решения межгосударственных вопросов путем переговоров в соответствии с духом и принципами Устава ООН.

Президенты США и Югославии согласились с важнейшей ролью Движения Неприсоединения в современном мире, и Дж. Картер подтвердил уважение Америки к твердой позиции балканской страны в этом вопросе.

И. Б. Тито и Дж. Картер высказали заинтересованность в ликвидации каких-либо барьеров для контактов людей между различными странами Европы, и, таким образом, подтвердили приверженность принципам Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Президенты США и Югославии обсудили ситуацию на Ближнем Востоке, конфликт Эфиопия–Сомали, положение в Южной Африке и пришли к выводу о необходимости дипломатического урегулирования спорных вопросов и наиболее полного воплощения принципа самоопределения африканских народов, который был, безусловно, несовместим с расизмом в различных его формах.

Кроме того, оба президента осудили терроризм в международном масштабе, и высказались за координацию усилий всех государств в борьбе с ним.

В заключение, Дж. Картер вновь подтвердил неизменную позицию США в отношении Югославии, а именно: прочную поддержку независимой территориально целостной и политически единой балканской страны. Причем, по мнению американского президента, добрые отношения и тесное сотрудничество между США и Югославией составляли очень существенный элемент внешней политики Америки, а сильная, независимая Югославия, по словам Картера, являлась важнейшим фактором баланса сил, мира и стабильности в Европе и мире[2].

---

[1] Department of State Bulletin. – 1975. – September 8. – P. 375–376.
[2] Department of State Bulletin. – 1978. – April. – P. 44–46.

Но, как известно, американо-югославские отношения в значительной мере носили персонифицированный характер, а именно, личность И. Б. Тито гарантировала определенную предсказуемость и твердость позиций Югославии на международной арене.

Но И. Б. Тито в рассматриваемый период находился в преклонном возрасте, и 4 мая 1980 года руководителя Югославского государства не стало, что закрыло целый этап в жизни балканской страны. Похороны И. Б. Тито превратились в важнейшее событие мирового масштаба, на которых присутствовали ведущие государственные деятели, такие как: М. Тэтчер, ставшая к тому времени премьер-министром Великобритании, Л. Брежнев, вице-президент США, У. Мондейл (президента Дж. Картера критиковали за то, что он не приехал лично) и многие другие руководители стран-членов Движения Неприсоединения.

Тем не менее, вскоре после смерти И. Б. Тито, 24 – 25 июня 1980 года президент США Дж. Картер посетил с официальным визитом Белград.

Интересно, что приглашение посетить Югославию прозвучало еще из уст И. Б. Тито во время его визита в Вашингтон в 1978 году.

В ходе визита Дж. Картер выразил свое восхищение И. Б. Тито, назвав его одним из величайших политических лидеров XX века, который, по словам американского президента, оставил ценнейшее наследство – сильную, независимую, «неприсоединившуюся» Югославию. По словам Дж. Картера основной целью его визита являлось заверение югославского руководства в неизменности внешнеполитического курса США в отношении Югославии, а именно: в поддержке независимости, территориальной целостности, политического единства, экономического процветания Югославского государства, что, отвечало национальным интересам США в данном регионе мира[1].

Но, как известно, примерно последние 12 лет жизни И. Б. Тито были омрачены ростом межнациональных противоречий и дезинтеграционных тенденций в югославском государстве, которые, как известно, в полной мере проявились на протяжении 80-х годов XX века и в конечном итоге привели к полному распаду единой страны и иной геополитической ситуации на Балканах.

Изменение внутренних тенденций в самих Соединенных Штатах Америки, избрание президентом Р. Рейгана в 1980 году привело к коренной перестройке международных отношений по линии Восток-Запад и способствовало окончанию периода разрядки и ознаменовало начало новой «холодной войны», внесшей свой вклад в коренные политические и социально-экономические изменения в СССР, странах советского блока и в том числе, Югославии.

Таким образом, на протяжении 60–70-х годов XX века политика США в отношении Югославии определялась, как и на более ранних этапах, общим контекстом связей между двумя блоками государств, НАТО и Варшавским Договором, которые, как известно, воплощали в себе соперничество США и Советского Союза.

В начале 60-х годов всесторонняя помощь США Югославии определялась желанием политической элиты Америки способствовать сохранению независимого курса югославского государства и предотвращению возвращения его в орбиту советского влияния. Кроме того, США видели в Югославии привлекательный пример для других

[1] Department of State Bulletin. – 1980. – August. – P. 19–20.

стран-союзников СССР в вопросах политических и экономических реформ, направленных на либерализацию всех сторон жизни социалистических стран.

Тем не менее, хотелось бы отметить, что оценить воздействие помощи США на послевоенное экономическое развитие Югославии достаточно сложно, но помощь США покрывала 60 % дефицита платежного баланса Югославии за период 1950–1964 годов и добавляла примерно 2 % к росту национального дохода на протяжении 50-х годов, который в среднем составлял 7,5 % ежегодно[1].

Выделяя помощь Югославии, США действовали, примерно, по трем направлениям:

- во-первых, они воздействовали на так называемые «западные» международные организации с целью принятия Югославии в их члены (МВФ, МБРР, ГАТТ);
- во-вторых, США стимулировали проведение экономических реформ в балканской стране;
- в-третьих, сотрудничество с американскими бизнес-кругами способствовало ознакомлению югославов с передовыми технологиями в области промышленности.

Членство Югославии в международных экономических организациях не только способствовало развитию связей балканской страны с «рынками» Запада, но также стимулировало некоторые внутренние изменения в сторону либерализации как в экономических, так и в политических планах.

В целом, следует заметить, что экономическая помощь США Югославии способствовала «вестернизации» страны, а также развитию положительного отношения к США со стороны населения Югославии, особенно молодежи, что, безусловно, отвечало интересам Америки.

Поддержка США Югославии определялось также важнейшим геополитическим положением балканского государства, независимый внешнеполитический курс которого сохранял баланс сил и равновесие между двумя блоками государств в Средиземноморье, Адриатике, на Ближнем Востоке, нарушение которого было чревато стратегическими изменениями в пользу Советского Союза. С началом периода разрядки по линии отношений Восток – Запад США продолжали свою политику поддержки целостной, независимой, «неприсоединившейся», экономически сильной Югославии, которая, по мнению политических элит США, выступала гарантом мира, стабильности и баланса сил в важнейшем, со стратегической точки зрения, регионе мира.

Лидерство Югославии в Движении Неприсоединения позволяло ей, по мнению США, играть роль «моста» между Востоком и Западом, что, безусловно, делало ее равноправным партнером в разрешении сложнейших международных проблем рассматриваемого периода.

[1] Markovich St. American Foreign Aid and Yugoslav International Policies // East European Quarterly. – 1975. – № 9. – P. 185–193.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В глобальной внешнеполитической стратегии двух держав – США и СССР – особое место отводилось региональной политике. Именно Центрально-Восточная Европа стала тем регионом, где впервые после окончания Второй мировой войны столкнулись геополитические интересы двух крупнейших и наиболее влиятельных государств мира, а также две космополитические концепции общественного развития: «американского мира», основанного на либеральных ценностях, и «советской модели социализма». Внешнеполитические подходы США к странам Восточной Европы определялись, прежде всего, важным геополитическим и стратегическим значением этих стран в глобальной конфронтации двух сверхдержав. Немаловажную роль играли деятельность эмиграции из Восточной Европы в Соединенных Штатах, а также традиционная приверженность идеям национального самоопределения и индивидуальных прав и свобод, которые, по мнению американской политической элиты, грубо нарушались в странах советского блока [50; 53; 56; 57; 62].

2. Основные цели внешней политики США в Центрально-Восточной Европе не были жестко детерминированы как по содержанию, так и по временным рамкам. До 1956 г., как известно, существовали значительные надежды на повторение пути Югославии, а именно «отхода» других государств Восточной Европы от магистральной политической линии Организации Варшавского Договора во главе с СССР. В 50 – 70-х годах XX в. произошли определенные перемены в концептуальных внешнеполитических подходах США к странам Центрально-Восточной Европы. За этот период сменилось шесть восточноевропейских доктрин США: «сдерживание», «освобождение», «мирное вовлечение», «наведение мостов», «реальная политика» Г. Киссинджера, которая достигла своей кульминации в «доктрине Сонненфельдта», и «моральная политика» администрации Дж. Картера. Характерно, что восточноевропейские доктрины Америки уточняли применительно к изменившейся обстановке методы и средства возможного достижения целей, которые, как уже отмечалось выше, оставались неизменными, а именно – возвращение стран Центрально-Восточной Европы на путь плюрализма в области политики, идеологии и экономики. Югославии, занимавшей важное геополитическое и стратегическое положение и проводившей особую, независимую политику, внешнеполитическая элита США отводила значительная роль в разрушении «советского блока» [50; 57; 59; 62].

3. Вторая мировая война оказала чрезвычайно глубокое воздействие на Югославию и США, а также на их взаимоотношения друг с другом. В начале военных действий между странами существовали чрезвычайно ограниченные контакты, сводившиеся преимущественно к поддержке США короля Петра и югославского правительства в эмиграции. На этом этапе достаточно сложно говорить об активной политике США по отношению к Югославии, так как они признавали ведущую роль Великобритании на Балканах. Важную роль в развитии югославской политики США сыграло решение союзников открыть второй фронт в Северо-Восточной Франции. В сущности, эти действия не являлись строго политикой в отношении именно Югославии. На этом этапе можно говорить лишь об отсутствие стратегически важных интересов США на Балканах.

Только с января 1945 г. США стали демонстрировать определенные действия в отношении Югославии, выразившиеся в признании власти КПЮ во главе с И.Б. Тито,

хотя и без всякого энтузиазма, поскольку не видели ему иной альтернативы. К концу 1945 г. США были поставлены перед фактом необходимости развития более конкретной политики в отношении Югославии, имея в виду ее важное геополитическое и стратегическое положение, посредством присутствия войск в Италии, Австрии, Триесте, а также воздействия своим политическим престижем и властью. США видели в Югославии страну, на территории которой скрещивались цивилизационные влияния Востока и Запада, но также и государство, находившееся целиком под влиянием Советского Союза в экономическом, политическом, идеологическом отношениях, что и обусловило особый курс США в отношении этой балканской страны, главным императивом которого было сопротивление «экспансии» стран советского блока на протяжении 1945–1948 гг. [50; 51; 53; 54; 55; 57].

4. Конфликт Сталина и Тито, произошедший в 1948 г., сыграл огромную роль во взаимоотношениях Югославии и США. Югославия, независимая от советского контроля, лишала Советский Союз своей военной поддержки в чрезвычайно важной части Европы. В то же время стремление Тито к автономии представляло собой дестабилизирующее начало внутри коммунистического блока, означавшее, что государства-союзники СССР могут быть способны на самостоятельные шаги и решения. Помогая Югославии, США демонстрировали своей политикой тот факт, что «независимые» коммунистические правительства вполне могут получить «теплый прием» на Западе. США сделали ставку в своей политике на возможные националистические устремления государств Центрально-Восточной Европы, направленные на «освобождение» от советского контроля. Таким образом, стратегия «вбивания клиньев», ставшая основой внешнеполитического подхода США в отношении Югославии, имела вполне реальное практическое воплощение [50; 44; 46; 49; 58].

5. В период президентства Г. Трумэна и в начале нахождения у власти Д. Эйзенхауэра отношения между США и Югославией были достаточно уникальны, имея в виду классовую природу и риторику югославского руководства. В то время, как США не питали абсолютно никаких иллюзий в отношении коммунистической сути политики правительства И. Б. Тито, Г. Трумэн, как и впоследствии Д. Эйзенхауэр, хорошо понимали, что любая «трещина» в советском блоке отвечает национальным интересам и соображениям безопасности США. Уже само существование широкого диалога между Югославией и США, в то время как последние вели военные действия в Корее, а И. Б. Тито защищал марксистскую идеологию, демонстрировало способность обеих стран основывать свою внешнюю политику на соображениях национальной безопасности гораздо в большей степени, чем на идеологических императивах.

Тем не менее, «стратегия вбивания клиньев» оказалась более эффективной в применении к политическим вопросам, а также к двухсторонним американо-югославским связям в большей степени, чем в отношении планирования в рамках НАТО. Несмотря на подписание пакта с Грецией и Турцией, Югославия продолжала придерживаться независимой внешнеполитической линии. Таким образом, во время первых лет нахождения у власти администрации Эйзенхауэра Тито выиграл в «холодной войне» между Востоком и Западом. Режим югославского лидера пользовался поддержкой; каждая из соперничавших сторон стремилась завоевать его симпатии с целью достижения своих внешнеполитических целей. Тем не менее, И. Б. Тито выбрал «третий путь» – неприсоединения, при этом и Советский Союз, и США по-прежнему стремились сохранять влияние на его политику [50; 45; 49; 54].

6. Советский Союз значительно влиял на югославо-американские связи. Отношения США и Югославии в целом находились в обратной зависимости от отношений Югославии с СССР. Выявляя такую характерную особенность югославо-американских отношений, как их взаимосвязанность с состоянием югославо-советских контактов, диссертант далек от того, чтобы упрощенно представлять дело таким образом, будто улучшение югославо-советских отношений всегда и чуть ли не автоматически вело к ухудшению югославо-американских связей и наоборот. Однако известная взаимозависимость и взаимообусловленность тех и других отношений, прослеженная в диссертации на основе документальных фактов, не вызывает сомнений. Как показано в работе, на чередование периодов улучшения и ухудшения американо-югославских отношений определяющее воздействие оказывали степень приближения Югославии с СССР, а также появление во внешней и внутренней политике Югославии интересов, обособлявших ее от стран – союзников СССР [54; 55; 57; 58; 60; 61; 335; 336].

7. Следует отметить, что для подхода США к Югославии на протяжении рассматриваемого периода были присущи две линии, олицетворявшиеся, с одной стороны, президентами, которые, как правило, ратовали за более «гибкую», «реалистическую» политику, направленную на всемерную поддержку Югославии и ее независимого курса, и, с другой стороны, Конгрессом, отстаивавшим более жесткий курс, что создавало значительные сложности при обсуждении вопросов о выделении необходимой экономической и финансовой помощи Югославии. Основными пунктами разногласий по Югославии являлись: якобы отсутствие религиозной свободы в этой балканской стране и авторитарный характер общественно-политической системы югославского государства [50; 47; 48; 60; 61; 152].

8. Независимая, но по-прежнему социалистическая Югославия не была той страной, которую хотели видеть и Трумэн, и Эйзенхауэр, оказывая ей поддержку в конфликте со Сталиным. Однако, решимость, проявленная обеими администрациями поддержать Тито у власти, несмотря на неприемлемую для них коммунистическую систему, демонстрировала преемственность, которая существовала внутри демократического и республиканского подходов к вопросам противодействия «коммунистической угрозе», что было продолжено их преемниками на протяжении 1960 – 1970-х гг. [50; 58; 49].

9. В начале 1960-х гг. всесторонняя экономическая помощь США Югославии определялась желанием политической элиты Америки способствовать сохранению независимого курса югославского государства и предотвращению возвращения его в орбиту советского влияния. Кроме того, США видели в Югославии привлекательный пример для других стран-союзников СССР в вопросах политических и экономических реформ, направленных на либерализацию всех сторон жизни социалистических стран. В целом, Югославия рассматривалась США как государство, сотрудничающее с западным миром в экономической области. Как известно, США воздействовали на так называемые «западные» международные организации с целью принятия Югославии в их члены (МВФ, МБРР, ГАТТ), что способствовало развитию связей балканской страны с «рынками» Запада, а также стимулировало некоторые внутренние изменения в сторону либерализации как в экономической, так и в политической сферах. В целом, экономическая помощь США Югославии способствовала некоторой «вестернизации» страны, а также развитию положительного отношения к США со стороны части населения Югославии, особенно молодежи, что отвечало геополитическим интересам Америки [54; 55; 60; 61].

10. На протяжении 1960 – 1970-х гг. югославская политика США характеризовалась расширением политических, экономических, культурных связей двух-стран,имевших в своей основе «особое отношение» Америки к Югославии, обусловленное ее важным геополитическом положением, независимый внешнеполитический курс которой сохранял баланс сил и равновесие между двумя блоками государств в Средиземноморье, Адриатике, на Ближнем Востоке. С началом периода разрядки по линии отношений Восток – Запад США продолжали свою политику поддержки целостной, независимой, «неприсоединившейся», экономически сильной Югославии, которая, по мнению политической элиты США, выступала гарантом мира, стабильности и баланса сил в важном со стратегической точки зрения регионе мира. Лидерство Югославии в Движении Неприсоединения позволяло ей, по мнению США, играть роль «моста» между Востоком и Западом, что делало ее партнером Америки в разрешении многих международных проблем [50; 45; 47; 60; 61].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Американская историография внешней политики США, 1945–1970. – М.: Наука, 1972. – 402 с.
2. Андреев В.Г. Геополитика и мировые войны XX века // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 11. –81–95 с.
3. Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002. – 310 с.
4. Аникеев А.С. Югославия в политике США и их союзников по НАТО в 50-е годы. Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1983. – 21 с.
5. Аптекер Г. Внешняя политика США и «холодная война». – М.: Наука, 1963. – 423 с.
6. Балканы: между прошлым и будущим. – М.: Российская АН, Ин-т международных экономических и политических исследований / Редколлегия: проф. А. А. Язькова, Б. А. Шмелев. – М.: Апрель–85, 1995. – 222 с.
7. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 11. – С. 3–15.
8. Баталов Э.Я., Кременюк В.А. Россия и США: соперники или соратники. Об опыте недавнего прошлого и возможных перспективах на будущее // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 6. – С. 19–36.
9. Белевцева С.Р. Восточноевропейская стратегия США в конце 1980-х гг. // Новая и новейшая история. – 2002. – № 6. – С. 18–25.
10. Белоусов М.М. Довгополый И.И. Эволюция подхода США к социалистическим странам Восточной Европы // Вестник Киев. ун-та. Международные отношения и международное право. – 1985. – № 21. – С. 19–42.
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2000. – 254 с.
12. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2005. – 287 с.
13. Буржуазная историография Второй мировой войны. Анализ современных тенденций. – М.: Наука, 1985. – 423 с.
14. Бычков Ю.Е. Югославо-американские отношения в 80-е годы. Автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Дипломатическая академия МИД СССР. – М., 1988. – 15 с.
15. Вишневский М.Л. О доктрине «американского мирового лидерства» // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 9. – С. 68–82.
16. Волков В.К. «Новый мировой порядок» и Балканский кризис 90-х гг. // Новая и новейшая история. – 2002. – № 2. – С. 11–51.
17. Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго–Восточной Европы. – М.: Индрик, 2000. – 367 с.

18. Волкова Е.Д. Вашингтон и Восточная Европа. – М.: Наука, 1984. – 318 с.

19. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. – М.: Росспэн., 2002. – 686 с.

20. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: В 2 т. / Ред. кол. Т. В. Волокитина, Т. М Исламов, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Л. А. Роговая. Москва – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Российская АН. Ин-т славяноведения. – 1949–1953. – Т. 2. – 1004 с.

21. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 / Отв. ред-ры: В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. Рос. Акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Индрик, 1999. – 525 с.

22. Гибианский Л.Я. Положение Югославии в 1945 г. в документах американских дипломатических публикаций // Советское славяноведение. 1970. – № 1. – С. 105–113.

23. Гибианский Л.Я. Секретная советско-югославская переписка 1948 г. // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5. – С. 119–137.

24. Гибианский Л.Я. Советский Союз и Новая Югославия. 1941–1947 гг. – М.: Наука, 1987. – 201 с.

25. Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. – М.: Политиздат, 1992. – 359 с.

26. Грайнер Б. Американская внешняя политика от Трумэна до наших дней. – М.: Международные отношения, 1986. – 175 с.

27. Грызунов С.П. Проблемы европейской безопасности и сотрудничества во внешней политике СФРЮ (1980–1988). Автореф. диссертации на соискание учёной степ. канд. ист. наук. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра мировой политики и международной деятельности КПСС. – М., – 1989. – 21 с.

28. Давыдов Ю.Н. Демократия, демократизация и проблема войны и мира // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 7. – С. 3–16.

29. Давыдов Ю.П., Кожокин П.М. Политика США в Восточной Европе // США: экономика, политика, идеология. – 1990. – № 2. – С. 33–41.

30. Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. – 544 с.

31. Джолангич А. Югославия во Второй мировой войне. – Белград, 1967. – 640 с.

32. Джонстон М.Д. Почему Америка должна «служить» мировым лидером // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 7. – С. 29–39.

33. Димитров Г. Дневник. – София, 1997. – 340 с.

34. Егорова Н.И. Новые документы по истории советско-американских отношений. 1945–1948 гг. // Новая и новейшая история. – 2005. – № 4. – С. 162–172.

35. Жинкина И.Ю. Глобальное лидерство США и его влияние на международные отношения // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 7. – С. 39–49.

36. Жинкина И.Ю. Фактор силы в системе американских стратегических целей // США – Канада: экономика, политика, идеология. – 1996. – № 4. – С. 50–57.

37. Жуковская Н.В. Балканы во внешней политике США в первой четверти XX века // Славяноведение. – 2004. – № 5. – С. 14–29.

38. Зубок В.М., Печатков В.О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 143–151.

39. История США: В 4-х т. – Т. 3 / Главн. редактор Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 1985. – 671 с.

40. Каграманов Ю. Многоэтажная Америка. Внешнеполитическое мышление в Соединенных Штатах: мифы и реальность // Открытая политика. – 1998. – № 6. – С. 66–73.

41. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года: В 2-х т. – М.: Международные отношения, 2000. – Т. 1. – 589 с.; Т. 2. – 461 с.

42. Кеннан Дж. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 81–99.

43. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

44. Космач Е.Н. Роль армии в системе «югославской модели социализма» // Гісторыя: праблемы выкладання. – 1998. – № 2. – С. 10 – 25.

45. Космач Е.Н. «Загребская весна»: причины и последствия // Гісторыя: праблемы выкладання. – 1999. – № 3. – С. 25 – 36.

46. Космач Е.Н. Отмена автономии в Косово: причины и последствия // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2001. – № 2. – С. 33–43; 2001. – № 1. – С. 19 – 29.

47. Космач А.М. Балканскі нацыяналізм як феномен ХХ стагоддзя // Беларускі Гістарычны Часопіс. – 2002. – № 4. – С. 3 – 10.

48. Космач Е.Н. Илия Гарашанин: сербский национальный лидер // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2003. – № 2. – С. 9 – 18.

49. Космач Е.Н. От Белграда до Бриони и Москвы: некоторые аспекты политических отношений США и Югославии (1955–1956) // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2003. – № 5. – С. 3 – 12.

50. Космач Е.Н. Внешняя политика США в отношении Югославии (1943–1960 гг.): проблемы и подходы. – Мн.: УИЦ БГПУ, 2003. – 166 с.

51. Космач А.М. Рух паўднёвых славян за незалежнасць і падзенне Аўстра-Венгрыі, пазіцыя ЗША па абазначанай праблеме // Весці БДПУ. – Серыя 2. – 2004. – № 3. – С. 18–26.

52. Космач Е.Н. США и территориальные проблемы Королевства СХС (1918–1920 гг.) // Айчынная і сусветная гісторыя: сучасные погляды і метады даследавання. – Мн.: УИЦ БГПУ, 2004. – С. 207 – 222.

53. Космач Е.Н. Югаславія, СССР, ЗША: пачатак супрацьстаяння (1941–1947 гг.) // Беларускі Гістарычны Часопіс. – 2004. – № 1. – С. 3 – 13.

54. Космач Е.Н. Экономические связи с США: 60–80-е годы ХХ века // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2004. – № 2. – С. 3 – 9.

55. Космач Е.Н. Рост югославской экономики, «рыночный социализм» и экономические связи с США: 60–80-е годы ХХ века // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2004. – № 4. – С. 3 – 13.

56. Космач А.М. Цэнтральна-Усходняя Еўропа Еўропа паміж Усходам і Захадам у пачатковы перыяд “халоднай вайны”: асноўныя напрамкі знешняй палітыкі ЗША (1943 – 1946) // Весці БДПУ.Серыя 2. – 2005. – № 1. – С. 70 – 76.

57. Космач А.М. Асноўныя напрамкі знешняй палітыкі ЗША ў пачатковы перыяд “халоднай вайны” (1943 – 1946) // Весці БДПУ. – 2005. – Серыя 2. – № 3. – С. 27 – 37.

58. Космач А.М. ЗША – Югаславія – СССР: узаемаадносіны у час “халоднай вайны” // Беларускі Гістарычны Часопіс. – 2005. – № 2. – С. 10 – 17.

59. Космач А.М. Знешняя палітыка ЗША ў краінах Цэнтральна-Усходняй Еўропы ў 1950 – 1970-я гг. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 11. – С. 19 – 27.

60. Космач А.М. Кенэдзі і Югаславія: асноўныя напрамкі знешнепалітычных падыходаў // Весці БДПУ.Серыя 2. – 2005. – № 4. – С. 34 – 42.

61. Космач А.М. Становішча Югаславіі ў палітыцы "разрадкі" паміж Усходам і Захадам у 70-х гг. XX ст. // Весці БДПУ.Серыя 2. – 2006. – № 1. – С. 48 – 57.

62. Космач Е.Н. Идеология внешней политики США: англо-американская историография проблем «холодной войны» // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2004. - №2. – С. 12 – 21.

63. Кременюк В.А. Новая мировая ситуация и ее влияние на политику США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 5. – С. 3–15.

64. Кроссер П. «Холодная война» в исторической перспективе (1918–1945) // Известия Академии наук Латвийской ССР. – 1971. – № 3. – С. 99–106.

65. Кузнечевский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. – М.: Наука, 1990. – 187 с.

66. Лапицкий М.И. Американская деловая культура США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 6. – С. 81–96.

67. Лафебер У. Американская историография внешней политики США // Новая и новейшая история. – 1993. – № 1. – С. 195–205.

68. Механизм формирования внешней политики США / Отв. редактор Г. А. Трофименко. – М.: Наука, 1986. – 203 с.

69. Невинс А., Коммаджер Г. История США: от английской колонии до мировой державы. – Нью–Йорк: Телекс, 1991. – 439 с.

70. Недева – Димитрова И. Политика США в отношении социалистических стран Балканского полуострова (1969–1976). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – М.: МГИМО, 1979. – 24 с.

71. Олещук Ю. Американская опасность // Свободная мысль. – 2001. – № 6. – С. 59–67.

72. Орлик И.И. Империалистические державы и Восточная Европа. – М.: Наука, 1968. – 283 с.

73. Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945. Документы и материалы. – М., 1998. – 858 с.

74. Печатнов В.О. СССР и США в 1939–1945 годах. Новые документы // Новая и новейшая история. – 2005 г. – № 5. – С. 156–169.

75. Писарев Ю.А. Из истории экспансии империализма Соединенных Штатов Америки на Балканах (1918–1923) // Изв. Академии Наук ССР. Сер. истории и философии. – 1950. – Т.7. – № 4. – С. 373–383.

76. Потехин А.В. Дипломатия США в Восточной Европе: 1945–1950. – Киев: Навукова Думка, 1991. – 138 с.

77. Розанов А. Стратегия глобальной вовлеченности // Беларуская Думка. – 1997. – № 10. – С. 159–164.

78. Россия и Центрально-Восточная Европа в первой половине 90-х годов: В 2 ч. / Руководитель исследоват. проекта, доктор исторических наук, профессор И. И. Орлик. – М.: Ин-т международных экономических и политических исследований, 1997. – Ч. 1. – 180 с.; Ч. 2. – 195 с.

79. Самуйлов С.М. Межнациональные кризисы в Европе: содержание, роль Запада и политика России. – М., 1994. – 91 с.

80. Славин Г.М. Освободительная война в Югославии. – М.: Наука, 1965. – 151 с.

81. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1995 гг.) Новое прочтение / Ответственный редактор – доктор ист. наук, Л. Н. Нежинский. – М.: Международные отношения, 1995. – 509 с.

82. Советский Союз в Организации Объединенных Наций: В 2 т. – Т. 1 / Отв. редактор И. Г. Усачев. – М.: Наука, 1965. – 456 с.

83. Советский фактор в Восточной Европе (1944–1953) (документы) / Ред. коллегия: Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, О. В. Наумов, А. Ф. Носкова, Т. В. Царевская. – М., Росспэн, 1999. – Т. 1. – 1944–1948. – 687 с.; Т. 2. – 1949–1953. – 927 с.

84. Советско-американские отношения в современном мире / Отв. редактор Г. А. Трофименко. – М.: Наука, 1987. – 302 с.

85. Современная внешняя политика США: В 2 т. – Т. 2 / Отв. редактор Г. А. Трофименко. – М.: Наука, 1984. – 479 с.

86. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. – М.: Наука, 1975. – 179 с.

87. Стругар В. Югославия в огне войны (1941–1945). – М.: Наука, 1985. – 343 с.

88. США: внешнеполитический механизм. Организация, функция, управление / Отв. редактор Ю. А. Шведков. – М.: Наука, 1972. – 368 с.

89. Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом (1944–1948) / Отв. ред. В. В. Марыкина. – М.: Наука, 2002. – 222 с.

90. Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 7. – С. 17–28.

91. Уткин А.И. Единственная сверхдержава. – М.: Алгоритм, 2003. – 573 с.

92. Уткин А.И. Мировая «холодная война». – М.: Эксмо, Издательство Алгоритм, 2005. – 736 с.

93. Уэст Р. Иосип Броз Тито: Власть силы. – Смоленск: Русич, 1997. – 512 с.

94. Хатыс С. Стратегия США в отношении социалистических государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – М.: МГИМО, 1983. – 25 с.

95. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 3–17.

96. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3 т. – Т. 1 / Отв. редактор И. И. Орлик. – М.: Наука, 2000. – 483 с.; Становление реального социализма (1945–1965). – Т.2. / Отв. редактор Б. А. Шмелев. От стабилизации к кризису (1966–1989). – М.: Наука, 2002. – 515 с.; Т. 3. – Трансформации 90-х годов. – Ч. 1. / Отв. редактор С. П. Глинкина. – М.: Наука, 2002. – 461 с.; Ч. 2. – М.: Наука, 2002. – 463 с.

97. Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2002. – 590 с.

98. Чепреганов Т. The Response to the National Liberation War in Yugoslavia in the Press of the USA (1941–1945). Ин-т за нац. историја. – Скопје: ИНИ, 1992. – 165 с.

99. Шаклеина Т.А. Внешнеполитические дискуссии в США: поиски глобальной стратегии // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 10. – С. 3–15.

100. Шаклеина Т.А. Дискуссии в США по внешней политике // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 12. – С. 34–47.

101. Шенин С.Ю. Еще раз об истоках «холодной войны»: Бреттон-Вудский аспект // США – Канада: экономика, политика, идеология. – 1998. – № 5. – С. 77–87.

102. Языкова А.А. Политика США в отношении социалистических государств Юго-Восточной Европы в послевоенные годы // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. Балканские исследования. – 1984. – Вып. 9. – 428 с.

103. Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. – New York: New American Library, 1962. – 1024 p.

104. Acheson D. Sketches from Life of Men I have Known. – New York: Harper and Brothers, 1959. – 206 p.

105. Adizes I. Industrial Democracy: Yugoslav State. – New York, London: Free Press. Coller – Macmillan Ltd., 1971. – 292 p.

106. Adomeit H. Soviet Risk. – Taking and Crisis Behavior. – London, Boston, Sydney: George Allen and Unwin, 1982. – 373 p.

107. Almond G.A. The American People and Foreign Policy. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1950. – 269 p.

108. Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. – New York: Vintage Books, 1967. – 317 p.

109. Ambrose S.E. Rise to Globalism: American Foreign Policy Since 1938. – New York: Penguin Books, 1971.

110. Ambrose S.E. Eisenhower: Soldier and President. – New York: Simon and Shuster, 1990. – 635 p.

111. The American Secretaries of State and Their Diplomacy. Vol. XIV / Ed. by Ferrel R.H. – New York: Copper Square Publishers, Inc., 1965. – 423 p.

112. Anderson T.H. The United States, Great Britain and the Cold War (1944–1947). – Columbia and London: University of Missouri Press, 1981. – 255 p.

113. Arendt A. The Origins of Totalitarianism. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1951. – 474 p.

114. Arkes H. Bureacracy, the Marshall Plan and the National Interest. – Princeton, New Jersey, 1972. – 395 p.

115. Armed T. The Beginnings of the Cold War (1945–1946). – New York: Atheneum, 1987. – 667 p.

116. Artisien P.F.R. Joint Ventures in Yugoslav Industry. – Vermont: Boorfield Gower Publishing Company, 1985. – 221 p.

117. Aslund A. Post-Communist Economic Revolutions. – Washington: The Center for Strategic and International Studies, 1992. – 106 p.

118. Aspaturian V.V. Process and Power in Soviet Foreign Policy. – Boston: Little, Brown and Company, 1971. – 936 p.

119. Bailey T.A. The Marshall Plan Summer. An Eyewitness Report on Europe and Russians in 1947. – Stanford, California: Hoover Institution Press, 1977. – 246 p.

120. Baldwin H.W. Great Mistakes of the War. – New York: Harper and Brothers Publishers, 1950. – 114 p.

121. Baldwin H.W. Great Arms Race. – New York: Frederick A. Praeger Publishers, 1958. – 116 p.

122. Baldwin D.W. Foreign Aid and American Foreign Policy. A Documentary Analysis. – New York, Washington, London: Frederick A. Praeger Publishers, 1966. – 261 p.

123. Balfour M. The Adversaries: America and Russia and the Open World: 1941–1962. – London: Routledge and Kegan, 1981. – 259 p.

124. Banfield E.C. American Foreign Aid Doctrines. – Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1963. – 69 p.

125. Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. – London: The Macmillan Press Ltd., 1976. – 319 p.

126. Barnes T. The Secret Cold War: The CIA and American Foreign Policy in Europe, 1946–1956 // Historical Journal. – 1982. – Part II. – Vol. 25(3). – P. 203–225.

127. Barnett R.Y. Roots of War. – New York: Atheneum, 1972. – 350 p.

128. Barnett R.Y. Intervention and Revolution: The United States in the Third World. – New York: Institute for Foreign Policy Studies. – 351 p.

129. Beard C.A. The Idea of National Interest: An Analytical Study in American Foreign Policy. – New York: The Macmillan Company, 1934. – 583 p.

130. Becker J., Kipping F. Power in Europe? Great Britain, France, Italy and Germany in Postwar World, 1945–1950. – Berlin, New York: Walter de Gruxeter, 1986. – 583 p.

131. Beckett W.E. The North Atlantic Treaty. The Brussels Treaty and the Charter of the United Nations. – London: Stevens and Sons Ltd., 1950. – 75 p.

132. Beckman P.R. World Policies in the 20th Century. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, Inc., 1984. – 374 p.

133. Bell C. The Diplomacy of Détente. The Kissinger's Era. – New York: St. Martin's Press, 1977. – 277 p.

134. Bell C. The Conventions of Crisis. – London: Oxford University Press, 1971. – 131 p.

135. Betts R.K. Soldiers, Statesmen and Cold War Crisis. – Cambridge, Massachusetts and London, England, 1977. – 292 p.

136. Bialer S. The Soviet Paradox: External Expansion, Internal Decline. – New York: Alfred A. Knopf, 1986. – 386 p.

137. Bičanič R. Economic Policy in Socialist Yugoslavia. – Cambridge: Cambridge University Press. 1973. – 254 p.

138. Billington J. Realism and Vision in American Foreign Policy // Foreign Affairs. – 1987. – Vol. 65. – October. – P. 630–652.

139. Billis S.L. Empire and Cold War. The Roots Os U.S. – Third World Antagonism, 1945–1947. – London: Macmillan Ltd., 1990. – 280 p.

140. Black C.E. Challenges in Eastern Europe. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1954. – 276 p.

141. Blechman B.M., Kaplan S.S. Force Without Wat: U.S. Armed Forces as a Political Instrument. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1978. – 584 p.

142. Blejer M.I., Skreb M. Macroeconomic Stabilization in Transition Economies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 338 p.

143. Blum J.M. Woodrow Wilson and the Politics of Morality. – Toronto: Little, Brown and Company, 1956. – 215 p.

144. Blum J.M. From Morgenthau Diaries. Years of War, 1941–1945. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1967. – 526 p.

145. Bohlen C.E. Witness to History: 1929–1969. – New York: Norton and Company, 1973. – 561 p.

146. Boulding K.E. Conflict and Defence. A General Theory. – New York: Harper and Row Publishers. 1962. – 349 p.

147. Bowles C. Promises to Keep. My Years in Public Life (1941–1969). – New York, Evanston, San-Francisco, London: Harper and Row Publishers. 1971. – 655 p.

148. Boyle P.Y. The Churchill – Eisenhower Correspondence (1953–1955). – Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1990. – 231 p.

149. Brandon H. The Retreat of America Power. – Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc., 1973. – 368 p.

150. Brands H.W. The Specter of Neutralism: The United States and the Emergence of the Third World (1947–1960). – New York: Columbia University Press. – 373 p.

151. Brands H.W. Redefining the Cold War: American Policy Toward Yugoslavia (1948–1960) // Diplomatic History. – 1987. – Winter. – P. 41–53.

152. Brinkley D., Griffits R.T. John F. Kennedy and Europe. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1999. – 349 p.

153. Brinkley D. The Clinton Doctrine // Foreign Policy. – 1996. – № 106. – P. 111–127.

154. Browder R.P. The Origins of Soviet – American Diplomacy. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1953. – 256 p.

155. Brown W.A. American Foreign Assistance. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1953. – 615 p.

156. Brown S. The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson. – New York and London: Columbia University Press, 1968. – 397 p.

157. Brzezinski Z.K. The Soviet Bloc: Unity and Conflict. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967. – 599 p.

158. Brzezinski Z.K. and Griffith W.E. Peaceful Engagement in Eastern Europe // Foreign Affairs. – 1961. – July. – Vol. 39. – № 4. – p. 642–654.

159. Brzezinski Z.K. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. – New York: Viking Press, 1970. – 333 p.

160. Burnham J. The Struggle for the World. – New York: The John Day Company Inc., 1947. – 247 p.

161. Byrnes J.F. All in One Lifetime. – New York: Harper and Brothers Publishers, 1958. – 432 p.

162. Burns R.D. Guide to American Foreign Relations since 1700. Santa Barbara, California, Oxford, England: CLIO, Inc, 1983. – 1311 p.

163. Byrnes R.F. The United States and Eastern Europe. – Englewood Cliffs, New York: Prentice Hall, 1967. – 176 p.

164. Byrnes R.F. United States Policy Toward Eastern Europe: Before and After Helsinki // Review of Politics. – 1975. – Vol. 37. – № 4. – P. 435–463.

165. Caldwell L.T., Miller S. East European Integration and European Politics International Journal. – 1977. – Vol. 32. – № 2. – P. 352–385.

166. Campbell J. Successful Negotiation: Trieste, 1954. – Princeton: Princeton University Press, 1976. – 179 p.

167. Campbell J. American Policy Toward Communist Eastern Europe: The Choices Ahead. – Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1965. – 137 p.

168. Campbell J. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. – New York, Evanston: Communist Eastern Europe: Harper and Row Publishers, 1967. – 180 p.

169. Campbell J.F. Foreign Affairs Fudge Factory. – New York, London: Basic Books, Inc. Publishers, 1971. – 292 p.

170. Cautrill A.H. Roll W.C. Hopes and Fears of the American People. – New York: Universe Books, 1971. – 89 p.

171. Chester E.W. Sectionalism Politics and American Diplomacy. – Metuchen, New York: Scarecrow Press, Inc. 1975. – 348 p.

172. Childs J.R. American Foreign Service. – New York: Henry Holt and Company, 1948. – 261 p.

173. Chittick W.O. State Department, Press and Pressure Groups: A Role Analysis. – New York, London, Sydney, Toronto: Wiley – Intersience, A Division of John Wiley and Sons, 1970. – 373 p.

174. Churchill W. The Second World War. – New York: Time Incorporated, 1959. – Vol. 1. – 309 p.; Vol. 2. – 613 p.

175. Churchill W. and Roosevelt F.D. The Complete Correspondence / Edited with commentary by Warren F. Kimball. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984. – 674 p.

176. Churchill W. Closing the Ring. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1957. – 346 p.

177. Clemens D.S. Yalta. – New York: Oxford University Press, 1970. – 355 p.

178. Clifford J.G. President Truman and Peter the Great's Will // Diplomatic History. – 1980. – Fall. – Vol. IV. – № 4. – P. 371–387.

179. Clissold St. Whirlwind. – New York: Philosophical Library. 1949. – 283 p.

180. Clissold St. Yugoslavia and The Soviet Union, 1939–1973: A Documentary Survey. – London: Oxford University Press, 1975. – 420 p.

181. Cockburn A. The Threat. Inside the Soviet Military Machine. – New York: Random House, 1983. – 337 p.

182. Cohen B.C. The Press and Foreign Policy. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1963. – 287 p.

183. Cohen B.C. The Public's Impact on Foreign Policy. – Boston: Little, Brown and Company, 1973. – 222 p.

184. Cohen W., Tucker N.B. Lyndon Johnson Confronts the World. American Foreign Policy (1963–1968). – Melbourne: Cambridge University Press, 1994. – 341 p.

185. Cohen W. Dean Rusk. – Totowa, New Jersey: Cooper Square Publishers, 1980. – 374 p.

186. Conference on Security and Cooperation in Europe. A Foreign Relations Outline // Department of State Bulletin. – 1977. – September. – P. 404–410.

187. Conquest R. Stalin: Breaker of Nations. – New York: Viking Penguin, 1991. – 346 p.

188. Cox M. Ikenberry I., Inogouchi T. American Democracy Promotion: Impulses, Strategies and Impacts. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 600 p.

189. Crabb C.V. The Doctrines of American Foreign Policy. Their Meaning, Role and Future. – Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1982. – 446 p.

190. Crabb C.V. Jr. Policy-makes and Critics. Conflicting Theories of American Foreign Policy. – New York: Praeger Publishers, 1976. – 323 p.

191. Dallek R. The American Style of Foreign Policy. – New York: Alfred A. Knopf, 1983. – 309 p.

192. Dallin D.J. Soviet Foreign Policy after Stalin. – Chicago, New York: J.B. Lippincott Company, 1961. – 543 p.

193. Darling A.B. The Central Intelligence Agency: An Instrument of Government to 1950. – The University Park and London: The Pennsylvania State University Press, 1984. – 509 p.

194. Davis L.E. The Cold War Begins: Soviet – American Conflict over Eastern Europe. – Princeton: Princeton University Press, 1974. – 428 p.

195. Deane J.R. The Strange Alliance. The Story of our Efforts at Cooperation with Russia. – New York: Viking Press, 1947. – 343 p.

196. A Decade of American Foreign Policy: Basic Documents. – Washington D.C.: Department of State, 1950. – 968 p.

197. Dedijer V. Tito Speaks: His Self Portrait and Struggle with Stalin. – London: Weidenfeld and Nocolson, 1953. – 456 p.

198. Dedijer V. The Battle Stalin. Lost. Memoirs of Yugoslavia (1948–1953). – New York: Viking Press. – 341 p.

199. Deibel T.L., Gaddis J.L. Containment: Concept and Policy. – Washington: National Defence University Press, 1985. – 286 p.

200. DeMio L. The Precarious Balance. – New York: Alfred A. Knopf, 1962. – 295 p.

201. De Porte A.W. Europe Between the Superpowers. The Enduring Balance. – New Haven and London: Yale University Press, 1986. – 256 p.

202. Destler I.M., Gelb L.H., Lake A. Our Own Worst Enemy. The Unmaking of American Foreign Policy. – New York: Simon and Shuster, 1984. – 319 p.

203. De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War (1933–1947). – Chicago and London: University of Chicago Press, 1980. – 270 p.

204. Devlin P. Too Proud to Fight. Woodrow Wilson's Neutrality. – New York and London: Oxford University Press, 1975. – 725 p.

205. Diebel T., Gaddis J. Containing the Soviet Union. – Washington D.C., 1987. – 247 p.

206. Diebold W. Trade and Payment in Western Europe. A study in Economic Cooperation (1947–1951). – New York: Council on Foreign Relations by Harper and Brothers, 1952. – 488 p.

207. Divine R.A. Since 1945: Politics and Diplomacy in Recent American History. – New York: John Wiley and Sons Inc. – 249 p.

208. Divine R.A. Foreign Policy and U.S. Presidential Elections (1952–1960). – New York: New Viewpoints: A Division of Franklin Watts, Inc., 1974. – 359 p.

209. Djilas M. The New Class. – New York: Frederick A. Roger, 1957. – 202 p.

210. Djilas M. Tito: The Story from Inside. – New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1980. – 183 p.

211. Djilas M. Conversations with Stalin. – New York: Harcourt, Brace and World, Inc., 1962. – 208 p.

212. Dockrill M. The Cold War (1945–1963). – London: Macmillan Education, 1988. –107 p.

213. Documents of American Foreign Relations / Ed. by Stebbins R.P., Adam E.P. – New York: Harper and Brothers, 1961. – 583 p.

214. Donovan R.J. Eisenhower: The Inside Story. – New York: Harper and Brothers Publishers, 1956. – 423 p.

215. Drashkovitch M.M. United States Aid to Yugoslavia and Poland. Analysis of a Controversy. – Washington D.C.: American Enterprise Institute, 1963. – 123 p.

216. Drashkovitch C.M. Tito, Moscow's Trojan Horse. – Chicago: Henry Regnery Company, 1957. – 356 p.

217. Drew E. Portrait of an Election. The 1980 Presidential Campaign. – New York: Simon and Shuster, 1981. – 459 p.

218. Duggan L. The Americas. The Search for Hemisphere Security. – New York: Henry Holt and Company, 1949. – 242 p.

219. Dumore T. Soviet Politics (1945–1953). – London: The Macmillan Press Ltd, 1984. – 165 p.

220. Dwight David Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA). Dwight David Eisenhower Papers. Pre–Presidential Principal File, Conversations – Memos of 1951–1952.

221. Dwight David Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA). Eisenhower Papers. Papers as President, Ann C. Whitman / Dulles / Herter Series, File: Dulles Prior to Inauguration.

222. Dwight David Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA). Eisenhower Papers. Papers as President, Ann C. Whitman File, Legislative Meetings, File: Legislative Meetings. 1955(3) May – June.

223. Dwight David Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA). Eisenhower Papers. NSC Series File: NSC Meeting.

224. Dwight David Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA). Dulles Papers. General Correspondence. File: C – D (3).

225. Dwight David Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA). John Foster Dulles File: Summaries of Testimonies and Briefings.

226. Dwight David Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA). Eisenhower Papers. Whitman File, Administrative Series File: Dulles Allen.

227. Dwight David Eisenhower Library, Abilene, Kansas (USA). Eisenhower Papers. NSC Series, Policy Papers, Subseries, File: NSC 5805/1, «Policy Toward Yugoslavia».

228. Edwards G.C. Walker W.E. National Security and the U.S. Constitution Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1988. – 340 p.

229. Eisenhower D.D. Mandate for Change (1953–1956). – Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc., 1963.

230. Eisenhower D.D. Crusade in Europe. – New York: Doubleday and Company, Inc. – 557 p.

231. Etzel P.Y. Geopolitics and Foreign Relations // Department of State Bulletin. – 1964. – March. – P. 318–330.

232. Etzold T.H., Gaddis J.L. Containment: Documents on American Policy and Strategy (1945–1950). – New York: Columbia University Press, 1978. – 447 p.

233. Evolution of Foreign Aid (1945–1965). – Washington D.C.: Congressional Quarterly Service, 1966. – 46 p.

234. Feis G. Churchill – Roosevelt – Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. – Princeton: Princeton University Press, 1957. – 702 p.

235. Feis H. From Trust to Terror. The Onset on the Cold War (1945–1950). – New York: W.W.Norton and Company, Inc., 1970. – 428 p.
236. Feis H. Foreign Aid and Foreign Policy. – New York: St. Martin's Press, 1964. – 246 p.
237. Fenrell R.H. The Eisenhower Diaries. – New York, London: W.W.Norton and Company, 1981. – 445 p.
238. Fischer D.H. Historians Fallacies. Toward a Logic of Historical Thought. – New York, Evanston, London: Harper and Row Publishers, 1970. – 338 p.
239. Fischer L. The Soviets in World Affairs. – New York: Vintage Books, 1951. – 661 p.
240. Fleming D.F. The Cold War and its Origins (1917–1960). Vol. II. (1950–1960). – New York: Garden City: Doubleday and Company, Inc. – 1158 p.
241. Fleming D.F. The Cold War and its Origins (1917–1960). Vol. 1. (1917–1950). – New York: Garden City: Doubleday and Company, Inc. – 540 p.
242. Fotich C. The War We Lost. – New York: The Viking Press, 1948. – 278 p.
243. Foy K.D. East – West Relations: Shaping a Stable World // Department of State Bulletin. – 1967. – January. – № 1436. – P. 6–11.
244. Franklin D. Roosevelt Library, Hyde Park, New York (USA). Position Paper, «Reconstruction of Poland and the Balkans: American Interest and Soviet Attitude». January, 1945, Franklin D. Roosevelt Papers. Papers as President (PAP), President's Secretary's File (PSF).
245. Free L.A. Cantril H. The Political Beliefs of Americans. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1967. – 238 p.
246. Freedman L. The Evolution of Nuclear Strategy. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – 567 p.
247. Freeland R.M. The Truman Doctrine and Origins of McCarthyism. – New York: Alfred A. Knopf, 1972. – 419 p.
248. Friedman W.Y., Kalmanoff Y., Meadher R.F. International Financial Aid. – New York, London: Columbia University Press, 1966. – 495 p.
249. Gaddis J.L. Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1982. – 432 p.
250. Gaddis J.L. Was Truman Doctrine a Turning Point? // Foreign Affairs. – 1974. – January. – Vol. 52. – P. 386–402.
251. Gaddis J.L. The Long Peace Inquiries into the History of the Cold War. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1987. – 333 p.
252. Gaddis J.L. The Tragedy of the Cold War History // Diplomatic History, 1993. – Winter. – P. 3–10.
253. Galbraith J.K. Economic Development. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1964. – 109 p.
254. Gardner L.C. Architects of Illusion. Man and Ideas in American Foreign Policy. – Chicago: Quadrangle Books, 1970. – 366 p.
255. Gardner L.C. A Schlesinger A. The Origins of the Cold War. – Toronto: Morgenthau Ginn and Massachusetts Company, 1970. – 122 p.
256. Gardner L.C. Covenant with Power. America and World Order from Wilson to Reagan. – New York, Toronto: Oxford: Oxford University Press, 1984. – 250 p.
257. Garret St. On Dealing with National Communism: The Lessons of Yugoslavia // Western Political Quarterly. – 1973. – March. – Vol. 26. – P. 529–549.

258. Garthoff R.L. Détente and Confrontation. American – Soviet Relations from Nixon to Reagan. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1985. – 1145 p.

259. Gellman B. Contenting With Kennan. Toward a Philosophy of American Power. – Westport, Connecticut: Praeger Publishers Division, 1984. – 172 p.

260. George A.L. Smoke R. Deterrence in American Policy: Theory and Practice. – New York, London: Columbia University Press, 1974. – 666 p.

261. George F. Kennan Papers. Seeley G. Mudd Manuscript Library, Princeton, New Jersey (USA).

262. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 272 p.

263. Gordon L. Eroding Empire. Western Relations with Eastern Europe. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1987. – 358 p.

264. Gormly J.L. The Collapse of Grand Alliance, 1945–1948. Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1987. – 202 p.

265. Graber D.A. Crisis Diplomacy: A History of U.S. Interpretation. – Washington D.C.: Public Affairs Press, 1959. – 402 p.

266. Graber N.A. Cold War Diplomacy: American Foreign Policy. 1945–1975. – New York: D. Van Nostrand Company Regional Offices, 1977. – 249 p.

267. Greene J.R. The Presidency of Gerald R. Ford. – University Press of Kansas: Lawrence, Kansas, 1995. – 247 p.

268. Greenwald J.A. East – West Trade Policy in a Balanced Strategy for Peace // Department of State Bulletin. – 1996. – October. – № 472. – P. 676–680.

269. Gregg R.W. Kegley C.W. After Vietnam. The Future of American Foreign Policy. – Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc., 1971. – 343 p.

270. Griffith W.E. Communism in Europe. Continuity, Change and Sino-Soviet Dispute. – Cambridge, Massachusetts, London: Massachusetts Institute of Technology Press, 1966. – Vol. 1. – 405 p.; Vol. 2. – 439 p.

271. Gyorgy A. Nationalism in Eastern Europe. – McLean, Virginia: Research Analysis Corporation, 1970. – 77 p.

272. Hadley C. Public Opinion (1935–1946). – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1951. – 1189 p.

273. Halle L.Y. The Cold War as History. – New York and Evanston: Harper and Row Publishers, 1967. – 427 p.

274. Halliday F. The Making of the Second Cold War. – Thetford, Norfolk: Thetford Press Ltd., 1983. – 280 p.

275. Halperin E. The Triumphant Heretic. Tito's Struggle Against Stalin. – London: Heinemann, 1958. – 324 p.

276. Hammond T. Witnesses to the Origins of the Cold War. Seattle and London: University of Washington Press, 1982. – 318 p.

277. Hammond T. The Anatomy of Communist Takeovers. – New Haven and London: Yale University Press, 1975. – 656 p.

278. Harbutt F.J. The Iron Curtain. Churchill, America and the Origins of the Cold War. – New York: Oxford University Press, 1986. – 370 p.

279. Hartmann R.T. Palace Politics. An Inside Account of the Ford Years. – New York: McGraw-Hill Book Company, 1980. – 449 p.

280. Hartz L. The Liberal Tradition in America. – New York: Harcourt, Brace and World, Inc., 1955. – 323 p.

281. Heffler M.P. Adherence to Agreements: Yalta and the Experience of Early Cold War // International Security. – 1986. – Summer. – Vol. XI. – P. 88–123.

282. Heilperin M.A. The Trade of Nations. – New York: Alfred A. Knopf, 1952. – 302 p.

283. Herken G. The Winning Weapon. The Atomic Bomb in the Cold War, 1945–1950. – New York: Alfred A. Knopf, 1980. – 423 p.

284. Herring G.C.Jr. Aid to Russia: 1941–1946. Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. – New York and London: Columbia University Press, 1973. – 364 p.

285. Hersch B. The Old Boys. The American Elite and the Origins of the CIA. – New York: Charles Scribner's Sons, 1992. – 535 p.

286. Herz J.H. Political Realism and Political Idealism. – Chicago: The University of Chicago Press, 1951.

287. Heuser B. Western Containment Policies in the Cold War: The Yugoslavia Case (1948–1953). – London: Routledge. – 304 p.

288. Hilsman R. To Move a Nation. The Politics of Foreign Policy in the Administration of John Kennedy. – Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc, 1967. – 602 p.

289. Hogan M.J. The Marshall Plan: America, Britain and the Reconstruction of Western Europe (1947–1952). – Cambridge: Cambridge University Press. – 482 p.

290. Hofman G.W., Neal F.W. Yugoslavia and the New Communism. – New York: 20th cent. Fund, – 1962. – 547 p.

291. Holloway D. The Soviet Union and the Ams Race. – New Haven and London: Yale University Press, 1983. – 211 p.

292. Hoover H. An American Epic. Famine in Forty-Five Nations. The Battle on the Front Line (1914–1923). – Chicago: The Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Henry Regnery Company, 1961. – 590 p.

293. Hoover H. Addresses Upon the American Road. – New York: Charles Scribner's Sons, 1938. – 389 p.

294. Horowitz D. The Free World Colossus. – New York: Hill and Wang, 1965. – 451 p.

295. Horsefield Y.K. The International Monetary Fund (1945–1965). Vol. 1. – Chronicle. Vol. 2. Analysis. Vol. 3. Documents. International Monetary Fund: Washington D.C., 1969. – 548 p. + 619 p. + 663 p.

296. Hovey H. United States Military Assistance. A study of Policies and Practices. – New York, London, Washington D.C.: Frederick A. Praeger Publishers, 1966. – 306 p.

297. Hunt M. Ideology and U.S. Foreign Policy. – New Haven and London: Yale University Press, 1987. – 237 p.

298. Hunter H. Rethinking the Cold War. – Philadelphia: Temple University Press, 1998. – 308 p.

299. Ireland T. Creating the Entangling Alliance. The Origins of the North Atlantic Treaty Organization. – Westport, Connecticut, 1981. – 245 p.

300. Isaacson W., Evan T. The Wise Men. Six Friends and the World They Made: Acheson, Bohlen, Harriman, Kennan, Lovett, McCloy. – New York: Simon and Shuster, 1986. – 852 p.

301. Jacob K.J. The Challenge of Foreign Aid. – New York, Washington, London: Frederick A. Praeger, 1968. – 405 p.

302. James F. Byrnes Papers, Clemson University, Clemson, South Carolina (USA). U.S. Department of State, Policy and Information Statement on Yugoslavia, 30 July 1946.

303. Jimbell J. The Origins of the Marshall Plan. – Stanford, California: Stanford University Press, 1976. – 345 p.

304. Johnson L.B. The Vantage Point. – New York: Holy, Rinehart and Winston, 1971. – 636 p.

305. Jones A.M. Jr. U.S. Foreign Policy in a Changing World. The Nixon Administration, 1969–1973. New York: David McKay Company, Inc., 1973. – 379 p.

306. Jordan A.A. Jr. Foreign Aid and the Defence of Southeast Asia. – New York: Frederick A. Praeger, 1962. – 272 p.

307. Kann R.A. The Multinational Empire. Nationalism and National Reform in Habsburg Monarchy (1848–1918). Vol. 2: Empire Reform. – New York: Columbia University Press, 1950. – 422 p.

308. Kann R.A. A History of Habsburg Empire (1526–1918). – Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1974. – 646 p.

309. Kaplan L.S. The United States and NATO. – Lexington, Kentucky: The University Press of Kentucky, 1984. – 276 p.

310. Kaplan M.A. The Life and Death of the Cold War: Selected Studies in Postwar Statecraft. – Chicago: Nelson Hall, 1976. – 299 p.

311. Kardelj E. Reminiscences: The Struggle for Recognition and Independence. The New Yugoslavia (1944–1957). – Blond and Briggs in Association with Summerfield Press, 1982. – 280 p.

312. Kantzenstein P.J. Between Power and Plenty. Foreign Economic Policies of Advanced Industrial States. – Madison: University of Wisconsin Press, 1977. – 344 p.

313. Kaufman B.I. Traid and Aid. Eisenhower's Foreign Economic Policy (1953–1961). – Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1982. – 279 p.

314. Kecshemeti P. Strategies Surrender. The Politics of Victory and Defeat. – Stanford, California: Stanford, University Press, 1958. – 287 p.

315. Kennan G.F. Memoirs (1925–1950). – Boston: Little, Brown and Company. – 581 p.

316. Kennan G.F. Russia and the West under Lenin and Stalin. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1961. – 409 p.

317. Kennan G.F. The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1947. – 234 p.

318. Kennan G.F. Realities of American Foreign Policy. – Princeton: Princeton University Press, 1954. – 250 p.

319. Kennan G.F. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. – July. – 1947. – P. 566–583.

320. Kennedy J.F. The Burden and Glory. – New York, Evanston, London: Harper and Row Publishers, 1964. – 293 p.

321. Kennedy J.F. The Strategy of Peace. – London, 1975. – 233 p.

322. Kern M., Levering P.W., Levering R.B. The Press, the Presidency and Foreign Policy. – Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1983. – 287 p.

323. Kertesz S.D. The Fate of East Central Europe. – Norte Dame, Indiana: University of Norte Dame Press, 1956. – 463 p.

324. Kertesz S.D. East Central Europe and the World: Development in the Post-Stalin Era. – Norte Dame: University of Norte Dame Press, 1962. – 386 p.

325. Killen L.R. Testing the Peripheries: U. S. – Yugoslav Economic Relations. – New York: Columbia University Press, 1994. – 234 p.

326. Killen L.R. The Soviet Union and the United States: A New Look at the Cold War. – Boston: Twayne Publishers, 1989. – 194 p.

327. Kissinger H. A World Restored. – New York, 1957. – 640 p.

328. Kissinger H. The Necessity for Choice: Prospects of American Foreign Policy. – New York, 1961. – 430 p.

329. Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. – New York, 1957. – 375 p.

330. Kissinger H. Years of Upheaval. – Boston, 1982. – 503 p.

331. Kolko G. Confronting the Third World. United States Foreign Policy, 1945–1980. – New York: Pantheon Books, 1988. – 332 p.

332. Kolko Joyce and Gabriel. The Limits of Power. The World and Inited States Foreign Policy, 1945–1954. – New York, San – Francisco: Harper and Row Publishers, 1972. – 820 p.

333. Kolko L.J. The Fall and Rise of the Pentagon. American Defence Policies in 1970's. – Westport, Connecticut, London, England, 1979. – 192 p.

334. Kosmach El. The Demise of Milosevic. An Outline of Serbian Nationalism // Folio (University of Alberta, Edmonton, Canada). – 2000. – October. – № 4. – Vol. 38. – P. 3–4.

335. Kosmach El. Book Review: Serbs and Russians. By D. Mackenzie. – New York, 1997 // Canadian – Slavonic Papers. – 2001. – № 1. – Vol. 43. – P. 60–65.

336. Kosmach El. Book Review: The Destruction of Serbia in 1915. By C. E. Fryer. – New York, 1997 // Canadian – Slavonic Papers. – 2001. – № 1. – Vol. 43. – P. 70–77.

337. Kosmach El. Book Review: Kosovo: Contending Voices on Balkan Interventions. Ed by W. Buckley. – Cambridge, 2000 // Canadian – Slavonic Papers. – 2001. – № 3 & 4. – Vol. 43. – P. 43–55.

338. Kosmach El. Book Review: Belarusians in the United States. By Vit. Kipel. – New York, 1998 // Canadian – Slavonic Papers. – 2001. – № 3 & 4. – Vol. 43. – P. 35–42.

339. Korbonski A, U. S. Policy in East Europe // Current History. – 1965. – March. – Vol. 48. – P. 129–182.

340. Kovrig B. Myth of Liberation. East – Central Europe in U. S. Diplomacy and Politics since 1941. – Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1973. – 360 p.

341. Krebs R.R. Dueling Visions: U. S. Strategy toward Eastern Europe under Eisenhower. – College Station: Texas A and M University Press, 2001. – 171 p.

342. Lafeber W. America, Russia and the Cold War (1945–1990). – New York: McGraw – Hill, Inc., 1995. – 370 p.

343. Lampe J., Jackson M.R. Balkan Economic History, 1550–1950. – Bloomington: Indiana University Press, 1982. – 728 p.

344. Larson D.W. Origins of Containment. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1985. – 377 p.

345. Lieven A. The Secret Policeman's Ball: The United States, Russia and International Order after 11 September // International Affairs. – 2002. – Vol. 78. – № 2. – P. 247–263.

346. Lauren P.G. Diplomacy. – New York: Collier Macmillan Publishers, 1979. – 284 p.

347. Lefever E.W. Ethics and United States Foreign Policy. – Cleveland and New York: Meridian Books, 1967. – 199 p.

348. Leffler M.P. A Preponderance of Power. National Security under the Truman Administration and the Cold War. – Stanford: Stanford University Press. – 688 p.

349. Lendvai P. Eagles in Cobwebs. Nationalism in the Balkans. – Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc, 1969. – 396 p.

350. Levering R.B. The Public and American Foreign Policy (1918–1978). – New York: William Morrow and Company Inc., 1978. – 192 p.

351. Levering R.B. American Opinion and the Russian Alliance (1939–1945). – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1976.

352. Layne Ch. Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty–Century? // World Policy Journal. – 1998. – Summer. – P. 9–25.

353. Lindsay F. Beacons in the Night. Tito's Partisans in Wartime Yugoslavia. – Stanford, Carolina: Stanford University Press, 1993. – 383 p.

354. Lippman W. Essays in Public Philosophy. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company. – 189 p.

355. Liska G. The New Statecraft. Foreign Aid in American Foreign Policy. – Chicago: The University of Chicago Press, 1960. – 247 p.

356. Litwak R.S. Détente and the Nixon Doctrine. American Foreign Policy and Pursuit of Stability (1969–1976). – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 232 p.

357. Lockhart C. Bargaining in International Conflicts. – New York: Columbia University Press, 1979. – 203 p.

358. London K. Eastern Europe in Transition. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1966. – 363 p.

359. L. Johnson Library, Austin, Texas (USA). National Security Action Memorandum № 212, December 14, 1962 / National Security Action Memorandums. Box 1.

360. L. Johnson Library, Austin, Texas (USA). Special Committee on U.S. Trade Relations with the Soviet Union and Eastern Europe, Country Paper: Yugoslavia March 15, 1965. National Security File / Committee File, Box 16.

361. Lukaszewski J. The United States, the West and the Future of Eastern Europe // Journal of International Affairs. – 1968. – № 1. – Vol. 22. – P. 16–25.

362. Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe. – New York: Henry Regnery Co, 1953. – 420 p.

363. Lundestad G. The American Non – Policy Toward Eastern Europe, 1943–1947. – Oslo: Universitetsforlaget, 1978. – 653 p.

364. Lycacz S. Freedom's War. An American Crusade Against the Soviet Union. – New York: New York University Press, 1999. – 301 p.

365. Lyndom J.B. Making Europe Whole: An Unfinished Task // Department of State Bulletin, N. – 1966. – October. – № 1426. – P. 622–625.

366. Maclean F. Escape to Adventure. – Boston: Little, Brown and Company, 1950. – 419 p.

367. Maclean F. Heretic. – New York: Harper and Brothers, 1957. – 345 p.

368. McCamy J.L. The Administration of American Foreign Affairs. – New York: Alfred A. Knopf, 1950. – 364 p.

369. McCormick T.Y. Something Old, Something New // Diplomatic History. – 1990. – Summer. – P. 425–446.

370. Magdoff H. The Age of Imperialism. The Economics of U. S. Foreign Policy. – New York, London: Monthly Review Press, 1969. – 206 p.

371. Magner F.T. Yugoslavia and Tito: The Long Farewell // Current History. – 1978. – April. – № 436. – P. 154–182.

372. Mark E. Bohlen and the Acceptable Limits of Soviet Hegemony in Eastern Europe: A Memorandum of 18 October // Diplomatic History. – 1979. – February. – Vol. III. – P. 201–213.

373. Marr J.E. The Anatomy of the Foreign Service. A Statistical Profile. – Carnegie Endowment for International Peace, 1965. – 90 p.

374. Markel L. Public Opinion and Foreign Policy. – New York: Harper and Brothers, 1949. – 227 p.

375. Marshal C.B. The Limits of Foreign Policy. – New York: Henry Halt and Company, 1954. – 128 p.

376. Mason E.S. Foreign Aid and Foreign Policy. – New York, Evanston: Harper and Row Publishers, 1964. – 118 p.

377. Mastny V. Russia's Road to the Cold War Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism (1941–1945). – New York: Columbia University Press, 1979. – 409 p.

378. May E.R. American Gold War Strategy: Interpreting NSC 68. – Boston, New York: Bedford Books of St. Martin's, 1993. – 222 p.

379. Maeyrs D. George Kennan and the Dilemmas of U. S. Foreign Policy. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1988. – 402 p.

380. Maeyrs D.A. Cracking the Monolith. U. S. Against the Sino-Soviet Alliance (1949–1955). – Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1986. – 175 p.

381. Maeyrs D.A. Containment and the Primacy of Diplomacy // International Security. – 1986. – Summer. – Vol. 12. – № 1. – P. 126–162.

382. Mazani C. We can Be Friends. – New York: Topical Books Publishers, 1952. – 375 p.

383. McCauley. The Origins of the Cold War, 1941–1949. – London and New York: Longman. – 153 p.

384. McCloy J.I. The Challenge to American Foreign Policy. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1953. – 82 p.

385. Mee C.L. The Marshall Plan. The Launching of the Pax Americana. – New York: Simon and Shuster, 1984. – 301 p.

386. Melanson R.A. Revisionism Subdued? Robert James Maddox and the Origins of the Cold War // Political Science Review. – 1977. – № 7. – P. 229–271.

387. The Memories of Cordell Hull. – Vol. 1. – New York: The Macmillan Company, 1948. – 916 p.

388. The Memories of Cordell Hull. – Vol. 2. – New York: The Macmillan Company, 1948. – 1804 p.

389. Messer R.L. Paths Not Taken: The United States Department of State and Alternatives to Containment, 1945–19465 // Diplomatic History. – 1977 – Fall. – P. 297–320.

390. Mičunovič V. Moscow Diary. – Garden City, New York: Doubleday and Company, Inc, 1980. – 455 p.

391. Mikesell R.F. United States Economic Policy and International Relations. – New York: McGraw-Hill Book Company, 1952. – 338 p.

392. Miller L.H., Pruessen R.W Reflections on the Cold War A Quarter of Century of American Foreign Policy. – Philadelphia: Temple University Press, 1974. – 207 p.

393. Milwrad A.S. The Reconstruction of Western Europe (1945–1951). – Berkeley and Los Angeles, 1984. – 528 p.
394. Misceble W.D. George Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1992. – 417 p.
395. Mitrovich G. Undermining the Kremlin. American's Strategy to Subvert the Soviet Bloc. (1947–1956). – Ithaca and London: Cornell University Press, 2000. – 235 p.
396. Montgomery J.D. The Politics of Foreign Aid. American Experience in Southern Asia. – New York: Frederick A. Praeger, 1962. – 336 p.
397. Morgenthau H.J. In Defence of the National Interest. – New York: Alfred A. Knopf, 1952. – 283 p.
398. Morris R. Uncertain Greatness. – New York, London: Harper and Row Publishers, 1977. – 312 p.
399. National Archives, Washington D.C. (USA). General Records of the Department of State. Central (RG 59) Foreign Policy Files, 1963. Box 3034.
400. National Archives, Washington D.C. (USA). 1999/09/02: CIA – RDP 79.
401. National Archives, Washington D.C. (USA). Nixon Presidential Materials Staff. Box 733.
402. National Archives, Washington D.C. (USA). Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Files. Country Files (Europe).
403. National Archives, Washington D.C. (USA). Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Files. Country Files President's Trip Files. Box 468.
404. National Archives, Washington D.C. (USA). Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Files. VIP Visits. Box 944.
405. National Archives, Washington D.C. (USA). Nixon Presidential Materials Staff. National Security Council Files. Box H–185.
406. National Archives, Washington D.C. (USA), RG 59. American Embassy Belgrade's Files.
407. Nitze P.H. The Evolution of American Strategic Doctrine. – Boulder and London: The John Hopkins University, 1984. – 129 p.
408. Nixon W.L., Kennan G.F. Cold War Iconoclast. – New York: Columbia University Press, 1989. – 381 p.
409. Nove A. Stalinism and After. – London: George Allen and Unwin Ltd. – New York: Crane Russak and Company Inc., 1975. – 205 p.
410. Nye J.S. The Making of America's Soviet Policy. – New Haven and London: Yale University Press, 1984. – 368 p.
411. Osgood R. Limited War: The Challenge to American Strategy. – Chicago: The University of Chicago Press, 1957. – 307 p.
412. Osgood R. Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations. – Chicago: The University of Chicago Press, 1955. – 491 p.
413. Ovendale R. The English-Speaking Alliance. Britain, the USA. The Dominions and the Cold War (1945–1951). – London: George Allen and Unwin, 1985. – 309 p.
414. Patherson T.Y. On Every Front: The Making of the Cold War. – New York: W.W.Norton and Company, 1978. – 210 p.
415. Patrick S. More Power to You: Strategic Restraint, Democracy Promotion and American Primacy // International Studies Review. – 2002. – Spring. – P. 122–145.
416. Pavlowitch S.K. Yugoslavia. – New York, Washington: Praeger Publishers, 1971. – 398 p.

417. Pearson R. The Rise and Fall of the Soviet Empire. – New York: Palgrave, 2002. – 209 p.
418. Pemberton W.E Fair Dealer and Cold Warrior. – Boston: Twayne Publishers, 1989. – 255 p.
419. Petrovitch M. United States Policy in East Europe // Current History. – 1967. – № 308. – Vol. 52. – P. 199–243.
420. Phyllis A. Tito. Biography. – New York: McGraw-Hill Book Company, 1970. – 344 p.
421. Plischke E. Conduct of American Diplomacy. – Toronto, New York, London: D. Van Nostradsm Company Inc., 1950. – 542 p.
422. Pollard R.A. Economic Security and the Origins of the Cold War (1945–1950). – New York: Columbia University Press, 1985. – 375 p.
423. Potichnuj P.J., Shapiro J.P. From the Cold War to Détente. – New York, Washington, London: Praeger Publishers, 1974. – 223 p.
424. Potter D.M. People of Plenty. Economic Abundance and the American Character. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1954. – 217 p.
425. Prados J. The Soviet Estimate. U. S. Intelligence Analysis and Russian Military Strength. – New York: The Dial Press, 1982. – 365 p.
426. Prazmowska A. Eastern Europe and Origins of the Second World War. Basingstoke. – London: Macmillan Press, 2000. – 278 p.
427. President Ford Attends Conference on Security and Cooperation in Europe; Visits Federal Republic of Yugoslavia and Eastern Europe // Department of State Bulletin. – 1975. – September 1. – P. 289–370.
428. President Nixon's Foreign Policy Report to the Congress on Febr. 18, 1970 // Department of State Bulletin. – 1976. – March 9. – P. 325–326.
429. Pribechevich S. Yugoslavia's Way. – New York: All Nations Press, 1958. – 262 p.
430. Price H.B. Marshall Plan and Its Meaning. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1955. – 421 p.
431. Pruessen R.W. John Foster Dulles. The Road to Power. – New York, London: The Free Press. A Division of Macmillan Publishing Co.: Collier Macmillan Publishers, 1982. – 566 p.
432. Public Papers of the Presidents of the United States. Jimmy Carter 1977. – Washington: United States Printing Office, 1978.
Book I: January 20 to June 24, 1977. – 1164 p.
Book II: June 25 to December 31, 1977. – 2223 p.
433. Public Papers of the Presidents of the United States. Gerald R. Ford. August 9 to December 31, 1974. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President. – Washington: United States Government Printing Office, 1975. – 941 p.
434. Public Papers of the Presidents of the United States. Gerald R. Ford. January 1 to July 17, 1975. – Washington: United States Government Printing Office, 1977. – 1004 p.
435. Public Papers of the Presidents of the United States. John Kennedy. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President. – Washington: United States Government Printing Office Jan. 1 to December 31, 1962. – 1155 p.
436. Public Papers of the Presidents of the United States. Lyndon B. Johnson 1963–1964: In two Books.

Book I: November 22, 1963 to June 30. 1964. – Washington: United States Government Printing Office, 1965. – 838 p.
Book II: 1694 p.
437. Public Papers of the Presidents of the United States. Lyndon B. Johnson 1967: In two Books.
Book I: January 1 to June 30. 1967. – Washington: United States Government Printing Office, 1968. – 669 p.
438. Public Papers of the Presidents of the United States. Lyndon B. Johnson 1968–1969: In two Books.
Book I: January 1 to June 30. 1968. – Washington: United States Government Printing Office, 1970. – 761 p.
439. Public Papers of the Presidents of the United States. Harry Truman. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President. January 1 to December 31. 1950. – Washington: United States Government Printing Office, 1965. – 866 p.
440. Rabel R.Y. Between East and West: Trieste, the United States and the Cold War (1941–1954). – Durham and London: Duke University Press, 1988. – 222 p.
441. Rachwald A.R. United States Policy in Eastern Europe // Current History. – 1978. – April. – № 436. – P. 150–153, 185.
442. Ranlagh J. The Agency. The Rise and Decline of the CIA. – New York: Simon and Shuster, 1986. – 847 p.
443. Reichley A.J. Conservatives in an Age of Change. The Nixon and Ford Administrations. – Washington: The Brookings Institution, 1981. – 482 p.
444. Remigton R.A. Yugoslavia and European Security // Orbis. – 1973. – Spring. – Vol. 17. – P. 197–227.
445. Reiss A. Molotov Remembers. Inside Kremlin Politics. – Chicago: Ivan R Dec, 1993. – 435 p.
446. Richter J.K. Khrushchev's Double Bind. International Pressure and Domestic Coalition Politics. – Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1994. – 264 p.
447. Ridley J. Tito. – London: Constable, 1994.
448. Roberts H.L. Eastern Europe: Politics Revolution and Diplomacy. – New York: Alfred A. Knopf, 1970. – 324 p.
449. Rositzke H. The CIA's Secret Operations. Espionage, Counterespionage, and Cover action. – New York: Rider's Digest Press, 1977. – 286 p.
450. Rostow W.W. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. – New York: Harper and Brothers Publishers, 1960. – 568 p.
451. Rubinstein A.Z. Yugoslavia and the North-Aligned World. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1970. – 354 p.
452. Rusk D. Selections from the Speeches and Statements of Secretary of State, 1961. – Aug. 1962. – Boston: The Winds of Freedom, Beacon Press, 1963. – 777 p.
453. Rush K. U.S. Policy Toward Eastern Europe. Affirmative Steps // State Bulletin. – 1973. – April 30. – Vol. 68. – P. 533–538.
454. Russet B.M., Stepan A. Military Force and American Society. – New York, Evanston San Francisco, London: Harper and Row Publishers, 1973. – 369 p.
455. Saunders C. Eastern Europe in Crisis and the Way Out. – Vienna: The Vienna Institute For Comparative Studies, 1955. – 525 p.

456. Schilling W.R., Hammond P.J., Snyder G.H. Strategy, Politics and Defence Budgets. – New York, London: Columbia University Press, 1966. – 498 p.

457. Schlesinger A.M Jr. Human Rights and the American Tradition // Foreign Affairs. – 1978. – February. – Vol. 57. – P. 504–526.

458. Schlesinger A.M Jr. The Cycles of American History. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1966. – 498 p.

459. Schlesinger A.A. Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. – Boston, Cambridge: Houghton Mifflin Company, the Riverside, 1965. – 1087 p.

460. Schnabel J.F. The Joint Chiefs of Staff and National Policy, 1945–1947. – Washington D.C.: Office of Joint History. Office of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff, 1966. – 210 p.

461. Scwartz M. The Failed Symbiosis: USSR and Leftist Regimes in Less Developed Countries. – Los Angeles: California Press, 1973. – 44 p.

462. Scweizer P. Victory: The Reagan's Administration's Secret Strategy. That Hastened the Collapse of the Soviet Union. – New York: The Atlantic Monthly Press, 1994. – 284 p.

463. Seaborg Y.T. Kennedy, Khrushchev and the Test Ban. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1981. – 315 p.

464. Secretary Rusk. Adress. Why We Threat Different Communist Countries Differently // Department of State Bulletin. – 1964. – March. – № 1290. – P. 390–396.

465. Secretary Discusses Administration's Objectives for Belgrade. Review Conference on CSCE. Statement by Secretary Vance // Department of State Bulletin. – 1977. – June 27. – P. 669–670.

466. Serbaty S. The Media and Foreign Policy. – New York: St. Martin's Press, 1990. – 249 p.

467. Sherry M.S. Preparing for the Next War. – New Haven and London: Yale University Press, 1977. – 260 p.

468. Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate Story. – New York: Harper and Brothers, 1948. – 948 p.

469. Shulman M.D. Stalin's Foreign Policy Reappraised. – New York: Atheneum, 1969. – 320 p.

470. Silberman L. Titoism and Beyond // Wilson Queterly. – 1978. – February. – Vol. 2 – P. 96–102.

471. Silberman L. Yugoslavia's "Old" Communism: Europe's Fiddler on the Roof // Foreign Policy. – 1977. – № 26. – P. 3–27.

472. Siracusa J.M., Barclay G.St.J. The Impact of the Cold War. Reconsiderations. – Port Washington, New York, London: National University Publishers, 1977. – 207 p.

473. Siracusa J.M. New Left Diplomatic and Historians: The American Revisionists. – New York, London: National University Publishers, 1973.

474. Small M., Singer D. Resort to Arms. International and Civil Wars (1816–1980). – Beverly Hills, London, New Delhi: Sage Publications, 1982. – 372 p.

475. Smith G. Morality, Reason and Power. American Diplomacy in the Carter Years. – New York: Hill and Wang, 1986. – 295 p.

476. Smith M.J. Realist Thought from Weber to Kissinger. – Louisiana State University Publishers, 1986. – 252 p.

477. Smith P.H. The Secret History of America's First Central Intelligence Agency. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1972. – 458 p.

478. Smith T. The Pattern of Imperialism. The United States, Grate Britain and the Late-Industrializing World Since 1815. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 308 p.

479. The «Sonnenfeld Doctrine». Hearings before Subcommittee on International Security and Scientific Affairs of the Committee on International Relations. House of Representatives. 94th Congress. Second Session. April 12, 1976. – Washington D.C.: U. S. Government Printing Office, 1976. – 49 p.

480. The Soviet – Yugoslavia Controversy, 1948–1958: A Documentary Record / Edited by R. Bass and E. Marbury. – New York: Prospect Books, 1959. – 225 p.

481. Spanier J.W. Analyzing International Politics. – New York, Chicago: Holt, Rinehart, Winston, 1979. – 585 p.

482. Spanier J.W. American Foreign Policy Since World War II. – New York: Frederick A. Praeger, 1961. – 234 p.

483. Spapley D. Promise and Power. The Life and Times of Robert McNamara. – Boston, Toronto, London: Little, Brown and Co., 1993. – 732 p.

484. Stares P.B. The Militarization of Space U. S. Policy (1945–1984). – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1985. – 334 p.

485. The State Department Policy. Planning Staff Papers. – New York and London: Garland Publishing, Inc. – 1983. – Vol. 1. – 176 p.; Vol. 2. – 529 p.; Vol. 3. – 209 p.

486. Steel R. Walter Lippmann and the American Century. – Toronto, Boston: An Atlantic Monthly Press Book. Little, Brown and Company, 1980. – 669 p.

487. Stettinius E.R. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. – Garden City, New York: Doubleday and Company, 1949. – 367 p.

488. Stillman E. Pfaff W. The New Politics. America and the End of the Postwar World. – New York: Coward McCann, Inc., 1961. – 191 p.

489. Strausz – Hupe R. Power and Community. – New York: Frederick A. Praeger, 1956. – 134 p.

490. Strong R. Working in the World. Jimmy Carter and the Making of American Foreign Policy. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2000. – 291 p.

491. Stueck W. The Wiedemeyer Misson. American Foreign Policy During the Cold War. – Athens: The University of Georgia Press, 1984. – 177 p.

492. Sulzberger C.L. What's Wrong with U. S. Foreign Policy. – New York: Harcourt Brace and Company, 1959. – 255 p.

493. Talbott S. Deadly Gambits: The Reagan Administration and the Stalemate in Nuclear Arms Control. – New York: Alfred A. Knopf, 1984. – 372 p.

494. Tannahill R.N. The Communist Parties of Western Europe. – Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1978. – 221 p.

495. Tasovac I. American Foreign Policy and Yugoslavia (1939–1941). – College Station: Twxas A and M University Press. – 244 p.

496. Theoharis A.J. The Yalta Myths: an issue in U.S. Politics (1945–1955). – Columbia, Missouri: University of Missouri Press, 1970. – 262 p.

497. Thompson W.J. Khrushchev: A Political Life. – New York: St. Martin's Press, 1995. – 341 p.

498. Tomasevich Y. War and Revolution in Yugoslavia (1941–1945). – Stanford, California: Stanford University Press, 1975. – 508 p.

499. Truman H.S. The Man from Independence. – New York, Westport, Connecticut, London, 1986. – 425 p.

500. Truman Library, Independence, Missouri (USA). Richard C. Patterson Papers, File: Belgrade Correspondence.

501. Truman Library, Independence, Missouri (USA). Harry S. Truman Papers. Naval Aide Files / State Department Briefs, File: State Department Briefs, January – May 1946.

502. Truman Library, Independence, Missouri (USA). Truman Papers. Naval Aide Files / War Department Intelligence Review.

503. Truman Library, Independence, Missouri (USA). Truman Papers. NSC – CIA File: Special Evaluations. CIA Special Evaluation № 21, «Implications of the New Communist Information Bureau», 13 October, 1947.

504. Truman Library, Independence, Missouri (USA). Truman Papers. Intelligence File, CIA Reports 48–57, File: CIA Reports 1948.

505. Truman Library, Independence, Missouri (USA). Truman Papers. NSC Meetings 28–37 (2 December 1948 – 7 April 1949), File: Memos for the President, 1949.

506. Truman Library, Independence, Missouri (USA). Dean Acheson Papers, File: Memoranda of Conversations, January– February 1948.

507. Tucker R.W. Nation or Empire: The Debate over American Foreign Policy. – Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1968. – 160 p.

508. Ulam A.B. Titoism and Cominform. – Cambridge: Harvard University Press, 1952.

509. The United States in World Affairs (1945–1947) / By J. Campbell. – New York and London: Council on Foreign Relations by Harper and Brothers, 1947. – 585 p.

510. U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States, 1944. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1976. – Vol. IV. – 2004 p.

511. U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States: The Conference at Malta and Yalta, 1945. – Washington D.C., U.S. Government Printing Office, 1955. – 1050 p.

512. U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States, 1949. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1976. – Vol. V. – 2050 p.

513. U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States, 1946. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1977. – Vol. VI. – 1380 p.

514. U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States, 1947. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1976. – Vol. IV. – 1900 p.

515. U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States, 1950. – Washington D.C.: U.S. Government Printing Office, 1977. – Vol. IV. – 1900 p.

516. U.S. Yugoslav Economic Council Archives in National Archives Washington D.C. (USA). U.S. Yugoslav Economic Council, Business News. – 1982. – № 8. – Vol. VII.

517. U.S. Congress, House of Representatives, Committee on Foreign Affairs, Yugoslav Emergency Relief Assistance Act of 1950, Hearings before the Committee on Foreign Affairs of the House of Representatives, 81st Congress, Second Sess. – Washington D.C.: Government Printing Office, 1950. – 102 p.

518. University of Virginia Library, Charlottesville (USA), Sttetinius Papers, Box 224.

519. United States National Security VIS – A – VIS Eastern Europe («The Sonnenfeld Doctrine»). Hearings Before the Subcommittee on International Security and Scientific Affairs of the Committee on International Relations House of Representatives. – 94 Congress, Second Session, April 12, 1976. – Washington D.C.: U. S. Government Printing Office, 1976. – 67 p.

520. UNRRA. The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration Prepared by a Special Staff the Direction of George Woodbridge, chief Historian of UNRRA. In Three Volumes. – New York: Columbia Press, 1950. – Vol. 1. – 518 p.; Vol. 2. – 600 p.; Vol. 3. – 520 p.

521. Vucinich A.H. At the Brink of War and Peace: The Tito – Stalin Split a Historic Perspective. – New York: Brooklyn College Press, 1982. – 341 p.

522. Vandenberg A.H., Morris J.A. The Private Papers of Senator Vandenberg. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1952. – 599 p.

523. McVicer C. Titoism. Pattern for International Communism. – New York, London: St. Martin's Press, Macmillan and Company Ltd., 1957. – 333 p.

524. Walker J.S. Henry A Wallace and Foreign Policy. – Westport, Connecticut, London, England: Greenwood Press, 1976. – 224 p.

525. Walton R.J. Henry Wallace, Harry Truman and the Cold War. – New York: The Viking Press, 1976. – 388 p.

526. Walton R.J. Cold War and Counterrevolution. The Foreign Policy of John F. Kennedy. – New York: The Viking Press, 1972. – 249 p.

527. Warner N.F. Titoism in Flux // Current History. – 1963. – May. – P. 295–309.

528. Wells S.F. Jr. Sounding the-Tocsin: NSC 68 and the Soviet Threat // International Security, 4. – 1979. – Fall. – P. 116–158.

529. Westwood A.F. Foreign Aid in A Foreign Policy Framework. – The Brookings Institution, 1966. – 115 p.

530. Wheeler–Bennet J. Nichols A. The Political Settlement After the Second World War. – St. Martin's Press, Macmillan, 1972. – 878 p.

531. White L. Balkan Caesar. – New York, 1954. – 545 p.

532. Whitfield S.J. The Culture of the Cold War. – Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1991. – 259 p.

533. Wilcox F.O. Recent American Foreign Policy: Basic Documents (1941–1951). – New York: Appleton – Century – Grofts, Inc., 1952. – 927 p.

534. Wilkins M. The Maturing of Multinational Enterprise: American Business Abroad from 1914 to 1970. – Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1975. – 590 p.

535. Williams. The Contours of American History. – New York, London: Norton, 1988. – 513 p.

536. Williams. Empire as a Way of Life: An Essay on the causes a character of America's present predicament along with a few thoughts about an alternative. – New York: Oxford University Press, 1980. – 226 p.

537. Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. – New York: Dell Publishing Co., Inc., 1962. – 309 p.

538. Wilson D. Tito's Yugoslavia. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 269 p.

539. The Winds of Freedom. Selections from the Speeches and Statements of Secretary State Dean Rusk, January 1961 – August 1962. – Boston: Beacon Press, 1963. – 363 p.

540. Winters S.B., Held J. Intellectual and Social Development in the Habsburg Empire. From Maria Teresia to World War II. – New York and London: Columbia University Press. – 304 p.

541. Wittner L.S. American Intervention in Greece (1943–1949). – New York: Columbia University Press, 1982. – 445 p.

542. Wolfe T.W. Soviet Power and Europe (1945–1970). – Baltimore and London: The John Hopkins Press, 1970. – 532 p.

543. Wolff R.L. The Balkans in Our Time. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1956. – 618 p.

544. Woods R.B. A Changing of the Guard: Anglo-American Relations (1941–1946). – Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1990. – 473 p.

545. Woods R.B., Jones H. Dawning of the Cold War: The United States Quest for Order. – Athens and London: The University of Georgia Press, 1991. – 335 p.

546. Yennings I. Cabinet Government. – Cambridge: Cambridge University Press, 1951. – 577 p.

547. Yergin D. Shattered Peace. The Origins of the Cold Wall and the National Security State. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1977. – 522 p.

548. Yost C. The Insecurity of Nations. – New York, Washington, London: Frederick A. Praeger Publishers, 1968. – 276 p.

549. Yost C. The Instruments of American Foreign Policy // Foreign Affairs. – 1971. – October. – Vol. 50. – P. 67–79.

550. Yugoslavia and the Soviet Union, 1939–1973. A Documentary Survey / Ed. by S. Clissold. – London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1975. – 318 p.

551. Zaninovich G. The Development of Socialist Yugoslavia. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1982. – 182 p.

552. Zimmerman W. Soviet Perspectives in International Relations. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1969. – 336 p.

553. Петрановић Б. Yугославија на размеђу (1945–1950). – Подгорица, 1998. – 430 с.

554. Bekič D. Yugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikita silama. – Zagreb, 1988. – 463 c.

555. Chronology of the Yugoslav crisis (1942–1993). – Beograd, 1994. – 376 c.

556. Dedujep B. Yосип Броз Тито. Прилози за биографију. – Београд, 1953. – 445 с.

557. Dilas M. Vlast i pobuna. – Beograd, 1984. – 823 c.

558. Документи о издајству Драже Михајловиha – Београд, 1945. – 442 с.

559. Idem. Изгублена битка У. В. Сталина-Сарајево, 1960. – 650 с.

560. Idem. Novi prilozi za biografiju Yosipa Broza Tita. – Rijeka; Zagreb, 1980–1981. – T. 1–2. – 550 c.; Београд, 1984. – T.3. – 445 c.

561. Mates L. Međunarodni odnosi socijalističke Yugoslavije. – Beograd, 1976. – 800 c.

562. Obradovič M. «Narodna demokratija» u Yugoslaviji (1945–1952). – Beograd, 1952. – 456 c.

563. Petranovič B., Štrbac Č. Nesvrstanost. Osnovi jedne doctrine međunarodne politike. – Beograd, 1973. – 430 c.

564. Petranovič B., Štrbac Č., Stoijanovič S. Yugoslavija u međunarodnom radničkom pokretu. – Beograd, 1973. – 730 c.

565. Plenča D. Medunarodni odnosi Yugoslaivije u toku drugog svetskog rata. – Beograd, 1962. – 375 c.

566. Savezni zavod za statističku. Statističku godišnjak SFRY (Statistical Yearbook of Yugoslavia). – Belgrade, 1954. – 850 c.

567. Savezni zavod za statističku, Yugoslavia, 1945–1964. – Belgrade, 1965. – 920 c.

568. Federal Statistical Office. Yugoslavia, 1945–1989. – Belgrade, 1989. – 1050 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Табл. П.1.1.

Доля США в югославском экспорте и импорте: 1947–1961 года (в млн. долларов)[1].

Годы	Югославский экспорт в США	В % к общему объему югославского экспорта	Югославский импорт из США	В % к общему объему югославского импорта	Доля с/х продукции и % к общему объему югославского импорта из США
1947	3,5	1	7	4	—
1948	8	2,6	11	3,4	—
1949	17	8,4	31	10,3	—
1950	21,5	13,5	49	20,6	—
1951	27	14,6	146,6	23	—
1952	36	14,7	72	19,3	—
1953	26	14,0	136	34,4	53,2
1954	23	9,5	95	27,9	55,5
1955	28	10,8	144	32,7	64,9
1956	27	8,5	129	27,3	66,6
1957	33,4	8,5	174	26,3	68,3
1958	33	7,5	134	19,6	66,4
1959	31	6,5	140	20,4	68,7
1960	39	6,8	88,5	10,7	30,2
1961	37	6,4	181	19,9	42,8

[1] Savezni zavod za statističku. Statističku godišnjak SFRJ (Statistical Yearbook of Yugoslavia). Belgrade, 1954, 1959, 1960, 1965.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В 1955 году администрация Эйзенхауэра поставила Югославии продовольствия на сумму 47,5 миллионов долларов по закону № 480, часть 1 и на сумму 62 млн. долларов согласно другим статьям закона. Весь объем помощи Югославии со стороны США в рассматриваемый период представлении в нижеследующей таблице[1].

Табл. П.2.1.

Помощь США Югославии продажи и прямые гранты (в млн. долларов)

Годы	Продажа за динары	Продажа за доллары	Гранты	Займы	Другие экономические гранты	Всего
1952	—	—	24,8	—	81,2	106,0
1953	—	—	2	—	122,4	122,6
1954	—	—	1,1	—	66,5	67,6
1955	47,5	—	61,9	—	43,7	153,1
1956	68,4	—	8,7	15,0	14,8	106,9
1957	84,1	—	32,8	13,5	1,5	131,9
1958	65,2	—	28,8	8,0	3,7	105,7
1959	85,4	—	27,9	59,2	4,2	176,7
1960	17,3	—	14,2	40,8	4,1	76,4
1961	26,9	—	14,1	52,7	3,8	97,5
1962	82,4	16,3	15,1	—	2,0	115,8
1963	81,5	16,0	14,3	—	.1	111,9
1964	14,6	44,4	13,4	—	—	72,4
1965	—	82,9	4,7	—	—	87,6
1966	—	131,3	4,6	—	—	135,9
1967	—	—	2,3	—	—	2,3
1968	—	—	.1	—	—	.1
Всего:	573,3	290,9	269,0*	189,2**	348,00	1.670.4

Как видно из таблицы администрации президентов США Кеннеди и Джонсона продолжали оказывать помощь Югославии под разными условиями. В частности, объем продаж США Югославии за динары составил в 1961–1964 годах 205 млн. долларов.

Продажи за доллары балканской стране были начаты в 1962 году и достигли объема в 77 млн. долларов в 1962–1964 годах и затем возросли до 83 млн. в 1965 году и 131 млн. долларов в 1966 году, который явился последним годом продаж подобного рода.

[1] Savezni zavod za statistiku, Yugoslavija, 1945–1964. – Belgrade, 1965. – P. 20–205.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Нижеследующая таблица представляет информацию об объеме помощи Югославии США. Следует заметить, что, примерно ¾ всего объема в 2,5 млрд. долларов в грантах, военной, так же как экономической помощи предоставленной Югославии на протяжении всего периода 1945–1968 годов пришлось на десятилетие с 1954 по 1964 года.

Табл. П.3.1.

Гранты и займы США Югославии. 1946–1984 года (финансовые года, миллионы долларов)[1].

Программы	ЮНРРА 1946–1948	План Маршалла 1949–1952	Акт о взаимной безопасности 1953–1961	Закон о зарубежной помощи 1962–1984	Все займы и гранты 1946–1988
1. Экономическая помощь Всего:	298,1	186,8	1,038,4	536,4	1,734,1
Гранты	298,1	186,8	616,7	91,9	1,188,5
Займы	—	—	421,7	444,5	545,6
a) Помощь и Predecessor Grants Loans (дополн. помощь)	—	124,4	453,9	12,5	544,5
Гранты	—	124,4	264,7	12,1	396,3
Займы	—	—	189,2	0,4	148,2
b) Помощь продовольствием (закон № 480)	—	24,8	584,5	523,9	853,9
Гранты	—	24,8	352,0	79,8	456,5
Займы	—	—	232,5	444,1	397,4
Статья I Всего:	—	—	394,8	469,4	585,0
Оплата в долларах	—	—	—	290,9	347,2
Оплата в валюте государства	—	—	394,8	178,5	237,8
Статья II Всего:	—	24,8	189,7	54,5	268,9
c) Другая экономическая помощь	298,1	37,6	—	—	335,7

[1] Agency for International Development. U. S. Overseas Loans and Grants. Obligations and Loan Authorizations, July 1, 1945 – September 30, 1988. (CONYR – 0105, P. 173).

Продолжение табл. П.3.1.

Займы	—	—	—	—	—
Гранты	298,1	37,6	—	—	335,7
Другие	298,1	37,6	—	—	335,7
II Военная помощь Всего:	—	310,0	411,5	1,8	723,4
Займы	—	—	—	1,4	1,4
Гранты	—	310,0	411,5	0,4	722,0
III Всего экономическая и военная	298,1	496,8	1,449,9	538,2	2,457,5
Займы	—	—	421,7	445,9	547,0
Гранты	298,1	496,8	1,028,2	92,3	1,910,5
Другие	—	55,0	49,7	1,162,0	1,240,7
Займы США Эксим-банк (займы)	—	55,0	49,7	947,9	1,052,9
Все другие	—	—	—	187,1	187,8